РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. И. РОГОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

А. И. РОГОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

(Стрыйковский и его Хроника)

Ответственный редактор

академик
М. Н. ТИХОМИРОВ

1-6-3
198-66

Портрет М. Стрыйковского

С гравюры из первого издания Хроники (Кенигсберг, 1582)

Светлой памяти
моего учителя
Михаила Николаевича
Тихомирова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории русско-польских культурных связей одной из самых ярких страниц являются связи по линии историографии. Может быть, ни в какой другой отрасли культуры с такой полнотой не отразилась взаимность этих контактов. С одной стороны, польскую историографию эпохи Возрождения (XV—XVI вв.) невозможно сколько-нибудь обстоятельно изучить, не учтя самое широкое использование ею русских и белорусско-литовских летописных материалов. Польский историк XV в. Ян Длугош оценивал русские источники как то, без чего немыслимо создать историю Польши. Поэтому, уже убеленный сединами, он изучал русский язык. Польские хронисты XVI в., в значительной мере черпавшие фактический материал у Длугоша, воспроизводили и его русские известия. Не ограничиваясь этим, они восполняли Длугоша новыми русскими материалами. Такой интерес польских историков к русским источникам был вызван не только тем, что они являлись одновременно и важными источниками по истории Польши. Большую роль в зарождении и развитии этого интереса несомненно играло желание польских хронистов воссоздать историю родной страны в неразрывной связи с историей ее восточных соседей, столь связанных с нею историческими судьбами. Вот почему во многих польских хрониках XV—XVI вв., начиная с хроники Длугоша, польские известия нередко просто чередуются с русскими.

С другой стороны, русская и украинская историография XVI—XVII вв. (чем далее в рамках этого периода, тем все более) проявляет самый живейший интерес к польской историографии. Не принимая во внимание памятников польской историографии эпохи Возрождения,

нельзя понять многих явлений в русской историографии XVI—XVII вв. Как и для Польши, для России исторические памятники соседней страны были и ценным источником по отечественной истории, тем более что польские хронисты широко использовали русские материалы, и в то же время являлись средством лучшего познания соседней страны, в постоянном общении с которой находилась Россия.

Если, как это уже говорилось, в истории русско-польских культурных связей историографические связи двух народов — одно из наиболее значительных явлений, то и Хронику Мачея Стрыйковского по праву можно назвать самым значительным и характерным проявлением таких взаимосвязей.

Труд Стрыйковского явился в известной мере итогом развития польской историографии XVI в. Учтя все ее достижения, использовав накопленный богатейший фактический материал, Стрыйковский жадно искал новых и новых источников и даже новых вариантов уже имевшихся у него памятников. Эти особые, по сравнению с предшествовавшими хрониками, материалы Стрыйковского в основном были русского, белорусского или украинского происхождения. Но выделить их из общего колоссального количества источников Стрыйковского, оценить степень оригинальности и характер известий можно, только рассмотрев одно за другим каждое известие Хроники. В настоящей книге так и сделано в отношении известий Стрыйковского по истории России и Великого княжества Литовского. Только после такого анализа и как вывод из него рассматриваются более общие вопросы о русских, белорусских, украинских и литовских источниках Хроники. Другой аспект книги составляет вопрос о бытовании Хроники в России XVII в., переводах ее на русский язык и использовании Хроники в русских и украинских исторических сочинениях XVII в.

Указанные разделы книги предваряются историографическим обзором, посвященным изучению Хроники русскими и польскими историками, а также краткой биографией Стрыйковского, которая поможет лучше понять его исторические и общественно-политические воззрения, отразившиеся в выдающемся памятнике польской историографии эпохи Возрождения, каким является «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси».

Глава I

ХРОНИКА СТРЫЙКОВСКОГО В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Интерес к Хронике Стрыйковского в русской историографии зародился очень давно. Если не говорить о широком использовании труда Стрыйковского просто как важнейшего исторического источника в украинских и русских исторических сочинениях XVII в., то среди первых историков, критически подошедших к нему, следует назвать замечательного русского историка XVII в. А. И. Лызлова. Широко используя сведения Хроники в своей «Скифской истории» (1692 г.), Лызлов, однако, старается сопоставить их с данными других источников, отмечает некоторые хронологические ошибки Стрыйковского [1].

Столь же важным источником Хроника была и для А. И. Манкиева при его работе над «Ядром российской истории» (завершена в 1715 г.). У Стрыйковского Манкиев заимствует не только факты и ссылки на третьих авторов, но и оценки некоторых исторических деятелей, например Ивана III [2]. Следуя за Стрыйковским, Манкиев охотно описывает исторические достопримечательности, дает родословные материалы. Однако в целом ряде случаев Манкиев полемизирует со Стрыйковским. Он не согласен, например, с мнением Стрыйковского, что присоединение Новгорода к Москве является «отнятием» его у Великого княжества Литовского, не соглашается с

---

[1] См. подробнее: Е. В. Чистякова. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. ТОДРЛ, т. XIX. М.— Л., 1963, стр. 353—355.

[2] Ср. M. Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi (далее: Stryjkowski), t. II. Warszawa, 1846, стр. 323; А. П. Манкиев. Ядро российской истории. М., 1770, стр. 180—181.

тем, что битва под Оршей была поражением русских войск, и безусловно предпочитает хронологию русских летописей во многом неточной в отношении русской истории хронологии Стрыйковского.

Высоко ценил Стрыйковского В. Н. Татищев. «Правда, что сей так трудолюбивый каноник немалой похвалы за его собрание достоин, что в сей книге его находим»,— писал выдающийся русский историк начала XVIII в.[3] Труд Стрыйковского был важен для Татищева прежде всего своими оригинальными известиями, как он писал, «обстоятельствами», по сравнению с доступными Татищеву русскими летописями. Татищев совершенно определенно отдавал предпочтение Стрыйковскому перед всеми остальными польскими историками за объективность его сведений о России. Стрыйковский, по мнению Татищева, «основательно русскую историю описал и Кромера во многих местах исправнее, наипаче, что он полякам не миня, правду показал»[4]. Для Татищева Стрыйковский являлся большим авторитетом в отношении метода использования исторического материала: показательно, что, сравнивая между собой русские летописи, используя в качестве источника народные песни, Татищев ссылался на Стрыйковского. При всем этом Татищев не утрачивал и критического отношения к отдельным известиям Стрыйковского. Он считал, например, рассказ Стрыйковского о Палемоне «басней» и обосновывал это[5]. Неоднократно упрекает Татищев Стрыйковского в хронологических неточностях и несообразностях, отмечая, что он и «в годах много грешит тем, что часто два или три дела разных времен в одно слагает». Не осталась не замеченной Татищевым и такая черта труда Стрыйковского, как восхваление Польши и Литвы, впрочем, и это подчеркивал В. Н. Татищев, без умаления Руси.

Постоянный интерес к Хронике Стрыйковского проявлял великий русский ученый М. В. Ломоносов, начиная со времени его обучения в Славяно-греко-латинской академии и кончая последними днями жизни. Как и Татищева, Ломоносова особенно привлекает сравнение

---

[3] В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.— Л., 1961, стр. 312.

[4] Там же, стр. 16.

[5] Там же, стр. 229.

Стрыйковским различных летописей с целью выявления противоречий в них и их объяснения. Отметил также М. В. Ломоносов и введение Стрыйковским в историческое повествование рассказа автора, где содержится материал его собственных наблюдений «нравов и обычаев» различных народов, описание городов, мест сражений[6].

Довольно часто к Хронике Стрыйковского, как к историческому источнику, прибегает в своей «Истории Российской» М. М. Щербатов. Он сам пишет об этом в предисловии к своему труду: «Я на Матфея Стриковского часто имел случай ссылаться, коего я имею перевод»[7] (другие польские историки Щербатову не были доступны по незнанию им языка). Стрыйковский для Щербатова — «достойный вероятия писатель»[8], сведения которого он приводит наряду с данными русских летописей даже и в случае их разноречия, обычно «не опровергая повести польского летописателя»[9]. Щербатов старается в подобных случаях найти какое-то объяснение особому известию польского хрониста. Так, если Щербатову и представляется сомнительным известие Стрыйковского об уплате Новгородом и Псковом дани Литве, то он толкует его в том смысле, что эти города только обещали платить такую дань, хотя в действительности и не платили[10]. Прямо полемизирует Щербатов со Стрыйковским очень редко. Это касается таких известий Хроники, как рассказ о кафинском походе Мономаха[11], московском походе Ольгерда[12], датировка гибели Гедимина[13] и немного другого. Не случайно особенно развернутую полемику со Стрыйковским мы находим у Щербатова именно в связи с двумя первыми указанными известиями: в них так или иначе затрагивается престиж Руси, будь то происхождение царских регалий или насмешки по отношению к Дмитрию Донскому. Вспом-

[6] Подробнее об отношении М. В. Ломоносова к Стрыйковскому см. в статье: Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов и польские историки. Сб. «Русская литература XVIII в. и славянские литературы». М.— Л., 1963, стр. 140—157.

[7] М. Щербатов. История Российская, т. I. СПб., 1770, стр. VI.

[8] М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. II. СПб., 1783, стр. 119.

[9] Там же, стр. 436.

[10] Там же, стр. 119.

[11] М. Щербатов. Указ. соч., т. II. СПб., 1771, стр. 113—114.

[12] М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. I. СПб., 1781, стр. 38—42.

[13] М. Щербатов. Указ. соч., т. III. СПб., 1774, стр. 381.

ним, что возражения Манкиева Стрыйковскому принципиально имели тот же характер.

Оппонент М. М. Щербатова — И. Н. Болтин в своих «Критических примечаниях» на его труд, разбирая одну за другой главы первых двух томов «Истории Российской», многократно останавливается на вопросе о достоверности Хроники — одного из важнейших источников Щербатова. Болтин присоединяется к мнению Татищева о том, что у Стрыйковского, как и вообще у польских историков, содержатся «такие деяния», каких в «Несторовой летописи» нет [14]. «Обстоятельным» называет Болтин описание Стрыйковским языческих обычаев пруссов и литовцев и считает необходимым дать об этом большую (на 8 страниц) выписку из Хроники [15]. Болтин отмечает многие неточности и несообразности Хроники, особенно критически относясь к ее хронологии и передаче в ней русских имен и географических сведений. Стрыйковский, по мнению Болтина, «часто там ставит города, где их не бывало, и такие имена им дает, каковых и не слыхивано» [16]. Причины неточностей, имеющихся в Хронике, Болтин видел в неисправном списке летописи, которым располагал Стрыйковский [17], а также и в том, что он, из всех польских историков «скромнейший, принужден был повторять сплетенные предшественниками его небылицы». Как положительную сторону Стрыйковского Болтин отмечает, что он, «чувствуя сам сказуемого ими (т. е. своими предшественниками.— *А. Р.*) недостаточность, дает читателю знать, что русские летописи о том не пишут» [18].

Широко пользовался Хроникой Стрыйковского в древнерусском переводе Н. М. Карамзин, но в целом недооценивал ее. Несмотря на бесчисленные ссылки Стрыйковского на русские и литовские летописи, Карамзин почему-то исключал летописи из числа источников Хроники. «Стрыйковский,— писал он,— брал известия свои о древней России из Длугоша, Кромера и Гер-

---

[14] И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 14.

[15] Там же, стр. 263—271.

[16] Там же, стр. 242.

[17] Там же, стр. 312.

[18] Там же, стр. 318; И. Н. Болтин. Критические замечания на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794, стр. 28.

берштейна»[19]. В то же время многочисленные известия Стрыйковского, заимствованные у этих историков, Карамзин использовал как оригинальные, не обращаясь непосредственно к Длугошу, Кромеру и Меховскому (см., например, многие известия о Витовте)[20].

Первой попыткой специального критического разбора Хроники явилась статья известного польского писателя Ю. Крашевского, помещенная в виде приложения к его книге «Wilno od początku jego do roku 1750» (Wilno, 1840—1842). Статья эта в русском переводе Павла Броневского была опубликована в журнале «Финский вестник» за 1847 г. (тома XVIII и XIX). Крашевский рассматривает только ту часть сочинения Стрыйковского, где идет речь о ранней, легендарной истории Литвы. Не отличая написанного самим Стрыйковским от взятого им из литовских летописей, неизвестных Крашевскому, автор относит все неточности и искажения Хроники к небрежности и беспомощности самого Стрыйковского. «Стрыйковский смешал истину с баснями, присовокупил ко всему хронологию своего собственного изобретения, перепутал и переиначил события и приправил все это уродливейшими предположениями также собственного изобретения. В наше время почти невозможно отделить в его хронике истину от вымысла»,— такова оценка Хроники Стрыйковского Крашевским[21].

С иной позиции подошел к Хронике Стрыйковского И. Данилович. В своей статье «О литовских летописях» известный исследователь и публикатор белорусско-литовских («западнорусских») летописей, сопоставляя эти летописи с Хроникой Стрыйковского, пришел к выводу, что, поскольку многие известия Стрыйковского совпадают с данными этих летописей, следует в большей мере доверять ему. Возражая Крашевскому, Данилович писал: «Перестанем скорбеть о том, что он (т. е. Стрыйковский.— *А. Р.*) не помог нам выбраться из лабиринта противоречий литовской истории, не будем издеваться над почтенным каноником, полагая, что он оказал бы бо́льшую услугу истории напечатанием одной какой-ни-

---

[19] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I. СПб., 1842, прим. 431, стр. 118.

[20] Там же, т. V, прим., стр. 8, 38, 62, 66, 133 и др.

[21] Ю. Крашевский. О Стрыйковском и его хронике. «Финский вестник», 1847, т. XVIII, разд. II, стр. 18.

будь отборной летописи, нежели помещением в своем собрании разнородных сведений»[22].

В 1846 г. статья Даниловича с некоторыми дополнениями была напечатана на польском языке в виде приложения к публикации Хроники Стрыйковского. Там же была напечатана «Wiadomość o życiu i pismach Macieja Stryjkowskiego» («Сведения о жизни и сочинениях Матвея Стрыйковского»), составленная М. Малиновским. В этой статье сообщены ценные биографические данные, построенные почти исключительно на автобиографических замечаниях самого Стрыйковского, рассеянных по его сочинениям. Малиновский составил также полную библиографию всех трудов Стрыйковского, как достоверных, так и спорных, и даже перечень тех сочинений, которые были только задуманы Стрыйковским.

Важной вехой в источниковедческом изучении Хроники Стрыйковского явилось исследование И. А. Тихомирова «О составе так называемых литовских летописей», опубликованное в «Журнале министерства народного просвещения» в 1901 г. (март и май). В нем дается сводка известий Хроники, взятых Стрыйковским, по мнению Тихомирова, из литовских летописей. Тихомиров считал, что «Стрыйковский пользовался разными редакциями литовских летописей, иногда более полными, чем мы имеем, но не разными летописями с отличным составом от известных нам сводов»[23]. В целом ряде своих наблюдений и выводов труд И. А. Тихомирова в настоящее время устарел. Многое из того, что исследователю представлялось восходящим к каким-то неизвестным источникам или просто отмечалось как не находящее соответствия в опубликованных источниках, теперь может быть возведено к совершенно определенным источникам. В особенности это относится к опубликованным уже после выхода в свет труда И. А. Тихомирова спискам белорусско-литовских летописей, подобных летописцу по Евреиновскому списку.

И. А. Тихомиров, к сожалению, мало исследовал связь между трудом Стрыйковского и сочинениями его предшественников — польских хронистов, писавших о Литве и Белоруссии. Вследствие этого исследователь

[22] ЖМНП, 1840, ноябрь, отд. II, стр. 114.
[23] ЖМНП, 1901, май, отд. II, стр. 89.

иногда относит к неизвестным источникам те известия Стрыйковского, которые содержатся в хрониках Длугоша и Кромера (например, рассказ о поражении, нанесенном в 1501 г. Ших-Ахматом крымскому хану Менгли-Гирею) [24].

Об использовании Стрыйковским литовских летописей писал также и польский историк И. Якубовский [25]. Как положительную сторону Хроники Стрыйковского Якубовский отмечал, что ее автор «черпал полными ладонями из литовских летописей, выписывая почти дословно целые разделы» [26]. В этой полноте использования литовских летописей Стрыйковским и популярности его сочинения, вполне удовлетворявшего вместе с трудом польского историка XVII в. Кояловича «потребность литовцев иметь собственную историю», автор и видит причину забвения самих литовских летописей [27].

Якубовский воздерживался от определения летописцев Стрыйковского, полагая, что «нельзя с точностью определить, где у Стрыйковского кончается литовский летописец и начинается другой источник» [28]. Значительно большее внимание, чем И. А. Тихомиров, Якубовский уделил другим польским хронистам — предшественникам Стрыйковского [29].

Начиная с 20-х годов текущего столетия, можно отметить новый аспект интереса историков и литературоведов к труду Стрыйковского. Теперь его рассматривают не как исторический источник, а как произведение польской исторической мысли эпохи Возрождения, с такими характерными для нее чертами, как интерес к античности и к гуманистическим идеям. Известия Стрыйковского о Греции и Турции и степень его осведомленности в античной литературе подробно рассматриваются Т. Синко в его книге «Польские путешественники в Грецию и Трою», вышедшей в свет в 1925 г. «Кто прочитает упоминания классиков, хотя бы только в самом посвящении к первой книге,— пишет Синко,— должен будет

---

[24] Там же, стр. 114.

[25] J. Jakubowski. Kroniki Litewskie. «Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie». Wilno, 1909.

[26] Там же, стр. 68.

[27] Там же, стр. 70.

[28] Там же, стр. 68.

[29] Там же, стр. 69.

задуматься над обширностью начитанности в классике этого доморощенного гуманиста, истинного пожирателя книг и в то же время их творца»[30].

Взгляды Стрыйковского на историю и ее задачи, передовые для своего времени, оцениваются в труде известного польского литературоведа Ю. Кжижановского «Псевдоисторический роман в Польше XVI в.»[31] В своем обобщающем труде «История польской литературы от средневековья до XIX в.» Кжижановский отмечал «поистине романтическое» отношение Стрыйковского к прошлому, сильное ощущение и умелое выражение его. Сам труд Стрыйковского, по словам Кжижановского, является итогом удивительного трудолюбия[32].

Особое место, занимаемое Стрыйковским в польской историографии периода Возрождения, отмечается в статьях сборника «Возрождение в Польше. История науки». Генрик Барыч называет Стрыйковского «первым из польских востоковедов», подчеркивает исключительную широту его интересов[33]. Станислав Гербст особо выделяет интерес Стрыйковского к историческим памятникам, которые являлись для хрониста важными источниками[34].

В истории изучения Хроники Стрыйковского можно отметить еще одну сторону — интерес к ней как к памятнику, отразившему идеи славянского единства. Этот вопрос особенно полно рассмотрен в трудах И. Перфольфа, Т. Улевича и А. Н. Робинсона.

И. Первольф посвятил этому вопросу второй том своего обширного труда «Славяне. Их взаимные отношения и связи» — тема «Славянская идея в литературе до XVIII в.». Как отличительную особенность труда Стрыйковского среди сочинений других польских хронистов Первольф отмечал ее «до известной степени» общесла-

---

[30] T. Sinko. Polscy podróżnicy w Grecji i Troi. Kraków, 1925, стр. 11.

[31] J. Krzyżanowski. Roman pseudohistoryczny w Polsce wieku XVI. Kraków, 1926, стр. 40.

[32] J. Krzyżanowski. Historia literatury polskiej od średniowiecza do XIX w. Warszawa, 1953, стр. 171—172; 2-е изд.— Warszawa, 1964, стр. 162—163.

[33] H. Barycz. Rozwój nauki w Polsce w dobie Odrodzenia. «Odrodzenie w Polsce. Historia nauki», t. II, cz. 1. Warszawa, 1956, стр. 99.

[34] S. Herbst. Początki historycznego widzenia rzeczywistości. Там же, стр. 377.

вянский характер. «Обладая большой начитанностью и любознательностью и в то же время живой фантазиею, Стрыйковский усердно взялся за перо и, руководимый искреннею приязнию к народам славянским, стал трудиться над разъяснением начала славянских русских народов»,— пишет Первольф[35]. И хотя Стрыйковский, «зная разные мнения о начале славян, предпочитает библейские сказания» и подчас некритически пользуется источниками, по мнению исследователя, «его хронику надо считать одним из самых замечательных исторических и литературных трудов того времени»[36].

Т. Улевич, посвятивший специальный труд развитию в Польше так называемой сарматской теории происхождения славян, значительное внимание уделяет отражению этой теории в Хронике Стрыйковского[37]. Улевич отмечает, что Стрыйковский привлек для своих исследований многочисленные русские и литовские летописные источники. Полагая, что вандалиты и сарматы являются предками славян и литовцев, Стрыйковский, по словам Улевича, открывает перед читателем широкие, но фантастические перспективы[38]. Стрыйковский выводит славян с берегов Черного моря[39].

К V Международному конгрессу славистов вышла книга А. Н. Робинсона «Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский». Автор рассматривает многие очень важные вопросы, связанные с особенностями славянской историографии XV—XVIII вв. При этом значительное внимание уделено польской историографии указанного периода. А. Н. Робинсон совершенно правильно отмечает ненаучность пренебрежительного отношения историографии XIX в. к историографии XVI—XVII вв., когда в последней усматривались главным образом баснословия и выдумки. Между тем, уяснив политическую направленность той или иной, пусть и фантастической теории, рассмотрев ее с точки зрения свойственных тому времени приемов исторического

[35] Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 121—122.

[36] Там же, стр. 125.

[37] T. Ulewicz. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.

[38] Там же, стр. 120.

[39] Там же, стр. 187.

повествования как определенный шаг в развитии историографии, мы получаем гораздо более интересные результаты. А. Н. Робинсон показал это на примере разбора известной легенды о происхождении славян от Мосоха, условно названной им «Мосох — Москва». Именно в связи с развитием указанной теории автор и обратился к Хронике Стрыйковского, в которой она получила свое наиболее полное развитие. При этом большое значение имеет тот факт, что А. Н. Робинсон рассмотрел построения Стрыйковского как одно из характернейших проявлений историографии данной эпохи.

Важной чертой историографии XV—XVIII вв. являлось ее стремление опираться в большей мере на народные предания. Историк же видел свою основную цель в подтверждении этого предания «при помощи подбора авторитетных для современников источников»[40]. Так поступил и Стрыйковский, собравший и обобщивший свидетельства огромного количества авторов, пусть и механически сведя их данные. Стрыйковский, как пишет Робинсон, поставил теорию «Мосох — Москва» в основу сарматской теории «под давлением впечатления от великого Московского государства»[41] и тем оказал огромную, хотя и невольную услугу «расцветающей во второй половине XVII в. историографии Украины и Московского государства»[42]. Этим своим наблюдением А. Н. Робинсон затронул важный вопрос о влиянии Стрыйковского на украинскую и русскую историографию XVII в., влиянии, которое обычно констатировалось (да и то только в отношении заимствования фактов), но не объяснялось историками.

В польской историографии самого последнего времени также можно отметить изменение отношения к легендарным рассказам в сочинении Стрыйковского. Мария Захара-Вавжиньчик в своей статье «Развитие легенды о римском происхождении литовцев» рассматривает легенду о Палемоне и его потомках в Хронике Стрыйковского и в сочинениях его предшественников прежде всего как публицистический памятник, направленный к прославлению особой знатности и древности литовских кня-

[40] А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, стр. 63.
[41] Там же, стр. 105.
[42] Там же, стр. 107.

зей. В связи с этим автор особенно обстоятельно останавливается на вопросе об отношениях Стрыйковского с сепаратистски настроенными литовскими магнатскими кругами, а также с одним из зачинателей изучения литовской истории Августином Ротундусом. Особой заслугой Стрыйковского М. Вавжиньчик считает включение им истории Литвы в общую историю европейских государств, пусть и путем введения им легенды о происхождении литовцев «в целое здание сказок, касающихся начала европейских государств»[43].

Очерк историографии Хроники Стрыйковского был бы неполным, если не отметить также и некоторое, хотя и очень незначительное, внимание филологов к переводам его Хроники на русский язык, осуществленным в XVII в. Вопрос о древнерусских переводах Хроники Стрыйковского рассматривается в исключительном по своей полноте и точности труде А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» (СПб., 1903, стр. 79—80). А. И. Соболевским был указан целый ряд списков переводов и установлены две основные редакции полного перевода памятника. А. И. Соболевский предполагал, что существует и западнорусский перевод Хроники, который он видел в рукописи Публичной библиотеки (шифр — F.IV. 688).

Небольшая библиографическая заметка об этой рукописи была помещена С. Пташицким в «Новом сборнике трудов по славяноведению, составленном и изданном учениками В. И. Ламанского» (СПб., 1905). В недавнее время к этой же рукописи как к переводу труда Стрыйковского обратился А. Журавский в статье «Заметки о польских заимствованиях в языке белорусской письменности XVI и XVII вв.» («Uwagi o pożyczkach polskich w języku pismieństwa białoruskiego XVI i XVII wieku»), помещенной в журнале «Slavia orientalis» (rocznik X. Warszawa, 1961). Выводы этих двух авторов представляются, однако, спорными, так как рукопись, которую имеют в виду исследователи, не перевод, а переработка Хроники Стрыйковского, включенная в состав так называемой летописи Леонтия Боболинского.

---

[43] M. Zachara-Wawrzyńczyk. Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu litwinów. «Zeszyty Historyczne. Uniwersytet Warszawski», t. III. Warszawa, 1963, стр. 33.

На вопросе о знакомстве русских историков XVII—XIX вв. с Хроникой Стрыйковского останавливается в своей статье «Польские хронисты в летописании и старой русской историографии» Ф. Селицкий. Статья Ф. Селицкого в основном является обзором литературы по этому вопросу. Особое внимание Ф. Селицкий уделяет широкому использованию Хроники в трудах русских историков XVIII в. Ф. Селицкий справедливо видит причины популярности труда Стрыйковского в России в том, что он уделил большое внимание русской истории, связав с ней в большей мере, чем его польские предшественники, историю Польши. В результате Стрыйковский «стал для России одним из главных источников знания о польской культуре и науке» [44].

В советской исторической науке Хроника Стрыйковского практически не рассматривалась, если не считать самых общих замечаний о ней, имеющихся в некоторых трудах. В I томе «Истории Польши» Хронике Стрыйковского дается высокая оценка. Она выдвигается на первое место среди памятников польской историографии XVI в. «Написанная прозой и стихами, «Хроника» Стрыйковского содержит богатейший исторический, географический и бытовой материал»,— такова характеристика труда Стрыйковского в «Истории Польши» [45].

Краткая оценка труда Стрыйковского дается в I томе «Очерков по истории исторической науки в СССР» в параграфе, посвященном историографии Литвы (написан покойным И. З. Ионинасом). Как недостаток труда Стрыйковского в «Очерках» отмечается отсутствие в нем сведений по истории государственного строя, социально-экономических отношений и культуры Литвы [46]. С этим замечанием полностью нельзя согласиться: Хроника содержит немало сведений по архитектуре, живописи Литвы и Белоруссии, включает в свой состав или пересказывает памятники фольклора. Что же касается других указанных автором недостатков Хроники, то их скорее следует расценивать как недостатки, свойствен-

[44] F. Sielicki. Kronikarze Polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. «Slavia orientalis», rocz. XIV, N 2. Warszawa, 1965, стр. 170.

[45] История Польши, т. I. М., 1954, стр. 240.

[46] Очерки по истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, стр. 125.

ные всем польским хроникам того времени. Впрочем, И. З. Ионинас, несмотря на все слабые стороны Хроники, признает ее «важным трудом по истории Литвы».

Подводя итоги историографии Хроники Стрыйковского, можно отметить, что если в XVII—XVIII вв. труд Стрыйковского в целом очень высоко оценивался как исторический источник, то в XIX в. большинство историков относилось к Хронике пренебрежительно, считая, что она наполнена чуть ли не сплошными баснословиями и выдумками (Карамзин, Крашевский и др.). Впоследствии, однако, по мере открытия и изучения белорусско-литовских летописей, историческая наука стала убеждаться в добросовестной передаче Стрыйковским своих источников (И. Данилович, И. Тихомиров). В результате этого изменилась и оценка самого труда. Правда, недоверие к Стрыйковскому было не сразу изжито в польской историографии. Достаточно сказать, что крупный польский историк К. Стадницкий в серии своих трудов, посвященных сыновьям Гедимина, практически игнорирует Стрыйковского и предпочитает брать его же известия не непосредственно, а через хронику Кояловича, построенную почти полностью на труде Стрыйковского [47].

Если литовские известия Хроники рассматривались так или иначе в историографии, то русским известиям Хроники практически не было уделено никакого внимания, а о собственно русских ее источниках вопрос не поднимался вообще.

В последнее время в польской исторической и филологической литературе Хронике Стрыйковского все более уделяется внимание как одному из выдающихся произведений эпохи польского Возрождения, а также замечательному памятнику славянского единства.

---

[47] K. Stadnicki. Olgerd i Kejstut, synowie Gedymina w. xięcia Litwy. Lwów, 1870; он же. Lubart xiąże Wolyński. Lwów, 1853, дополнения.

Глава II

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СТРЫЙКОВСКОГО

О жизни и трудах М. Стрыйковского мы знаем довольно много, но за разные периоды жизни сведения эти чрезвычайно неравномерны. И это в значительной мере зависит от самого Стрыйковского, поскольку нашим источником по восстановлению событий его биографии являются чуть ли не исключительно его собственные сочинения: Хроника, в которую вкраплены многочисленные автобиографические воспоминания, и приложенная к ней автобиография хрониста под названием «Мачей Стрыйковский Осостевичиус сам о себе и приключениях своих при посещении различных стран мира»[1]. Единственным добавлением к ним могут служить матрикулы Краковского университета за 60-е годы XVI в.[2], до сих пор опубликованные лишь в извлечениях, но исключительно важные, так как именно эти годы не нашли решительно никакого отражения на страницах сочинений Стрыйковского.

Мачей Станислав[3] Стрыйковский родился в 1547 г. в местечке Стрыков, неподалеку от города Равы, расположенного в Мазовии. Свою фамилию Стрыйковский производил от названия этого местечка. Хронист происходил из обедневшей дворянской семьи: по мужской линии — из рода Осостов, почему и называл себя Осостовичем, а по женской — из более знатного рода

[1] Более подробно сводку биографических данных по сочинениям Стрыйковского см. в указанном выше труде Малиновского (см. стр. 12).

[2] Хранятся в Отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове.

[3] О том, что Стрыйковский имел и второе имя — Станислав, мы узнаем из матрикул Краковского университета, где под 1567 г. имеется запись: «Mathias Stanislai de Strykoff» (см. Album studiosorum Universitatis Cracoviensis, t. III, fasciculus I. Cracoviae, 1896, стр. 67).

Лелива. Его предком по матери был воевода Мазовецкий Христин, сыгравший видную роль в битве при Завихвосте в 1205 г. Об этом Стрыйковский с гордостью вспоминает в своей Хронике, в рассказе об этой битве[4]. В 1554 г. семилетним мальчиком Стрыйковский был отдан в ближайшую школу в Бжезинах Людзских. В рифмованной автобиографии Стрыйковский называет эту школу своей «Падуей и Болоньей». Бжезинская школа была средним учебным заведением, по-видимому, одной из тех грамматических школ, которых немало было в Польше в то время. Однако ее ученики получали, надо думать, неплохую подготовку. Достаточно сказать, что за 1560—1564 гг. в университете обучалось четыре выпускника этой школы[5]. Стрыйковский, по-видимому, имел все основания называть свою школу местом, которое «издавна выпускает ученых сынов»[6].

У нас нет сведений о том, чему выучился Стрыйковский в Бжезинской школе и когда он ее окончил.

Документы польских школ этого времени сохранились в очень небольшом количестве, да и то в большинстве случаев от протестантских школ[7], какой Бжезинская школа не была. Но нам хорошо известно, что именно в 50-е годы XVI в. происходит коренная перестройка польской средней школы. В школах все более начинают проявлять интерес к наследию античных авторов и прежде всего Цицерона[8]. Срок обучения в разных школах был неодинаков: от 3 до 10 лет[9]. Во всяком случае ясно, что школу Стрыйковский окончил где-то до 1564 г., так как имеющиеся в нашем распоряжении документы говорят о том, что в 1564 г. он уже значился среди бакалавров, т. е. студентов, окончивших первый цикл обучения славного Краковского университета. Стрыйковский занимается в этом году изучением грамматики Биликана и системы Птоломея[10]. Следующая запись о Стрыйковском

[4] M. Stryjkowski. Kronika Polska Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846, стр. 213.

[5] См. Album studiosorum..., t. III, f. I, стр. 37, 53, 57 и 60.

[6] Stryjkowski, t. I, стр. XIV.

[7] Stanisław Tync. Szkolnictwo i wychowanie w Polsce XVI w. «Kultura staropolska». Kraków, 1932, стр. 334.

[8] Там же, стр. 337.

[9] Там же, стр. 335.

[10] Ягеллонская библиотека, Отдел рукописей, BJ 232 (E. E. II. 8), л. 1b.

в университетских книгах относится только к 1567 и 1568 гг. Чем вызван столь значительный — в 3 года — перерыв в записях о Стрыйковском? Естественно, что это можно было бы объяснить неполнотой дошедшего документального материала. Однако в самой Хронике имеется прямое указание, хотя и сделанное мимоходом, о том, что в 1565 г. Стрыйковский приехал в Литву. Описывая места, где происходила битва 1294 г. между литовским князем Витенем и польским князем Казимиром Ленчицким, Стрыйковский замечает на полях книги: «Мое собственное изучение этого, когда был еще мальчиком, едучи первый раз в Литву в 1565 г.» [11] Но что побудило Стрыйковского покинуть университет и отправиться в Великое княжество Литовское, которое в это время стало основной ареной ожесточенных военных действий Ливонской войны? 26 января 1564 г. произошла битва на реке Уле (близ Полоцка), 2 июля 1564 г.— битва под Оршей, а в ноябре того же года — под крепостью Озерище. Весьма вероятно, что Стрыйковский и отправился в Литву, чтобы принять участие в военных действиях. Однако о том, как протекала военная служба Стрыйковского, мы ничего не знаем.

В 1567 г. или несколько раньше Стрыйковский возвращается в университет. Его имя значится по второму классу в «Распорядке бакалавров на публичном диспуте» университета, который происходил в 1567 г. в одну из суббот [12]. В документе имеется отметка о том, что Стрыйковский действительно участвовал в этом диспуте (discussui). В следующем, 1568 г. «Матиас» Стрыйковский вновь выступает на диспуте там же по второму классу [13], а в 1569 г.— уже по первому [14]. В это время Стрыйковский изучает систему Птоломея [15], т. е., по-видимому, занимается изучением строения земли и географией. После 1569 г. Стрыйковский навсегда оставляет университет, очевидно, закончив курс образования. Стрыйковский вышел из университета с превосходным знанием латинского языка и античной литературы. Это становится очевидным при самом беглом знакомстве

---

[11] Stryjkowski, t. I, стр. 339.
[12] BJ 232, л. 8 b.
[13] Там же, л. 10.
[14] Там же, л. 11 b.
[15] Там же, л. 10 b.

Anno Domini 1569 [illegible]
[illegible] in Decanatu [illegible]
[illegible] M. Stanislai [illegible]
secundo, Baccalaurei artium
liberaliu[m], ordine infrascripto a
[illegible] publicas [illegible]
[illegible] et [illegible]

Prima Classis

Mathias Stryjkonius [illegible]
Venceslaus [illegible]
Joannes [illegible] [illegible]
Paulus [illegible] [illegible]
Valentinus [illegible] Tarnoviensis [illegible]
Joannes Zdrassowsky
Adamus Borowski [illegible]
Valentinus [illegible] [illegible]

Classis secunda

Petrus Pilznensis [illegible]
Albertus Grocholsky [illegible]
Jacobus Samolnik [illegible]
Sebastianus Przeworscensis
Sebastianus Bielsky
Stephanus [illegible] [illegible]
Michael [illegible]
Jacobus [illegible]

Матрикулы студентов Краковского университета за 1569 г. с упоминанием М. Стрыйковского

с Хроникой, особенно ее первыми тремя книгами, посвященными древнейшей истории и переполненными цитатами из Овидия, Геродота, Диодора Сицилийского, Саллюстия, Страбона, Ливия, Птоломея. Предисловие к Хронике, написанное на латинском языке, очень сложно и изысканно по форме. Стрыйковский владел также немецким языком, знал инженерное искусство[16]. Последнее обстоятельство, вероятно, и сыграло решающую роль в том, что Стрыйковский вновь (?) возвращается к военной службе в Литве и Белоруссии, где он уже побывал в 1565—1566 гг.

По-видимому, уже тогда у Стрыйковского зародилась не только любовь к воинскому делу, которому он предпочел ученую деятельность в университете, но и жгучий интерес к загадочной и неведомой истории того края, который ему довелось посетить в юности. Уже в это время у Стрыйковского мог возникнуть замысел создания или, как он писал впоследствии в пространном заглавии своей Хроники, «выведения на свет» истории Литвы и Руси. Возможно, что, еще находясь в университете, Стрыйковский обдумывал эту работу. Во всяком случае знаменательно, что сразу же по приезде в Белоруссию, уже в 1570 г., Стрыйковский приступает к работе и в 1573 г. завершает свой первый опыт на эту тему — «Описание Сарматии Европейской». С другой стороны, объясняя отъезд Стрыйковского в Великое княжество Литовское, нельзя не принять во внимание, что создать задуманный им труд Стрыйковский не мог бы вдали от тех русских и литовских летописцев, об использовании которых в этом своем труде пишет сам хронист. Начальник Витебского гарнизона итальянец из Вероны Александр Гваньини, под началом которого служил Стрыйковский, заинтересовался его трудом, попросил его рукопись для ознакомления и, присвоив себе, опубликовал в Кракове в 1578 г. под заглавием «Alexandri Guagnini, Veronensis, Sarmatiae Europeae Descriptio». «Со знакомой мне лживостью приписал себе, хотя каждый без труда узнает, что ворона пыжится в павлиньих перьях»,— писал об этом Стрыйковский[17].

---

[16] M. Wiszniewski. Historia literatury Polskiej, t. VII. Kraków, 1845, стр. 473.
[17] Stryjkowski, t. I, стр. 316.

Вопрос о том, было ли сочинение Гваньини действительно плагиатом, вызвал внимание к себе в исторической литературе. Польский исследователь Т. Улевич пришел к выводу, что сочинение Гваньини почти наверное плагиат со Стрыйковского. Впрочем, в то же время Улевич оговаривается, что из-за гибели рукописи «Описание Сарматии», принадлежавшей Стрыйковскому, окончательно «мы не можем выяснить этот вопрос» [18].

Более решительно по данному вопросу высказывается И. Н. Голенищев-Кутузов. Он даже расценивает труд Гваньини просто как латинский перевод сочинения Стрыйковского, а в свою очередь перевод труда Гваньини на итальянский язык — как итальянский перевод Хроники Стрыйковского [19]. Е. В. Чистякова, также исследуя польские источники «Скифской истории» Лызлова, недавно обратила внимание на разноречия Хроники Стрыйковского и труда Гваньини, полагая, что они «заставляют настороженно отнестись» к обвинению Гваньини в плагиате [20].

С обоими этими замечаниями, однако, трудно согласиться. Дело в том, что для разрешения данного вопроса нельзя сравнивать и тем более, как это делает И. Н. Голенищев-Кутузов, приравнивать Хронику Стрыйковского к труду Гваньини. Ведь Гваньини украл у Стрыйковского не рукопись Хроники или отдельных ее частей, а особое самостоятельное произведение, которое, если учесть пропажу у Стрыйковского самой рукописи, не могло не отличаться от Хроники. Как далее будет показано, сам Стрыйковский на страницах Хроники не раз пишет, что по тому или иному вопросу он ранее придерживался иной точки зрения, имел другие источники, неправильно трактовавшие описанные им события. Таким образом, по-видимому, наиболее приемлемым является мнение Улевича, предостерегающего от окончательных суждений о том сочинении, текстом которого мы собственно и не располагаем.

После неудачи с «Описанием Сарматии» Стрыйковский не оставляет своих исторических трудов. В 1574 г.

---

[18] T. Ulewicz. Sarmacja..., стр. 115.

[19] И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, стр. 315.

[20] Е. В. Чистякова. «Скифская история» А. И. Лызлова..., стр. 355.

в Кракове им была выпущена книга в стихах «Гонец добродетели» («Goniec cnoty»)[21], содержащая сжатую историю Польши и Литвы. В этой поэме Стрыйковский воспевал дворянство. «Дворянство заключает в себе все добродетели» — вот основная мысль книги Стрыйковского. И поэтому дворяне в Польше имеют большие права, вплоть до свободного избрания короля. Вольность поляков, по мнению Стрыйковского, происходит еще от их предков — сарматов (этому вопросу в «Гонце» посвящен целый раздел). Так своеобразно преломляется в этом сочинении Стрыйковского сарматская теория. Однако в этой апологии дворянству Стрыйковский как человек эпохи Возрождения обращается к нему с призывом избрать «вождем добродетели — разум», изучать науки, и прежде всего историю, чтение которой, по его словам, развивает и укрепляет добродетели[22].

Для нас особенно интересен в «Гонце добродетели» раздел, представляющий краткий обзор истории Литвы. Для написания его помимо «усердного чтения польских хронистов», по словам Стрыйковского, он «достал русских летописцев». И далее на полях Стрыйковский неоднократно ссылается на эти источники.

Стрыйковский много путешествует по Белоруссии и Литве, осматривает крепости, городища, древние храмы, расспрашивает крестьян об оружии, которое они находят во вспаханной земле. Все эти свои интереснейшие наблюдения Стрыйковский фиксирует на страницах Хроники.

Военная служба Стрыйковского проходила в условиях Ливонской войны. Стрыйковский трижды чуть не попал в плен к русским войскам: за Улой, на Чашницких полях и под Сушей[23].

В 1574 г. Стрыйковский, очевидно, снова в Кракове, так как в том же году, помимо уже упомянутого «Гонца добродетели», он выпускает поэму, описывающую торжественный въезд в Краков короля Генриха Валуа[24].

---

[21] «Гонец добродетели» Стрыйковского напечатан в виде приложения к варшавскому изданию Хроники 1846 г.

[22] Stryjkowski, t. II, стр. 493.

[23] Stryjkowski, t. I, стр. XXXVIII.

[24] «Przesławnego wyazdu do Krakowa y pamięci godney koronacyey Henryka Walezyusa książecia z Andegawy, z laski Bożey Króla Polskiego, wielkiego Xiędza Litewskiego etc., tudziez naprzodku nie-

Выпуская такую поэму, Стрыйковский, по-видимому, хотел обратить на себя внимание двора, искал королевской службы. И действительно, в тот же год он получает дипломатическое поручение и в сентябре 1574 г. в составе польского посольства во главе с галицким чашником Андреем Тарановским едет в Константинополь. Во время путешествия, так же как в Белоруссии и Литве, он с жадностью изучает достопримечательности: древние стены, надгробные памятники, места сражений [25]. Для него все это было встречей с живой историей. Свои впечатления Стрыйковский записывал и воспроизвел затем в соответствующих местах своей Хроники. Живостью и непосредственностью восприятия памятников прошлого веет со многих страниц Хроники. И это несмотря на то, что памятник — это для Стрыйковского прежде всего исторический источник (см. об этом ниже). Стрыйковский внимательно слушает исторические песни сербов. С глубоким сочувствием пишет он о славянских народах, стонущих под турецким игом [26].

В 1575 г., вернувшись в Краков, Стрыйковский напечатал книгу «О вольности Короны польской и Великого княжества Литовского и о тяжелой неволе других королевств под тиранским турецким ярмом, о мятеже нынешнего турецкого тирана Амурата и всех королей Оттоманского дома краткое, но полезное рассуждение» [27].

Книга Стрыйковского явилась итогом его впечатлений и раздумий во время путешествия. В ней он противопоставляет вольность Польши другим угнетенным славянским народам. В разделе «О цесарях турецких» Стрыйковский изложил краткую историю Османского

---

których postępkőw godnieyszych posłów naszych we Franciey i w drodze s Krolem skuteczne wirszem przez Mathysa Stryjkowiusa Prekonidesa». Kraków, 1574.

Поэма «Славный въезд», как и «Гонец добродетели», напечатана в приложениях к варшавскому изданию Хроники 1846 г.

[25] Stryjkowski, t. I, стр. XVI, 310. См. T. Sinko. Polscy podróżnicy..., стр. 6—7.

[26] Stryjkowski, t. I, стр. 311.

[27] «O wolności Korony Polskiej y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, a o srogim zniewoleniu inszych królestw pod tyrańskim jarzmem Tureckim: o rokoszu niniejszego tyrana Tureckiego Amurata y wszystkich królow domu Ottomańskiego, krotki a skuteczny wywód». Kraków, 1575. Второе издание этой книги вышло в Кракове в 1587 г.

государства, пользуясь материалами турецкой хроники, прочитанной Стрыйковским в Константинополе при помощи одного отуреченного венгра [28]. Познания Стрыйковского в области картографии позволили ему снабдить свой труд 10 картами Оттоманской империи. Все это по праву позволяет назвать Стрыйковского одним из первых польских ориенталистов [29].

Выход в свет книги «О вольности» пришелся, однако, на весьма неблагоприятный для Стрыйковского политический момент. В конце 1575 г. на польский престол был избран семиградский воевода Стефан Баторий, кандидат, поддерживавшийся Турцией [30]. Новая книга Стрыйковского открыто антитурецкой направленности едва ли могла вызвать его одобрение. По-видимому, это и послужило причиной того, что Стрыйковский покидает королевскую службу. Некоторое время он живет в доме у князя Юрия Юрьевича Слуцкого [31]. Со временем Стрыйковский получает земельные владения. По его собственным словам, он был владельцем 25 крестьянских дворов в Литве [32].

Период с 1575 и по 1578 г. Стрыйковский целиком посвятил работе над своим основным произведением — Хроникой. В 1578 г. им был завершен ее первый вариант. Это видно из того рукописного экземпляра Хроники XVI в., который хранился в библиотеке князя А. Радзивила в Несвиже. Рукописный экземпляр имеет целый ряд отличий по сравнению с печатной Хроникой [33]. В частности, он открывается посвящением князю Юрию Юрьевичу Слуцкому. Слуцкий умер 9 ноября 1578 г.[34] Следовательно, первый вариант Хроники был завершен до этого времени. В таком виде Хроника Стрыйковского оканчивалась описанием событий 1507 г. Как показало

---

[28] Stryjkowski, t. II, стр. 153.

[29] Henryk Barycz. Rozwój nauki..., стр. 99.

[30] L. Bazylow. Starania Stefana Batorego o koronę Polską. «Nauka i Sztuka», rocz. 4, t. 7, 1948, стр. 70—120.

[31] Об этом Стрыйковский пишет в посвящении князьям Олельковичам, помещенном в издании Хроники 1582.— см. Stryjkowski, t. I, стр. IX.

[32] Stryjkowski, t. I, стр. 210.

[33] S. Ptaszycki. Wiadomość bibliograficzna o rękopisie nieświeskim Kroniki Macieja Stryjkowskiego. «Pamiętnik literacki», rocz. II, zesz. 2. Lwów, 1903. Список начала XVIII в. этой редакции Хроники находится в библиотеке Варшавского университета (№ 85).

[34] F. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Kraków, 1895, стр. 333.

исследование рукописи, произведенное С. Пташицким, ее отличие от печатного издания «не дает для истории ничего нового и имеет существенное значение только для истории литературы» [35].

После 1578 г. Стрыйковский продолжал работу над Хроникой. По словам Стрыйковского, его побуждал к этому жмудский (самогитский) епископ Мельхиор Гедройц [36], его покровитель после смерти князя Слуцкого. Епископу Гедройцу Стрыйковский посвятил I раздел II книги печатной Хроники. Очевидно, под влиянием Гедройца Стрыйковский принимает духовный сан и становится каноником жмудским [37], попав таким образом в непосредственное подчинение к нему. Едва ли, однако, церковная деятельность сама по себе особенно привлекала Стрыйковского. В какой-то мере показательно в этом отношении, что к изданной в 1582 г. Хронике Стрыйковский приложил портрет, где он изображен в облике не каноника, а воина, одна рука которого лежит на сабле, а другая — на книге.

Мельхиор Гедройц принадлежал к числу самых непримиримых противников Люблинской унии и старался всеми доступными ему средствами не допускать поляков на важнейшие духовные посты. В частности, несмотря на королевский указ и папскую буллу, после долгой борьбы он добился смещения с виленской кафедры поляка Бернарда Мациевского [38].

По-видимому, симпатии Стрыйковского к Литве, несмотря на его польское происхождение, проявившиеся в Хронике, привлекли внимание Гедройца. Стрыйковский воспевал знатность и героизм литовцев, отстаивал в Хронике их права на Подолию и другие земли. Естественно, что выход в свет такого сочинения, особенно при наличии антилитовской по своей направленности Хроники Кромера, был для Гедройца крайне желателен. Но Гедройц был далеко не единственным лицом, заинтересованным в выходе в свет труда Стрыйковского.

Круг лиц, так или иначе связанных со Стрыйковским или солидарных с ним, можно было бы значительно

---

35 S. Ptaszycki. Wiadomość..., стр. 246.
36 Stryjkowski, t. I, стр. 25.
37 См. посвящения к книгам I, II, III, XII и XIII Хроники.
38 J. Bartoszewicz. Historia literatury Polskiej. Warszawa, 1861, стр. 320.

расширить, приняв во внимание посвящения разделов Хроники тем или иным лицам. Характерно, что среди них мы не найдем ни одного человека, по крайней мере из числа тех, о ком мы располагаем сведениями, кто не занимал бы большие посты в Литве и Жмуди, Белоруссии и на Украине (но только не в самой Польше) и не был бы связан либо с сепаратистской литовской тенденцией, либо с белорусско-украинскими кругами, добивавшимися религиозной и культурной свободы. Нередко это были одни и те же лица. Так, Стрыйковский четыре раздела Хроники (кн. III, разд. 1; кн. V, разд. 8; кн. XVIII, разд. 1 и кн. XXIV, разд. 1) посвятил Николаю Христофору (Крыштофу) Радзивилу, воеводе виленскому и гетману литовских войск (с 1572 г.), участнику почти всех войн, ведшихся при Стефане Батории, и прозванному за свое мужество Перуном. Николай Радзивил упорно добивался свободы вероисповедания для диссидентов[39]. Радзивилы, в том числе и Николай, выступали решительно против унии с Польшей. Еще одному представителю этого рода — сыну другого Николая Радзивила, прозванного Черным,— Альбрехту Стрыйковский посвятил 1 раздел XII книги.

Таким же непримиримым противником унии был и другой высокопоставленный чиновник Великого княжества Литовского — канцлер и виленский каштелян Остафий Волович, непримиримый враг иезуитов. Ему посвящен 1 раздел IV книги. Из числа других лиц той же политической ориентации, к которым обращался Стрыйковский, можно назвать Вацлава Агриппу — писаря Великого княжества Литовского (кн. XXII, разд. 5), полоцкого воеводу Николая Монивида Олехновича (кн. VI, разд. 1), полоцкого каштеляна Яна Вольминского (кн. XIX, разд. 1 и кн. XXV, разд. 1), смоленского каштеляна Юрия Женовича (кн. X, разд. 1), жмудского каштеляна Николая Талвосса (кн. XI, разд. 1) и др. Среди лиц, которым Стрыйковский посвятил разделы своего труда, нельзя особо не отметить и таких, как пан (в Польше этого времени то же, что каштелян) минский Ян Юрьевич Глебович, который принадлежал к числу самых последовательных членов так называемой «русской партии», т. е. сторонников свободного культурного

[39] Encykłopedia powszechna, t. XXI. Warszawa, 1865, стр. 894.

развития Белоруссии и Украины в рамках Речи Посполитой. Ему Стрыйковский посвятил три раздела своей Хроники (кн. VI, разд. 10; кн. VIII, разд. 1 и кн. XVIII, разд. 4).

В своих трудах по созданию истории Литвы и Руси Стрыйковский встречал не только сочувствие и поддержку со стороны виднейших деятелей Великого княжества Литовского того времени, но и прямую помощь. Королевский секретарь и виленский войт Августин Ротундус Мелецкий, по словам Стрыйковского, «доктор большой учености и глубокого ума», сам писавший в 1551—1572 гг. не дошедшую до нашего времени первую в польской историографии «Хронику, или историю Литвы» [40], счел тем не менее возможным передать в распоряжение Стрыйковского хронику Дюсбурга [41]. Можно не сомневаться, что общение с видным ученым-гуманистом XVI в., каким был Ротундус, большим знатоком обычаев, истории и права Литвы [42], воспевавшим ее вольность и самобытность, оказало немалое влияние на Стрыйковского. Характерно, что, как и Стрыйковский, Ротундус был тесно связан с такими магнатами Великого княжества Литовского, как Ходкевичи и Радзивилы [43].

Успешная работа Стрыйковского во многом зависела от того, что такие крупнейшие белорусские магнаты, как Заславские, Ян Ходкевич, Слуцкие, охотно открывали для него двери своих библиотек, снабжали его русскими и белорусско-литовскими летописями [44], своими фамильными летописцами и сочинениями по генеалогии [45], ливонскими хрониками и метриками [46]. Ходкевичи, например, могли сделать доступным Стрыйковскому такое богатейшее хранилище древнерусских и белорусских рукописей, каким являлся Супрасльский монастырь (в 2 км от г. Белостока в Польше). Ходкевичи были основателями и постоянными вкладчиками этого монасты-

[40] M. Zachara-Wawrzyńczyk. Geneza legendy..., стр. 27.
[41] Stryjkowski, t. I, стр. 253.
[42] M. Baryczowa. Augustyn Rotundus Mielski, wojt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy. «Ateneum Wileńskie», 1936, rocz. XI, стр. 128—166.
[43] Там же, стр. 117—128.
[44] Stryjkowski, t. I, стр. 56, 253.
[45] Это видно на примере многих известий Стрыйковского по истории Великого княжества Литовского (см. в главе, посвященной анализу этих известий).
[46] Stryjkowski, t. I, стр. 253.

ря[47]. В свою очередь Супрасльский монастырь поддерживал связь с Киево-Печерским монастырем, представлявшим собой крупнейший культурный центр Украины. Первые монахи Супрасльского монастыря (основан в 1500 г.) были выходцами из Киево-Печерского[48]. Уже по описи 1557 г. в монастыре числилось 209 рукописных книг[49]. Вероятно, при том или ином содействии обрисованного круга лиц Стрыйковский в 1580 г. получает королевский привилей на издание своей Хроники и едет в Кенигсберг для наблюдения за ее печатанием. Все это время Стрыйковский дополняет Хронику известиями о новейших событиях так, чтобы довести ее до самых последних дней. Последние события, описанные в Хронике, относятся к 1581 г. Вместе с тем Стрыйковский дополняет и ранее написанные разделы, в основном описанием тех исторических памятников, которые он видел во время своего путешествия в Кенигсберг.

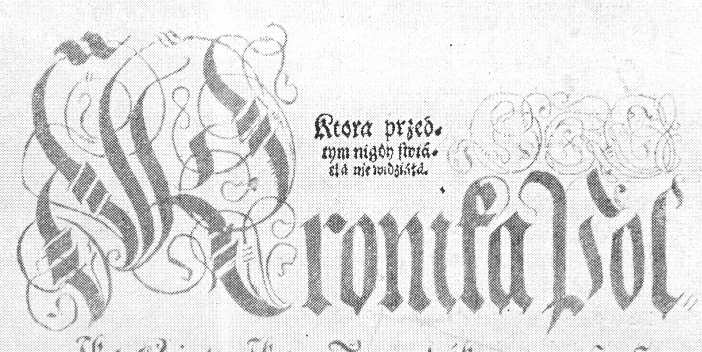
Хроника вышла в свет в 1582 г. на польском языке[50].

[47] Н. Долматов. Супрасльский Благовещенский монастырь. СПб., 1892, стр. 6.

[48] Н. Долматов. Указ. соч., стр. 6.

[49] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. IX. Вильна, 1870, стр. 53—55.

[50] В хранилищах СССР имеется несколько экземпляров первого издания Хроники. 1) Отдел редких книг ГБЛ имеет 2 экз. (оба хранятся под шифром: $\frac{\text{Königsberg}}{\text{Osterberger; } \frac{1582}{2°}}$ первый экземпляр происходит из библиотеки Московской духовной академии и имеет на внутренней стороне верхней крышки переплета запись украинской скорописью конца XVII в.: «Соборный старец Товия», а также ряд заметок на полях, сделанных украинской скорописью XVII в., другим почерком (в основном дополнительные подзаголовки). 2) Государственная публичная историческая библиотека имеет один экземпляр (неполный), хранящийся без шифра. Происходит из Голицынской библиотеки. 3) ЦГАДА. Библиотека Синодальной типографии, № 4121. Экземпляр принадлежал Симеону Полоцкому, а затем Сильвестру Медведеву. Об этом свидетельствуют следующие записи на л. 1: «Possesor Simeon Petrowski Sitnianowicz Hieromonachy Polocensis», т. е. «Владетель Симеон Петровский Ситнианович Иеромонах Полоцкий», и «Сильвестра Медведева». О знакомстве Симеона Полоцкого с Хроникой Стрыйковского см.: А. И. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. «Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула». Харьков, 1914, стр. 592. 4) БАН в Ленинграде имеет 3 экз., хранящихся под шифрами: $\frac{\text{XXIX}}{\text{B-89}}$ $\frac{\text{XXIX}}{\text{B-90}}$ (неполный, начиная со стр. 24) $\frac{\text{XXIX}}{\text{B-91}}$ (неполный, имеются только стр. 40—764).

ska, Litewska, Zmodźka, y wszystkiey Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey, Siewierskiey, Wołhinskiey, Podolskiey, Podgorskiey, Podlaskiey, etc. Y rozmáite przypadki woienne y domowe, Pruskich, Mázowieckich, Pomorskich, y inszych kráin Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xiestwu Litewskiemu przyległych, Według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmáitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławáńskich, Liflantskich, Pruskich stárych, Dotąd ciemnochmurną nocą zákrytych Kronik, y Látopisczow Ruskich, Litewskich, y DLVGOSZA Oycá dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnośćią y węzłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) Przez

MACIEIA OSOSTEWICIVSA STRIYkowskiego dostáteczznie nápisána, złożona, y ná pierwsze świátło z wybádániem prawdziwie dowodney stárodawnośći włásnym wynáleziemim, przeważnym dowcipem, y nakłádem nowo wydźwigniona przez wszystki stárożytne wieki, áż do dźisieyszego Roku 1582.

A naprzod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich ná Swiecie Narodow gruntowne wywody.

Z łáską y Priwilegium Kro: J: M:

Drukowano w Krolewcu v Gerzego Osterbergerá.

M. D. LXXXII.

Титульный лист первого издания Хроники Стрыйковского

(Кенигсберг, 1582)

Она имела три посвящения на латинском языке: королю Стефану Баторию, виленскому епископу Радзивиллу и сыновьям Юрия Юрьевича Олельковича князя Слуцкого — Георгию, Симеону и Александру; рифмованную автобиографию Стрыйковского; королевский привилей; предисловие с обращением к «Ясновельможным князьям, панам, сенаторам и всему вечно славному рыцарству» с рассуждением о пользе для всех них изучения истории. Хроника состоит из 25 книг, каждая из которых в свою очередь имеет деление на главы. Завершается первое издание Хроники списком опечаток и «Реестром, или кратким обозначением имен собственных для быстрейшего и удобнейшего их разыскания».

Издание Стрыйковским Хроники в 1582 г.— это последнее, что мы знаем о его жизни и творчестве. Что происходило со Стрыйковским впоследствии и когда он умер,— неизвестно.

Глава III

ИЗВЕСТИЯ ХРОНИКИ ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

К моменту выхода в свет труда Стрыйковского польская историография проделала немалый путь. Ряд польских хроник конца XV—XVI в. открывает замечательный труд Яна Длугоша (завершающийся 1480 г.), который хотя и оставался вплоть до XVII в. в рукописи [1], но оказал огромное влияние на всю польскую историографию XVI в., в очень значительной мере использовавшую его фактический материал. Именно от труда Длугоша исходит тот живейший интерес к русской истории, которым отмечено большинство памятников польской историографии XVI в. Важнейшими среди них являлись: «Хроника поляков» замечательного ученого эпохи Возрождения, ректора Краковского университета Матвея Меховского (хроника доведена до 1506 г.; вышла в свет в Кракове в 1519 г.) [2]; «О происхождении и деяниях поляков XXX книг» епископа Варминьского Мартина Кромера, много трудившегося в архивах (хроника доведена до 1506 г.; вышла в свет в Базеле в 1555 г.) [3]; «История Польского королевства» секретаря Сигизмунда I, историка и географа Бернарда Ваповского (до 1535 г.; завершена в 1535 г., но издана в отрывках

---

[1] Ниже хроника Длугоша используется по следующим изданиям: «Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego królewstwa Polskiego», t. 1. Warszawa, 1962. В указанном издании труд Длугоша опубликован до известий 1038 г. Последующие известия даются по краковскому изданию: «Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście», t. I, 1867; t. II, 1868, t. III, 1870; t. IV, 1869; t. V, 1870 (далее: Długosz).

[2] Ниже цитируется по изданию: Mathiae de Michoviae. Cronica Polonorum. В кн.: J. Pistorius. Polonicae historiae corpus. Basileae, 1582 (далее: Mathius de Michoviae).

[3] Ниже цитируется по изданию: «Kronika Marcina Kromera». Warszawa, 1767 (далее: Kromer).

в 1589 г.)[4]; «Хроника Света» знаменитого польского поэта, хрониста и географа Мартина Бельского (доведена до 1548 г.; вышла в свет в Кракове в 1551 г., затем с дополнениями в 1554 г., 1564 г.)[5].

Однако ни одна из названных польских хроник не уделила такого внимания истории Киевской Руси, как Хроника Стрыйковского. Особый интерес автора к истории Руси отразился уже в самом названии труда: «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» («Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi»). Стрыйковский был единственным из польских хронистов, выделившим события русской истории в особый раздел. Все другие польские хронисты излагали события русской истории либо наравне с польской, чередуя русские и польские известия (Длугош, а вслед за ним в известной мере Меховский), либо передавали только те события русской истории, которые находились в той или иной связи с польскими (например, Кромер), хотя и при такой структуре сообщали ценные сведения по русской истории. Стрыйковский, напротив, события польской истории излагает мимоходом среди русских и тем более среди литовских[6]. Воссоздать историю Литвы и неразрывно связанной с ней Руси было основной задачей Хроники.

Изложение истории России в таком виде распространяется Стрыйковским только на киевский период. События, происходившие в Северо-Восточной Руси в эпоху феодальной раздробленности и в Московской Руси в XIV—XVI вв., не выделены им, рассеяны среди известий по истории Литвы и Польши. Таким образом, интерес Стрыйковского был направлен в большей степени именно на историю Киевской Руси, хотя он и заявлял в за-

---

[4] В настоящее время известна только часть труда Ваповского (с 1380 по 1535 г.). B. Wapowski. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego księstwa Litewskiego, t. I—III. Wilno, 1847—1849 (далее: Wapowski).

[5] Ниже цитируется по третьему изданию: Marcin Bielski. Kronika Świata. Kraków, 1564 (далее: Bielski). В хрониках Кромера и Бельского ряд известий, особенно по истории России и Литвы, как показало новейшее исследование С. Грыгеля, восходит к утраченной ныне части хроники Бернарда Ваповского (ум. 1535 г.). См. S. Grygiel. Próba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. «Studia Źródłoznawcze», t. IX. Warszawa — Poznań, 1964.

[6] Stryjkowski, t. I, стр. 160—161.

главии своего труда, что пишет хронику всей Руси. Причина этого заключается в том, что западные и юго-западные земли Киевской Руси вошли в состав Великого княжества Литовского, которое и рассматривало их как свое наследие, а их историю — как свою историю. Во всяком случае, упоминания Стрыйковского о том, что тот или иной знатный род Литвы происходит от князей Киевской Руси, весьма показательны в этом отношении. Так, князей Заславских на Волыни он выводит от Владимира и Ярослава Киевских через Давыда Игоревича [7]. От киевских князей через князей Друцких Стрыйковский ведет родословие князей Острожских [8]. В условиях обострившихся в XVI в. литовско-польских споров за украинские земли, с одной стороны, и в момент разгара Ливонской войны, когда Московская Русь отвоевывала свои «вотчины» и «дедины», с другой стороны, интерес к истории белорусских и украинских земель в Литве особенно возрос.

Существенным моментом являлось и то, что источники общерусские за древний период были больше распространены в Белоруссии и в Западной Руси, считавшей себя наследницей Киевской Руси, чем летописные памятники собственно московские.

Возвращаясь к сравнению русских известий Стрыйковского со сведениями о России в других польских хрониках, нельзя не отметить, что Стрыйковский учел и передал в своем труде весь тот богатый материал по русской истории, который был накоплен его предшественниками. Более того, в ряде случаев весь рассказ о тех или иных событиях Киевской Руси строится Стрыйковским целиком на известиях польских хроник, причем подчас остается неясным, сделано это так потому, что у самого Стрыйковского не было летописей, или Стрыйковский предпочитал передавать знакомые ему летописи в пересказе своих предшественников. Так, например, совершенно очевидно, что рассказ о двух походах Болеслава на Киев Стрыйковский передавал по польским хроникам по той причине, что об этом молчали русские летописи, находившиеся у него в распоряжении [9]. Но в то же время ссылки только на польских

[7] Там же, стр. 103.
[8] Там же, т. II, стр. 261.
[9] Там же, т. I, стр. 157.

хронистов при изложении русских событий второй половины XI и значительной части XII в. еще не означают отсутствие русских источников по этому периоду у Стрыйковского. Против такого предположения свидетельствуют хотя и редкие, но все же встречающиеся ссылки на летописи. Последнее, очевидно, вызвано тем, что летописи эти были очень краткими, может быть, даже дефектными и фрагментарными, подобно той «Хроничке», которую Стрыйковский воспроизвел в своем труде[10] (о ней специально будет сказано ниже).

Среди польских хроник, использованных Стрыйковским, на первом месте стоит замечательный труд Яна Длугоша. Стрыйковский высоко ценил Длугоша, называя его «отцом польской истории»[11], и собирался даже, как пишет сам Стрыйковский в своей стихотворной автобиографии, предпосланной Хронике, перевести хронику Длугоша с латинского на польский язык[12]. Стрыйковский широко пользовался его материалами, однако чаще всего не непосредственно, а в передаче Меховского. Точная ссылка с указанием книги и листа труда Длугоша встречается всего два раза: при упоминании о генетах[13] и при описании похода легендарного русского князя Одонацера на Рим[14]. В Хронике Стрыйковского много примеров, когда автор ссылается только на хронику Меховского, хотя бы она в этом месте и дословно совпадала с хроникой Длугоша. Это относится к описанию освобождения Киева от печенегов при Святославе[15], к известию о битве Святополка Окаянного с Ярославом[16], к рассказу о походе Владимира Рюриковича на Литву[17] и к другим местам. Иногда Стрыйковский повторяет ошибки Меховского, которого нет у Длугоша. Так, Стрыйковский пишет, вслед за Меховским, что после смерти киевского князя Святослава ему наследует Рю-

---

[10] Stryjkowski, t. I, стр. 167—168.
[11] Там же, стр. 67.
[12] Там же, стр. XV.
[13] Там же, стр. 23.
[14] Там же, стр. 111.
[15] Там же, стр. 120. Ср. Długosz, t. 1, стр. 169 и Mathius de Michoviae, стр. 21.
[16] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 155; Długosz, t. II, стр. 169; Mathius de Michoviae, стр. 23.
[17] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 222; Długosz, t. II, стр. 173; Mathius de Michoviae, стр. 82.

рик Мстиславович, тогда как у Длугоша правильно, в соответствии с летописями, назван Рюрик Ростиславович [18].

И все же сказанное еще не дает нам оснований считать, что Стрыйковский непосредственно не обращался к Длугошу. Прежде всего нельзя не отметить, что у Стрыйковского очень много ссылок на Длугоша и Меховского вместе, правда, только на Меховского даны подробные ссылки (с указанием книги и листа). Если же мы учтем, что сам Меховский нигде в своей хронике не ссылается на Длугоша, то станет очевидным, что Стрыйковский по крайней мере был осведомлен, какой материал имеется у Длугоша. В пользу этого соображения свидетельствует, например, такой факт. При описании съезда русских князей в Киеве в 1134 г. Стрыйковский приводит речь князя Ярополка так, «как ее Кромер с Длугоша описал» [19]. У Длугоша, действительно, имеется эта речь, и Кромер передает ее [20], однако у Кромера не сказано, что эта речь заимствована у Длугоша. В хронике же Меховского речи нет вовсе. Не подлежит сомнению, таким образом, что здесь имеет место непосредственное обращение Стрыйковского к Длугошу.

Речь при этом может идти, конечно, о рукописи труда Длугоша: вплоть до 1614 г. хроника Длугоша оставалась неизданной. Известно в то же время, что в XVI в. с хроники Длугоша делались списки. Неоднократно выдавался краковским капитулом читателям и сам подлинник [21].

Далее, если бы у Стрыйковского был один из списков Длугоша, ему не нужно было бы ссылаться на определенный лист труда Длугоша, как он никогда и не делал, используя списки летописей.

Видимо, Стрыйковский, изучая Длугоша, отмечал, какого рода материалы содержатся у него. Так как Меховский в значительной мере повторял Длугоша, но был в то же время несравненно более доступен, чем Длугош (ко времени, когда Стрыйковский писал свой труд,

---

[18] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 209; Długosz, t. II, стр. 147; Mathius de Michoviae, стр. 81.

[19] Stryjkowski, t. I, стр. 190.

[20] Kromer, стр. 154—155 и Długosz, t. 1, стр. 502—504.

[21] См. об этом подробнее: Henryk Barycz. Dwie syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności. «Pamiętnik literacki», rocz. XLIII, zesz. 1—2. Warszawa—Wrocław, 1952, стр. 202—220.

хроника Меховского уже выдержала два издания: 1519 и 1521 гг.), то Стрыйковским и делались двойные ссылки на Длугоша и Меховского, с точным указанием книги и листа в печатном труде последнего.

Нельзя не учитывать и того, что именно русские известия Длугоша Меховский повторял наиболее полно. Эта черта хроники Меховского еще в 1891 г. была отмечена польским историком А. Божемским. «Почти дословное выписывание (из Длугоша.— *А. Р.*) в Хронике можно встретить прежде всего там, где рассказ идет о русских делах»,— читаем мы в его специальном исследовании о хронике Меховского [22]. А. Божемский бегло отметил и еще одну важную особенность русских известий Меховского — дополнение им хроники Длугоша, указывая, в частности, что Меховский и непосредственно пользовался какой-то летописью, сходной с Ипатьевской. Естественно, что в нашу задачу не входит специальное изучение этого вопроса, но уже само сопоставление известий Длугоша, Меховского и Стрыйковского показывает, что труд Меховского имел для Стрыйковского и самостоятельное значение как источник по истории Киевской Руси. Можно указать целый ряд сведений, которые Стрыйковский находил только у Меховского [23].

Другим польским хронистом, к которому весьма часто обращался Стрыйковский, был М. Кромер. Кромер, как и Меховский, положил в основу своего труда хронику Длугоша, и Стрыйковский в тех случаях, когда не передает материалы последнего по оригиналу или по Меховскому, обращается к Кромеру. Впрочем, такие случаи очень редки [24]. Чаще всего рядом со ссылкой на

---

[22] Antoni Borzemski. Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny. «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny», serya II, t. I. Kraków, 1891, стр. 12, 19—20, 122, 127, 162.

[23] Подробнее об этом см.: А. И. Рогов. Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мачея Стрыйковского и их источники. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 42, 1964, стр. 54—55.

[24] Ср., например, рассказ о взятии Болеславом Перемышля в 1069 г. (Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 166; Długosz, t. I, стр. 305—306; Kromer, стр. 102). Что здесь источником Стрыйковскому послужил именно Кромер, видно по общей с ним датировке события 1069 г., тогда как у Длугоша — 1071 г. О том же свидетельствует и характер известия о съезде русских князей в Киеве в 1134 г. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 190; Mathius de Michoviae, стр. 58; Kromer, стр. 154—155.

Длугоша и Меховского Стрыйковский указывает, что такое же известие можно найти и у Кромера[25]. Кромер был ценен для Стрыйковского в первую очередь как историк, располагавший дополнительными, по сравнению с Длугошем, русскими летописями и даже сопоставлявший эти летописи с тем, что имелось у его славного предшественника.

Широкое использование Стрыйковским польских хроник не мешало ему проявлять к ним и критическое отношение. Особенно важно, что Стрыйковский с бо́льшим доверием относится к той хронике, которая написана ближе по времени к описываемым событиям.

Так, с хронистом начала XIII в. Кадлубком Стрыйковский сопоставляет Меховского при рассуждении о том, когда впервые в исторических источниках появляется Литва. На основании данных Кадлубка Стрыйковский отвергает предложенную Меховским дату — 1205 год[26]. В том же рассуждении раскрывается еще одна особенность подхода Стрыйковского к польским хроникам — особенность, встречающаяся редко: уличение автора хроники в противоречии. «Меховский сам в противоречии с собой в некоторых местах описывает войны Литвы с Русью за 500 лет»[27],— пишет Стрыйковский. В подтверждение своей мысли об очень давнем существовании Литвы Стрыйковский ссылается еще и на «русские истории», т. е. русские летописи. Вообще сверка Стрыйковским данных польских хроник с летописями — довольно характерная черта его труда. При этом принципиально важно, что в своих русских известиях, выверяя сведения польских хронистов по русским летописям, Стрыйковский не исправляет, а только дополняет летописи польскими хрониками. Что же касается корректив польских хроник, то они немалочисленны. Рассказывая о замышлявшемся Святополком убийстве Бориса, Стрыйковский пишет, что ему «обещали помочь вышгородцы (не новгородцы, как Меховский написал)»[28]. В том же рассказе Стрыйковский не стал повторять вслед за Длугошем его догадки о том, что убийцами

---

[25] Stryjkowski, t. I, стр. 186.
[26] Там же, стр. 217.
[27] Там же.
[28] Там же, стр. 153.

Бориса и Глеба были одни и те же лица (Пухша, Галич, Лович и Ляско)[29], очевидно, потому, что не мог найти подтверждения этого в русских летописях.

Описывая битву Олега Северского с Изяславом Владимировичем, Стрыйковский исправляет Меховского (в конечном счете Длугоша), который назвал Изяслава сыном киевского князя. «Князя переяславского, не киевского, как Меховский на листе 64 пишет, ибо тогда Святополк был киевским»,— замечает Стрыйковский[30]. Это исправление особенно важно. Оно свидетельствует о свободном владении Стрыйковским летописным материалом. При описании битвы в летописи (под 1096 г.) не говорится, каким князем был Владимир, отец Изяслава, но зато выше, под 1094 г., сказано, что Владимир сел на княжение в Переяславле[31].

По летописям, видимо, исправляет Стрыйковский Меховского и при изложении событий XII в. Меховский путал князя Ярослава Изяславича с Ярославом Ярославичем, и Стрыйковский, рассказывая о борьбе Ярослава Изяславича с Романом Галицким, замечает: «Здесь ошибся Меховский, написав Ярослав Ярославич, ибо должно быть Ярослав Изяславич»[32]. У Длугоша имя князя указано тоже правильно — Ярослав Изяславич[33]. Однако ясно, что не он служил здесь источником, по которому Стрыйковский контролировал правильность известия Меховского: Стрыйковский ссылается в этом месте, помимо Меховского, только на «русские летописи»: «о чем русские летописи и Меховский свидетельствуют»[34]. Встречаются в хронике Стрыйковского и такие случаи, когда две версии, т. е. польских хроник и русских летописей, излагаются параллельно. Стрыйковский просто отмечает другой вариант, не высказываясь о степени его достоверности. Так он поступает при решении вопроса о том, одна или две битвы были у Ярослава со Святополком Окаянным. Рассказав о двух битвах по Длугошу и Меховскому, Стрыйковский замечает:

---

[29] Stryjkowski, стр. 153; Ср. Długosz, t. 1, стр. 163.
[30] Stryjkowski, t. I, стр. 176.
[31] Повесть временных лет (далее: ПВЛ), т. I. М.— Л., 1950, стр. 168 и 148.
[32] Stryjkowski, t. I, стр. 202.
[33] Długosz, t. I, стр. 97.
[34] Stryjkowski, t. I, стр. 202.

«Хроники русские только одну битву Святополка, когда он был поражен, вспоминают»[35].

И далее Стрыйковский передает рассказ летописи о позорном конце Святополка, о чем не пишут польские хроники. Еще Кромер отметил эту особенность русских летописей. Однако он мало доверял этому рассказу и выразил это в слове «якобы», которое предшествует ему[36]. Видимо, больше доверяя русским летописям, Стрыйковский выбросил «якобы».

Когда же при изложении событий второй половины XI и начала XII в. Стрыйковский встретил слишком много расхождений между данными польских хроник и русской летописи, он после материала польских хроник целиком воспроизвел летописный рассказ. «Но русские хроники не в каждом месте с ними согласуются, поэтому я здесь кратко передаю рассказ из русской хроники, не примешивая польских и других посторонних историков»,— замечает по этому поводу Стрыйковский[37].

При передаче тех или иных названий Стрыйковский так же, как правило, предпочитает делать это по русским летописям. Так, он правильно передает имя Кий, тогда как у Длугоша и Меховского дано искаженное — Киг[38]. Название Звенигорода Стрыйковский передает, казалось бы, искаженно — Свинигрод, однако в действительности оказывается, что это не искажение Стрыйковского, а один из вариантов названия этого города в некоторых летописях[39]. У Стрыйковского правильно названа дочь Владимира — Предислава, тогда как у Длугоша — Пшеслава, у Кромера — Пшеджислава (Przedźisława)[40].

Несомненно, что в правильной передаче русских названий Стрыйковскому помогало лучшее, чем у его предшественников, знание русского языка (напомним, что Стрыйковский много лет провел в Белоруссии).

Сопоставляя Хронику Стрыйковского с трудами его

---

[35] Там же, стр. 157.

[36] Kromer, стр. 71.

[37] Stryjkowski, t. I, стр. 168.

[38] Там же, стр. 112; Mathius de Michoviae, стр. 10.

[39] О названиях Звенигорода в летописях см.: В. Р. История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского. ЖМНП, 1838, № VII, стр. 107.

[40] Stryjkowski, t. I, стр. 156. Ср. Długosz, t. I, стр. 336 и Kromer, стр. 71.

предшественников, необходимо иметь в виду и то, что иногда сами ссылки на летописи или, наоборот, указания, что те или иные известия отсутствуют в летописях, имеются уже у предшественников Стрыйковского, главным образом у Кромера. Однако такое совпадение, а иногда и заимствование еще не означает, что Стрыйковский всегда довольствовался этим произведенным до него сличением. О походе Болеслава на Русь Стрыйковский замечает: «Все русские хроники никакого упоминания не делают ни о второй, ни об этой третьей битве и поражении Ярослава от Болеслава, а только о первой битве, когда Святополк, взяв на помощь Болеслава, князя польского (как они пишут), поразил войско Ярослава и так далее»[41]. Аналогичное по существу, но более краткое замечание находим у Кромера: «Русские хроники ни второй, ни этой третьей битвы не вспоминают, но пишут, что Ярослав после отъезда короля возобновил войну против Святополка»[42]. Из сопоставления этих двух замечаний видно, что если Кромер и обратил внимание Стрыйковского на разницу в описании событий польскими и русскими источниками, то Стрыйковский, самостоятельно пользовавшийся летописями, смог сообщить о содержащихся в них сведениях подробнее, чем Кромер. Стрыйковский подметил и такую черту, как наименование Болеслава не королем, а князем. Характерно, что в соответствующем месте в летописях Болеслав не назван ни князем, ни королем[43]. Князем летопись его называет всего один раз — под 996 г., и то название это относится к Болеславу лишь постольку, поскольку он входит в перечень князей, с которыми Владимир Святославич жил в мире: «И бе живя с князи околними миром, Болеславом и Андрихом Чешьским»[44]. Здесь мы опять встречаем уже отмечавшееся не механическое, а свободное дополнение одного источника другим.

Специально следует остановиться на использовании Стрыйковским в качестве источника «Записок о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. К Герберштейну Стрыйковский относится с особым доверием и пользуется его материалами при изложении ряда собы-

[41] Stryjkowski, t. I, стр. 164.
[42] Kromer, стр. 71.
[43] ПВЛ, т. I, стр. 96—97.
[44] Там же, стр. 86.

тий как Московской, так и Киевской Руси. «Записки» Герберштейна, выдержавшие до 1582 г., т. е. до времени выхода в свет Хроники Стрыйковского, 12 изданий, были исключительно популярны в Западной Европе. Материалами Герберштейна широко пользовались даже те иностранцы, которые сами бывали в России (Флетчер, Петрей, Олеарий, Мейерберг и др.). Стрыйковский только один раз (и совершенно справедливо) усомнился в точности Герберштейна. Герберштейн пишет, что крещение Руси произошло в 6469 (т. е. в 861 г.!) [45]. «В этом расчете лет Сигизмунд Герберштейн или его печатник значительно ошиблись,— замечает в связи с этим Стрыйковский,— показывая год крещения Владимира на листе 7 «Записок о Московии» 6469, вопреки всем русским хроникам и историкам греческим и польским, которых для этого я сверил больше десятка»,— замечает Стрыйковский [46]. Но повторяем, это единственный случай, когда Стрыйковский сверяет Герберштейна с другими источниками. Стрыйковский нередко даже русские летописи приводит по Герберштейну, сохраняя все особенности, иногда и явно ошибочные чтения, его передачи летописей. По Герберштейну Стрыйковский пишет о совете Гостомысла пригласить трех братьев варягов [47], о том, что Владимир Святославич смотрел на убийство Ярополка из башни [48], и, как мы увидим далее, многое другое, Правда, при этом Стрыйковский не ссылается на Герберштейна и потому может возникнуть предположение о существовании у обоих авторов общих источников — летописей. Эту мысль как будто подтверждает рассказ в Воскресенской летописи о совете Гостомысла призвать варягов [49]. Однако в Воскресенской летописи между известием о совете Гостомысла и известием о приходе трех братьев варягов говорится об изгнании варягов за море, после чего пригласить трех братьев решают сами новгородцы. Стрыйковский же передает рассказ об этом в том виде, т. е. с тем же пропуском, как Герберштейн. Показательны и те ошибки, которые Стрыйков-

---

[45] Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 9 (далее: Герберштейн).

[46] Stryjkowski, t. I, стр. 133.

[47] Там же, стр. 113. Ср. Герберштейн, стр. 4.

[48] Stryjkowski, t. I, стр. 125. Ср. Герберштейн, стр. 9.

[49] ПСРЛ, т. VII, стр. 268.

ский повторяет за Герберштейном. Добрыня у Стрыйковского и Герберштейна — женщина, а Малк Любчанин превращен в Калуфчу Малого[50]; Рогволод назван псковским, а не полоцким князем[51].

Переходим теперь к самому важному источнику Стрыйковского — к русским летописям.

Стрыйковский называет их «русскими хрониками», «древними русскими хрониками», реже — «русскими историями». Понятия «летопись», «летописец» применительно к общерусским летописям Стрыйковский не употребляет. «Русскими летописцами» Стрыйковский называет белорусско-литовские летописи (поскольку они были написаны на русском, вернее белорусском, языке). Чаще, впрочем, Стрыйковский говорит о «русских и литовских летописцах».

* * *

Первый раз Стрыйковский ссылается на русскую «хронику» в рассказе о расселении славян. Сказав, что часть славян жила над Черным морем, по Дону и на Волге, Стрыйковский продолжает: «Другие, в чем согласуются русские хроники, занимали земли на Дунайских берегах, где теперь Венгерские и Болгарские земли, и в то время назывались норчи или норичи»[52]. Соответствующие слова находим в Повести временных лет: «...сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». Правда, здесь не говорится, что дунайские славяне назывались норчи. Однако выше говорилось об этом, и Стрыйковский мог сюда перенести эти сведения. Два варианта названия славян у Стрыйковского соответствуют двум основным вариантам чтения этого имени в летописях. Если в Софийской I, Воскресенской летописях, Тверском сборнике и Летописце Переславля Суздальского дунайские славяне названы норици[53], то в остальных летописях — норчи. Исключение составляют Лаврентьевская и Симеонов-

---

[50] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 122 и Герберштейн, стр. 6.
[51] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 124 и Герберштейн, стр. 8.
[52] Stryjkowski, t. I, стр. 111.
[53] ПСРЛ, т. V, стр. 82; т. VII, стр. 261; т. XV, стр. 18; Летописец Переславля Суздальского. «Временник ОИДР», кн. IX. М., 1851, стр. 1 (далее: Летописец).

ская летописи, где читаем — нарци[54]. Этот вариант не был известен Стрыйковскому.

Далее Стрыйковский говорит о расселении славян, уже не придерживаясь летописи полностью. Указав, как и в летописях, что мораване названы от реки Моравы, полочане — от Полоты, Стрыйковский в соответствии с Повестью временных лет говорит о расселении поляков, но значительно расширяет ее сведения по материалам Длугоша, вслед за ним повторяя, что поляки и поляне — народы одного происхождения: одни из них поселились над Днепром, а другие — со своим князем Лехом над Вислой[55]. Далее Стрыйковский пишет о дреговичах и кривичах, выбирая материалы из разных мест летописи.

Затем следует рассказ о Кие, Щеке и Хориве, причем Стрыйковский замечает, что до них «достоверных историй иметь не можем». Очевидно, это нельзя понимать в том смысле, что летописи у Стрыйковского начинались только с рассказа о Кие, Щеке и Хориве, как это было у Длугоша и как об этом прямо писал в польской хронике 1594 г. Иоахим Бельский: «И ныне свою хронику оттуда начинают, что были у них три брата»[56]. Стрыйковский этим замечанием подчеркивает, что конкретные факты начинаются с рассказа о Кие, Щеке и Хориве. О них Стрыйковский пишет по Повести временных лет, но с двумя особенностями: 1) Хоривицу «потом стали называть Вышгородом»; 2) Лыбедь также построила город на высоком холме — Любеч. Соответствия в летописях и польских хрониках эти особенности не находят. Вероятнее всего, эти сведения заимствованы из каких-то устных рассказов, слышанных Стрыйковским, или сравнительно поздних литературных памятников и являются догадками авторов этих памятников, если это только не догадки самого Стрыйковского.

Следующий за тем рассказ о Радиме и Вятке представляет собой комбинацию сведений Повести временных лет и Длугоша (через Меховского). Сам Стрыйков-

---

[54] ПСРЛ, т. I, стлб. 5; т. XVIII, стр. 3.

[55] Stryjkowski, t. I, стр. 136—137 и Długosz, t. 1, стр. 136.

[56] Kronika Marcina Bielskiego, t. I. Sanok, 1853, стр. 74. В действительности автором этой «Польской хроники» является Иоахим, а не Мартин Бельский (см. W. Nering. O życiu i pismach Joachima Bielskiego. Poznán, 1860, стр. 22—26).

ский замечает: «О чем русские хроники, Длугош и Меховский, кн. I, глава 4, лист 6, подробнее свидетельствуют». В данном случае известия Повести временных лет и Длугоша имеют ряд совпадений. Можно выделить только пояснение Стрыйковского о том, что дулебяне «теперь называются лучанами», оно восходит к хронике Длугоша. Остается неясным происхождение известия Стрыйковского о том, что вятчане (вятичи) жили над реками Волгой и Вяткой. Все известные летописи и Длугош[57] называют реку Оку. Неясно также, почему Радима и Вятку Стрыйковский считает подвластными Кию, Щеку и Хориву. Быть может, это соображение самого Стрыйковского, сделанное им на основании дальнейшей судьбы Киева — столицы Руси.

Далее у Стрыйковского идет известие о постройке Великого Новгорода и об избрании «князя» Гостомысла. Об этом польские хронисты — предшественники Стрыйковского — не пишут. Это известие Стрыйковский заимствует у Герберштейна[58]. Правда, об избрании Гостомысла говорится и в летописях новгородско-софийского вида (и это является их специфической особенностью), но там Гостомысл назван не князем, как у Герберштейна, а старейшиной[59].

Затем Стрыйковский пишет: «Пишется в древних русских хрониках, что коссеры (неизвестно, что это был за народ) издавна завладели некоторыми русскими землями, а вместо дани и платы брали с каждого дома беличью или веверичью шкурки»[60]. У польских предшественников Стрыйковского это известие отсутствовало. Стрыйковский мог здесь использовать «Записки» Герберштейна, который сообщает об этом очень схоже[61]. Интересно, однако, что Герберштейн, упоминает только о беличьих шкурках. Название «веверицы», ему совершенно не знакомо. Обращаясь к летописям, мы видим, что они дают его в разных чтениях. В Воскресенской, Тверской, Новгородской I и Софийской I читаем: «по беле векше» или «по беле векшице», в остальных — «по

---

[57] Stryjkowski, t. I, стр. 112 и Długosz, t. 1, стр. 183.
[58] Герберштейн, стр. 3.
[59] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 3; т. V, стр. 83.
[60] Stryjkowski, t. I, стр. 113.
[61] Герберштейн, стр. 4.

белой веверице»[62]. Исключение составляет Никоновская летопись, в которой — «по беле, рекше по векше»[63]. Таким образом, у Стрыйковского это известие читается, как и в большинстве летописей, но с толкованием (или = рекше) таким, как в Никоновской летописи.

«Свидетельствуют русские хроники,— пишет Стрыйковский о призвании варягов,— что эти три брата, Рюрик, Синеус и Трувор, упомянутые князья свое происхождение по достоверной генеалогии вели от римских государей императорского поколения»[64]. На полях Стрыйковский замечает: «об этом также читай у Герберштейна». Памятник, который выводит братьев варягов от римских императоров, получил распространение в XVI в., это — «Сказание о князьях Владимирских». Оно было хорошо известно в Речи Посполитой и вызвало публицистический отклик. Возникшее в связи с этим в Речи Посполитой ответное полемическое произведение было использовано Стрыйковским в его Хронике, как будет показано дальше.

Рассказ о дальнейшей судьбе Рюрика, Синеуса и Трувора имеет у Стрыйковского ряд существенных особенностей. Если русские летописи и Длугош говорят о том, что и Синеус и Трувор умерли без потомства, то Стрыйковский пишет, что без потомства остался только Синеус. Княжество Синеуса со столицей в Белозерске, по Стрыйковскому, наследовал Трувор, затем Трувор умер в «Плескове или Пскове» и был там похоронен по языческому обычаю, а вся власть перешла к Рюрику[65].

Известие о погребении Трувора в Пскове едва ли не местное псковское предание. Оно могло быть занесено и в летопись, имевшуюся у Стрыйковского, но могло быть и сообщено Стрыйковскому псковичом или человеком, хорошо знакомым со Псковом и его преданиями.

---

[62] ПСРЛ, т. VII, стр. 267; т. XV, стлб. 29; т. IV, вып. 1, стр. 10; т. V, стр. 88.

[63] ПСРЛ, т. IX, стр. 8.

[64] Stryjkowski, t. I, стр. 113.

[65] Там же, стр. 114. Стрыйковский замечает, что в Белозерске московские князья хранят свою казну. Сведения об этом заимствованы Стрыйковским, по-видимому, у Герберштейна (ср. Герберштейн, стр. 123).

Ниже мы увидим ряд известий Стрыйковского, имеющих местные псковские черты.

Далее Стрыйковский переходит к рассказу об Аскольде и Дире и излагает его по Повести временных лет. Обращают на себя внимание противоречия по вопросу о родстве Кия с Аскольдом и Диром. Стрыйковский то в соответствии с летописным рассказом называет Аскольда и Дира «князьями из другого народа» [66], то вслед за Длугошем говорит, что Аскольд и Дир — это «потомство собственных князей русских, киевских и коревичев» [67]. Мы видим, таким образом, использование Стрыйковским двух разных источников, противоречивые сведения которых так и остались им не согласованными.

Далее Стрыйковский кратко сообщает о захвате Олегом Киева и о походе Олега на Царьград. Последний рассказ имеет отличия от Повести временных лет. В нем говорится, что Олег штурмовал башни и стены Константинополя. О кораблях на колесах Стрыйковскому ничего не известно. Ничего не говорит Стрыйковский и о дани, которую греки выплатили Олегу, а пишет он только о щите Олега на царьградских воротах.

Рассказ о смерти Олега дан по Повести временных лет, но приведен и особый вариант летописного рассказа, имевшегося в источниках Стрыйковского: Олег «прийдя на место, где кости лежали, сел на них,— а другие хроники и Герберштейн пишут, что ногой в лоб коня ударил» [68]. Все сохранившиеся летописи дают только второй вариант.

Известия об Игоре открываются у Стрыйковского очень важным замечанием: «И так завершилось потомство собственных князей русских, киевских и коревичев, на Оскольде и Дире, когда их Олег, обманув, убил, и одни с князей варяжских, а другие — с Игоря вплоть до нынешнего великого князя Московского ведут новую генеалогию» [69]. Таким образом, Стрыйковскому были известны памятники, в которых перечень русских князей открывался Игорем. И если это и были просто родосло-

---

[66] Stryjkowski, t. I, стр. 112.
[67] Там же, стр. 113 и Długosz, t. 1, стр. 184.
[68] Stryjkowski, t. I, стр. 116.
[69] Там же.

вия, то они отражали, по-видимому, какие-то летописные памятники, какую-то традицию. Это нельзя не рассматривать как подтверждение мысли М. Н. Тихомирова о существовании особого древнего (X в.) сказания о русских князьях, открывавшегося фразой о княжении Игоря в Киеве, сказания, не знавшего еще легенды о призвании варягов [70].

Княгиня Ольга названа Стрыйковским правнучкой Гостомысла. В летописях об этом не говорится, не знает этого известия и Степенная книга. Известие это идет едва ли не от устного, быть может, псковского предания, слышанного Стрыйковским.

О поражении Игоря от греческих войск в русских летописях Стрыйковского сведений не имелось. «О том поражении Игоревом русские летописцы упоминания не делают»,— замечает Стрыйковский [71]. Рассказ о походе Игоря Стрыйковский передает, ссылаясь на Луитпранда и Зонару. Рассказ этот следующий: «Собрав большое войско, он отправился морем до Греции. Осадил и сжег славные города Никомидию и Гераклею и пограбил множество владений греческого императора Романа в Вифинии и Понте, а когда с огромными силами направился к Константинополю, имея с собой 15 тысяч кораблей и других водных средств передвижения, то против него выступил император Роман с помощью римской и других христианских владетелей, и произошла страшная битва на Черном море, и император поразил русские войска наголову, так что Игорь едва с третьей частью арматы ушел в Киев и потом заключил мир с греческим императором» [72].

Несмотря на прямую ссылку Стрыйковского на Луитпранда и Зонару, рассказ его имеет сведения, которые отличаются от известий этих историков. Ни один из византийских историков не называет такое же, как Стрыйковский, количество кораблей (15 тыс.). Греческие источники называют или 1 тыс. или 10 тыс. кораблей [73]. Ни в одном из них не найдем и сведений о том,

---

[70] М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 53.

[71] Stryjkowski, t. I, стр. 117.

[72] Там же.

[73] М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 141, 148.

что в битве с Игорем принимал участие сам император Роман. Все это объясняется, видимо, свободным и не очень точным пересказом Стрыйковским данных византийских авторов, может быть, даже через чье-то посредство.

Рассказ об убийстве Игоря приводится в Хронике Стрыйковского в целом по Повести временных лет. Имя древлянского князя указано в двух вариантах: Мальдит и Нискина[74]. Первое, очевидно, взято у Герберштейна[75], второе происходит от «Нискина» Длугоша[76]. Отнесено убийство Игоря Стрыйковским к 6458 г., т. е. к 950 г., тогда как во всех летописях рассказ об этом помещен под 6453 г., т. е. 945 г.

Особенности рассказа Стрыйковского о мести княгини Ольги, по сравнению с летописями, состоят в следующем. Искажены имена Асмуда и Свенельда — они названы Асадм и Чельт. Названы две цифры древлян, во второй раз отправившихся к Ольге: «Пятьдесят старших бояр или избранных государственных сановников; другие указывают 46 — святое число»[77]. Откуда происходит вторая цифра — неясно. Что касается 50, то эту цифру называет Герберштейн[78]. Есть она и в русских летописях: Софийской I, Тверской, Воскресенской и Никоновской[79]. Что послужило в данном случае источником Стрыйковскому? Сравним соответствующие фразы у Герберштейна и в летописях. Герберштейн пишет: «пятьдесят отборных мужей», а в летописях: «избраша лучшие мужи 50, иже дерьжаху Деревьску землю». Стрыйковский называет послов «государственными сановниками»; видимо, это название вызвано словами «дерьжаху Деревьску землю», следовательно, Стрыйковский использовал здесь как источник летопись.

В рассказе о приходе Ольги в Искоростень интересен ответ Ольги на вопрос древлян о судьбе их двух посольств: «Она ответила, что они едут за ней другой дорогой налегке с сокровищами через места, им знакомые,

---

[74] Stryjkowski, t. I, стр. 117.
[75] Герберштейн, стр. 5.
[76] Stryjkowski, t. I, стр. 117 и Długosz, t. 1, стр. 185.
[77] Stryjkowski, t. I, стр. 118.
[78] Герберштейн, стр. 5.
[79] ПСРЛ, т. V, стр. 103; т. XV, стлб. 59; т. VII, стр. 284; т. IX, стр. 28.

как своим»[80]. Почти во всех летописях ответ Ольги читается иначе: «Идут ко мне с дружиною мужа моего». Известия, подобные сообщаемому Стрыйковским, имеют только две летописи: в Устюжском летописном своде добавлено, что идут «со имением»[81], а в Летописце Переславля Суздальского «приставлены к скарбу»[82], т. е. к «сокровищам». Таким образом, Стрыйковский располагал источником, имевшим некоторое сходство с указанными летописями.

Из того же источника, по-видимому, Стрыйковский черпал сведения и о крещении Ольги: он пишет, что, отпуская Ольгу, патриарх дал ей пресвитера. Об этом упоминает только Летописец Переславля Суздальского[83].

Известия о Святославе начинаются с летописного рассказа о его характере и укладе жизни. Затем следует повествование о походе Святослава на хазар, переданное по Длугошу и Меховскому и со ссылкой на них, как это объясняет сам Стрыйковский, потому что «этого похода на хазары русские хроники не имеют»[84]. Летописи, не имеющие этого рассказа,— местного характера (Псковские, Новгородская II и III).

В описании похода Святослава на Болгарию примечательно следующее. Святослав говорит, между прочим, о Переяславце на Дунае: «...мне сюда из Греции привозят золото, серебро, драгоценности, вина и различные овощи; из Венгрии также золото и серебро и добрых коней...»[85]. Во всех летописях, за исключением Устюжского летописного свода, читаем: «...от грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же и из Угор серебро и комони...» Тверская и Львовская летописи добавляют к чехам еще и «ляхов»[86]. В Устюжском своде сказано: «от грек злато и сребро и жемчюг; и как из Угры сребро и кони...»[87] Таким образом, у Стрыйковского видим соединение двух вариантов: как и в Устюжском своде, нет чехов, и среди греческих товаров упомянуты

---

80 Stryjkowski, t. I, стр. 119.
81 Устюжский летописный свод. М.— Л., 1950, стр. 25.
82 Летописец, стр. 11.
83 Stryjkowski, t. I, стр. 120. Ср. Летописец, стр. 13.
84 Там же, стр. 121.
85 Там же.
86 ПСРЛ, т. XV, стлб. 67; т. XX, ч. 1, стр. 60.
87 Устюжский летописный свод, стр. 27.

серебро и драгоценности. Но, с другой стороны, в Устюжском своде нет упоминания вина и овощей, о которых пишет Стрыйковский.

В описании осады Киева печенегами важна одна особенность. К Святославу, воюющему в Болгарии, обращаются за помощью не киевляне, а Ольга. Это находим только во Львовской летописи [88]. Во всех остальных у Святослава просят помощи «кияне».

На освобождение Киева Святослав едет, по Стрыйковскому, со своим «рыцарством (как русская хроника свидетельствует)», что близко к чтению «с дружиной», как это в целом ряде летописей, исключая Воскресенскую, Тверскую, Софийскую I, Московский летописный свод, т. е. летописи, так или иначе зависящие от Новгородско-Софийского свода, где читаем: «с бъляры» [89].

О смерти Ольги, о разделе Святославом владений между сыновьями и о войне Святослава в Болгарии Стрыйковский ведет рассказ целиком по Герберштейну. Передав речь Святослава перед войском, как и все в этом рассказе, дословно по Герберштейну, Стрыйковский заключает: «Так эту речь Святослава описывает Герберштейн на л. 5 записок о Московии со старой хроники Московской, экземпляр которой я тоже имею». Что этим хочет сказать Стрыйковский? Что эта речь имеется только в одной летописи — «старой хронике московской» или что она в ней читается именно в том виде, в каком ее передает Герберштейн? Прежде всего заметим, что речь Святослава известна буквально всем летописям (исключение составляют II и III Новгородские как местные). В то же время сравнение текста речи в передаче Герберштейна с летописным вариантом показывает, что Герберштейн говорит по существу все по летописям, но с некоторыми разъяснениями.

Повесть временных лет	Герберштейн
Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо сра-	Русские, так как я не вижу места, которое могло бы принять нас под защиту, а мне никогда и на мысль не приходило предать землю Руссии врагам, то я решил храбро против них сражаться и та-

[88] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 60.

[89] ПСРЛ, т. VII, стр. 288; т. XV, стлб. 67; т. V, стр. 107; т. XXV, стр. 354.

ма не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою (т. I, стр. 50).	ким образом или найти смерть, или добиться славы, ибо если я погибну, мужественно сражаясь, то уготоваю себе от этого бессмертное имя, если же я побегу,— то вечный позор, а так как окруженному многочисленными врагами убежать нельзя, то стало быть я буду стоять крепко и подвергну в первом ряду свою голову всем опасностям за отечество (стр. 7).

Таким образом, едва ли можно говорить о какой-то специфичности этого варианта речи в «московской хронике» и скорее можно предположить, что одной из летописей Стрыйковского по древнейшему периоду русской истории служила летопись московского происхождения. Впрочем, как это будет видно из дальнейшего анализа известий Стрыйковского, он в большинстве случаев не использовал московскую летопись как основной источник, но ограничивался указанием на то, что то или иное известие имеется, помимо какого-то другого источника, и в его московской летописи.

Борьба Ярополка с Олегом Святославичем описана Стрыйковским по Герберштейну. Интересно замечание на полях по поводу названия замка, где оборонялся Олег. Стрыйковский называет его по Длугошу и Меховскому — Вараж (у Длугоша в действительности — Варенж, а у Меховского — Вараш) [90] и пишет: «Этого замка ни Герберштейн, ни хроника Киевская не называют, а только (называют) Длугош, Меховский и некоторые русские хроники» [91]. Отсюда очевидно, что киевские летописи Стрыйковский не смешивает с русскими, может быть, желая указать этим на их местный характер [92]. И действительно, все общерусские летописи дают название замка, но иное — Вручий. Стрыйковский ниже, очевидно, перейдя от Длугоша и Герберштейна на общерусскую летопись, упоминает Вручий как место погребения Олега, тем самым различая эти два города.

[90] Stryjkowski, t. I, стр. 259, ср. Długosz, t. 1, стр. 259; Mathius de Michoviae, стр. 21.

[91] Stryjkowski, t. I, стр. 7—8.

[92] Но характерно в то же время, что Стрыйковский ищет название замка в Киевской хронике. Значит, в ней были известия и за древнейший период, но, видимо, сокращенные.

Последующие известия: пребывание Владимира в Новгороде, история с Рогнедой и Рогволодом — изложены Стрыйковским также по Герберштейну. Но имеется одно отличие. Стрыйковский указывает, что на место посадников Ярополка Владимир посадил в Новгороде «своего некоего Добрыню». В известных нам летописях и в польских хрониках этого известия нет. Подозревать в этом догадку самого Стрыйковского нет оснований: тогда Добрыня не был бы назван «некиим»[93].

Рассказ о борьбе Владимира с Ярополком, об осаде Родни и об убийстве Ярополка дан полностью по Герберштейну. Вслед за ним Стрыйковский называет город Родню — Роден, а реку Рось — Юрси, а Варяжко — Вероском[94].

Рассказ о правлении Владимира Стрыйковский начинает с описания поставленных им идолов. Боги перечислены по Герберштейну с его искажениями названий: Перун (Стрыйковский добавляет вариант «Перкун»), Услад, Корса, Дассуба (у Герберштейна — Дасба), Стриба, Симергла, Макош. Но описание Перуна подробнее, чем у Герберштейна и у Длугоша. У Герберштейна: «с серебряной головой, остальное же было у него из дерева»[95]; Длугош: «тело из дерева, голова из серебра, а ноздри из золота»[96]. И Стрыйковский: «тело его было из дерева искусно вырезано, голову имел серебряную отлитую, усы золотые, ноги железные, в руках держал камень наподобие сверкающей молнии и был украшен рубинами и сапфирами»[97]. Откуда Стрыйковский заимствовал это описание Перуна — неясно. Можно только заметить, что изучением русских и литовских языческих поверий Стрыйковский особо интересовался и посвятил этому обширную 4 главу IV книги Хроники. Стрыйковский, по его словам, собирал о языческих божествах устные предания (о чем специально ниже). Быть может, это летописное описание Перуна пополнено одним из таких памятников фольклора, при этом не обязательно русского происхождения. Русский Перун был очень близок литовскому богу-громовержцу Перкунасу, и его

---

[93] Stryjkowski, t. I, стр. 124. Ср. Герберштейн, стр. 8.
[94] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 125 и Герберштейн, стр. 9.
[95] Герберштейн, стр. 9.
[96] Długosz, t. 1, стр. 261.
[97] Stryjkowski, t. I, стр. 126.

описание Стрыйковский мог отнести к русскому идолу. Стрыйковский мог видеть и изваяния Перуна-Перкунаса. Интересно, что именно близ Витебска, где жил Стрыйковский, в 1684 г., в развалинах одного из древних каменных зданий был найден большой идол Перкунаса из чистого золота [98].

Далее Стрыйковский пишет по Герберштейну об основании Владимиром Святославичем города Владимира на Клязьме [99], но затем переходит на хронику Длугоша и по ней рассказывает о войне Владимира с польским королем Мечиславом [100]. Стрыйковский при этом исправляет Длугоша (а вслед за ним и Меховского): Владимир ходил на повет не Радимичский, а Радомский.

Жены Владимира и сыновья от них перечислены Стрыйковским в соответствии с Герберштейном: как и у последнего, Рогнеда названа Рохмидой. В отношении использования Стрыйковским сочинения Герберштейна характерна и такая ошибка в Хронике: «Selvi Berestovuo» (село Берестово) у Герберштейна передано Стрыйковским как «w Berstowie i w Sebrach» [101].

Как и Герберштейн, Стрыйковский пропускает сына от первой жены — «чехини» — Вышеслава, хотя он фигурирует в летописях и в польских хрониках.

О войнах Владимира Стрыйковский пишет: «Потом Владимир, будучи полным единовластителем всей Руси, собрал большое войско, с которым, переправившись через Дунай, покорил земли: Болгарскую, Сербскую, Хорвацкую (Karwacka), Седмигроцкую, Вятичскую, Ятвяжскую, Дулебскую и те земли, где ныне волохи, мултаны и татары бобручцы, и всех привел к покорности себе одним походом и возложил на них дань, которую раньше они платили греческим императорам» [102]. Перед нами сводка всех походов Владимира, описанных в летописи, и ряд неизвестных (на сербов, хорватов). Сделана она Стрыйковским искусственно и крайне

---

[98] А. Кир[пичников]. Перкунас. Материалы для археологического словаря. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. I. М., 1865—1867, стр. 49.

[99] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 126 и Герберштейн, стр. 9.

[100] Długosz, t. I, стр. 268—269 и Mathius de Michoviae, стр. 21.

[101] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 126 и Герберштейн, стр. 9.

[102] Stryjkowski, t. I, стр. 126.

неудачно: вятичи и ятвяги у него оказываются за Дунаем и превращены в греческих данников. Вот почему едва ли это известие Стрыйковского может способствовать разрешению вопроса о том, на каких болгар ходил Владимир — волжских или дунайских. Хотя здесь болгары помещены рядом с сербами, что как будто должно указывать на дунайских болгар, отмеченное искусственное помещение на Дунай всех народов, на которых ходил походом Владимир, не позволяет придавать этому сведению Стрыйковского серьезного значения.

Далее Стрыйковский переходит к описанию борьбы Владимира с печенегами. Вопреки летописи он прежде говорит об осаде Белгорода, а затем о поединке на Трубеже, хотя сами рассказы сходны с летописными. У Герберштейна их нет вовсе, а у Длугоша и его последователей — только второй и в очень кратком изложении [103]. То обстоятельство, что объединены два рассказа, между которыми в летописи дается целый ряд событий, не вызывает удивления: это был прием как Стрыйковского, так и других польских хронистов, в том числе и Длугоша. Непонятно только, чем вызвано изменение последовательности.

По сравнению с летописью, рассказ Стрыйковского о знаменитом поединке несколько литературно развит, но новых фактов в нем нет.

Повесть временных лет	Стрыйковский
И выступи муж Володимерь, и узре и печенезин и посмеяся, бе бо середний телом. И размеривше межи обема полкома, пустиша я к собе. И ястася, и почаста ся крепко держати, и удави печенезина в руку до смерти. И удари им о землю (т. I, стр. 84).	Выступил тогда переяславлянин из русского войска, маленький, но коренастый юноша. Увидев его, печенег стал над ним насмехаться, называя его черепахой. Однако, когда русский смело к нему подступил, они ухватили друг друга за пояс, как борцы Дарес с Антеем, борцы Энея. Печенег брал грузностью тела, а русский — крепостью, а поскольку печенег был высокий, русский наклонился и, разбежавшись, ударил печенега в толстый живот, почти в лобок, так что тот упал. Войска с обеих сторон стояли спокойно, наблюдая за поединком небольшого юно-

[103] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 127; Długosz, t. I, стр. 291; Mathius de Michoviae, стр. 27; Kromer, стр. 67.

ши с великаном. Потом поднялся печенег и, разъяренный гневом и стыдом, обрушил свои кулаки на переяславлянина, но тот, проявив изворотливость, быстро отскочил, и печенег, будучи тяжеловесным, от своего грузного напора, предназначенного для русского, упал на землю; а русский, подскочив, не дал ему вновь подняться и, оседлав его, начал давить на щеки, так что все зубы его с кровью выпали, а затем, схватив его за горло, не иначе, как Геркулес Антея, так долго душил, что душу из него выдавил на том поле (Stryjkowski, t. I, стр. 127—128).

Такое литературное развитие, дополненное сравнением с античными героями, особенно характерно для Стрыйковского при описании поединков и битв. Подобные исторические события его как воина увлекали особенно. Не случайно многие битвы Стрыйковский описывает даже в стихах.

Примечательна еще одна особенность рассматриваемого рассказа Стрыйковского. Житель Переяславля, предложивший для поединка с печенежским богатырем своего сына, обращается к Владимиру: «Царю!» Все летописи, кроме Тверской, передают это обращение как «княже!» (Тверская — как «княже господине!») [104], но ни одна летопись не имеет такого обращения, как у Стрыйковского. Впрочем, наименование русских князей киевского периода — «царь» или «цесарь» не было чуждо летописям. В частности, это является особенностью Летописца Переславля Суздальского. Хотя в данном эпизоде Летописца и не употреблено это название, но в других случаях оно широко использовано [105].

Рассказ об избрании Владимиром вер у Стрыйковского — летописный и несравненно более подробный, чем у Длугоша и других польских хронистов. Есть одна важная особенность: указано имя греческого философа: «Кир или Кирус». Имя философа называют Новгород-

---

[104] ПСРЛ, т. XV, стлб. 116.

[105] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 127.

ская IV, Софийская I, Московский летописный свод, Тверская, Львовская и Воскресенская летописи, но иначе — Кирилл[106]. Есть и еще одна подробность, которую скорее можно рассматривать как дополнение самого Стрыйковского. Перечислены магометанские народы, послы которых приходили к Владимиру: татары, египтяне и арабы[107]. Очевидна историческая несообразность — названы татары, но эта несообразность очень характерна: она указывает на летопись, сходную с Летописцем Переславля Суздальского, как на источник Стрыйковского. В своей Хронике Стрыйковский сообщает об отправлении Владимиром послов для выбора веры в Рим, Германию, Африку, Египет и Скифию[108]. О посольствах Владимира в такие страны, как Рим, Египет и другие, правда, уже после крещения, имеются сведения только в Никоновской летописи и в Степенной книге (под 1001 г.): «посла Владимир гостей своих, аки в послех в Рим, а других во Иерусалим, и в Египет и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их»[109]. Но при отсутствии других известных нам источников вполне возможно допустить, что Стрыйковский в каком-то виде знал источник Никоновской летописи, где имелось это известие, вероятно, объединенное со сходным с ним известием о посольствах для выбора вер.

После принятия Владимиром решения креститься в «греческую веру» он, согласно Стрыйковскому, созывает «господ и бояр совета» в городе Владимире на Клязьме. Летописи сообщают о таком совете еще до отправления послов с целью выбора веры и ничего не пишут о том, что он происходил во Владимире на Клязьме. Вероятно, последнее является догадкой самого Стрыйковского, основанной на сообщении Герберштейна о строительстве Владимиром Святославичем этого города[110].

Корсунский поход Владимира описан по Повести временных лет, но даны и варианты названия Корсуня

---

106 ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 61; т. V, стр. 115; т. XXV, стр. 360; т. XV, стлб. 79; т. XX, ч. 1, стр. 67; т. VII, стр. 297.

107 Stryjkowski, t. I, стр. 128.

108 Там же.

109 ПСРЛ, т. IX, стр. 68 и т. XXI, ч. 1, стр. 127.

110 Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 129 и Герберштейн, стр. 10.

по Меховскому — Корехим и по Сабеллику — Херсон. У Стрыйковского есть и эпизод с Настасом, которого не знают Длугош и другие польские хронисты. Эпизод этот рассказан по летописи, но литературно несколько развит. Согласно Стрыйковскому, Владимир, помимо Корсуня, занял «Кафу или Феодосию славный город» и «всю Таврику»[111]. Известий об этом мы не найдем ни в одном другом источнике.

После известия о завоеваниях Владимира в Таврике в Хронике Стрыйковского следует рассказ о Холопьем городке. Передан он в соответствии с версией Герберштейна, со ссылкой на него и «старые русские хроники» («написано в старых русских хрониках, о чем повествует из тех же хроник также Сигизмунд Герберштейн»). Сопоставляя рассказы Стрыйковского и Герберштейна, мы видим, что разница между ними сводится к известию Стрыйковского о видах казней, которым подверглись после подавления восстания холопы[112]. П. П. Смирнов, специально изучавший источники Повести о холопской войне, считал, что в данном месте Хроники Стрыйковского «нет никаких следов пользования русскими хрониками». Впрочем, возможность существования таких летописей, где содержался рассказ о холопьей войне, П. П. Смирнов вполне допускал и даже предполагал, что он входил в состав первоначальной редакции Повести временных лет[113]. В указании Стрыйковского по этому поводу обращает на себя внимание подчеркивание того, что этот рассказ находится именно «в старых русских хрониках». Видимо, у Стрыйковского были и такие (новые) летописи, которые не содержали этого рассказа. Существенно и то, что Стрыйковский сопоставлял рассказ Герберштейна с рассказом летописей, раз он заявляет, что Герберштейн описывает его «так же», т. е. таким же образом.

Сам Стрыйковский этот рассказ считает недостоверным, заимствованным из античной истории: «Точно такие же истории описывает Юстин из Трога Помпея

---

[111] S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 129—130.

[112] Ср. S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 130 и Г е р б е р ш т е й н, стр. 119.

[113] П. П. С м и р н о в. Сказание о холопьей войне в древней Руси. «Ученые записки Московского гор. пед. ин-та», т. II, вып. 2, 1947, стр. 14 и др.

и Геродот»[114]. Если бы Стрыйковский не нашел ни в одной из летописей рассказа о холопьей войне, он, конечно, не преминул бы это использовать как доказательство выдумки Герберштейном того рассказа, в историческую достоверность которого сам Стрыйковский не верил.

Крещение Владимира описано Стрыйковским в соответствии с Повестью временных лет. Интересно известие Стрыйковского о том, что с Владимиром крестились и «бояре, воины и все русское рыцарство, а самому Владимиру было дано при крещении новое, греческое имя Базилий, по-русски Василь». О крещении с Владимиром бояр и войска русские летописи не говорят ничего, а о том, что Владимир получил имя Василия, непосредственно в известии о его крещении читается только в Тверской летописи[115]. Признаки знакомства с некоторыми ее известиями в Хронике уже отмечались.

К вопросу о крещении Владимира Стрыйковский возвращается еще раз значительно ниже, в связи с известием об овладении Киевом Гедимином в 1321 г. Предполагая, что невозможно рассчитать, на каком году существования города это произошло, Стрыйковский указывает, что Киев был взят через 431 год после того, как Владимир «крестился в Царьграде». Трудно сказать, каков был источник этого известия Стрыйковского о крещении Владимира в Константинополе, противоречившего его собственному рассказу о крещении Владимира в Корсуни. Возможно, здесь Стрыйковский обратился к какому-то западнорусскому памятнику, из которого он черпал другие известия по истории Литвы, либо из «Хроники всего Света» Бельского, где имеется такое известие[115а]. При этом, как и в ряде других случаев, Стрыйковский не согласовал сведения, полученные им из разных источников.

Крещение киевлян Стрыйковский описывает следующим образом: «И тогда услышав это, весь народ бежал с радостью в Киев, а иные в другие назначенные места, куда были разосланы греки-священники для исполнения святого крещения. И [люди] говорили: «Если бы это не было добрым делом, князь великий Владимир и его бояре не крестились бы». И священники и диаконы, одев-

[114] Stryjkowski, t. I, стр. 130.
[115] ПСРЛ, т. XV, стлб. 104.
[115а] Bielski, л. 344.

шись в ризы, стали на лавках, приготовленных для этого на Днепре-реке, а люди группами входили в реку: одни — по пояс, другие — по шею. И священники, давая каждой группе особое имя — Тимофей, Василий, Петр, Симеон,— поливали их водой и читали положенные молитвы, крестили всех мужчин и женщин во имя отца и сына и святого духа»[116].

Сообщения о том, что крещение одновременно с Киевом производилось и в других городах, что духовенство стояло при этом на специальных лавках и имена крестившимся давались по группам, мы не найдем ни в летописях, ни в житиях Владимира[117], ни в Похвале Якова Мниха, ни в польских хрониках. Заслуживают ли эти известия доверия? Каково их происхождение?

Настораживает прежде всего известие о том, что все крестились с радостью. Как известно, летописи рисуют совершенно противоположную картину полунасильственного, если не насильственного крещения. Всеобщее ликование при крещении скорее могло представляться позднейшему писателю. Вызывает недоумение и упоминание о крещении киевлян обливанием (отсюда и необходимость скамеек, поставленных в реке). Крещение через обливание — католический обычай, и это обстоятельство дает возможность определить среду, в которой такой рассказ о крещении Руси мог появиться. Что касается упоминания о том, что одно имя давалось сразу группе людей, то совершенно аналогичную картину Стрыйковский рисует при описании крещения Литвы в 1387 г., когда, по его словам, «каждой группе или разряду, когда ее крестили, давали особое имя, ибо если бы стали крестить по-одному, это был бы бесконечный труд». В свою очередь такое описание Стрыйковского находит соответствие в хрониках его предшественников Кромера[118] и Ваповского[119]. Вполне вероятно, что рассматриваемая подробность в рассказе Стрыйковского о крещении Руси — его предположение, которое он сде-

---

[116] Stryjkowski, t. II, стр. 368.

[117] Если не считать одного позднего (XVII в.) украинского жития Владимира, которое само зависело от хроники Стрыйковского (см. об этом житии: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.— Л., 1962, стр. 113).

[118] Kromer, стр. 312.

[119] Wapowski, t. I, стр. 73.

лал, исходя из рассуждения, что при такой массе крестившихся «иначе не могло быть»[120].

Таким образом, источник рассказа Стрыйковского о крещении Руси, представлявший собой позднюю передачу летописного рассказа в польской или западнорусской (прокатолической) обработке, был дополнен собственными соображениями Стрыйковского.

В описании уничтожения Владимиром идолов содержится оригинальное известие об идоле Велеса, который, по словам Стрыйковского, был чтим не только как бог скота, но и как лесной бог. Согласно Стрыйковскому, Владимир «приказал утопить его в отхожем месте»[121].

Стрыйковский пишет, что в школах, созданных Владимиром, изучался не только славянский («глагольский, который ныне Русь употребляет»), но и греческий язык[122]. Каков источник этого известия Стрыйковского,— неясно. Обращает на себя внимание, что Стрыйковский называет славянский язык «глагольским». Не является ли это намеком на употребление в древности глаголицы?

Стрыйковский указывает, что, помимо церкви Василия, в Киеве Владимиром была построена еще и церковь Спаса «из большого камня на том месте, где стоял болван Перуна»[123]. Ни русские летописи (за исключением Владимирского летописца), ни польские хроники не пишут о сооружении в Киеве церкви Спаса на месте, где стоял Перун. В летописях говорится, что на этом месте была построена церковь Василия, а церковь Спаса Владимир соорудил в Василеве. Только Владимирский летописец, дошедший в списке XVI в., имеет известие о сооружении Владимиром в Киеве церкви Спаса. Можно предположить, что у Стрыйковского имелся летописец с известием, восходящим к какому-нибудь источнику Владимирского летописца[124]. Впрочем, возможно и другое предположение: у Стрыйковского мог быть какой-то неисправный список летописи, где оба храма были отнесены к Киеву, причем таким образом, что точное топографическое указание местонахождения Киевского храма было воспринято как относящееся к Ва-

---

120 Stryjkowski, t. I, стр. 368.
121 Там же, стр. 132.
122 Там же.
123 Там же.
124 ПСРЛ, т. XXX, стр. 37.

сильевскому храму. Так предполагал Евгений Болховитинов, и это весьма вероятно. Впрочем, ряд ученых (М. А. Максимович, П. Г. Лебединцев, А. М. Павлинов, Ф. И. Шмит и Г. К. Лукомский) видели в церкви Спаса на Берестовом (неподалеку от Киево-Печерской лавры) постройку эпохи Владимира, основываясь именно на известии Стрыйковского. В настоящее время, однако, в результате археологических изысканий и исследования памятника стало очевидным, что время его возникновения относится в лучшем случае к концу XI в., но никак не ко времени Владимира Святославича [125].

При перечислении епископов, посланных Фотием в русские города, Стрыйковский допускает невообразимую путаницу. Он пишет: «...Взял от патриарха из Константинополя, Фотия митрополита первого в Киев, Леонтия — в Новогрудок архиепископом, Иоакима Корсунянина — в Великий Новгород архиепископом» [126]. Очевидно, Стрыйковский неправильно прочитал летопись [127], оторвав имя Фотия от упоминания о патриархе. Таким образом, Фотий превратился в митрополита, а имя Леонтия было присоединено к упоминанию второго города, а так как ни в одной летописи в этом месте Новгород не назван Великим, то его Стрыйковский и принял за знакомый ему по пребыванию в Литве и Белоруссии Новогрудок. Но оставался еще Иоаким. Летопись далее говорила о его епископстве в Новгороде Великом, почему Стрыйковский и назвал его правильно по летописи. Из самой возможности такой путаницы вытекает, что Стрыйковскому был неизвестен текст Никоновской летописи: там Новгород назван вместе с Псковом [128], так что спутать его с Новогрудком было бы невозможно.

О свержении Перуна в Новгороде Стрыйковский рассказывает со ссылкой на русские летописи и Герберштейна. Рассказ Стрыйковского ничем не отличается от известия Герберштейна [129]. Известия по русской истории возобновляются в 1 главе V книги. Поход Владими-

---

[125] Подробнее о времени сооружения храма Спаса на Берестове, в том числе и обзор литературы по этому вопросу, см. в кн.: М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. М., 1961, стр. 374—391.

[126] Stryjkowski, t. I, стр. 132.

[127] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 90; т. V, стр. 121, т. XXV, стр. 365.

[128] ПСРЛ, т. IX, стр. 64.

[129] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 132—133 и Герберштейн, стр. 119.

ра на Польшу Стрыйковский описывает со ссылкой на Длугоша, Меховского и Кромера, а о русских источниках замечает: «Русские хроники никакого похода Владимира против поляков не вспоминают»[130]. Между тем, все летописи, кроме летописей местного характера, таких, как Новгородские II и III и Псковские, говорят об этом походе.

Рассказ о разделе Владимиром Святославичем владений между сыновьями Стрыйковский передает на основе летописей новгородско-софийского вида. Только в таких летописях, как Новгородская IV, Софийская I, Московский летописный свод, Воскресенская, Тверская и Никоновская, имеются содержащиеся у Стрыйковского сведения о том, что Судиславу был дан Псков, а Станиславу — Смоленск[131]. Мог воспользоваться Стрыйковский в этом месте и Длугошем, поскольку Стрыйковский в соответствии с ним упоминает, что Судислав и Станислав получили еще Киев и Берестов[132]. Правда, Длугош говорит, что владения Судислава и Станислава ограничивались лишь этими последними городами. Таким образом, у Стрыйковского мы видим соединение летописного известия со сведениями Длугоша.

Остается неясным известие Стрыйковского о том, что Волынь получил Позвизд. Длугош пишет, что Позвизд должен был княжить вместе с Судиславом и Станиславом в Киеве и Берестове, а летописи вообще не упоминают Позвизда в связи с разделом Владимиром земель. Исключение составляет Устюжский свод, но и в нем не говорится, что Позвизд получил Волынь: согласно этому своду, Владимир оставил его вместе со Станиславом и Судиславом при себе[133].

Далее Стрыйковский пишет о Десятинной церкви: «Послал потом за ремесленниками в Грецию и построил церковь Богородицы, над которой, украсив ее иконами и книгами, поставил священника Настаса Корсунянина, обеспечив его большими десятинами с продажи меда и всякого зерна»[134]. В этом известии Стрыйковского ин-

---

[130] Stryjkowski, t. I, стр. 151.

[131] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 89—90; т. V, стр. 120; т. XXV, стр. 365; т. VII, стр. 313; т. XV, стлб. 113; т. IX, стр. 57.

[132] Stryjkowski, t. I, стр. 152 и Długosz, t. 1, стр. 323.

[133] Устюжский летописный свод, стр. 35.

[134] Stryjkowski, t. I, стр. 152.

тересно упоминание десятины с продажи меда и зерна. Все летописи, за исключением Никоновской, о ней говорят иначе и в форме обращения Владимира к Анастасу: «даю от имения моего и град моих десятую часть». Только Никоновская летопись дает перечень статей доходов, хотя и больший, чем у Стрыйковского, но с упоминанием торга и жита: «И от всякого суда десятое, и ис торгу десятую неделю во всех градах, и от всякого стада на всякое лето десятая, и от всякого жита на всякое лето десятое». Можно предположить, что Стрыйковский знал какой-то источник Никоновской летописи, правда, в ином виде, чем он попал в саму летопись (в этом источнике из всего «торга» была выделена только продажа меда)[135]. Но, возможно, Стрыйковский был знаком и с самим текстом Устава Владимира Святославича. Правда, ни одна из дошедших до нас редакций Устава не имеет упоминания о десятине с продажи меда. По-видимому, Стрыйковский имел в своем распоряжении (отдельно или в составе летописи) какую-то особую, неизвестную нам редакцию Устава. Естественнее всего предположить, что это была западнорусская редакция. Допустить это можно не только потому, что Стрыйковскому, жившему в Белоруссии, такая редакция была доступнее. Дело в том, что уплата церковной дани с продажи меда характерна для практики Западной Руси и Литвы. В составленном, по мнению Я. Н. Щапова, в первой половине XIV в. «Туровском уставе о десятине» в статье 2 читаем: «А вербян (т. е. людей, связанных с изготовлением алкогольных напитков.— *А. Р.*) кто закупит — тот сытит, дает владыце два камени, [воску], а цебер меду, а кто не закупит, а возмет сытити и продавати той заплатит тот доход владыце, а мед владыка велит поимати»[136]. Выплата медовой дани как одной из статей церковного дохода сохранялась в Пинске еще в начале XVI в. Князь К. И. Острожский в своих «церковных наданьях» пинским храмам Успе-

---

[135] ПСРЛ, т. IX, стр. 65.

[136] В статье «Туровские уставы о десятине», в «Археографическом ежегоднике за 1964 год», Я. Н. Щапов так толкует цитируемую выше статью Устава: «Самовольные, без внесения откупа или без соответствующего договора с епископом изготовление и продажа меда карались и уплатой выкупа и конфискацией изготовленного меда» (стр. 261).

ния и Преображения определяет медовую дань. А пинский князь Иван дает мед Городецкой церкви св. Дмитрия (1507 г.)[137].

Медовая дань с села Моравьиничи была определена как одно из средств обеспечения церкви Богородицы в Друцке местным князем Василием Михайловичем в XIV в. Запись об этом, сделанная уставом XIV в., имеется на пергаменном Друцком евангелии, написанном для названной церкви и в настоящее время находящемся в библиотеке Сибирского отделения АН СССР в собрании рукописей М. Н. Тихомирова[138]. Медовая дань уплачивалась в Литве и католическому духовенству. В грамоте 1387 г., данной Ягайлой католическому духовенству в Вильне, в пользу церкви определялось, кроме остального, и «полтора устава меду»[139].

Но вернемся к рассмотрению известий Хроники. Стрыйковский пишет: «Потом русская хроника вспоминает, что Владимир отправился в землю Суданьскую (Sudańska) и захватил главный город Судам, но что это была в то время за страна — неизвестно»[140]. У Стрыйковского совершенно очевидно искажено название «Суздальская», однако едва ли это можно поставить в вину самому Стрыйковскому. Дело в том, что почти все летописи на редкость сбивчивы в передаче названия этой земли. Если в Софийской I и Вологодско-Пермской стоит «смоленскую»[141], то в Устюжском своде и Новгородской IV — «словенскую»[142], в Тверской — «словянскую»[143] и только в Московском летописном своде конца XV в., Воскресенской и Никоновской — «суздальскую»[144]. Стрыйковский, таким образом, дает название хотя и искаженное, но очень близкое к тому, которое читается в Московском своде, Воскресенской и Никоновской лето-

---

[137] А. Грушевский. Пинское полесье XIV—XVI вв. Исторические очерки. Киев, 1903, стр. 7.

[138] Научно-техническая библиотека СО АН СССР. Собрание М. Н. Тихомирова, № 1, л. 188 об.

[139] Ю. Крачковский. Старая Вильна до конца XVII в. Вильна, 1895, стр. 44.

[140] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 152.

[141] ПСРЛ, т. V, стр. 120 и т. XXVI, стр. 31.

[142] Устюжский летописный свод, стр. 35 и ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 90.

[143] ПСРЛ, т. XV, стлб. 113.

[144] ПСРЛ, т. XXV, стр. 365; т. VII, стр. 313; т. IX, стр. 64.

писях, тогда как другие летописи указывают совершенно иные земли.

Возможны и другие толкования названия «земли Суданьской». Это могла быть Судакская земля с центром в Судаке. Впрочем, никаких других данных или хотя бы намеков о войнах Владимира в Судаке мы не имеем. Наконец, Суданьская земля у Стрыйковского могла обозначать и Судавию — территорию одного из крупнейших прусских племен, соседивших с ятвягами. О ней упоминается в хронике Длугоша под 1015 г. в рассказе о походе Болеслава Храброго на пруссов [145].

Следующее известие Стрыйковского — о перемирии Владимира с Болеславом Храбрым — заимствовано из Длугоша через посредство Меховского, на которого Стрыйковский и ссылается [146].

О конфликте Владимира с сыном Ярославом в целом Стрыйковский рассказывает по Длугошу (Ярослав занимает Киев), но причину конфликта объясняет по летописи: отказ Ярослава выплатить 2 тыс. гривен. У Длугоша называется другая причина: Ярослав «жаждал» самого Киевского княжества [147].

Стрыйковский указывает следующую дату смерти Владимира — 6525 г. от сотворения мира (1017 г.) 15 июля и замечает: «...правил после крещения 28 лет». Стрыйковский заимствовал эту ошибочную дату, вероятно, из какой-то летописи, на это указывает сама датировка от сотворения мира. Все известные летописи датируют смерть Владимира 6523 г.

Неясно, откуда происходит известие Стрыйковского о том, что Борис поразил несколько полков печенегов [148]. Все летописи говорят, что Борис не нашел печенегов. Длугош же и другие польские хронисты о столкновении Бориса с печенегами не говорят вовсе.

Замечание Стрыйковского о том, что Владимир чтится Русью как апостол и день его памяти ежегодно празднуется 15 июля, взято дословно из Герберштейна [149].

Подробный рассказ об убийстве Бориса передан

---

[145] См. Długosz, t. 1, стр. 350 и прим. 6.

[146] Stryjkowski, t. I, стр. 152. Ср. Długosz, t. 1, стр. 308 и Mathias de Michoviae, стр. 23.

[147] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 152 и Długosz, t. 1, стр. 323.

[148] Stryjkowski, t. I, стр. 153.

[149] Там же и Герберштейн, стр. 10.

Стрыйковским со ссылкой на «русскую хронику». Ближе всего этот рассказ к летописям новгородско-софийского вида. Только в них находим такие подробности, как то, что накануне убийства была суббота и Борис велел служить вечерню в шатре, что он встал рано на следующий день, что, когда израненного Бориса ввезли в бор, он поднял голову. Стрыйковским приведены и известные по этим летописям слова Бориса к убийцам, впрочем, они вложены в уста их самих. Если в летописях читаем: «Что стоите зрящите? Приступльше скончайте повеленное вам», то у Стрыйковского: «К чему стоим и смотрим, не кончим дела, приказанного нам»[150].

Некоторые из перечисленных подробностей переданы и Летописцем Переславля Суздальского, но далеко не все (нет упоминания о том, что Борис встал рано, нет его слов, обращенных к убийцам). Кроме того, Стрыйковский не называет Бориса Романом, как это имеет место в Летописце[151].

В таком виде, как у Стрыйковского, слова убийц (а не Бориса, как в летописях) читаются в проложных житиях Бориса и Глеба[152]. В этом же источнике находим и все упоминавшиеся подробности Стрыйковского и главное те, которые отсутствуют в летописях новгородско-софийского вида. Ими являются, помимо указанного: 1) упоминание о том, что Борис, услышав топот приближавшихся к его шатру убийц, устрашился и стал «потоками испускать слезы» (в житии: «трепетен был и начя слезы испущати от очию, аки струю»); 2) просьба Бориса дать ему еще помолиться перед смертью; 3) слова Бориса, вновь обращенные к убийцам: «Братья мои милые! Кончайте дело ваше и пусть будет мир господину брату моему и вам, братья мои милые» (в житии: «Братие, приступите и кончайте службу вашу, и буди мир господину, брату моему и вам, братия»).

Таким образом, можно установить, что в составе летописи Стрыйковского находилось если не само житие Бориса, то по крайней мере источник, очень сходный

---

[150] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 153 и ПСРЛ, т. V, стр. 127 и т. XXV, стр. 369—370.

[151] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 153—154 и Летописец, стр. 35—38.

[152] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты, стр. 37.

с ним. Предположить, что Стрыйковский непосредственно обращался к житию отдельно, у нас нет оснований: тогда бы он не стал прямо ссылаться на летопись.

Об убийстве Глеба Стрыйковский рассказывает очень кратко, но, несмотря на это, и здесь одно его выражение позволяет видеть тот же в конечном счете источник — проложное житие. Это слова: «Но господь бог (как русская хроника свидетельствует) не оставляет своих верных». В житии в этом месте читаем: «Господь же не оставляет раб своих». В летописях хотя и находим по существу то же, но в совершенно иных словах: «Яко же рече Давид: сохранит господь вся кости их» [153].

Далее Стрыйковский говорит о восстании новгородцев против Ярослава: «Ярослав, третий брат, в это время был в Великом Новгороде, и стали новгородцы ему противиться и выходить у него из подчинения, желая взять себе господином злого Святополка. Но Ярослав, собрав свое рыцарство, поразил их (новгородцев.— *А. Р.*) тысячу на урочище Россамой и, таким образом, подавив протест, усмирил бунтовщиков». Рассказ об этих событиях неизвестен Длугошу и другим польским хроникам. Русские же летописи хотя и содержат известие о рассматриваемых событиях, но иначе объясняют выступления новгородцев, а именно бесчинствами в Новгороде варяжской дружины, служившей у Ярослава. Значительно искажено Стрыйковским название урочища, в летописях оно названо Раком. И все же в этом рассказе Стрыйковского есть одна деталь, которая позволяет возвести этот неизвестный нам источник сведений Стрыйковского к определенной группе летописей — новгородско-софийской (Софийская I, Московский летописный свод, Тверская), а также Новгородским I и III, поскольку только в этих летописях названо число новгородцев (1000), перебитых Ярославом [154].

Следующее затем известие о сборе Ярославом войска против Святополка явно происходит из того же источни-

---

[153] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 154 и Н. Серебрянский. Указ. соч., Тексты, стр. 42; ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 103; т. V, стр. 131.

[154] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 154 и ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 106; т. V, стр. 131; т. XXV, стр. 372; т. XV, стлб. 134; Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 174 (далее:— Новгородская летопись).

ка, что и предыдущее. Стрыйковский пишет, что новгородцы не хотели идти против Святополка, что представляется вполне естественным, так как в источнике Стрыйковского говорилось о новгородцах как сторонниках Святополка («желая злого Святополка взять себе господином»). Есть и второй признак происхождения этого известия из отмеченного источника: определение численности войск (тысяча варягов и 30 тыс. русских), такие цифры указаны в летописях опять-таки новгородско-софийского типа (Софийская I, Московский летописный свод, Тверская) и в Новгородской III летописи [155].

Рассказ о битве под Любечем передан Стрыйковским по летописи. У Длугоша он короче. В его сочинении не сказано, что воевода имел прозвище Волчий Хвост [156]. Есть одна особенность: по Стрыйковскому, среди воинов Святополка были волынцы, летопись и Длугош называют «русь и печенегов».

Следующее затем известие о приходе на Русь Болеслава представляет собой соединение летописи и Длугоша. Из Длугоша добавлено собственно только то, что Болеслав взял Луцк. В качестве причины похода, помимо оказания помощи Святополку, Стрыйковский указывает еще и стремление Болеслава вернуть Польше Перемышль и Червен. О взятии Болеславом этих городов говорит и летопись, не считая, однако, это причиной похода. Неясно все же, какая именно летопись служила здесь источником Стрыйковскому. Все летописи, содержащие этот рассказ, очень близки, и ни одна из них не имеет характерного добавления к словам посадника Константина, меняющего весь смысл фразы, которое находим в Хронике Стрыйковского. В летописях: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком», а у Стрыйковского: «еще за твою жизнь хотим биться, но злой страх» [157].

Пребывание Болеслава в Киеве описано Стрыйковским очень близко к Длугошу [158]. Только в одном случае Стрыйковский обращается к русским летописям, когда

[155] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 154 и ПСРЛ, т. V, стр. 131; т. XXV, стр. 372; т. XV, стлб. 135; Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 177.

[156] Stryjkowski, t. I, стр. 154—155 и Długosz, t. 1, стр. 331.

[157] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 155 и ПВЛ, т. I, стр. 97.

[158] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 155 и Długosz, t. 1, стр. 332—336.

пишет, что Болеслав взял с собой двух дочерей Владимира, «из которых одну, как свидетельствуют русские хроники, взял в наложницы». Длугош тоже называет двух дочерей — Пшецславу и Мшчиславу, но не пишет, что одна из них стала наложницей. Заметим, что ни одна из дошедших летописей не знает Мстиславы Владимировны.

Рассказ о походе Болеслава Стрыйковский должен был излагать именно по Длугошу, ибо русские летописи, имевшиеся у него, ничего не говорили, как отмечал сам Стрыйковский, «ни о второй, ни о третьей битве и поражениях Ярослава от Болеслава»[159].

Борьбу Ярослава со Святополком после похода Болеслава Стрыйковский описывает по Длугошу по той же причине. У него он находил более подробный рассказ. В Хронике Длугоша говорилось о двух сражениях, тогда как в летописях, и это отметил Стрыйковский, только об одном. Вот почему Стрыйковский пишет по Длугошу, на этот раз отступив от своего принципа проверять названия по летописи, и передает крайне искаженное название реки Альта — «Ольха»[160]. Но русские летописи Стрыйковский все же в какой-то мере и здесь принял во внимание. По Стрыйковскому, перед боем Ярослав восклицает: «Кровь брата моего вопиет к тебе, господь бог, как (кровь) невинного Авеля, которую ты сам отомсти». Это очень близко к тому, что в летописях: «Кровь брата моего вопьет к тобе, владыко! Мьсти от крове праведного сего, якоже мьстил еси крове Авелевы, положив на Каине стенанье и трясенье; тако положи и на семь»[161]. Этих слов не знают другие польские хроники.

Стрыйковский передает две версии о смерти Святополка: Длугоша (Святополк умер от внезапной болезни в Польше) и русских летописей (Святополк погиб в пустыне)[162]. По летописи же Стрыйковский называет Святополка Окаянным: «Святополк, как его Русь называет, Проклятый».

Все указанные случаи использования летописного текста еще не дают возможности определить, какими

[159] Stryjkowski, t. I, стр. 157.
[160] Там же.
[161] Там же; ПВЛ, т. I, стр. 97.
[162] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 157—158 и Długosz, t. 1, стр. 343.

именно летописями пользовался здесь Стрыйковский: все летописи передают этот рассказ одинаково. Зато концовка Стрыйковского ведет нас к совершенно определенному типу летописей. Стрыйковский пишет: «Так после смерти Святополка прекратились мятежи на Руси, и Ярослав стал править во всей Руси». Эти слова Стрыйковского явно зависят от следующего места, содержащегося в новгородско-софийских летописях (Софийской I, Московском своде, Воскресенской, Тверской) и в Устюжском летописном своде: «И оттоле крамола преста в Русской земли, а Ярослав прия власть всю Русския земли» [163]. Этой фразы не сохранили другие летописи. Они кончаются теми словами, которые предшествуют цитируемой фразе новгородско-софийских летописей: «Ярослав же, седе в Киеве, утер пота с дружиною своею». Стрыйковский этой характерной фразы не передает. То же видим в Устюжском летописном своде.

Следующим известием Стрыйковского является рассказ о розыске Ярославом останков Бориса и Глеба. То же находим и в летописях новгородско-софийских, Никоновской летописи и в Устюжском летописном своде [164]. К краткому изложению известий этих летописей Стрыйковский добавляет из Герберштейна его неудачную догадку, что Борис и Глеб получили имена Давид и Роман уже после смерти. Напоминаем в связи с этим еще раз, что Летописец Переславля Суздальского называет Глеба Давидом еще при жизни.

Из Герберштейна же Стрыйковский заимствует сведения о дне памяти Бориса и Глеба — 24 июля, передав их с небольшой ошибкой: в действительности должно быть 23 июля [165].

Затем Стрыйковский сообщает о рождении у Ярослава сына Владимира, после чего сразу же переходит к рассказу о постройке церкви Богородицы на Золотых

---

[163] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 158 и ПСРЛ, т. V, стр. 133; т. XXV, стр. 373—374; т. VII, стр. 327; т. XV, стлб. 140; Устюжский летописный свод, стр. 40.

[164] Stryjkowski, t. I, стр. 158 и ПСРЛ, т. V, стр. 133—134; т. IX, стр. 77; Устюжский летописный свод, стр. 40—41. Львовская летопись упоминает об этом, но очень кратко (см. ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 89).

[165] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 158 и Герберштейн, стр. 10.

воротах и Софийского собора и о победе Ярослава над Брячиславом Изяславичем, т. е. после события, по летописям относящегося к 1020 г., переходит к событиям 1037 г.

Стрыйковский отмечает, что в русской хронике нет рассказа о разгроме Ярославом Брячислава Изяславича, и излагает его в соответствии с Длугошем[166]. Неизвестен по летописи Стрыйковскому и рассказ о единоборстве Мстислава с Редедей, и он передает его по версии Длугоша, согласно которой с Редедей сражался не Мстислав, а Ярослав[167].

Следующее затем известие о конфликте Ярослава с Мстиславом дано чрезвычайно близко к Новгородской III летописи. Стрыйковский пишет: «О том ходе битвы и взятии Киева, как его потом Ярославу брат Мстислав вернул, русские хроники не вспоминают, а пишут только, что они сошлись и разделили [владения]: тот (т. е. Ярослав.— *А. Р.*) по Днепр, а Мстислав удел получил в Северской земле»[168], а в Новгородской III летописи читаем: «Великий же князь Ярослав собра вои многи и прииде к Киеву и сотвори мир з братом своим Мстиславом у Городца и разделиша Русь по Днепру: великий князь Ярослав прият сю страну, а Мстислав ону»[168а]. Естественно, что речь здесь может идти о знакомстве Стрыйковского лишь с источником Новгородской III летописи, а не с ней самой, поскольку составление летописи относится к 1673 г.

В известии Стрыйковского о конфликте Ярослава с Мстиславом есть еще одна интересная сторона. Говоря, что Ярослав призвал на помощь «Якуйя», Стрыйковский замечает: «...а как Русь пишет, Африка Акуна». Ни в одной из известных нам летописей Якун не назван Африком. Второе его имя, возможно, происходит от имени его брата Африкана, упоминавшегося в Киево-Печерском патерике[169] (кстати, с этого упоминания и начинается патерик), с которым, следовательно, в какой-то

---

[166] Stryjkowski, t. I, стр. 158 и Długosz, t. I, стр. 343—344.

[167] Stryjkowski, t. I, стр. 159 и Długosz, t. 1, стр. 344.

[168] Stryjkowski, t. I, стр. 159.

[168а] Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 179.

[169] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 3, 187, 188 (далее: Патерик).

мере был знаком Стрыйковский. Предположить же, что у него была в данном случае какая-то неизвестная нам сейчас летопись, нельзя по двум причинам: 1) Стрыйковский говорит, что летописи вообще ничего не знают о битве; 2) приводя имя Африкана Якуна, Стрыйковский ссылается не на летопись, а говорит просто «как Русь пишет».

Затем Стрыйковский пишет, «согласно русским хроникам», о походе Владимира Ярославича и гетмана Вышаты, которого он называет Высотой, на Царьград. По Стрыйковскому, Ярослав требовал у греков Херсонес. Во время похода произошла битва в поле. Высота был пойман, «а Владимир, сын Ярослава, едва с побоища убежал к отцу в Киев». Через четыре года было заключено перемирие, и Высота вместе с другими «товарищами и боярами вернулся в Киев» [170]. Рассматриваемое известие, судя по летописям, относится к 1043 г. Впрочем, в летописях ничего не говорится ни о претензиях Ярослава на Херсонес, ни о битве в поле во время похода. Обращает внимание и то обстоятельство, что о возвращении Высоты-Вышаты не одного, а с «инеми» говорится только в Тверской летописи [171]. Что же касается определения Стрыйковским срока, после которого было заключено перемирие, то ни одна русская летопись такого срока (4 года) не называет, все летописи пишут: «по трех же летах миру бывшю».

Далее Стрыйковский пишет: «На другой год Ярослав посадил сына своего Владимира на княжение в Великий Новгород». Это известие имеют все летописи, кроме Устюжского свода, но помещено оно в летописях под 1034 г., что несовместимо с летописной датой похода 1043 г., который, по Стрыйковскому, должен был происходить за год до этого события. Только две летописи (Воскресенская и Львовская) помещают рассматриваемое известие не под 1034 г., а под 1035 г. [172], что само по себе еще не объясняет происхождения даты Стрыйковского и только свидетельствует о сбивчивости летописей в определении этой даты.

---

[170] Stryjkowski, t. I, стр. 159.
[171] ПСРЛ, т. XV, стлб. 149.
[172] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 160; ПСРЛ, т. VII, стр. 330; т. XX, ч. 1, стр. 90.

Затем у Стрыйковского события следуют в той последовательности, которая вообще неизвестна ни одной летописи: поставление Илариона (по летописям — 1051 г.), пленение Судислава Псковского (по летописям — 1034 г.) и основание Киево-Печерского монастыря (по летописям — 1051) [173]. Даты этих событий Стрыйковский не указывает. В самих перечисленных известиях ничего оригинального не содержится, если только не считать двух явных недоразумений: Иларион назван греком, а «поруб», куда был посажен Судислав, превращен в город Порубье.

Основание Киево-Печерского монастыря описано в Хронике Стрыйковского очень кратко, в том именно виде, как читаем в летописях новгородско-софийской группы (Софийской I, Тверской, Воскресенской), а также в Новгородской III летописи, что видно из следующего сопоставления текстов.

Стрыйковский	**Летописи**
В то же время начали копать пещеры в Киеве по примеру некоего Антония (т. I, стр. 160).	Того же лета начало Печерьскому монастырю от Антония (ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 117; т. V, стр. 138; т. XV, стр. 150; т. VII, стр. 332; Новгородские летописи, стр. 184).

Такие же летописи, как Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская и Летописец Переславля Суздальского, дают вместо этого краткого известия пространную повесть об основании монастыря, в которой цитируемой выше фразы нет [174].

Далее Стрыйковский снова приводит рассказ о войне Ярослава с Болеславом. Рассказ этот дается со ссылкой на Кадлубка, Длугоша, Меховского, Кромера и Ваповского. В соответствии с хронологией Длугоша поход датирован 1018 г. [175]

Походы Ярослава и Мстислава на Польшу, датируемые польскими источниками 1025—1026 гг., Стрыйковский описывает по Кромеру, даже повторяя его ошибку (князь Мстислав назван Мечиславом) [176].

---

[173] Stryjkowski, t. I, стр. 160.

[174] ПСРЛ, т. I, стлб. 155—160; т. II, стлб. 143—149; т. IX, стр. 83—85; Летописец..., стр. 44—46.

[175] Stryjkowski, t. I, стр. 160 и Długosz, t. 1, стр. 355—357.

[176] Stryjkowski, t. I, стр. 161 и Kromer, стр. 80.

Следующие за тем известия: о смерти Мстислава, нападении печенегов на Киев и постройке Софийского собора на месте битвы с печенегами — Стрыйковский передает по Длугошу и Меховскому, ссылаясь на них[177]. При этом Стрыйковский противоречит самому себе. Вспомним, что намного раньше Стрыйковский уже говорил о построении Софии. Такое противоречие зависит несомненно от использования Стрыйковским двух источников: Длугоша и летописей, которые он не сумел согласовать. Это тем большая невнимательность со стороны Стрыйковского, что он и здесь не забыл про русскую летопись, ссылаясь на которую Стрыйковский напоминает о поставлении в Софии митрополита Илариона («что мы уже по русской хронике вспоминали»). Впрочем, ставить это в вину самому Стрыйковскому здесь не приходится. Дело в том, что в русских летописях об основании Софии говорится дважды: под 1017 и под 1037 гг. Несмотря на использование пересказа Длугошем летописей, Стрыйковский и здесь вновь обратился к летописи. И хотя там уже шла речь о Софии, он, очевидно, видя в русских летописях еще одно известие о построении Софии, оставил слова о закладке Софии в своей Хронике.

После этого Стрыйковский сообщает со ссылкой на Кромера о походах Ярослава на Подляшье и Мазовию.

Затем, ссылаясь на Длугоша, Кадлубка и Меховского, Стрыйковский вновь говорит о походе Владимира Ярославича на Константинополь. Рассказ Стрыйковского об этом втором походе является несколько литературно распространенным известием Длугоша с добавлением от самого Стрыйковского слов о том, что «армата» была направлена на Константинополь второй раз[178]. В конце этого рассказа Стрыйковский вновь перечисляет свои источники, на этот раз добавив к ним «некоторые русские летописи». Однако летописи, которые передавали бы этот рассказ о походе и тем более называли бы его вторым, нам неизвестны. Рассказ же, который содержится в летописях, соединяет в себе черты двух рассказов Стрыйковского. Так, упоминание Вышаты имеет-

---

[177] Stryjkowski, t. I, стр. 161. Ср. Długosz, t. 1, стр. 386 и Mathius de Michoviae, стр. 29.

[178] Stryjkowski, t. I, стр. 162 и Długosz, t. 1, стр. 241.

ся только в первом рассказе Стрыйковского. Длугошу, по которому передан второй рассказ, он неизвестен. Но в то же время буря как основная причина неудачи похода описана Стрыйковским в повествовании о втором походе.

Все отмеченное дает право поставить вопрос о существовании первоначально в летописях двух вариантов рассказа о походе на Константинополь, слившихся затем в один. Однако, видимо, в то же время в ряде летописей, которые видели польские хронисты, продолжали оставаться оба рассказа. Длугош передал только второй, а Стрыйковский, располагавший бо́льшим числом летописей, получил в свое распоряжение оба рассказа. Остается неясным только одно: каким образом соединение этих рассказов, которое только и известно в сохранившихся русских летописях, как содержащих в своем составе Повесть временных лет, так и начальный свод (Новгородская I летопись), не дошло до Стрыйковского.

Вопрос о соединении двух версий о походе на Царьград был поставлен в свое время Д. С. Лихачевым. Д. С. Лихачев обратил внимание на упоминание двух воевод в рассказе летописи о походе — Вышаты и Ивана Творимировича — и объяснил это соединением устного источника, называвшего воеводу Вышатой, и летописного рассказа, говорившего об Иване Творимировиче как воеводе[179].

В следующем известии Стрыйковский пишет о смерти Владимира Ярославича в Новгороде и о том, что на его место Ярославом был послан Вячеслав. О том, что Ярослав послал другого князя в Новгород, в этом месте сообщает только Новгородская I летопись (под 1052 г.), но она называет не Вячеслава, а Изяслава[180]. Видно это и из последующего летописного рассказа.

Известие о перемирии Казимира с Ярославом и о браке Казимира с сестрой Ярослава Марией приведено Стрыйковским целиком по Длугошу[181].

Вслед за тем Стрыйковский пишет: «Потом в Киев

---

[179] Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», № 17, 1945, стр. 212.

[180] Stryjkowski, t. I, стр. 162 и Новгородская летопись, стр. 182.

[181] Stryjkowski, t. I, стр. 162—163 и Długosz, t. I, стр. 246—247.

пришли три монаха архимандрита, ученые люди из Греции, и выкопали кости двух князей, Олега и Ярополка Святославичей, убитых дядей Ярослава, и погребли их во Владимире, в церкви св. Богородицы»[182]. Сравнивая это известие с летописным (под 1044 г.), находим ряд отличий: Стрыйковский ничего не пишет о крещении костей, а летописи ничего неизвестно о том, что погребение производили три греческих архимандрита, к тому же ученых. По поводу последнего можно предположить, что Стрыйковский присоединил сюда летописное известие о трех певцах-греках, пришедших в Киев (под 1052 г.). Такой же неудачной догадкой Стрыйковского, по-видимому, является и его замечание на полях: «Олег и Ярополк провозглашены русскими святыми».

Затем, вопреки хронологической последовательности, Стрыйковский говорит о перенесении мощей Бориса и Глеба митрополитом Георгием и указывает летописную дату этого события — 2 мая 6580 г., т. е. 1072 г. Естествен вопрос, почему это известие приведено не на месте: после события 1052 г. следует сразу же известие, датируемое 1072 г. Вероятно, в данном случае Стрыйковский руководствовался тематической, а не хронологической последовательностью изложения фактов, присоединив к известию о новом погребении Олега и Ярополка известие о перенесении останков Бориса и Глеба. К тому же, как это видно на протяжении всей Хроники Стрыйковского, он не знал, что означают взятые им из летописей даты от сотворения мира в переводе на новое летосчисление.

Текст завещания Ярослава передан Стрыйковским в каком-то особом виде по сравнению с летописями и Длугошем. Сопоставим эти тексты.

Стрыйковский	**Повесть временных лет**	**Длугош**
....учил своих сыновей, чтобы каждый из них оставался в своем уделе, чтобы дружно обороняли свои границы, что-	...Рек им: «Се аз отхожю света сего, сынове мои; имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще	...и в долгом разговоре поучал их советами и примерами: чтобы после его смерти хранили между собой согла-

[182] Stryjkowski, t. I, стр. 163.

бы слушали своих бояр - советчиков, чтобы их подданные больше любили, чем боялись их строгости, чтобы остерегались праздности и роскоши, которые губят государство. А потом так разделил русские земли между ними: Изяславу старшему дал Киевскую столицу; Свантославу или Стославу — Чернигов; Всеволоду — Переяслав; Игорю или Григорию — Смоленск и Владимир; Вячеславу — Псков и Великий Новгород (т. I, стр. 163).

будете в любви межю собою, бог будеть в вас, и покорить вы противныя под вы... Аще ли будете ненавидно живуще, а распрях и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своих и дед своих, юже налезоша трудомь своимь великым; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыев; сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будеть в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинеск (т. I, стр. 108).

сие и братское единство, при котором правление их будет долгим и цветущим; если же они поссорятся, то их земли могут подвергнуться нападению врагов. Потом поделил между сыновьями княжество русское и старшему Изяславу дал Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяслав, Григорию — Владимир, а Вацлаву — Смоленск (т. I, стр. 271).

Очевидно, что ни Повесть временных лет, ни Длугош, близкий в этой части к ней, не являлись в данном случае источником Стрыйковского. У них нет таких важных слов, приписываемых Ярославу, как призыв слушаться бояр и добиваться любви подданных, и ничего не говорится о Новгороде и Пскове. Трудно допустить, что все эти особенности были простыми ошибками или домыслами Стрыйковского. Если бы это было так, Стрыйковский не стал бы еще специально сверять этот рассказ по Меховскому (т. е. в конечном счете по Длугошу) и выяснять этим его отличия: «Хотя Меховский пишет, что Владимир достался Григорию, а Смоленск — Вячеславу» [183].

[183] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 163 и Mathius de Michoviae, стр. 32.

К какой группе летописей можно отнести источник данного рассказа, точно сказать трудно, но очевидно, что летопись, в составе которой находился этот рассказ, испытала определенное влияние Новгородско-Софийского свода, ибо только в восходящих к нему летописях говорится, что г. Владимир достался Игорю. Едва ли, впрочем, эта летопись была новгородского происхождения, поскольку она ошибочно называет новгородским князем Вячеслава. Напомним, что известием этой летописи Стрыйковский пользуется, рассказывая об отправлении Ярославом нового князя в Новгород на смену Владимиру Ярославичу. В этом известии также фигурирует новгородский князь Вячеслав.

Следующее затем известие о погребении Ярослава интересно одной подробностью — точным указанием места. Если в летописях и в польских хрониках назван просто Софийский собор в Киеве, то Стрыйковский уточняет — «в приделе (w kaplicy) святого Григория» [184], точнее Георгия.

Далее Стрыйковский в соответствии с русскими летописями говорит, что Ярославичи выпустили Судислава из заключения (в летописях — 1059 г.) [185].

Известия о поимке Всеслава Полоцкого и о восстании киевлян 1068 г. в своих русских летописях Стрыйковский не нашел («хроники русские этого не вспоминают») и потому передает его, ссылаясь на Длугоша, Ваповского, Меховского, Бельского и Кромера [186]. Вслед за этими авторами причиной восстания Стрыйковский считает возмущение по поводу «тиранского обращения с братом», а участников восстания называет «шляхтой русской». Сам же Всеслав представлен как невинная жертва. О его грабительском походе на Новгород не сказано ни слова. Ничего не говорится и о нашествии половцев.

В летописях Стрыйковского не было сведений также и о походе Болеслава Смелого на Киев [187], и он излагает их, пользуясь теми же польскими хрониками. А между тем об этих событиях подробно говорят все летописи,

---

[184] Stryjkowski, t. I, стр. 163.
[185] Там же.
[186] Там же, стр. 163—164.
[187] Там же, стр. 164.

в том числе и такие краткие, как Новгородская III, за исключением Устюжского свода.

В связи с этим нельзя не отметить, что и Кромер, как он сам пишет об этом, не мог найти летописей, содержащих известие об аресте Всеслава, о киевском восстании и походе Болеслава, хотя все же у него были летописи, упоминавшие об изгнании из Киева Изяслава [188]. По всей вероятности, в Западной Руси в XVI в. были распространены более или менее сокращенные летописи. У Стрыйковского были среди прочих летописей более краткие, чем у Кромера.

Затем Стрыйковский очень кратко передает известия польских хроник о втором походе Болеслава на Русь, несмотря на чрезвычайно обстоятельный рассказ об этом Длугоша и даже Бельского [189]. Определить, что именно послужило здесь источником для Стрыйковского, при такой краткости невозможно. Сам Стрыйковский ссылается на Кадлубка, Длугоша, Меховского, Бельского, Ваповского «и других».

Далее Стрыйковский, указав, что русские летописи «не в каждом месте с ними согласуются», передает ход событий непосредственно из самой русской летописи. На полях он делает пометку: «Сами слова русской хроники», а значительно ниже отмечает: «До сих пор хроничка русская». Итак, перед нами особый русский летописец Стрыйковского. Рассмотрим его известия.

«Хроничка» Стрыйковского открывается словами: «После того, как умер великий князь Ярослав Владимирович, его три сына выпустили своего дядю Судислава из Порубья, а Игорь умер в Смоленске, и поделили Смоленск на три части» [190]. Известие об освобождении Судислава хотя и содержится почти во всех летописях (под 6567—1059 г.), но не в таком виде. Во-первых, всюду названы имена князей, во-вторых, все летописи говорят, что после пострига Судислав поселился в Киеве. Следующее известие Стрыйковского о смерти Игоря также есть во всех летописях (под 1060 г.), но указание, как в хроничке, что он умер именно в Смоленске, находим

---

[188] Kromer, стр. 96.

[189] Stryjkowski, t. I, стр. 166—167; Długosz, t. I, стр. 310—314; Bielski, стр. 348.

[190] Stryjkowski, t. I, стр. 167.

лишь в Воскресенской и Тверской летописях[191]. Упоминание о разделе Смоленска известно Новгородской IV, Софийской I, Тверской, Воскресенской и Львовской летописям, но только в Тверской и Львовской оно следует за известием о смерти Игоря, тогда как в остальных оно приведено под 1054 г., еще при жизни Игоря, т. е. отнесено явно не на место[192]. Таким образом, известие хронички, как и двух указанных летописей, отражает более древний свод. Заметим, что у Кромера также имелась летопись с этим известием, однако в ней ничего не говорилось о том, что Игорь умер в Смоленске, и, кроме того, Игорь ошибочно назван Григорием[193].

Вслед за этим в хроничке неожиданно идет известие о построении Игорем каменной церкви св. Михаила в Переяславле. Все летописи говорят, что эта церковь была построена в Переяславле в 1090 г., и потому Игорь связан с этим событием совершенно неоправданно.

Следующее известие хронички — смерть Судислава. Все летописи дают ее под 1063 г.

Далее — упоминание о рождении у Изяслава сына Святополка-Михаила. Известие о его рождении содержится только в Новгородской I летописи, но под 1050 г. и без упоминания о христианском имени княжича.

Непосредственно за этим известием перечислены сыновья князя Святослава: «Родился у Святослава сын Олег, а за ним второй — Давид, потом третий — Глеб»[194]. Ни одна русская летопись не содержит известий, фиксирующих рождение этих князей, хотя все они и фигурируют на страницах летописей. Вполне вероятно, что в недошедшем до нас источнике о рождении каждого из них имелась отдельная запись, но составителем хронички эти факты были сгруппированы и присоединены к известию о рождении Святополка Изяславича.

Далее хроничка говорит о битве на Альте (в летописях под 1068 г.) и бегстве князей с «множеством военных людей» и сразу после этого — о рождении у Всево-

---

[191] ПСРЛ, т. VII, стр. 333, т. XV, стлб. 153.

[192] ПСРЛ, т. IV, вып. I, стр. 118; т. V, стр. 139; т. XV, стлб. 153; т. VII, стр. 333; т. XX, ч. 1, стр. 91.

[193] Kromer, стр. 96.

[194] Stryjkowski, t. I, стр. 167.

лода сына Ростислава (в летописи под 1070 г.) и затем Владимира, родившегося, как известно, в 1053 г., т. е. на 17 лет раньше Ростислава.

Далее в хроничке читаем: «А Святослав послал своего сына Глеба на княжение в Тмутаракань, а Изяслав построил монастырь св. великомученика Дмитрия». О том, что Глеб был послан в Тмутаракань, русские летописи не говорят. В них под 1064 г. сообщается лишь об изгнании его и под 1065 г.— о новом вокняжении Глеба в Тмутаракани. Следующее затем известие о построении Дмитровского монастыря также не находим ни в одной летописи. О нем упоминает В. Н. Татищев (после похода Изяслава на торков), но датирует построение монастыря 1055 г.[195]

Следующее известие требует особого рассмотрения. Стрыйковский пишет, продолжая цитировать хроничку: «Была война великому князю Изяславу с половцами и была с обеих сторон немалая битва, наконец, половцы были побеждены русскими и Изяслав с победой вернулся домой». В летописях известия в таком виде нет. Находим лишь глухой намек на это событие под 1071 г.: «Воеваша половци у Ростовця и у Неятина». Из сопоставления этих двух рассказов видны их различные тенденции: летопись ничего не говорит об исходе битвы и даже не упоминает Изяслава, тогда как хроничка явно стремится прославить его.

Следующее известие в хроничке также явно происходит из источника, сочувствующего Изяславу и враждебного Святославу: «А братья его (т. е. Изяслава.— *А. Р.*) Ярославичи Всеволод и Святослав нарушили завет отца своего и изгнали Изяслава из столичного замка Киева. Святослав сел в Киеве, а Всеволод — в Переяславце»[196]. В этой своей части рассматриваемый источник оставил заметный след в Повести временных лет. Под 1073 г. рассказывается, что Святослав и Всеволод изгнали Изяслава из Киева, причем летописец, явно враждебный Святославу, замечает: «Святослав же бе начало выгнанью братню, желая болшее власти»[197]. Слова хронички о том, что этим был нарушен отцовский

---

[195] В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М., 1963, стр. 82.
[196] Stryjkowski, t. I, стр. 167.
[197] ПВЛ, т. I, стр. 121.

завет, содержатся во всех летописях («великий бо есть грех преступати заповедь отца своего»).

Загадочно упоминание хронички о том, что Всеволод после изгнания Изяслава сел в Переяславце. Очевидно, прежде всего, то, что Переяславль здесь спутан с Переяславцем, который, как известно, находился на Дунае. Но и о том, что Всеволод сел в Переяславле, летописи ничего не говорят. Ведь Всеволод и так стал уже после смерти Ярослава переяславским князем. В хроничке же эта фраза могла быть вставлена для того, чтобы подчеркнуть, что Всеволод остался со своими же владениями и, таким образом, не нарушил завет отца.

Три следующих в хроничке известия касаются Киево-Печерского монастыря: они сообщают о построении в нем Богородицкой церкви, о смерти Феодосия и о начале игуменства Стефана. Известия эти находим почти во всех летописях (соответственно под 1073, 1074 и 1075 гг.), но в несколько ином виде и другой последовательности. Прежде всего, в летописях говорится, что при жизни Феодосия церковь была лишь основана, а освящение ее произошло, по летописям, только в 1089 г. Летописи дают название церкви — Богородицкая — именно в связи с ее освящением. Очевидно, что в хроничке статья попала не на свое место: статья об освящении церкви оказалась там, где должна была бы находиться статья о закладке церкви.

Следующее известие хронички чрезвычайно странно: «Вскоре объединился Святослав с братом своим Изяславом и уступил великое княжение Киевское своему брату, а сам сел в Чернигове»[198]. Летописи и Длугош об этом ничего не знают. Но почти такое же известие имелось в летописи Кромера[199], на что указал и Стрыйковский: «Это согласуется с хронистами польскими». Данное известие Стрыйковского и Кромера, конечно, нельзя признать достоверным, ибо Изяслав, согласно летописи (см. 1076 и 1077 гг.), вернулся в Киев уже после смерти Святослава. Об этом говорят и все летописи и Длугош[200].

Как могло появиться в хроничке такое известие? Нам

---

198 Stryjkowski, t. I, стр. 167.
199 Kromer, стр. 96.
200 Stryjkowski, t. I, стр. 167 и Długosz, t. I, стр. 311.

кажется, что оно представляет собой домысел составителя хронички для объяснения погребения Святослава в Чернигове, о котором он в соответствии с летописями пишет ниже.

Далее хроничка сообщает о набеге половцев и о выступлении против них Изяслава, Святослава и Всеволода. «И была с ними битва,— продолжает хроничка,— и был убит великий князь Изяслав, а в Киеве сел Святослав или Стослав (другие хроники пишут, что Всеволод), а дети его Давид и Олег — в Чернигове, а Святополк — в Турове». Битва с половцами, в которой погиб Изяслав, происходила, по летописям, в 1078 г., однако летописи, естественно, не сообщают об участии в ней Святослава, умершего еще в 1076 г. И в то же время в хроничке нет ни слова, что половцев привели Олег и Борис Святославичи. После смерти Изяслава киевский престол, по другим летописям, занимает Всеволод, что, впрочем, было подмечено и самим Стрыйковским. Последнее обстоятельство интересно как свидетельство того, что хроничка не являлась для Стрыйковского единственной летописью за этот период.

Явным искажением и путаницей является сообщение хронички о том, что Олег и Давид сели на княжение в Чернигове, а Святополк — в Турове. Олег в это время, по русским летописям, бежал в Тмутаракань, Святополк княжил в Новгороде, в Чернигове княжил Владимир Мономах, Туров же принадлежал Ярополку. Впрочем, в этом месте в разных летописях существуют значительные противоречия. Так, если Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи (под 1078 г.) говорят, что Владимир княжил в Чернигове, а Ярополк — во Владимире и Турове[201], то Новгородская IV, Софийская I (под 1079 г.) и Воскресенская (под 1078 г.) Владимира помещают в Смоленск, а Ярополка — в Вышгород[202].

Следующее известие — о похоронах Святослава в Чернигове, и только затем, следуя своей версии, сообщается о вокняжении в Киеве Всеволода.

Далее сообщается о приходе митрополита Иоанна на Русь (в летописях об этом говорится под 1090 г.). Затем хроничка пишет о смерти Всеволода, которую летописи

---

[201] ПСРЛ, т. I, стлб. 204; т. II, стлб. 195; т. IX, стр. 109.
[202] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 134; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 2—3.

относят к 1093 г., и о последовавшем затем разделе владений: Святополк-Михаил садится в Киеве, Олег и Давид Святославичи — в Чернигове, а Владимир — в Переяславле. В этом перечне отражена картина более позднего времени (1094 г.): первоначально Владимир сидел в Чернигове и только через год уступил его Олегу, перейдя в Переяславль.

Следующее затем известие о Святополке-Михаиле требует особого рассмотрения. Хроничка пишет: «Тот Святополк-Михаил, великий князь киевский, за время своего правления незаслуженно причинил много вреда подданным и уничтожил немало имущества, а у других отнял его. А в то время в Киеве был большой голод и жестокий гнет во всей земле русской»[203]. Эта характеристика не имеет ничего общего с той, которую сохранили новгородско-софийские летописи, говорящие о Святополке с явным сочувствием: «Много пострада за землю рускую с погаными печенегы»[204]. Но в то же время Киево-Печерский патерик характеризует княжение Святополка почти теми же словами, что и хроничка: «Много насилия людемь сътвори Святополк, домы силных до основания без вины искоренив, имениа многых отъем»[205].

Далее идет краткое сообщение о победоносном походе Святополка, Олега и Владимира на половцев. В летописях об этом говорится значительно подробнее (в частности, рассказывается о том, что хотя Олег и пошел на половцев, но отдельно от Святополка и Владимира). Поход датирован летописями 1095 г.

Иначе, по сравнению с летописями, описывает хроничка борьбу за Владимир Волынский в 1099 г., связывая с ней смерть Святополка. «И было потом столкновение Мстислава и Святополка с Давидом Игоревичем под Владимиром на урочище, Святополк был подстрелен стрелой и умер, а Владимир Мономах Всеволодович сел в Киеве»[206]. По летописям же Святополк умирает своей смертью, а убивают его сына Мстислава, Владимир же занимает великокняжеский престол после прекращения восстания 1113 г.

---

[203] Stryjkowski, t. I, стр. 167.
[204] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 136; т. V, стр. 149.
[205] Патерик, стр. 106.
[206] Stryjkowski, t. I, стр. 168.

Следующие два известия хронички — о приходе на Русь митрополита Никифора и о построении Владимиром Мономахом каменной церкви Богородицы в Смоленске — находят соответствие в летописях, но там они даны в обратной последовательности, поскольку первое известие датируется 1104 г., а второе — 1101 г.

Затем хроничка пишет о рождении сына Мономаха — Григория. Об этом сыне Мономаха ничего не известно. Быть может, здесь ошибочно передано Стрыйковским имя Георгий [207], т. е. Юрий. Если это так, то данное известие находит соответствие у Татищева, который под 1090 г. отмечает: «Владимиру Всеволодовичу родился четвертый сын и наречен Юрий» [208].

Следующее известие — о смерти черниговского князя Давида Святославича и постриге его сына Святоши Давидовича, названного в монашестве Микулой. Летописи датируют первое событие 1123 г., а второе — 1106 г. Ни одна из известных летописей не передает монашеского имени Святоши — Никола — как Микула.

Далее говорится о смерти Олега Святославича (ее летописи датируют 1115 г.) и о вокняжении в Чернигове его сына Святослава. Последнее не соответствует летописям, которые пишут о вокняжении в Чернигове после смерти Олега Всеволода Ольговича. Заметим, что перед нами выборка хотя и очень кратких, но определенно черниговских известий.

Следующее известие хронички: «Пришли половцы до Треполя, и Владимир выступил против них с братом своим Ростиславом, а когда встретились полки, убежали князья наши» [209]. В летописях под 1093 г. говорится о поражении русских князей у Треполя, но в ней фигурирует еще и князь Святополк. Выше мы уже говорили, что составитель хронички или одного из ее источников был настроен враждебно к Святополку и потому мог выпустить упоминание о нем.

Затем сообщается о смерти Владимира Мономаха (по летописи 1125 г.) и о вокняжении в Киеве Георгия Владимировича. Здесь, как и в ряде предыдущих

---

[207] Примеры такой неточной передачи имен в хронике см. выше.

[208] В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 96.

[209] Stryjkowski, t. I, стр. 168.

известий, опережаются события: Юрий Долгорукий стал киевским князем лишь в 1146 г.

Непосредственно за этим идет известие о рождении у Георгия (Юрия) сына Андрея, т. е. Андрея Боголюбского. Ни в одной из летописей время рождения Андрея не указано, но уж во всяком случае это не могло быть ни в 1125, ни в 1146 г. Андрей Боголюбский родился, по-видимому, около 1110 г.[210]

Завершают хроничку, по крайней мере в той ее части, которая процитирована Стрыйковским, известия о смерти митрополита Никифора (по летописям 1121 г.) и приходе митрополита Никиты (по летописям 1122 г.). Возможно, что вся хроничка на этом известии не кончалась, поскольку после сообщения о смерти Никиты Стрыйковский пишет «и так далее».

Совершенно очевидна хронологическая путаница в последних известиях хронички. В самом деле, если взять события, о которых сообщает хроничка, в соответствии с летописной хронологией, то получается следующая картина: 1095 г., 1113 г., 1104 г., 1101 г., 1090 г., 1123 г., 1106 г., 1115 г., 1093 г., 1125 г., 1146 г., 1121 г., 1122 г. Объяснение такой хронологической сбивчивости, видимо, следует искать в неправильной сводке известий в хроничке либо в перепутанных листах протографа одного из сокращенных составителем хронички источников.

Передав текст хронички, Стрыйковский возвращается к более подробному изложению русских событий по польским хроникам. По Ваповскому и Бельскому и со ссылкой на них он говорит о происхождении половцев (они родственны литовцам) и местах их расселения[211], а далее излагает длинный ряд событий от первых столкновений русских с половцами до войн с ними князей Святополка, Владимира, Давида и Мстислава по хронике Меховского[212].

Исключение составляет рассказ о приходе на Русь венгерского королевича Коломана. Здесь источником Стрыйковского является уже не Меховский и не Длу-

---

[210] М. Погодин. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. М., 1850. Исследование, стр. 2—4.

[211] Stryjkowski, t. I, стр. 168—169 и Bielski, стр. 239.

[212] Stryjkowski, t. I, стр. 169 и Mathius de Michoviae, стр. 80—83.

гош. Они не имеют известия о том, что, придя на Русь, венгерские войска расположились между реками Саном и Вяром. Известие это содержится как в «Хронике всего Света» Мартина Бельского, так и в русских летописях (под 1099 г.) [213]. Определить, что́ именно послужило в данном случае источником Стрыйковскому, не представляется возможным, так как Бельский просто воспроизводит летописное известие. Пересказывая известия Меховского, Стрыйковский не придерживается, однако, его расположения данных, группируя факты в хронологической последовательности (как известно, Меховский отошел от подобного изложения, характерного для Длугоша и летописей). Стрыйковский же располагал факты, как правило, в хронологической последовательности. Он делал это не без влияния русских летописей, с которыми ему так много приходилось работать. Отсутствие же хронологического принципа у Меховского крайне затрудняло Стрыйковскому пользование этим важнейшим для него источником. «В некоторых местах у него каждое дело надо как в лабиринте искать»,— замечает по этому поводу Стрыйковский [214].

В описании войны с половцами интересны и некоторые пояснения и даже экскурсы самого Стрыйковского. Он напоминает, что Олег и Давид были переяславскими и черниговскими князьями. Разъяснение Стрыйковского о том, что убитый половецкий хан Азур «тогда владел замком Азовом», не лишено интереса [215]. Как известно, половцы действительно с XI в. захватили Азов. Возможно, сведения об Азуре Стрыйковский почерпнул из какого-то неизвестного нам источника. Это не единственная подробность Стрыйковского о половцах, не находящая соответствия в других источниках (см., например, ниже об их участии в Липецкой битве и др.).

Название реки Хорела Стрыйковский толкует как Корела, т. е. находящаяся в Карелии, «около Финляндии на севере, за Великим Новгородом». Это крайне неудачное отождествление Стрыйковским двух географических названий настолько увлекло его, что он оставил без внимания замечание Меховского о том, что Сула впадает

---

213 Stryjkowski, t. I, стр. 178—179 и Bielski, л. 350.
214 Stryjkowski, t. I, стр. 217.
215 Там же, стр. 181.

в Хорелу, а Сула как южнорусская река, судя по упоминаниям ее в Хронике, была Стрыйковскому хорошо известна.

Отнесение же половецкой реки на север породило другой домысел Стрыйковского — о родстве литовцев и половцев. Стрыйковский пишет, что в Карелии «жители говорят на лотевском и иговском (!) языках, похожих на литовский, как я сам это знаю, а из этого следует, что половцы, которые тогда жили в Карелии, являются одним народом с Литвой; теперь есть еще их остатки, перемешанные с московитами, но они говорят на своем старом половецком языке и подчиняются московскому князю, а Москва называет их иговянами и восками»[216]. Название народа «иговяне», видимо, происходит от Ижоры и соответственно от Ижорской пятины (точнее было бы «ижоряне»), а «воски» — от Водской пятины. О Водской пятине Стрыйковский мог знать от Герберштейна[217].

Изложение ряда последующих событий вплоть до известия о смерти Владимира Мономаха у Стрыйковского не оригинально и восходит к сочинениям таких польских хронистов, как Длугош, Меховский, Кромер, Бельский и Ваповский, на которых Стрыйковский в этом отрывке неоднократно ссылается[218].

Смерть Мономаха датирована Стрыйковским 10 мая 1126 г.: «а от сотворения мира, согласно русским хроникам и Герберштейна, в 6633 году». Действительно, русские летописи датируют смерть Мономаха 6633 г., что, однако, равняется 1125 г.

Особый интерес представляет рассказ о происхождении регалий Владимира Мономаха. В Хронике он помещен после изложения всех событий правления Мономаха и после рассказа о его смерти. «Поганых половцев и генуэзцев-итальянцев, которые тогда владычествовали в Таврике, где ныне владычествует Перекопская Орда, несколько раз поражал и взял у них Кафу, или Феодосию, знаменитый столичный город. Когда же он другой раз столкнулся с генуэзцами у моря, то вызвал на рукопашный поединок их военачальника, старосту Кафин-

---

216 Stryjkowski, t. I, стр. 181.
217 Герберштейн, стр. 121—122.
218 Stryjkowski, t. I, стр. 181—187.

ского, и когда они сошлись на поединок, Владимир храбро сбросил его с коня и, поймав, связал и привел вооруженного к своему войску; снял с него большую золотую цепь, искусно украшенную жемчугом и драгоценными камнями, и оставил ее после у себя своим наследникам, великим князьям»[219]. Только одно в этом рассказе — упоминание о поражении половцев — находит соответствие в русских летописях. Его имеют под 1125 г. летописи Софийская I, Новгородская IV[220], тогда как Лаврентьевская говорит просто «прослувый в победах»[221], а Ипатьевская — «наипаче же бе страшен поганым»[222].

Уже из самого местонахождения этого рассказа видно, что он не входил в состав летописей, т. е. основных источников Стрыйковского по истории Киевской Руси. Не найдем мы его и в польских хрониках, написанных предшественниками Стрыйковского. Упоминание об этом событии имеется только у Герберштейна, но это именно только упоминание. Говоря о знаках царского достоинства московских государей, Герберштейн замечает: «Бармы представляют собой род широкой цепи из мохнатого шелка, снаружи же они нарядно изукрашены золотом и всякого рода драгоценными камнями. Владимир отнял их у некоего разбитого им в бою генуэзца, начальника Кафы»[223]. Перед нами очень краткое изложение того же рассказа, который читается у Стрыйковского, без существенных подробностей (не сказано, что это был поединок, дано иное описание самой реликвии и т. д.), так что считать, что Герберштейн послужил источником Стрыйковскому, не приходится. Не могло быть и наоборот, ибо, как известно, сочинение Герберштейна вышло в свет ранее Хроники Стрыйковского. Таким образом, перед нами, по-видимому, использование одного и того же источника двумя авторами.

Каково же происхождение этой повести, когда и где она могла возникнуть? Едва ли следует оговариваться, что это повесть легендарного характера. Историческая недостоверность ее видна хотя бы уж из того, что в ней

---

219 Там же, стр. 188.
220 ПСРЛ, т. V, стр. 156; т. IV, вып. 1, стр. 144.
221 ПСРЛ, т. I, стлб. 129.
222 ПСРЛ, т. II, стлб. 289.
223 Герберштейн, стр. 32.

Кафа в XII в., когда жил Владимир Мономах, оказывается занятой генуэзцами, тогда как в действительности они появились там лишь в XIII в.[224] Естественно, что сама повесть не могла возникнуть ранее этого времени, вероятно, она возникла где-то в конце XV — начале XVI в. Именно в это время появляются такие памятники, как «Сказание о Вавилонском царстве» и «Сказание о князьях Владимирских», также повествующие о легендарных обстоятельствах появления царских регалий. Согласно этим повестям, царские регалии прислал Владимиру византийский император Константин Мономах после победоносного похода русских войск во Фракию. «Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабьицу сердоликову, из нея же Август, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравьска исковану, и ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту с епископы и своим благородным посланником и посла их к великому князю Владимиру Вселодичючу»[225]. Сравнивая две версии о происхождении регалий, мы видим, что версия, переданная Стрыйковским и Герберштейном, принижает значение московских регалий, делая их просто военным трофеем, взятым всего лишь у воеводы генуэзской колонии Кафы, и тем самым лишая их значения символа преемственности Византии — второго Рима. Перед нами как бы контрповесть о князьях владимирских[226].

Начиная с конца XV в., в дипломатических переговорах с польско-литовскими послами большую роль играет вопрос о признании царского титула, чему упорно сопротивлялись в Польше и Литве. Для обоснования прав русских государей на царский титул русской дипломатией широко было использовано «Сказание о князьях

---

[224] На эту несообразность в Хронике было указано еще М. М. Щербатовым (см. «История Российская», т. II. СПб., 1771, стр. 113—114).

[225] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 177.

[226] Нельзя поэтому согласиться с Р. П. Дмитриевой, которая считает, что Герберштейн передал легенду о Владимире Мономахе лишь «в несколько ином виде» (Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 107). Нам представляется, что между той и другой версией есть принципиальная разница.

Владимирских». Его рассказ о происхождении регалий, которыми русские государи венчаются на царство, настойчиво повторялся польско-литовским послам в XVI в. «И после того времени обычай в Русском государстве и по се время: который государь тем венцом венчается, то и пишется царем русским и великим князем»,— вот какой делали вывод русские послы из этого рассказа [227].

«Сказание о князьях Владимирских» затрагивало польско-литовское государство не только утверждением власти русских государей, но и тем родословием литовских князей, которое было неразрывно связано со сказанием, являясь его продолжением [228]. Согласно этому родословию, Гедимин, от которого происходят литовские князья, был конюхом князя Витеня, причем сам Витень происходил от смоленских князей. Литовские летописи дают иное родословие: Витень — это «муж мудрый и годный» из «поколеня Колюмнов», а Гедимин приходился ему сыном [229]. Герберштейн в своем сочинении, как и Савва Спиридон, называет Гедимина слугой Витеня, однако ссылаясь при этом на польские хроники. Действительно, в польских исторических сочинениях XVI в. содержится такая версия о происхождении литовских князей [230]. В условиях ожесточенной борьбы литовской шляхты за свою самостоятельность нередко идеологическим орудием служила легенда об особой знатности литовских князей и панов. И потому понятно, что в противовес этому поляки подхватили версию о Гедимине — слуге Витеня. Собственно и Савва Спиридон, автор «Послания», взял родословие князей литовских из польских хроник, дополнив его важной подробностью: происхождением Витеня от русских князей.

Обращает внимание местонахождение родословия у Герберштейна. Оно, как и в «Сказании», следует непосредственно за рассказом о происхождении регалий московских государей, хотя в системе изложения Герберштейна стоит явно не на месте — в главе «Обряды,

---

[227] Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 144.

[228] Эта взаимосвязь объясняется тем, что оба памятника первоначально являлись частями одного сочинения — «Послания» Спиридона Саввы, что установлено Р. П. Дмитриевой (см. указ. соч., стр. 73—109).

[229] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 256—257, 309—310, 490 и др.

[230] Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 88.

установленные после венчания великого князя»[231]. Создается впечатление, что оба памятника в источнике Герберштейна неразрывно связаны между собой, как это было и в «Сказании о князьях Владимирских». Если же мы учтем антилитовскую направленность родословия, то наиболее вероятным местом возникновения интересующего нас памятника представится Польша. Являясь публицистическим произведением, этот памятник был сознательно построен по схеме «Сказания». Возражая «Сказанию» по вопросу о регалиях, он в то же время давал несколько иную версию литовского родословия, не ставя литовских князей в какую бы то ни было зависимость от русских, но в то же время и не допуская их возвеличения.

То, что этот предположительно реконструируемый нами памятник польской публицистики был известен Герберштейну, едва ли может вызвать удивление: Герберштейн очень часто бывал в Польше[232], находился в самом тесном общении с польскими дипломатами.

Но вернемся к рассмотрению известий Хроники Стрыйковского. Набег половцев на Русь после смерти Владимира в 1125 г. и разгром их Ярополком, междоусобная война между сыновьями Володаря Перемышльского Владимиром и Ростиславом, вокняжение Ярополка после смерти Мстислава, а также борьба Ольговичей в союзе с Ярополком с половцами описаны Стрыйковским по хронике Меховского[233]. Впрочем, в последнем из перечисленных известий имеется одно дополнение Стрыйковского: к названным Меховским княжествам Переяславскому и Супонскому он добавляет еще и Ушченское.

Все сведения Стрыйковского о съезде русских князей в Киеве в 1134 г. находят соответствие у Длугоша и Кромера. Остается только неясным, что взято Стрыйковским из «русских историй», т. е. русских летописей, на которые он ссылается[234]. Возможно, у Стрыйковского были такие неизвестные нам сейчас летописи, которые

---

[231] Герберштейн, стр. 32—33.

[232] Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 5.

[233] Stryjkowski, t. I, стр. 189 и Mathius de Michoviae, стр. 61.

[234] Stryjkowski, t. I, стр. 193.

имели рассказ, совпадающий с рассказом Длугоша и Кромера.

Сейм, собранный польским королем Болеславом Кривоустым, похищение Ярополка Петром Влостовичем, сражение под Галичем в 1139 г. и вокняжение Вячеслава Владимировича в 1140 г. описаны Стрыйковским по хроникам Кромера и Меховского [235].

Далее в Хронике Стрыйковского идет большой, в 7 лет, хронологический пропуск. Следующее известие говорит о смерти Всеволода (12 июля 1147 г.). История же его правления оказалась пропущенной. Между тем все летописи пишут о ней. Делать из этого вывод об отсутствии летописей с такими известиями у Стрыйковского едва ли обязательно. Пропуская эти известия, быть может, он следовал здесь за Длугошем и другими польскими хронистами. Трудно себе представить, что у всех у них и у Стрыйковского летописи (а у Стрыйковского их было несколько) имели один и тот же пропуск. Дату смерти Всеволода ни Длугош, ни Меховский, ни Кромер не указывают. В русских летописях хотя и указана дата, но совершенно иная: все летописи датируют смерть Всеволода 1146 г. Новгородская IV, Софийская I и Никоновская летописи называют день смерти — 30 июля [236], а Ипатьевская, Тверская летописи и Московский летописный свод указывают 1 августа [237].

Ряд последующих известий, связанных с борьбой Юрия Долгорукого за киевский престол, представляют собой почти дословный пересказ XXII главы III книги Меховского, но ссылается на него Стрыйковский лишь в отдельных случаях. Только в одном месте Стрыйковский дополняет Меховского материалами Длугоша. Меховский, говоря о поражении киевского князя Ростислава от черниговского князя Изяслава Давидовича, не пишет, что после битвы Изяслав Давидович въехал в Киев. Стрыйковский заимствует это известие у Длугоша [238].

---

[235] Stryjkowski, t. I, стр. 192—196; Mathius de Michoviae, стр. 58; Kromer, стр. 153—155.

[236] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 151; т. V, стр. 159; т. IX, стр. 168 и др.

[237] ПСРЛ, т. II, стлб. 321; т. XV, стлб. 205; т. XXV, стр. 37.

[238] Stryjkowski, t. I, стр. 198—199; Długosz, t. I, стр. 30; Mathius de Michoviae, стр. 68—70.

Другие поправки, которые делает Стрыйковский к Меховскому, сводятся к попытке более точной передачи имен и названий. Если Меховский Пересопницу называет Пшесодныча (Przesodnycza), а Длугош — и Пересепница и Пшесопница, то Стрыйковский избирает второй вариант Длугоша [239].

Интересна передача Стрыйковским названия храма, где похоронен Юрий Долгорукий,— «св. Спаса Берестовского». Меховский, как и Длугош, называет храм Sancti Salvatoris apud Berestovu. То, что Стрыйковский назвал храм не просто переведя название, содержащееся у Меховского (тогда оно звучало бы «св. Спасителя у Берестова»), а передал его буквально по-русски, свидетельствует о том, что, хотя Стрыйковский и излагал все события по Меховскому, он имел перед собой и русскую летопись и по ней сверял названия (о том, что Юрий был похоронен в церкви Спаса на Берестове летописи сообщают под 1158 г.).

В связи с этим известием вызывает недоумение странная редакция в Хронике Стрыйковского известия о месте погребения киевского князя Изяслава Мстиславича. Стрыйковский пишет: «в монастыре св. Феодосия или Федора в Киеве» [240]. Длугош и Меховский называют монастырь св. Федора [241], а все известные летописи — церковь Бориса и Глеба в Вышгороде. Возможно, что здесь Стрыйковским была допущена ошибка и он перепутал Изяслава с Ростиславом, который, согласно летописям, хотел быть похороненным в Федоровском монастыре, а принять постриг в Феодосиевском, т. е. Киево-Печерском монастыре.

Поход десяти русских князей во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом Андреевичем на Киев (по летописям в 1168 г.) Стрыйковский передал по Меховскому [242].

Далее Стрыйковский пишет о вторжении на Русь ятвягов и литовцев: «А когда лесные люди литва с ятвягами, собравшись воедино, вторглись в русские княжества

---

[239] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 201; Długosz, t. II, стр. 50; Mathius de Michoviae, стр. 69.

[240] Stryjkowski, t. I, стр. 200.

[241] Długosz, t. II, стр. 50 и Mathius de Michoviae, стр. 69.

[242] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 200—201 и Mathius de Michoviae, стр. 70.

и взяли огромную добычу, с которой привыкли жить, то на них собрался Роман, монарх киевский, и догнал, поразил, рассеял их, убегающих с добычей в лесные логова, и отбил большую часть добычи, поймал много ятвягов и литовцев-язычников и, отведя их в Киев и в другие русские земли, держал в строгом заключении, производил ими тяжелые и предназначенные для скота работы; иных же приказал, сковав, запрячь и, как волами, пахать поля, старины, а на целинах, или ладах (как они по-русски называются) выкорчевывать пни; откуда и присказка возникла, когда один литовец, научившись русскому языку, тянув плуг сказал: «Роман, Роман! плохим кормишься, литвою пашешь!»[243]. Никаких сведений о войне Романа Ростиславича киевского с ятвягами нет ни в польских хрониках, ни в русских летописях. О походе на ятвягов говорится только в Ипатьевской летописи (под 1196 г.): «Тое же зимы ходи Роман Мьстиславичь на ятвягы, отомышаваться, бяхуть бо воевали волость его. И тако Роман вниде в землю их. Они же не могучи встати противу силе его и бежаша во свои тверди, а Роман пожег волость их и отомъстився возвратися во свояси»[244]. Таким образом, рассказ в летописи отнесен не к Роману Ростиславичу, а к Роману Мстиславичу Галицкому. Ничего не говорит летопись о пленении ятвягов (и тем более литовцев) и о работе их на пашне. Трудно допустить, что Стрыйковский располагал недошедшими до нас летописями, содержавшими сведения о литовских походах именно Романа Ростиславича. Ниже, говоря о правлении Романа Мстиславича в Галиче, Стрыйковский по существу повторяет этот рассказ о походе на ятвягов.

Нам уже приходилось сталкиваться с такими случаями, когда Стрыйковский дважды, с теми или иными вариантами, говорил о тех же самых событиях. Было показано, что причиной этого являлось использование Стрыйковским двух источников, по-разному освещающих один вопрос. Что касается рассматриваемого известия, то в нем скорее всего можно видеть устное предание, обработку Стрыйковским какого-то литовского народного сказания о Романе Галицком. Так как в этом

---

[243] S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 202.
[224] ПСРЛ, т. II, стлб. 702.

фольклорном памятнике был назван, вероятно, просто князь Роман, то Стрыйковский и принял его за Романа Киевского. Отсюда и характерный для народного творчества оборот: «Роман! Роман! Плохим кормишься»[245].

Облик князя Романа, покорителя Литвы, немилосердно обращавшегося с пленными, отразился и в былинах. В одной из них следующим образом описывается расправа Романа над литовскими князьями:

Как наехала силушка Романова,
Большому брату глаза выкололи,
А меньшому брату ноги выломали[246].

Характерно, что ни в одной из былин, посвященных Роману («Князь Роман и братья Ливики», «Князь Роман и Марья Юрьевна», «Князь Роман жену терял»)[247], он не назван Мстиславичем. Он фигурирует либо как Роман Митриевич, либо как Роман Васильевич. Никаких реалий, которые бы прямо и определенно указывали на Галицкую Русь или вообще какую-либо другую область, в былинах не имеется. Неслучайно литературоведами до сих пор не выяснен вопрос, какой князь имеется в виду в данных былинах. М. Н. Сперанским было высказано предположение, что первая былина цикла, из которой выше приведена цитата, может относиться к брянскому князю Роману Михайловичу (упоминание реки Березины и созвучие названий городов: Серебрянск с Дебрянском — Брянском)[248].

Учитывая эту неопределенность облика князя Романа в народном творчестве, несправедливо было бы слишком резко осуждать Стрыйковского за неправильное отнесение народного предания о князе Романе к Роману Ростиславичу.

---

[245] Stryjkowski, t. I, стр. 202. И. Жданов отмечал, что само сказание о превращении литовцев в положение рабочего скота, зафиксированное Стрыйковским, в известной мере является бродячим, применяемым и к другим подобным случаям обращения с побежденным (И. Жданов. Песня о князе Романе. ЖМНП, 1890, апрель, стр. 284).

[246] Былины, т. I. М., 1916, стр. 372.

[247] Там же, стр. 365—380.

[248] М. Сперанский. Князь Роман. Вступительный очерк. В кн.: «Былины», т. I, стр. 363. И. Жданов придерживался мнения, что в былинах речь идет определенно о Романе Галицком. (И. Жданов. Песни о князе Романе. ЖМНП, 1890, май, стр. 47—54).

Об изгнании Романа Ростиславича Ярославом Изяславичем из Киева (1177 г.) Стрыйковский говорит по Меховскому, но выправляет его ошибку: Ярослава Изяславича Меховский называет Ярославом Ярославичем [249]. Поправка эта сделана по летописям, поскольку ссылка дана Стрыйковским только на русские летописи и Меховского.

Далее у Стрыйковского следует рассказ о польско-русской войне. Поход Казимира Второго на Русь в 1179 г. описан по Кромеру вплоть до дословной передачи сомнений Кромера по поводу известия Длугоша о значительности русской территории, захваченной Казимиром, и поправки, которую Кромер вносит, опираясь на сведения Кадлубка [250]. Затем Стрыйковский пишет: «А князья русские, выждав, согласно русским и литовским летописцам, не дали полякам долго властвовать во владениях своих, ибо отобрали и свое во взаимном согласии (из которого вырастают государства) и захватили несколько польских замков». Имеющаяся в процитированном отрывке ссылка Стрыйковского на русских и литовских летописцев ведет нас к белорусско-литовским летописям, о которых специально будет сказано ниже. Здесь хотелось бы только отметить, что это известие не содержится ни в одной из известных белорусско-литовских летописей и поэтому данная ссылка свидетельствует о существовании во времена Стрыйковского белорусско-литовских летописей с общерусской частью, более подробной, чем имеют дошедшие до нас такие летописи.

Повторный поход Казимира на Берестье в 1182 г. описан со ссылкой на Длугоша, Меховского, Ваповского и Бельского, но фактически по одному Меховскому [251].

О намерении Казимира водворить Мстислава на галицком престоле Стрыйковский пишет, ссылаясь на Кадлубка, и создается впечатление, что он здесь и послужил источником Стрыйковскому. Однако, сверяя Стрыйковского с Кромером, находим у последнего тот же рассказ и с точно такой же ссылкой на Кадлубка. Причем

[249] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 202 и Mathius de Michoviae, стр. 76.

[250] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 202; Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem, biskupa Krakowskiego Kronika Polska. Kraków, 1862, стр. 28 (далее Kadłubek); Kromer, стр. 195.

[251] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 203 и Mathius de Michoviae, стр. 73.

процитировано Стрыйковским из Кадлубка ровно столько же, сколько и Кромером [252].

Сражение под Галичем между войсками русских князей Владимира и Всеволода и польскими войсками во главе с королем Казимиром, поддерживавшим притязания Мстислава на галицкое княжение, Стрыйковский описывает в стихах, в конце ссылаясь на Длугоша, Меховского, Кромера, Бельского и Кадлубка и замечая: «но (они) немного один от другого разнятся». Фактически же, как это показывает сопоставление текстов, источник Стрыйковского здесь Кромер [253].

Борьба Ярослава Изяславича со Святославом Всеволодовичем Черниговским (по летописям — 1174 г.) описана Стрыйковским по Меховскому [254], но с одним отличием: Меховский, как и Длугош, говоря о грабеже Ярославом Изяславичем киевлян, не называет среди пострадавших митрополита, о котором прежде всего упоминает Стрыйковский. Об ограблении митрополита ничего не говорят и русские летописи. В то же время у Стрыйковского среди ограбленных не названа «латина», т. е. католическое духовенство, а об этом есть упоминание как у всех польских хронистов, так и в известных нам летописях.

В рассказе о борьбе Всеволода Большое Гнездо с Мстиславом Ростиславичем Ростовским, а затем с Глебом Рязанским (по летописям — 1177 г.) Стрыйковский почти дословно передает Меховского, в свою очередь излагающего Длугоша. У Стрыйковского имеется только одна дополнительная подробность: известие об участии половцев в войсках Мстислава Ростиславича [255]. Следующее известие Стрыйковского о борьбе князя Владимира Галицкого за овладение Галичем в 1185 г. находит полное соответствие у Кромера [256], за исключе-

---

[252] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 203 и Kromer, стр. 192.

[253] Stryjkowski, t. I, стр. 203—206 и Kromer, стр. 192—193.

[254] Stryjkowski, t. I, стр. 206; Mathius de Michoviae, стр. 75; Długosz, t. II, стр. 97—98.

[255] Stryjkowski, t. I, стр. 206; Długosz, t. II, стр. 111; Mathius de Michoviae, стр. 76.

[256] Stryjkowski, t. I, стр. 207—208 и Kromer, стр. 195—196. Только у Кромера имеются такие известия, как рассказ об изгнании и арестах тех галичан, которые отказывались присягать Андрею, или известие о том, что Владимир после поражения от воеводы Ни-

нием только небольшой детали: просьбы Владимира конного войска у короля Белы. У Кромера же говорится просто о помощи. Сообщаемую Стрыйковским подробность находим у Меховского[257]. К нему же (с небольшими дополнениями из хроники Кромера) обращается Стрыйковский, описывая ряд последующих событий, вплоть до известия о покорении галицким князем Романом Литвы и ятвягов (1196 г.)[258]. Известие это не находит соответствия в польских хрониках.

«Завоевал, ограбил и силой привел к повиновению русским Литву и ятвягов, лесных людей, живущих по соседству,— пишет Стрыйковский о князе Романе.— А так как Литва выходила часто из покорности, как народ языческий, необузданный и неспокойный, то он множество литовских войск покарал мечом и всех вынудил к скотской работе, которую должны делать лошади и волы»[259]. Здесь Стрыйковский в какой-то мере повторяет то, что он уже говорил о князе Романе Смоленском, которого, как мы уже отмечали, Стрыйковский путал с Романом Галицким.

Характерно, что следующее за этим известие Стрыйковского о том, что Рюрик был пострижен по приказанию Мстислава, а его сын Ростислав Рюрикович сослан киевским князем, тоже является повторением уже сказанного ранее, что, впрочем, заметил и сам Стрыйковский («как выше сказано»)[260]. Такое повторение можно объяснить тем, что вначале Стрыйковский говорил об этих событиях по Меховскому, а затем перешел на другой источник, где говорилось о том же.

Поход Романа на Люблинскую и Сандомирскую земли (1204 г.) описан Стрыйковским по Меховскому[261]. О следующем походе на Польшу 1205 г. Стрыйковский рассказывает, по-видимому, непосредственно по Длуго-

колая Краковского бежал в горы, «которые отделяют Русь от венгров». Характерно, что упоминание о взятии Саладином Иерусалима у Стрыйковского, как и у Кромера, следует сразу же за рассказом о событиях в Галицкой земле.

257 Mathius de Michoviae, стр. 73.

258 Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 208—211; Mathius de Michoviae, стр. 77; Kromer, стр. 205.

259 Stryjkowski, t. I, стр. 211.

260 Там же.

261 Stryjkowski, t. I, стр. 211 и Mathius de Michoviae, стр. 77.

шу, так как Меховский, как и Кромер, в этом месте значительно сократил текст Длугоша[262]. В частности, только из самого Длугоша Стрыйковский мог почерпнуть сведения о плане Романа воевать с Польшей в течение трех лет.

Следующее затем у Стрыйковского стихотворное описание битвы между русскими и польскими войсками у Завихвоста (13 июня 1205 г.) дано по материалам Длугоша, Меховского и Кромера и со ссылкой на них. Рассказ об этой битве несколько беллетризирован. Стрыйковский даже пользуется русским языком в том месте, где он говорит о толковании дружинниками князя Романа его сна: «Младшие же: budet dobro kniazie, howorili»[263].

Следующий рассказ Стрыйковского — о нападении Литвы на Русь в 1205 г. и о битве князей Ольговичей с литовцами — также стихотворный, представляет собой пространное литературное развитие краткого известия об этом, содержащегося у Меховского[264]. Однако у Стрыйковского есть и ряд новых фактов. Добавлено известие о том, что литовцы избрали воеводами Живибунда и Монтвила, выступали совместно с ятвягами и жмудинами, что они спалили Владимир Волынский и Луцк и что столкновение их с Ольговичами произошло на смоленских полях. Возможно, что все эти сведения почерпнуты Стрыйковским из какой-то не дошедшей до нас белорусско-литовской летописи. По русским и сохранившимся белорусско-литовским летописям они неизвестны.

Завершается стихотворный рассказ Стрыйковского его рассуждением о причинах ослабления Руси. Причины эти он видит для Руси, как и для других народов, в междоусобиях и несогласиях[265].

Далее в Хронике прерывается изложение событий русской истории и следует рассуждение Стрыйковского о древности литовского народа. Стрыйковский выступает против мнения Меховского, повторявшего Длугоша, о том, что впервые о Литве стало известно только

---

[262] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 212; Długosz, t. II, стр. 164—166; Mathius de Michoviae, стр. 77; Kromer, стр. 213—214.

[263] Stryjkowski, t. I, стр. 212; Długosz, t. II, стр. 166—168; Mathius de Michoviae, стр. 77; Kromer, стр. 214.

[264] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 214 и Mathius de Michoviae, стр. 77.

[265] Там же, стр. 216—217.

в 1205 г. Стрыйковский опровергает Меховского сведениями, содержащимися в его же хронике, упоминающей о Литве уже под 1041 и 1103 гг.

Такой перерыв в русских известиях Стрыйковского объясняется тем, что основной задачей своей хроники в целом он считал воссоздание истории Литвы. Не случайно всюду, где в Хронике даже и среди русских известий упоминаются литовцы, комментарии Стрыйковского становятся особенно подробными. И даже перерыв в русских известиях Стрыйковский в следующей 7 главе VII книги рассматривает скорее как восстановление прерванных литовских известий («мы прервали порядок литовских князей»). И далее для того, чтобы оправдать этот перерыв, Стрыйковский говорит в стихах о славе и величии русского народа.

После рассказа о князьях Живибунде и Монтвиле и об обычаях древних литовцев Стрыйковский вновь переходит к русской истории. Он пишет о битве князей Юрия Всеволодовича Владимирского и Ярослава Переяславского со смоленскими и новгородскими князьями Владимиром, Константином, Мстиславом (по русским летописям — Липецкая битва 1216 г.), об осаде Константином Всеволодовичем Владимира и Переяславля, о борьбе русских князей во главе с киевским князем Владимиром Рюриковичем с Литвой и об избиении рязанским князем Глебом своих братьев и бояр. Все это рассказано Стрыйковским почти полностью по Меховскому[266]. Вслед за Меховским Стрыйковский датирует эти события 1206 г., а не 1216 г., как русские летописи. Три подробности в этом параграфе Хроники Стрыйковского не находят соответствия у Меховского: 1) что в войсках Юрия и Ярослава были половцы, 2) что долгое время в битве с Литвой и Русью ни у одной стороны не было перевеса и 3) что после разгрома литовцев у них были отобраны все пленные. Ссылается Стрыйковский в этом параграфе на Меховского и «русские летописцы». В летописях, очевидно, и следует искать эти подробности. Между тем ни одна из известных летописей ничего не сообщает о сражении русских князей во главе с Владимиром Рюриковичем с литовцами. Ничего не пишут

[266] Там же, стр. 223; Mathius de Michoviae, стр. 36.

летописи, сообщающие о Липецкой битве, и об участии в ней половцев.

Приход Коломана в Галич (1208 г.), его война с Мстиславом Мстиславовичем (Удалым), пребывание Коломана в плену, его освобождение (1210 г.), новое вокняжение в Галиче (1212 г.), борьба с Даниилом Романовичем, смерть Коломана в 1225 г. и вокняжение в Галиче Михаила Звенигородского — все эти события Стрыйковский описывает, ссылаясь на Длугоша, Меховского и Кромера, но фактически по одному Меховскому[267]. Это видно из того, что у Стрыйковского находим такие же сокращения Длугоша, как у Меховского.

В связи с упоминанием о том, что галичские бояре опасались истребления Коломаном православной веры, Стрыйковский рассуждает о значении религии для государства: «там, где вера подрывается, гибнет и государство, суровым примером чего является ныне «французская смута». Под французской смутой Стрыйковский разумеет религиозные войны во Франции. Выступлению против католической церкви Стрыйковский как католик не мог сочувствовать. Но характерно в то же время, что он с уважением относится к православию, считая, что и оно может явиться опорой благополучия государства. Не сказалось ли здесь знакомство и добрые отношения Стрыйковского с белорусскими и украинскими магнатами?

Далее Стрыйковский под 1211 г. говорит о поражении, нанесенном сандомирским воеводой Сулиславом русским князьям Святославу, Владимиру, Ярославу и Юрию и литовским войскам. Стихотворный рассказ об этом построен на материалах Меховского и Кромера. В расположении же самого рассказа после описания событий в Галицкой земле Стрыйковский идет за Кромером. Только одна подробность, сообщаемая Стрыйковским, не находит соответствия у Длугоша, Меховского и Кромера: что в русских войсках помимо литовцев были жмудины и ятвяги[268].

Приход татар на Русь Стрыйковский вслед за Длуго-

---

[267] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 224—228; Długosz, t. II, стр. 174—180, 182; Mathius de Michoviae, стр. 83—84; Kromer, стр. 216—218.

[268] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 228—229; Długosz, t. II, стр. 182—183; Mathius de Michoviae, стр. 81; Kromer, стр. 218.

шем относит к 1211 г., а не к 1221 г., как русские летописи. Источником Стрыйковского об этом, согласно его собственной ссылке, являлись летописцы литовские, Меховский, Кромер, Бельский[269]. Характерно, что описание прихода татар на Русь Стрыйковский уже не находил ни в одной из русских летописей и от русских хроник перешел к литовским летописцам. Впрочем, литовские летописи, крайне недостоверные в своей древней части, не могли удовлетворить Стрыйковского. Он сам называет их «бездоказательно написанными».

Но если русские летописи, имевшиеся в распоряжении Стрыйковского, не содержали известий о битве на Калке, то в них все же имелись сведения о приходе Батыя на Русь в 6745 г., т. е. в 1237 г. Летописи («хроники русские») Стрыйковского, имевшие известия об этом, были московскими. Это видно из следующего замечания Стрыйковского на полях Хроники: «Москва и Герберштейн, согласно их греческому счету, пишут, что это завоевание русских княжеств царем Батыем произошло в 6745 г. от сотворения мира». К сожалению, ничего больше об известиях своих русских летописей о нашествии Батыя Стрыйковский не сообщает. Да и сама эта ссылка на «русские хроники» у Стрыйковского последняя. Летописные его материалы за последующие годы — это белорусско-литовские, «киевские» и «московские» летописи.

Несколько известий, относящихся к русской истории, содержится у Стрыйковского в связи с изложением им истории Литвы и Польши. Эти отрывочные известия по истории Галицко-Волынской Руси XIII—XIV вв., а также по истории русского государства XIV—XVI вв. не имеют для Стрыйковского сколько-нибудь самостоятельного значения. Их разбор будет дан ниже, по ходу рассмотрения известий Хроники по истории Великого княжества Литовского.

* * *

Теперь подведем итоги проделанного выше обзора русских известий Стрыйковского.

После рассмотрения каждого известия Стрыйковского по истории Киевской Руси становится ясно, что

---

269 Stryjkowski, t. I, стр. 229—230.

Стрыйковскому была знакома Повесть временных лет. Стрыйковский знал рассказ Повести о расселении славян, идущий перед рассказом о Кие, Щеке и Хориве; ему был известен рассказ о призвании варягов, причем с легендой московского происхождения о начале их генеалогии от римского императора Августа. Стрыйковский хорошо знает Олега, хотя ему был, по-видимому, неизвестен его договор с греками. Рассказ о смерти Олега Стрыйковский передает даже в двух вариантах. Ничего не пишет Стрыйковский и о договоре Игоря с греками. Летописи Стрыйковского ничего не сообщали даже о самом походе Игоря на Византию. Корсунская легенда о Владимире Святославиче в летописях Стрыйковского имелась. Таким образом, именно Повесть временных лет, а не Начальный свод, в котором отсутствуют перечисленные выше известия по древнейшему периоду, была известна Стрыйковскому. Отсутствие договоров с греками в этом отношении ничего не меняет. Если бы в летописях Стрыйковского имелся рассказ о походе Игоря на Византию, хорошо известный и Начальному своду, но не было текста договора, то еще можно было бы предположить, что наряду с летописями, содержащими Повесть временных лет, Стрыйковский располагал и летописью, содержащей Начальный свод. Однако здесь мы, видимо, просто имеем дело с дефектным экземпляром летописи, которой пользовался Стрыйковский.

Но в какой именно редакции Стрыйковскому была известна Повесть временных лет? Если суммировать наблюдения над источниками русских известий Стрыйковского, то основными летописными сводами, через посредство которых Стрыйковскому была известна Повесть временных лет, окажутся новгородско-софийские летописи, в основе которых лежит Новгородско-Софийский свод 1448 г. (точнее 30-х годов XV в.), Тверская летопись и отчасти Летописец Переяславля Суздальского. Такие известия, как о Гостомысле, старейшине Новгородском, о 50 послах древлян к княгине Ольге, упоминание имени философа, пришедшего к Владимиру Святославичу; сообщение о том, что Владимир Святославич отдал Судиславу Псков, а Станиславу — Смоленск; указание количества новгородцев, перебитых Ярославом,— 1000 человек и численности собранного им войска против Святополка (1000 новгородцев и 30 тыс.

варягов) — все это мы находим в летописях именно новгородско-софийского вида или в летописях, в той или иной степени зависимых от них (Воскресенская, Тверская, Никоновская). Не только факты, но и их группировка и расположение в хронике Стрыйковского также свидетельствуют о влиянии на нее Новгородско-Софийского свода. Историю правления Ярослава Владимировича Стрыйковский начинает именно с описания розыска тела Глеба [270], т. е. с того известия, с какого начинают его летописи новгородско-софийского вида или зависимые от них (Софийская I, Воскресенская, Тверская и др.). Характерно, что даже вводная фраза перед этим повторена в полном соответствии с этими летописями (в летописях другого типа она отсутствует): «Ярослав стал править во всей Руси». В летописях: «Ярослав прия власть всю русския земли». Знакомство Стрыйковского с новгородско-софийскими летописями повлияло даже на характеристику Стрыйковским Владимира Мономаха. Стрыйковский, как и эти летописи, одной из основных заслуг Мономаха считает борьбу с половцами («половцев поганых несколько раз поразил»).

Помня о широком использовании Стрыйковским трудов своих польских предшественников, в том числе передачу русских источников через их посредство, нельзя не учитывать, что и в данном случае некоторые летописные данные заимствованы Стрыйковским у них. Особенно это относится к известиям, имеющимся в летописях новгородско-софийского вида. Как показал А. А. Шахматов и подтвердил Е. Перфецкий, ряд русских известий Длугоша восходит к новгородско-софийскому виду летописей [271].

---

[270] Stryjkowski, t. I, стр. 154; ПСРЛ, т. V, стр. 133; т. VII, стр. 140.

[271] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 343—345. Е. Перфецкий, хотя и считал, что в основе русских известий хроники Длугоша в целом лежит Перемышльский летописный свод, возникший около 1100 г. и дополненный в 40-х годах XII в., но не отрицал, что ряд известий Длугоша находит соответствие в Новгородско-Софийских летописях. Это Е. Перфецкий объяснял тем, что в основе летописи Длугоша лежала древняя Киевская летопись, которая вошла и в Софийский временник, являющийся, как известно, ядром летописей Новгородско-Софийского вида (см. Е. Перфецкий. Перемышльский літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша. «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CXLIX. Львів, 1928).

Если мы учтем отмечавшийся уже нами выше метод работы Стрыйковского с источниками (дополнение известий одного источника известиями или даже подробностями из другого), то станет ясно, что кажущиеся столь частыми заимствования из Длугоша русских известий без ссылки на него (или Меховского) еще не означают, что Стрыйковский не имел по крайней мере такого же летописного материала, как и Длугош. Скорее напротив подобные случаи свидетельствуют, что именно летописи новгородско-софийского вида составляли летописную основу известий Стрыйковского за древнейший период. В этом нас убеждает то, что ряд известий его Хроники находит соответствие в этих летописях, но отсутствует у Длугоша и у других польских хронистов. Показательно в этом отношении следующее известие Хроники. Борьба Всеволода Большое Гнездо с Глебом Рязанским описана и у Длугоша и у Стрыйковского по летописям новгородско-софийского вида, о чем свидетельствует имеющееся у рассматриваемых польских авторов и отсутствующее в летописях другого вида известие о том, что Всеволод отпустил часть пленников [272]. Но Стрыйковский, в отличие от Длугоша, сообщает ту важную подробность, что вместе с Глебом были половцы, о чем говорят летописи, но что опущено у Длугоша.

Все вышесказанное не означает, однако, что у Стрыйковского летописи новгородско-софийского вида были подобны тем, которые дошли до нас. В Хронике Стрыйковского мы не найдем московских известий Софийской I летописи и новгородских известий Новгородской IV летописи. Конечно, это не интересовало Стрыйковского и потому могло быть им не использовано. Но, с другой стороны, это не дает возможности отнести летописный источник Стрыйковского к какой-то определенной летописи.

Отличительной особенностью летописи или летописей новгородско-софийского вида, имевшихся у Стрыйковского, было наличие в них довольно значительных пропусков и сокращений. Конечно, эти сокращения зависели от самого Стрыйковского, ибо он едва ли мог ставить

---

[272] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 206; Софийская I летопись — ПСРЛ, т. V, стр. 167, Новгородская IV летопись — ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 169.

перед собой задачу во всей полноте передать летописные тексты [273]. Поэтому прежде всего следует рассматривать не столько пропуски в тексте Хроники, сколько пропуски в его летописях. Стрыйковский отмечает их словами «этого в русских хрониках нет» или «об этом русские хроники не упоминают». Такими словами Стрыйковский сопровождает свои известия о походах князя Игоря в Византию [274], Святослава на хазар [275], Владимира на Польшу [276], выступление против Ярослава Мудрого Брячислава Изяславича [277] и ряд других.

Еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что многократно сокращавшийся Новгородско-Софийский свод имел довольно широкое распространение в Западной Руси. Шахматов указал целый ряд летописей западнорусского происхождения, представляющих собой в их общерусской части извлечения из свода 1448 г. в соединении с извлечениями из IV и V Новгородских летописей, причем иногда извлечения со значительными пропусками, в некоторых случаях и с дополнениями (летопись епископа Павла, Сборник XV в. из собрания Толстого, отд. I, № 89; так называемый Супрасльский список первой половины XVI в. из собрания МГАМИД № 26—70 [278], знаменитая летопись Авраамки). А. А. Шахматов пришел к выводу, что «в конце XV в. в Смоленске происходила работа над новгородскими летописными сводами», но в то же время и отметил, что в ряде случаев в самом Новгороде производились неоднократные сокращения свода 1448 г. и уже в таком переработанном виде летописи попали в Западную Русь, где подверглись новой обработке и сокращению [279]. Сокращения общерус-

---

[273] То же, вероятно, можно сказать и о хронике Длугоша. Поэтому трудно считать полностью доказанным мнение Е. Перфецкого, который на основании того, что в Хронике Длугоша отсутствует ряд летописных статей, например договор Игоря с греками, считает редакцию начального свода, использованную Длугошем, особенно древней (см. Е. Перфецкий. Указ. соч., стр. 45 и др.).

[274] Stryjkowski, t. I, стр. 117.

[275] Там же, стр. 121.

[276] Там же, стр. 157.

[277] Там же, стр. 158.

[278] Опубликован М. А. Оболенским.— Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836.

[279] А. А. Шахматов. Обозрение..., стр. 306.

ского материала в западнорусских летописях, однако, настолько значительны, что видеть именно в них источник русских известий Стрыйковского невозможно. И в то же время в Хронике Стрыйковского имеется по сравнению с данными известных нам летописей новгородско-софийского вида ряд сокращений. Как мы видели, в ней не содержалось сведений о походах Игоря на Византию, Владимира Святославича на Червенские города, восстании киевлян в 1068 г. и многое другое.

Итак, летописи Стрыйковского, по-видимому, представляли собой сокращенные Новгородско-Софийские летописи особого типа, не совпадавшие с дошедшими до нас западнорусскими обработками.

Выше речь шла не столько о конкретных летописях, сколько об определенном виде летописей — новгородско-софийском. Все отмеченные выше известия присущи всем летописям этого вида. Но нельзя ли из этих летописей выделить какую-то определенную, к которой можно было бы возвести основные известия Стрыйковского, иначе говоря, выделить в Хронике такие известия, которые были бы характерны для одной определенной летописи?

При разборе известий Стрыйковского по поводу нескольких из них мы не раз отмечали, что они находят соответствие только в Тверской и Львовской летописях и одно — только в Тверской летописи. Напомним, что такими известиями являются: упоминание о возвращении воеводы Вышаты из греческого плена, не одного, а с «иными» (Тверская и Львовская летописи), и указание христианского имени князя Владимира — Василий, полученного им при крещении. Совпадение известий Львовской и Тверской летописей удивлять нас не может, поскольку эти летописи имели общий протограф — свод конца XV — начала XVI в.[280] Стрыйковский, вероятно, был знаком именно с Тверской летописью, поскольку одно из двух известий читается только в Тверской летописи: «и с иными». Учитывая многочисленность летописей Стрыйковского, мы вовсе не настаиваем, что только через посредство Тверской летописи Стрыйковский получил известия, характерные для Новгородско-

---

[280] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. «Известия АН СССР», 1930, № 9, стр. 720—723 и др.

Софийской летописи. Несомненно только, что Тверская летопись была известна Стрыйковскому, являлась одним из его источников.

Вопрос о том, каким путем Стрыйковский мог познакомиться с Тверской летописью, решается сравнительно просто. Тверская летопись имела распространение в Западной Руси. Дошедший до нас список ее, опубликованный в XV т. ПСРЛ, написан белорусской скорописью начала XVII в. Как отмечал в предисловии к изданию летописи Бычков, «на поле рукописи нередко встречаются заметки на польском языке, писанные почерком XVII в., и заключающие в себе краткое содержание тех событий, перед которыми они помещены». Другие, более поздние, с рядом дополнений редакции Тверской летописи также находятся в западнорусских сборниках XVII в. (ГПБ, F. IV, 214 и F. IV. 215 вместе с украинской хроникой Пантелеймона Кохановского) либо в сборниках со статьями, касающимися Польши и Литвы (ГИМ, № 1473) [281].

Среди летописных известий Стрыйковского два могут быть возведены к Летописцу русских царей или Летописцу Переславля Суздальского. Напомним эти известия: 1) на вопрос древлян, где их послы, Ольга отвечает, что они «приставлены к скарбу». Такое же известие содержит и Устюжский летописный свод, но так как других признаков использования Стрыйковским этого источника нет, то вероятно объяснять общее происхождение этого известия в Устюжском летописном своде и летописце Переславля Суздальского от одного источника; 2) после крещения Ольги патриарх дает пресвитера.

Летописец Переславля Суздальского, как и Тверская летопись, имеет определенные следы бытования в Западной Руси. Об этом свидетельствует уже само наименование имущества «скарбом».

Ряд других лингвистических особенностей, также свидетельствующих о западнорусском происхождении Летописца Переславля Суздальского, были отмечены в свое время А. А. Шахматовым, М. Н. Бережковым и особенно А. С. Орловым [282].

---

[281] А. Н. Насонов. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 26 и 31.

[282] А. А. Шахматов. Обозрение..., стр. 127; М. Бережков.

Характерно и то, что Стрыйковский турок и вообще всех кочевников называет татарами, а это, как отмечали Шахматов и Орлов, является характерной чертой именно Летописца Переславля Суздальского.

Указанными исследователями Летописца было обращено внимание, что оба сохранившихся списка Летописца находятся в сборниках, имеющих западнорусские статьи по содержанию. В Никифоровском сборнике Летописец находится в соседстве с западнорусской «Летописью Великого княжества Литовского», причем этот сборник имеет множество польских, латинских и западнорусских пометок XVI—XVII вв. [283] Архивский же список, по которому осуществлял свое издание М. Оболенский, находится в сборнике, содержащем рассказ о Совии, который завел в Литве языческие обычаи [284].

А. Шахматов отметил также, что Летописец по Архивскому списку имеет ряд полемических статей против латинян, «более уместных на юго-западе». В пользу юго-западного происхождения Летописца Шахматов приводит, кроме того, то обстоятельство, что его составитель хорошо знаком с литовскими племенами, а также характерное для Галицко-Волынской земли употребление понятия «царити» наряду с «княжити» [285]. Стрыйковский также называет иногда Владимира Святославича царем.

Исследование Летописца А. С. Орловым подтвердило все эти выводы. Место происхождения Летописца определено им окончательно — Галицко-Волынская земля. Очень характерно, что северный Торжок в Летописце спутан с южным Торческом [286].

Все вышесказанное не может означать, конечно, что именно в таком виде, как мы его знаем, Летописец Переславля был известен и Стрыйковскому. При разборе известий Хроники мы отмечали, что Стрыйковский не-

---

Несколько слов о Летописце Переславля Суздальского. «Сборник Историко-филологического об-ва при Институте кн. Безбородко в Нежине», т. III. Нежин, 1900, стр. 66; А. С. Орлов. О Галицко-Волынском летописании. ТОДРЛ, т. V. М., 1946, стр. 30—31.

[283] С. Белокуров. Русские летописи. I—III. ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. IX—XI.

[284] М. Бережков. Указ. соч., стр. 68.

[285] А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. СПб., 1902, стр. 31—33.

[286] А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 31.

правильно писал о получении христианских имен (Роман и Давид) Борисом и Глебом лишь после смерти. В Летописце же прямо сказано (и в этом одно из отличий его от других летописей), что князья получили их при крещении. Видимо, у Стрыйковского была какая-то иная разновидность Летописца, возникшая в период распространения этого памятника в Западной Руси.

Особое место среди русских источников Хроники Стрыйковского занимает так называемая «хроничка» — краткий летописец.

При рассмотрении вопроса об ее источниках и происхождении особенно большое значение имеют известия об Изяславе и Святополке. Первое известие, как уже было отмечено, прославляет Изяслава, говорит о его победе, т. е. отзывается о нем так, как не говорит ни одна летопись. Второе известие — о Святополке — наоборот, порочит его, тогда как в сохранившихся летописях находим о нем благоприятный отзыв. Трудно себе представить, что в позднее время несовременники этих лиц могли проявлять такую живейшую пристрастность. Иными словами, наше внимание должно быть направлено на время, близкое к Изяславу и Святополку. Но кто в XI в. был в столь тесном общении с этими князьями и в то же время мог оказывать влияние на летописание? Отмеченное выше буквальное совпадение отзыва о Святополке с соответствующими словами Киево-Печерского патерика дает в этом отношении определенное указание на Киево-Печерский монастырь. И действительно, до 1098 г. у Святополка были очень напряженные отношения с монастырем. Как свидетельствует тот же Киево-Печерский патерик, игумен Иоанн обличал Святополка «несытства ради, богатства и насилия ради», за что Святополк сослал его в Туров [287]. Характерно, что в «Сказании о Борисе и Глебе» Нестор описывает освобождение несправедливо («не справив, но послуша облыгающих») заключенных Святополком людей при «чудесной» помощи Бориса и Глеба [288].

Несколько сложнее обстоит дело с первым из рассматриваемых известий. Ни в одном другом источнике,

---

[287] Патерик.., стр. 109.

[288] Сказание, страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба по харатейным спискам XII и XIV столетий. М., 1870, стр. 3.

кроме хронички, в том числе и в Патерике, мы не найдем известия о победоносном походе Изяслава на половцев. Но общее сочувствие монастыря Изяславу, отразившееся в Патерике, и прежде всего в составленном Нестором житии Феодосия, не вызывает сомнений. Несмотря на княжение в Киеве Святослава, в Печерском монастыре по распоряжению Феодосия Изяслав поминался на службах по-прежнему как великий князь. «В ектении веля того поминати, яко столному тому князю и старейшу всех»,— говорит об этом Патерик[289]. Изяслава Патерик называет не иначе как «христолюбец» или христолюбивый князь. Изгнание Изяслава из Киева в 1072 г. в Патерике описано следующим образом: «Бысть в то время смятение некако от вселукавого врага в трех князех, братии сущим во плоти, на единого старишего брата христолюбца иже поистине христолюбца Изяслава»[290]. Святослава же Феодосий считал князем незаконным, «яко неправедно сотвориша, не по закону седша на столе том»[291].

Сходство обоих известий с Патериком не дает еще, однако, основания видеть именно в нем источник хронички. Это ясно уже хотя бы из того, что о победе Изяслава над половцами в Патерике не говорится ничего. Очевидно следует предположить существование какого-то общего источника для Патерика и хронички (или ее источника). Еще в 1897 г. А. А. Шахматов высказал предположение о том, что при составлении кассиановской редакции Киево-Печерского патерика была использована особая Печерская летопись, составленная в конце XI — начале XII в.[292]. Помимо Патерика, следы ее А. А. Шахматов усматривал и в некоторых известиях Ипатьевской летописи. Не отразились ли особые известия Печерской летописи и в рассматриваемом летописном памятнике — хроничке?

Но чем можно объяснить в таком случае, что другие летописи не сохранили этих известий? Дело заключается в том, что как со Святославом, так и со Святополком отношения у монастыря в конце концов были налаже-

---

[289] Патерик..., стр. 168.
[290] Там же.
[291] Там же.
[292] А. А. Шахматов. Киевский патерик и Печерская летопись. «Известия ОРЯС», т. II. СПб., 1897, стр. 822.

ны. Святослав в знак примирения подарил монастырю близлежащее место. Однако прочного союза Святослава с монастырем так и не получилось. Хотя Феодосий и перестал открыто обличать Святослава, но поминал в монастыре «первое христолюбца», т. е. Изяслава. Не потому ли и в летописи все же остались нотки осуждения Святослава, выраженные в словах летописца под 1073 г.: «Святослав же бе начало выгнанью братню, желая большее власти».

Иначе сложились отношения монастыря со Святополком. Состоявшееся в 1098 г. примирение Святополка с монастырем перешло в прочный союз. Вот почему в Повести временных лет Нестора 1113 г. о Святополке говорится в самых благоприятных тонах, хотя ранее тот же Нестор в Сказании о Борисе и Глебе отзывался о Святополке, как мы видели, неодобрительно.

Вполне возможно, что, подвергнувшись переработке в процессе создания официальных сводов, направленность которых не могла не изменяться в соответствии с изменяющейся обстановкой и характером взаимоотношений монастыря с князьями, Печерская летопись могла вместе с тем сохраняться в самом монастыре и в нетронутом виде, как именно монастырский, а не общерусский памятник.

Печерская летопись не была единственным источником составителя хронички. При рассмотрении ее известий, к сожалению, удалось выявить слишком мало таких черт, которые вели бы к определенному типу летописей. Ими являются: известие о том, что Игорь Ярославич умер в Смоленске, о чем говорится только в Тверской, Львовской и Воскресенской летописях, и известие о последовавшем сразу за смертью Игоря разделе Смоленска, что находим только в Тверской и Львовской летописях. Поскольку эти известия совпадают в обеих летописях и в то же время нет других известий, которые указывали бы на одну из этих летописей, то здесь, видимо, мы имеем дело с летописями более ранними, чем Тверской сборник и Львовская летопись. Источником этих летописей является, по наблюдениям А. А. Шахматова, протограф Львовской летописи [293]. Впрочем, не сам

[293] А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Зап. Академии наук, VIII серия, т. IV, № 2, СПб., 1899, стр. 204—205.

протограф Львовской летописи непосредственно находился в руках составителя хронички. Дело в том, что в хроничке имеется известие, которое отсутствует как раз в Тверской и Львовской летописях: о построении Владимиром Мономахом каменной церкви в Смоленске. Видимо, источник хронички представлял собой свод протографа Львовской летописи и других летописей. Мог быть, правда, и иной вариант включения этого известия в состав хронички: сведение самим составителем хронички известий из разных летописей. Однако в данном случае этот путь представляется нам маловероятным. Если принять во внимание краткость хронички, то станет ясно, что ради столь несущественного дополнения ее составитель не стал бы привлекать другие летописи. Невозможно думать, с другой стороны, что протограф Львовской летописи кончался до этого известия (т. е. до 1101 г.) и составитель хронички должен был перейти на другую летопись. А. А. Шахматов наблюдает протограф значительно дальше, приводя примеры совпадения известий Львовской и Тверской летописей вплоть до XIII в. Возникновение самого протографа А. А. Шахматов относит к 1518 г. Несколько иной точки зрения на общий источник Львовской и Тверской летописей придерживается А. Н. Насонов[294]. Он считает, что им является митрополичий свод 1489 г., дошедший, помимо указанных летописей, еще и в составе Софийской II летописи. Как бы то ни было, для нас важно, что один из источников хронички возник где-то в конце XV — начале XVI в. Отсюда ясно, что и сама хроничка не могла возникнуть ранее этого времени.

Особняком по своему происхождению стоит известие хронички о рождении у киевского князя Изяслава сына Святополка-Михаила. Мы уже отмечали, что оно находит соответствие только в Новгородской I летописи. Других известий из этого источника, как, впрочем, и вообще следов использования новгородских летописей, мы в хроничке не находим. И само известие о рождении Святополка не является новгородским. Очевидно, источником этого известия хронички являлась не Новгородская I летопись, а ее общерусский источник. Тако-

[294] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 720—723.

вым, как установил А. А. Шахматов, являлся начальный свод 1093 г. Собственно, именно в Новгородской I летописи лучше всего и сохранился этот свод, тогда как в Повести временных лет он подвергся значительному изменению.

Показательно и то отличие, которое имеется в известии хронички по сравнению с известием Новгородской I летописи: указание в хроничке христианского имени Святополка — Михаил. Это имя, как нам кажется, говорит о происхождении данного известия из церковной среды. А так как местом возникновения начального свода является Печерский монастырь, то очевидно, что эта запись монастырского происхождения и была произведена в той самой Печерской летописи, использование которой составителем хронички мы уже отмечали.

Что касается известия хронички, находящего соответствие только в «Истории Российской» Татищева, то происхождение его неясно. М. К. Каргер, специально исследовавший вопрос о письменных свидетельствах относительно Дмитриева монастыря, пришел к выводу, что «прямых летописных известий о постройке Дмитриевского монастыря нет»[295]. Неясно, почему при этом М. К. Каргером не было принято во внимание и проанализировано известие Татищева. А между тем нет никаких данных, которые бы не позволили доверять известию Татищева. В 1062 г. для игуменства в Дмитриевском монастыре уже был взят из Печерского Варлаам и, как полагает Каргер, в этом году Дмитриевский монастырь был, очевидно, уже выстроен. Сроки же постройки монастырских храмов — примерно 5 лет, как это было с храмом Михайлова Златоверхого монастыря[296], или 4 года, как это было с Великой Успенской церковью Киево-Печерского монастыря[297]. Иными словами, срок постройки собора Дмитриевского монастыря — 7 лет — вполне реален.

Для восстановления источника известия хронички о построении Дмитриевского монастыря у нас нет данных. Очевидно только, что известие это достоверно

---

[295] М. К. Каргер. Указ. соч., т. II, стр. 261.
[296] Там же, стр. 282.
[297] Там же, стр. 341.

и попало, помимо источника хронички, и в другие летописи, не дошедшие до нас, хотя и известные Татищеву.

Возможно, что из этого же источника происходит и известие о рождении у Мономаха сына Григория — Георгия, которое, как мы уже отмечали, находит соответствие также только у Татищева.

К сожалению, в хроничке нет никаких других известий с такими особенностями, которые позволяли бы возвести их к определенному виду летописей. Известия ее так или иначе восходят к Повести временных лет.

Что же касается кратких летописцев-хроничек, как разновидности западнорусского и белорусско-литовского летописания, то они не являлись редкостью в XVI в. Укажем в связи с этим на такие памятники, как «Родство великих князей литовских», «Начало государей литовских» или «Великого княжества Литовского хроничка, кратко написанная»[298]. Все эти сочинения очень сходны по характеру своих известий с хроничкой, хотя и повествуют об иных событиях, нежели хроничка, охватывающая киевский период истории Руси.

Анализ известий хронички тем более осложняется, что известия эти приведены в очень сильном сокращении и нередко в хронологическом беспорядке, что многократно отмечалось выше. Большие затруднения вносит и сама выборка известий составителем хронички, так что иногда остается известие, открывающее цепь событий, и известие, завершающее ее, без промежуточных звеньев. Например, хроничка сразу же за известием о смерти Владимира Мономаха пишет о вокняжении Юрия Долгорукого. В то же время в хроничке можно заметить и группировку нескольких аналогичных известий (например, следующие одно за другим известия о рождении сыновей у князя Святослава). Такая группировка материала не могла не способствовать хронологической путанице в изложении событий.

Можно ли все же установить какую-то закономерность, направленность в отборе составителем хронички известий из его источников? Обращает на себя внимание то, что, несмотря на всю краткость хронички, она довольно подробно и без существенных пропусков говорит о событиях в Киево-Печерском монастыре (построение Ве-

---

298 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 469—472, 573—588, 593—600.

ликой Успенской церкви, смерть Феодосия Печерского, игуменство Стефана, постриг Николы Святоши). Кроме этого, хроничка уделяет внимание строительству храмов и событиям церковной жизни. Достаточно сказать, что, несмотря на пропуски известий о киевских князьях (например, между Владимиром Мономахом и Юрием Долгоруким), хроничка не пропускает почти ни одного митрополита.

Если же наряду со сделанными наблюдениями принять во внимание, что составителю хронички была доступна монастырская Печерская летопись, то вполне правомерным будет предположить, что и сама хроничка составлена в Печерском монастыре. В предисловии к своей Хронике Стрыйковский писал, что в его распоряжении было несколько киевских хроник. Быть может, он среди них имел в виду и хроничку. Что же касается предполагаемого времени составления хронички, то об этом выше уже говорилось: это XVI век.

Каков был хронологический охват хронички? К сожалению, ни начала, ни конца ее установить точно нельзя. По-видимому, самому Стрыйковскому хроничка попала без начала, поскольку рукопись, имевшаяся у Стрыйковского, открывалась словами: «Потом, когда...» Это, между прочим, вызвало удивление и самого Стрыйковского, заметившего в начале передаваемой им хронички: «так прямо и начинается». Нет решительно никаких данных и о том, чем завершалась хроничка. После последнего процитированного из нее известия (о приходе митрополита Никиты) Стрыйковский неопределенно замечает: «и так далее».

Такая хронологическая путаница хронички связана с отсутствием в ней самой хронологии. В хроничке не названо ни одного года, что является крайне редким в истории летописания. Но в то же время само отсутствие хронологии в какой-то мере подтверждает нашу мысль о месте возникновения памятника, а именно в Южной Руси. Напомним, что возникшая там Галицко-Волынская летопись, дошедшая в составе Ипатьевской летописи, также имеет местами путаную хронологию, что многими учеными объясняется более поздней, чем составление самого свода, расстановкой дат. Именно поэтому Хлебниковский список Ипатьевской летописи, вовсе лишенный дат, начиная с 1201 г., Шахматов считал «более

архаичным»[299]. Такой же точки зрения придерживались М. С. Грушевский и М. Н. Тихомиров.

Как это видно из рассмотрения русских известий Хроники, летописные материалы далеко не исчерпывали всего круга русских источников Стрыйковского. В Хронике заметны следы знакомства Стрыйковского с Киево-Печерским патериком, Уставом Владимира Святославича, Житием Бориса и Глеба. На русских летописях и на Уставе Владимира Святославича, имевшихся у Стрыйковского, как это было показано выше, лежит печать их бытования в Западной Руси и потому сведения о них представляют большой интерес как ценный материал для изучения судьбы культурного наследия Киевской Руси на Украине и Белоруссии.

---

[299] А. А. Шахматов. Предисловие. ПСРЛ, т. II, изд. 2, стр. V; М. С. Грушевський. Хронологія подій галицько-волинськоі літописи. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XI. Львів, 1901; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 50—51.

Глава IV

ИЗВЕСТИЯ ХРОНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Воссоздание истории Литвы (а вместе с ней и Белоруссии и Украины) для Стрыйковского составляло основную цель его обширного исторического труда. Иногда Стрыйковский для краткости даже называет все свое сочинение «Литовской хроникой» (см., например, заглавие II книги Хроники). Каждое упоминание о Литве даже в известиях, прямо к ней не относящихся, привлекало к себе особое внимание Стрыйковского. Это видно на примере изложения в Хронике событий русской истории XIII в. Стрыйковский кропотливо собирал все сведения о Литве у польских хронистов, им были учтены и освоены все достижения польских историков в области изучения истории Литвы. Круг этих историков был в основном таким же, как в русской части Хроники. Таким же в главных чертах было и отношение Стрыйковского к трудам своих предшественников, характер их использования. Однако, если в русской части для Стрыйковского основным источником все же являлись не они, а русская летопись, то по истории Литвы белорусско-литовские летописи были часто для Стрыйковского единственным источником. До него никто из историков, за исключением Августина Ротундуса, вообще не ставил своей специальной целью воссоздать историю Литвы. В русских же летописях о Литве можно встретить лишь попутные упоминания. Не удивительно поэтому, что белорусско-литовские летописи Стрыйковский использует особенно полно.

* * *

Первое известие, по поводу которого Стрыйковский обращается к белорусско-литовским летописям,— это

рассказ о прибытии в Литву Палемона. Рассказ этот в летописях Стрыйковского находился в двух вариантах. В одних говорилось, что Палемон бежал из Италии во времена Нерона, спасаясь от его произвола [1]. Такую версию находим во всех белорусско-литовских летописях, имеющих этот рассказ. Ближе всех летопись, цитируемая Стрыйковским, к летописям по спискам Археологического общества, Рачинского и Евреиновскому, хотя ни с одним из них она полностью не совпадает. Палемон по летописи, имевшейся у Стрыйковского,— родственник Нерона, как об этом говорится в летописях по спискам Археологического общества и Рачинского. А имя одного из дворян, прибывших в Литву вместе с Палемоном,— Кутавр Довспрунг — передано ближе к спискам Рачинского и Евреиновскому. Таким образом, наиболее близким к летописи Стрыйковского представляется список Рачинского. Однако такое заключение было бы преждевременным, ибо имя Урсина, фигурирующего у Стрыйковского среди этих же прибывших в Литву дворян, упомянуто только в Евреиновском списке. Кроме того, и это главное, летописец по списку Рачинского сам составлен не без влияния Хроники Стрыйковского [2]. Правда, с другой стороны, именно Евреиновский список не называет в числе трех рек, у которых поселились прибывшие, Юру, а она упоминалась в летописи Стрыйковского.

Таким образом, первая литовская летопись Стрыйковского имела в своей основе текст «краткого свода» (по классификации И. Тихомирова [3]), но в таком виде, который не совпадает ни с одним из известных в настоящее время списков. Во всяком случае, меньше всего сходства наблюдается со списком Красинского, в котором И. Тихомиров видел первый летописец Стрыйковского [4]. В списке Красинского нет имени врача Нерона (Сенека), не названы все четыре фамилии, прибывшие с Палемоном [5].

Процитировав первый летописец, Стрыйковский переходит ко второму, который он, по его словам, «достал в Берестовце Старой у их милости князей Заславских».

---

[1] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 55—56 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 239—241, 295—297, 357—359.

[2] И. Тихомиров. О составе... ЖМНП, 1901, март, стр. 24.

[3] Там же, стр. 6—27.

[4] Там же, май, стр. 87.

[5] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 227—229.

Стрыйковский цитирует из него пространный текст, несмотря на неисправности списка («хотя его поправить следовало»)[6]. Текст этого летописца, как указывали в свое время и И. Данилович и И. Тихомиров, очень близок к летописцу Быховца с его версией о бегстве Палемона от Атиллы[7], но полностью не совпадает с ним. В летописце Быховца вместо Палемона назван Аполлон. Характерно, что во втором летописце Стрыйковского нет названия моря «Акиан», которое стоит у Быховца.

Сопоставив различные версии этих двух летописцев и найдя в них противоречия, Стрыйковский не удовлетворился ими и достал еще 13 летописцев «из разных мест» и их «сопоставил, согласовал и свел в одно место для достижения истины» и пришел к выводу: «в том все соглашаются воедино, что Палемон из сената римского с пятьюстами римскими дворянами и с названными четырьмя фамилиями прибыл в те северные земли, жмудские и литовские»[8]. В настоящее время известно всего 6 белорусско-литовских летописей, содержащих рассказ о переселении Палемона (списки Красинского, Археологического общества, Рачинского, Евреиновский, Ольшевский и Быховца), все они действительно называют цифру 500[9].

Только такой материал, добытый при сравнении между собой летописей, Стрыйковский считает особенно существенным и совершенно достоверным. Здесь, как и в дальнейшем, совпадение тех или иных известий в разных источниках — самый надежный для Стрыйковского критерий достоверности этих известий. Поэтому Стрыйковский стремится получить как бы синтез сведений из противоречивых известий. Впрочем, Стрыйковский отнюдь не ограничивается таким механическим суммированием свидетельств. Узнав из летописцев, что имело место бегство римлян в Литву, Стрыйковский обращается к античным источникам, чтобы выяснить, когда и при каких обстоятельствах произошло это событие. На основании созвучия имен летописного Палемона и римского

---

[6] Stryjkowski, t. I, стр. 56.

[7] И. Данилович. О литовских летописях, стр. 86—89; И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 88—89 (здесь и всюду далее имеется в виду ЖМНП, 1901, май).

[8] Stryjkowski, t, I, стр. 57.

[9] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 228, 240, 296, 358, 422, 474.

сенатора Публия Либона, упоминаемого Ливием, Стрыйковский считает, что это одно и то же лицо [10]. В пользу этого, по мнению Стрыйковского, говорит и другое созвучие: la Italia — Litwa (la Italia-Litalia-Litualia-Litwania-Litwa), на которое в свое время обратил внимание еще Ян Длугош [11].

Делая пространный экскурс в древнеримскую историю, Стрыйковский отвергает известие своего первого летописца о том, что события развертывались во времена Нерона, приходит к выводу, что причиной бегства Палемона из Рима послужила «внутренняя война между Цезарем и Помпеем». Версию одного из летописцев (типа Быховца) о том, что Палемон бежал от Атиллы лишь в 401 г., Стрыйковский считает неприемлемой на том основании, что в это время итальянцы уже были христианами и потому не могли не принести христианства в Литву, которая, однако, «пребывала в язычестве вплоть до 1252 г.» [12]

Едва ли стоит говорить, что в приведенных выше рассуждениях и сопоставлениях Стрыйковского много наивного (особенно это относится к созвучиям). Стрыйковский слепо принял версию литовских летописей о Палемоне-римлянине и, исходя из нее, стал искать его среди древних римлян. Однако ограничиться указанием на такую некритичность Стрыйковского в отношении летописей было бы неправильным.

Исключительно важна и общественно-политическая сторона вопроса. Легенда, принятая Стрыйковским, возвеличивала литовцев, вводила их в семью европейских народов, где они по своему происхождению занимали место ничуть не ниже поляков. А ведь одной из основных идей Хроники и являлось возвеличение Литвы, подтверждение ее самостоятельности, благородства и знатности ее властителей. Мы увидим проявление этой идеи на протяжении всей Хроники. Показательна сама убежденность Стрыйковского в факте переселения римлян в Литву. В 1580 г., когда Хроника была уже почти закончена и Стрыйковский отправился в Кенигсберг для ее печатания, он специально проделал путь из Балтийского моря

---

[10] Stryjkowski, t. I, стр. 65—66.
[11] Там же, стр. 31 и Długosz, t. III, стр. 443.
[12] Stryjkowski, t. I, стр. 81.

в Неман, «желая на собственном опыте испытать правдивость рассказа литовских летописцев о прибытии в Литву итальянцев с Палемоном» [13]. Убедившись в возможности путешествия на этом отрезке пути, Стрыйковский окончательно уверовал и в правдивость летописного рассказа. Такой аргумент бесспорно наивен, но в то же время он показывает определенную практичность ума Стрыйковского, его попытки проверить показания летописей. Важно еще и другое обстоятельство: самый широкий подбор Стрыйковским источников, их сравнение и их, пусть и несколько наивная, внутренняя критика. Подбор широкого круга источников и их сопоставление позволили Стрыйковскому включить историю Литвы во всемирную историю.

Известия Стрыйковского по легендарному периоду истории Литвы рассматриваются нами столь подробно еще и потому, что именно по поводу их Стрыйковский дает наиболее определенные указания о своих летописях, о различиях между ними, что уже позволяет более или менее определенно в известных нам белорусско-литовских летописях увидеть основные типы летописцев, имевшихся у Стрыйковского.

Сведения о наследниках Палемона Стрыйковский приводит не по одному какому-то летописцу или раздельно по нескольким летописям, а по всем 15 собранным им «летописцам русским, литовским и жмудским», согласовав и соединив их. Отличия от известных нам белорусско-литовских летописей в этом суммарном известии Стрыйковского состоят в следующем [14]. 1) Кунас построил замок на месте впадения Вилии в Неман. Все летописи называют не Неман, а Невяжу. 2) Спера, избрав место своего поселения, устроил языческое богослужение с жертвами. Летописи об этом не пишут. 3) Нет в летописях и некоторых подробностей рассказа об основании г. Вилькомира [15]. 4) Нет в летописях упоминания, что прах Сперы был сожжен над озером. 5) В летописях нет рассказа о передаче Кернусом правления его зятю Живибунду (мужу дочери Пояты). Если согласно летописцу

---

[13] Stryjkowski, t. II, стр. 140.

[14] Stryjkowski, t. I, стр. 83—87 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 229, 297—298, 275 и 476.

[15] Stryjkowski, t. I, стр. 85. Вилькомир находится к северо-востоку от Каунаса.

Быховца Живибунд наследует Кернусу как его сын, то по остальным летописям наследником Кернуса является Кирус — зять Кернуса. Таким образом, у Стрыйковского, как он это и говорил в общей форме, мы видим соединение двух версий: Кернусу наследует Живибунд (версия Быховца), но он приходится ему не сыном, а зятем (версия остальных летописей).

Трудно сказать, откуда происходят неизвестные по другим источникам сведения Стрыйковского по рассматриваемому легендарному периоду литовской истории. Учитывая их легендарность, вполне возможно предположить, что он почерпнул эти сведения из памятников фольклора, в самостоятельном виде не дошедших до нас, хотя, конечно, нельзя не допускать и возможности в некоторых случаях литературного развития Стрыйковским рассказа летописей. Примеры такого рода в отношении русских известий Хроники отмечались не раз.

Интересна и еще одна особенность в рассказе Стрыйковского: рассказ об основании Вилькомира, который Стрыйковский излагает «согласно летописцам», из известных летописей содержится только в летописце Быховца. У Стрыйковского, как видно, было несколько летописцев типа Быховца. Сама же ссылка на летописцы при упоминании Вилькомира, по-видимому, была вызвана тем, что в ряде летописцев этот город не упоминался.

Следующее известие Хроники о походе на Русь литовских князей Кернуса и Гимбута также содержится только в летописце Быховца [16]. Интересна попытка Стрыйковского связать этот поход с событиями русской истории. Это, по словам Стрыйковского, он делает для того, чтобы выяснить причины успехов литовцев и одновременно установить дату похода. Причины похода Стрыйковский видит в желании отомстить русским князьям, воспользовавшись походами половцев и русскими междуусобиями. Так как все эти события, по мнению Стрыйковского, достигли предельной остроты во время киевского восстания и похода Болеслава, то он был склонен этим временем датировать и поход литовцев. Согласно же Длугошу и Кромеру, поход Болеслава и восстание относятся к 1065 г. (в действительности — 1068 г.), почему и Стрыйковский датирует поход литовских князей 1065 г.

---

[16] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 477.

После рассмотренного известия о Кернусе изложение событий литовской истории прерывается Стрыйковским, и последующие две книги (IV и V) он целиком посвящает событиям русской истории. Но ссылки на литовские летописцы Стрыйковский возобновляет ранее, чем переходит к изложению собственно литовских событий. При рассмотрении русских известий Стрыйковского мы уже обращали внимание на эту ссылку и отмечали, что, по-видимому, Стрыйковский имел литовские летописи, которые включали в свой состав более подробные известия по истории западнорусских земель, летописи, основанные, вероятно, на каких-то записях, ведшихся в городах Западной Руси.

Среди русских известий Хроники имеется ряд интересных сведений о литовских языческих божествах и о литовских языческих обычаях. Об этом Стрыйковский пишет в 4 главе IV книги Хроники, озаглавленной «О древних обычаях, или точнее безумствах русских, польских, жмудских, литовских, лифляндских и прусских жителей-идолопоклонников и разнообразии их лживых богов». Глава эта идет непосредственно за известием о крещении Руси и открывается рассказом о принятии христианства другими народами. Таким образом, одно из важнейших событий русской истории рассматривается Стрыйковским в неразрывной связи с подобными же событиями у соседних народов. В такой же взаимосвязи рассматриваются и языческие обычаи этих народов.

Обычаи древних литовцев и пруссов описаны Стрыйковским отчасти по хронике Дюсбурга, на которого у Стрыйковского имеются в этой главе прямые ссылки, и, возможно, с использованием материалов так называемой Sudauer bühlein, созданной в 20-х годах XVI в., переработанной Павлом Сператусом и Георгом Поленцом и изданной в 1530 г. [17] Главным же образом Стрыйковский писал эту часть Хроники по собственным наблюдениям [18].

После описания литовских языческих обычаев Стрыйковский возвращается к литовской тематике в известии, датированном им 1211 г.

---

[17] В. Н. Перцев. Культура и религия древних пруссов. «Уч. зап. Белорусск. гос. ун-та», вып. 16, серия ист. Минск, 1953, стр. 335.

[18] Сведения Хроники Стрыйковского о литовском язычестве заслуживают особого рассмотрения.

Под 1211 г. Стрыйковский сообщает: «Летописцы литовские старые, бессмысленно переписанные (поскольку тогда люди достоверных сведений не имели), так ведут свою речь: «Во время правления Монтвила, сына Гимбутова, пришел царь татарский Батый и завоевал все русские земли, разбив немало князей, и опустошил и сжег Киев, столицу всей Руси, а князь Дмитрий Киевский бежал в Чернигов и т. д. А в то время якобы Выкинт, жмудский князь, велел сыну Ердивилу отправиться походом, и он захватил Новогрудок, Гродно, Брестьич и Мельник». Но это было иначе и до Батыя, что я понял из достоверных историков и самого существа дела» [19]. Первая часть этой цитаты (до упоминания Викинта) находит полное соответствие в белорусско-литовских летописях, за исключением только летописи Красинского, так как там говорится о времени правления не Монтвила, а Кунаса. Впрочем, это обстоятельство не имеет большого значения для выяснения источников Стрыйковского, так как он в данном случае мог давать сводку сведений. Тем более, что ниже мы увидим одну черту данного рассказа, восходящую именно к летописи Красинского.

Остальная часть рассматриваемой цитаты не находит полного соответствия ни в одной из летописей. Прежде всего нигде Эрдзивил не назван сыном Викинта. Все известные летописи называют их братьями. Далее белорусско-литовские летописи среди захваченных Эрдзивилом городов называют Гродно как Городень (что является характерным отличием этих летописей) [20], тогда как в летописях Стрыйковского, видимо, сохранялась форма, присущая в большей мере общерусским памятникам: Городно — Гродно. Из белорусско-литовских летописей она имеется только в списке Красинского [21]. Таким образом, с одной стороны, у Стрыйковского большинство летописей как будто не могло быть сходным с летописью Красинского, а с другой, имеются основания говорить о таком сходстве. Из такого противоречия данных вытекает, что у Стрыйковского имелись летописи, соединявшие черты той и иной разновидности известных нам летописей.

[19] Stryjkowski, t. I, стр. 229 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 244, 299 и др.

[20] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 372.

[21] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 299.

Далее под 1216 г. Стрыйковский говорит о новом походе на Русь. Войска были посланы жмудским князем Монтвилом и литовским князем Живибундом. На обратном пути над Двиной их разбил князь Ярослав Всеволодович с новгородцами. Ссылки здесь на литовские летописи нет. В них действительно отсутствуют сведения об этом походе. Стрыйковский ссылается на «русскую хронику», т. е. русскую летопись, и на Длугоша и Меховского [22]. У польских хронистов имена Монтвила и Живибунда не названы, хотя описание событий у Стрыйковского вполне совпадает с их известиями. Из известных в настоящее время русских летописей имя литовского князя Живибунда и жмудских («жемайтских») князей упоминает под 1215 г. Ипатьевская летопись. Но в ней говорится о жемайтских князьях «Ерьдивиле» и «Выкынте», а не о Монтвиле. Литовские и жемайтские князья, согласно летописи, присылают послов для заключения мира с сыновьями Романа Галицкого — Даниилом и Василько. О самой войне, после которой потребовалось заключение мира, в летописи даже и не упоминается. По-видимому, Стрыйковский располагал какой-то русской летописью, где говорилось и об этой войне. Имя Монтвила Стрыйковский мог поставить в соответствии с белорусско-литовскими летописями, которые именно ко времени правления этого князя относят нашествие Батыя и литовские походы на Русь [23].

Далее, под 1217 г., Стрыйковский приводит (ссылаясь на летописцев) пространное описание похода Эрдзивила на Русь. Он захватывает Новогрудок, Городен, Брестье, Мельник, Дрогичин, Сураж, Брянск и Бельск. Об этом же по существу (но без упоминания четырех последних городов) Стрыйковский уже писал под 1211 г. Правда, там Эрдзивил фигурировал как сын Викинта, а в данном случае, как и во всех белорусско-литовских летописях,— как сын Монтвила; кроме того, в первом случае не сообщается ряд подробностей, которые имеются в рассматриваемом рассказе. Это было вызвано тем, что в летописях Стрыйковского (в «старых литовских летописцах»), по-видимому, имелись различные варианты одного рассказа. Первый вариант, как об этом уже

---

[22] Stryjkowski, t. I, стр. 233.
[23] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 360—361, 477—478 и др.

говорилось, в источниках Стрыйковского был отнесен ко времени до Батыя, второй — после.

Сравним второй вариант известия Стрыйковского с известными в настоящее время летописями. Три города, из перечисленных Стрыйковским (Сураж, Брянск и Бельск) не называет ни одна летопись, нет их и в первом варианте. В летописях мы не найдем следующих подробностей: 1) описания вооружения литовцев: «...одни носили шкуры зубров, другие лосей, медвежьи и волчьи, хотя все выделенное оружие же было простой лук, сабля только у гетмана, копье, опаленная палка, крученая праща, седла из дуба без настила, мундштуки из лыка»; 2) распределения Эрдзивилом войска после переправы «на плотах» через Неман; 3) основания Гродно: «Потом, выступив из Новогрудка, нашел [Эрдзивил] старое городище над Неманом, замок, разрушенный Батыем, и облюбовал высокую гору, пригодную для обороны самим местоположением, построил на ней снова замок, который назвал Гродно»; 4) титула Эрдзивила: «Эрдзивил Монтвилович, наследник Жмудской и Литовской земли, первый великий князь русский Новогрудский»; 5) известия о том, что Эрдзивил отправил Монтвилу подарки; 6) указания на Юрборк как на место, где умер Монтвил.

В какой мере достоверны все эти известия Стрыйковского? Первое известие, содержащее описание оружия древних литовцев, возможно, является плодом художественного творчества самого Стрыйковского, литературным развитием текста источников, к которому Стрыйковский прибегал неоднократно.

Интересно известие Стрыйковского об основании Гродно. Ни в одной из сохранившихся белорусско-литовских летописей не сказано, что на месте Гродно уже ранее существовал замок (это видно из слов Стрыйковского о том, что Эрдзивил *вновь* построил замок). Н. Н. Воронин, специально занимавшийся историей древнего Гродно, расценивает отличия рассказа Стрыйковского об основании Гродно от летописей просто как его «домыслы» [24]. Но с таким мнением трудно согласиться. В самом деле, что невероятного в известии Стрыйковского о том, что гродненская крепость существовала ранее XIII в.?

---

[24] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 41. М., 1954, стр. 149.

Ведь и сам Н. Н. Воронин много пишет о каменных постройках города XII в. и не отрицает существования в это время в городе княжеской цитадели. Если и можно сомневаться в правдоподобности переданного Стрыйковским летописного рассказа о завоеваниях Эрдзивила, то это меньше всего может быть отнесено к его дополнительным сведениям о Гродно.

Далее Стрыйковский сообщает о разделе владений между тремя литовскими воеводами: Грумпием, Эйкшисом и Гравзусом и об их потомках. В целом рассказ этот соответствует белорусско-литовским летописям[25], однако варианты имен этих воевод, которые приводит Стрыйковский, полного соответствия в летописях не находят.

Таким образом, ни один из известных нам списков летописей в том виде, в каком он дошел до нас, Стрыйковскому известен не был. Несоответствие летописям наблюдается и в том, что Монивид назван сыном Эйкшиса, а Довойна — Гравзуса, тогда как в летописях наоборот: Гравзус — сын Монивида, а Довойна — Эйкшиса. В подтверждение своей генеалогии Стрыйковский замечает: «Как все летописцы одинаково свидетельствуют, хотя бы кто хотел их тысячу согласовать и свести».

Следующее известие Стрыйковского — рассказ о поражении воеводы царя Батыя Кайдана над Днепром в месте впадения в него Припяти[26]. Даты этого события Стрыйковский не указывает. Помещенное им сказание о сражении литовцев с Кайданом представляет собой особый памятник, не имеющий даже слабых отголосков ни в одном другом известном источнике. Правда, воеводу Кайдана в числе татарских воевод, участвовавших во взятии Киева в 1240 г., упоминают как русские летописи — Ипатьевская, Софийская I, Воскресенская и др.[27], так и некоторые белорусско-литовские летописи (Супрасльский и Уваровский списки)[28]. Длугош (а вслед за ним и Меховский) пишет о походах Кайдана в Сандомирскую землю и в Венгрию[29].

---

[25] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 236—237 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 230—231, 262, 425—426, 478 и др.

[26] Stryjkowski, t. I, стр. 238—239.

[27] ПСРЛ, т. II, стлб., 785; т. V, стр. 175; т. VII, стр. 145.

[28] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 25 и 123.

[29] Długosz, t. II, стр. 257, 268 и Mathius de Michoviae, стр. 94.

Перед нами сказание, повествующее о победе литовцев над татарами, первой победе, одержанной кем-либо над ними. По сказанию получается, что в то время, как русские князья покорно выплачивали дань татарам, литовский князь Эрдзивил сразу же отказался сделать это и, «собрав русские войска... со жмудским и литовским вспомогательным войском», отправился в поход на татар и напал на их лагерь, «где находился царь». В результате татары «потерпели поражение от Литвы и... разбежались по лесам и болотам». И характерно еще одно обстоятельство: воевода Кайдан требует от литовцев «дани, доходов и покорности» как с владетелей именно русских земель (Новогрудской, Подляшской, Брестской и т. д.), «как это он привык делать с другими русскими князьями». Не претендуя на подробный анализ сказания и какие-то ни было предположения о его возникновении, нам хотелось, однако, обратить внимание на эти обстоятельства. Они свидетельствуют о том, что сказание считает Эрдзивила законным владетелем западнорусских земель, поскольку именно в нем видит единственного защитника этих земель от татар. Сами по себе столкновения литовцев и татар в XIII в. вполне достоверны. Известен целый ряд нападений татар на Литву, начиная с 1258 г., однако все известия говорят о поражениях литовцев и ничего не упоминают о каком-либо триумфе, подобном тому, о котором рассказывает сказание[30]. Едва ли можно сомневаться, таким образом, в литовском происхождении сказания. Возникновение его, по-видимому, следует рассматривать в связи с рядом литовских летописей, также настойчиво проводящих идею о Литве как защитнике и потому природном владельце западнорусских земель.

С другой стороны, бросается в глаза художественная образность повествования. В виде «дани» Эрдзивил посылает Кайдану «пару стрел вместо золотых вещей» как знак непокорности. Не указывает ли это на фольклорное происхождение сказания или, во всяком случае, на влияние на него фольклорных памятников? Видимо, данный рассказ и следует рассматривать именно как памятник фольклора, имеющий историческую основу, но с очень значительными наслоениями фантастического элемента, причем с определенной политической направленностью.

[30] Н. Дашкевич. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885, стр. 13.

Интересно следующее затем в Хронике известие: «Незадолго перед этим Выкинт Монтвилович, родной брат Эрдзивила, князь жмудский и курский, умер или, как некоторые летописцы свидетельствуют, был убит на русской войне, а княжество перешло по природному праву Эрдзивилу, его брату, князю русскому Новогрудскому» [31]. Несмотря на ссылку на летопись, это известие не находит соответствия в белорусско-литовских летописях. Все летописи просто говорят о смерти Викинта, и ни одна не упоминает о его гибели на войне. Ни в одной из летописей не сказано, что княжество перешло Эрдзивилу. Наследником Викинта одни летописи (летопись Красинского и летопись по Евреиновскому списку) называют Киргуса, а другие — Живибунда (списки Ольшевский и Быховца) [32]. Стрыйковский далее пишет о переходе жмудского княжения Живибунду, однако уже после Эрдзивила.

О захвате Полоцка Мингайлом Эрдзивиловичем Стрыйковский рассказывает в соответствии с белорусско-литовскими летописями [33]. Замечание летописца о том, что «полочане управлялись вечем, как Великий Новгород и Псков», пространно комментируется Стрыйковским. Возможность существования веча он объясняет взаимными княжескими усобицами, а саму форму управления в виде веча считает привнесенной из «греческих славных республик», «ибо в то время в Новгороде, в Полоцке и в Пскове все почти время греки были митрополитами, владыками и архимандритами, которых туда всегда присылал патриарх Константинопольский или Цареградский, как о том свидетельствуют подробнее русские хроники; эти-то греки и принесли обычаи управления Афинских, Тебаньских (Фиванских — *А. Р.*) государств и т. д.» [34] Что касается объяснения происхождения вечевого строя, то едва ли стоит подробнее останавливаться на нем. Нелепость этого объяснения очевидна. Но замечание Стрыйковского о том, что в его летописях говорилось о посылке в Полоцк в качестве епископов и архимандритов именно греков, представляет несомнен-

---

[31] Stryjkowski, t. I, стр. 239.
[32] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 230, 361 и 426, 478.
[33] Stryjkowski, t. I, стр. 239—240 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 245, 300, 479 и др. В Евреиновской летописи Мингайло ошибочно назван сыном Скирмонта (ПСРЛ, т. XVII, стлб. 362).
[34] Stryjkowski, t. I, стр. 240.

ный интерес. Ни одна летопись, где отмечалось бы это, не известна.

О сыне Мингайла, полоцком князе Гингвиле, Стрыйковский рассказывает в соответствии с белорусско-литовскими летописями[35]. В них, как это указал еще И. Тихомиров[36], не находим лишь одного известия: «С псковичами и смоленцами вел долгую войну и спор о прилегающей границе». Не находит соответствия в летописях и близкое к этому известие о войнах сына Гингвила Бориса «из-за общих границ со смоленцами, витебским князем и псковичами». Рассказ белорусско-литовских летописей об этих событиях сходен, но одно обстоятельство позволяет установить, что в данном случае Стрыйковский пользовался летописями типа летописца Быховца: только в этом летописце христианское имя Гингвила указано, как и у Стрыйковского,— Юрий, в остальных — Борис.

Летописные сведения о Борисе Полоцком у Стрыйковского имеют еще ряд дополнений. Прежде всего это касается известия о постройках Борисом монастырей и храмов в Полоцке. Указав, что об этом говорят все летописцы «хотя бы хотел их тысячу свести», Стрыйковский пишет о четырех его постройках, тогда как все известные белорусско-литовские летописи знают только три[37]. Стрыйковский называет:

1. Церковь Софии, построенную «греческим обычаем, как сам видел».

2. «На Бельчице тоже монастырь, окруженный стеной с башнями, и церковь святых Бориса и Глеба, украшенные каменным строением, в четверти мили (от Полоцка.— *А. Р.*), как мне кажется (ибо не измерял, а только видел)». На полях Стрыйковский разъясняет: «Трудно было измерить, ибо когда я там был в 1573 г., проезжая из Витебска, тогда этим местом Москва владела».

Сообщение Стрыйковского о том, что Бельчицкий монастырь был окружен стеной с башнями, имеет большое значение. Среди так называемых бельчицких руин ни

---

[35] Stryjkowski, t. I, стр. 241 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 245, 362, 478—479 и др.

[36] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 95.

[37] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 241 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 232, 245—246, 300—301, 362, 427, 479.

малейших следов стены не обнаружено, несмотря на то, что бельчицкие памятники неоднократно обследовались археологами и историками архитектуры. Н. Н. Воронин в своем специальном исследовании, посвященном Бельчицам, полагает, вслед за А. К. Говорским, что Бельчицы являлись «пригородной укрепленной княжеской резиденцией»[38]. Этим Н. Н. Воронин и объясняет существование стен и башен в Бельчицах, виденных Стрыйковским. Такое объяснение вполне допустимо. Вместе с тем это могла быть обычная монастырская стена, причем не обязательно раннего происхождения. Оборонительные сооружения Бельчиц могли возникнуть и как крепость, но уже в поздний период.

3. «Другой девичий монастырь вверх реки Полоты, от замка полмили, в нем великий князь московский имел свою ставку, когда добывал Полоцк». Эти сведения Стрыйковский получил, вероятно, из каких-то устных рассказов, не точно освещавших события. Русский источник, так называемая Лебедевская летопись, подробно описывающая взятие Полоцка, дает иное определение местоположения ставки — у церкви Георгия Великого и в Борисоглебском монастыре[39].

4. «Четвертую церковь построил [Борис] св. Спаса». Упоминание Стрыйковского о четвертой церкви не находит соответствия в белорусско-литовских летописях, но, очевидно, в летописях Стрыйковского об этом имелось известие, иначе он не стал бы подчеркивать, что об этом говорят «все литовские летописцы, хотя бы хотел их тысячу свести». Едва ли можно объяснить упоминание этой церкви, как это делал И. Тихомиров[40], тем, что Стрыйковский неправильно прочел текст летописей. Вероятно, в летописях, имевшихся в распоряжении Стрыйковского, было упоминание и о четвертом храме такого же названия, как храм девичьего монастыря, и потому, по-видимому, в некоторых летописях оба эти известия слились в одно. Последние археологические изыскания в Полоцке, произведенные под руководством

[38] Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. «Архитектурное наследство», вып. 6. М., 1956, стр. 18; А. К. Говорский. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря. «Вестник Западной России», 1864, ноябрь, стр. 16.

[39] ПСРЛ, т. XXIX, стр. 309.

[40] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 95.

М. К. Каргера, показали, что, помимо храмов, упомянутых в летописях, в XII в. в Полоцке были построены и другие храмы [41].

Далее Стрыйковский описывает один из знаменитых Борисовых камней, который находился «в одной миле от Дисны, нынешнего на нашей памяти заложенного города, а от Полоцка — в семи (милях), между Дриссой и Джисной, когда плывешь вниз к Риге. На этом камне есть крест, сделанный в русской форме, такой ☦, и под ним надпись русскими буквами этого князя Бориса: «Помоги, господи, рабу твоему Борису сыну Гингвилову» [42].

Сообщение Стрыйковского о камнях на Двине — первое в литературе, впоследствии выросшей до значительных размеров. Многие из исследователей XIX—XX вв. обвиняли Стрыйковского в неточной передаче и надписи, и рисунка креста. Судя по топографическому определению местонахождения камня, данному самим Стрыйковским, считают, что он имел в виду II или III Борисов камень. Между тем ни на этих, ни на других сохранившихся Борисовых камнях точно такой надписи и такого рисунка нет [43].

Что касается отчества Бориса — Гингвилович, то это является явным домыслом самого Стрыйковского. Вероятно, Стрыйковский отчество дополнил уже впоследствии, изучая литовские летописи, в которых говорилось о Борисе Гингвиловиче, легендарном полоцком князе. Нельзя не учитывать при этом, что надпись разобрать было очень трудно, ибо, по словам самого Стрыйковского, он видел камень ночью: «Это мне показал один купец из Дисны, когда нас, несколько воинов из Витебска, в струге ехало к Динамунту на Инфлянтском (т. е. Балтийском.— *А. Р.*) море, и когда мы там в этом месте по случаю ночевали, поставив струги у берега, то ездили к этому камню в лодке, желая видеть предмет древней старины» [44].

---

[41] Материалы этих исследований до сих пор, к сожалению, не опубликованы.

[42] Stryjkowski, t. I, стр. 242.

[43] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. «Советская археология», т. VIII. М.— Л., 1946, стр. 253.

[44] Stryjkowski, t. I, стр. 241—242.

Иначе обстоит дело с изображенной Стрыйковским формой креста. Известный исследователь полоцко-витебских древностей А. Сапунов называл ее фантастической [45]. Но это неверно. Такая форма креста была известна в Полоцке. Сам Сапунов в приложении к своей книге «Католическая легенда о Параскеве, княгине полоцкой» (Витебск, 1888) издал литографическое изображение креста, хранившегося в Спасо-Евфросиниевом монастыре в Полоцке и приписанного Сапуновым сестре Евфросинии Полоцкой — Параскеве. Крест имеет форму

✠, т. е. очень близкую к форме креста на камне, виденном Стрыйковским, если не идентичную ей.

Поскольку ни на одном из сохранившихся Борисовых камней такой формы креста мы не находим, то следует предположить, что Борисов камень, описываемый Стрыйковским, не сохранился. Быть может, он входил в число тех нескольких камней с надписями, которые были уничтожены в 1818 г. во время взрывных работ, производившихся с целью улучшения судоходства на Двине [46].

Следующий за описанием строительной деятельности Бориса рассказ Стрыйковского о Параскеве Полоцкой представляет особый интерес. Следуя летописям белорусско-литовским [47], Стрыйковский пишет о том, что она жила в созданном ею монастыре семь лет, «служа господу богу и переписывая книги для церквей». Стрыйковский передает и версию белорусско-литовских летописей о том, что Параскева закончила свою подвижническую жизнь в Риме под именем Параксиды. Этот летописный рассказ Стрыйковский считал недостоверным, «просмотрев немало книг церковных» и ни в одной не найдя сведений о полоцкой княжне Параскеве-Параксиде, якобы жившей в Риме.

Какую же княжну летописцы имели в виду? Вероятнее всего, знаменитую полоцкую княгиню Евфросинию, создательницу Спасо-Евфросиниева монастыря. Ее житие говорит как раз о том, что она писала книги «своими

---

[45] А. Сапунов. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1891, стр. 21, прим. 1.

[46] Там же, стр. 6—7.

[47] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 242 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 301, 362—363, 479—480 и др.

руками» и совершила большое путешествие, во время которого умерла [48]. Правда, житие рассказывает о поездке княгини в Иерусалим, а не в Рим. По-видимому, литовские летописи передали в крайне неисправном виде сведения о Евфросинии, исказив даже ее имя. Причиной этого могло явиться смешение Евфросинии с Евпраксией-Адельгейдой, вышедшей замуж за императора Генриха IV и связанной с Римом. М. Н. Тихомиров, обративший внимание на это обстоятельство, считает, что Евпраксии в Риме могла быть посвящена церковь, поскольку она в войне с Генрихом IV выступала на стороне римского папы [49].

Как уже говорилось выше, в поисках истины о Параскеве Стрыйковский просмотрел много церковных книг. Однако, по-видимому, житие Евфросинии Полоцкой ему так и осталось неизвестным. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: 1) Стрыйковский ни разу не упоминает имени Евфросинии, которое он не мог бы не заметить, обратившись к ее житию, во многом сходному с рассказом его летописей о Параскеве; 2) святой Параскеву, по словам Стрыйковского, называют именно летописцы («святой, как хотят летописцы»), но не «церковные книги».

Таковы известия Стрыйковского о литовских князьях династии Мингайла в Полоцке. В настоящее время едва ли можно сомневаться в легендарности полоцких князей Мингайла и его сына Гингвила [50]. Их не знают русские летописи, упоминающие совершенно иных полоцких князей XII—XIII вв. Но Борис и Рогволод, которых литовские летописи, а вслед за ними и Стрыйковский стараются представить потомками Мингайла, действительно существовали. Русские летописи пишут, что Борис был сыном Всеслава Брячиславича, а Рогволод, как и в литовских летописях, назван сыном Бориса [51].

---

[48] «Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко», вып. III. СПб., 1862, стр. 174, 178.

[49] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 365, прим. 4.

[50] Подробнее об этом см.: Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873, стр. 119—123.

[51] ПСРЛ, т. I, стлб. 120, 131, 135; т. II, стлб., 12, 19, 66, 82, 86 и др. См. также: В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Литовские летописи называют Бориса сыном Гингвила Мингайловича для того, чтобы представить полоцких князей потомками литовского великокняжеского рода[52], тем самым получая лишний «довод», оправдывающий литовское владычество в Белоруссии. Появление таких идей в эпоху Ливонской войны особенно понятно.

Борис Всеславич и его сын Рогволод жили в XII в. По Хронике же Стрыйковского они фигурируют в XIII в. Правда, прямо Стрыйковский не указывает ни одной даты при описании этих полоцких князей, но о такой датировке Стрыйковского можно судить, исходя из того, что известие об овладении литовцами Новогрудком, которое Стрыйковский относит к 1217 г., предшествует полоцким известиям. Кстати, датировка овладения Литвой Новогрудком сама по себе недостоверна: в Новогрудке, согласно Ипатьевской летописи, в 1230 г. сидел князь Изяслав[53]. Датировка Стрыйковского, по-видимому, основывается на том, что в литовских летописях завоевание Полоцка описано после завоевания Новогрудка.

Следующий после полоцких известий рассказ Стрыйковского о битве литовского князя Скирмунта с Мстиславом Луцким, датируемой им 1220 г.[54], имеет, по сравнению с летописями, ряд особенностей, отмеченных в свое время И. Тихомировым[55]. Мстислава Луцкого Стрыйковский отождествляет с Мстиславом Романовичем. При этом Стрыйковский опирается на данные Длугоша, который пишет, что после битвы на Калке Мстислав Романович получил от киевского князя Владимира Рюриковича Волынское княжество, «столицей которого был тогда Луцк». Установив это, Стрыйковский относит поход Мстислава к 1220 г. и замечает: «А здесь, любезный читатель, ты уже имеешь достоверность даты, времени и причины войны и генеалогию князей, которые в летописцах, а нами обстоятельно выяснены»[56].

Не вызывает сомнения, что датировка похода Скирмунта дана Стрыйковским ошибочно. Мстислав Романович после битвы на Калке был убит татарами[57]

---

[52] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 365.
[53] ПСРЛ, т. II, стлб. 775.
[54] Stryjkowski, t. I, стр. 243—244.
[55] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 95—96.
[56] Stryjkowski, t. I, стр. 244.
[57] ПСРЛ, т. I, стлб. 446.

и потому не мог быть князем Луцким. Впрочем, в это заблуждение, как мы видели, Стрыйковского ввел Длугош.

Н. Дашкевич высказал предположение, что рассказ Стрыйковского о битве Скирмунта с русскими князьями «представляет искажение недошедших до нас известий о борьбе Литвы с волынским князем Мстиславом Даниловичем в конце XIII в. или в начале XIV в.»[58]. Иными словами, Дашкевич полагает, что Стрыйковский спутал двух князей с именем Мстислав: Романовича и Даниловича. К сожалению, Н. Дашкевич не обосновал своей точки зрения, хотя ее можно считать вполне приемлемой. Мстислав Данилович, действительно, постоянно воевал с литовскими князьями (см. Ипатьевскую летопись под годами: 1276, 1277, 1289 и др.).

Далее Стрыйковский подробнее сообщает сведения об одном из участников похода Скирмунта — жмудском князе Куковойте. Стрыйковский замечает, что первоначально у него был летописец, искажавший генеалогию жмудских князей. Так, он «называл Пояту не матерью, а дочерью Куковойта, а мужем Пояты считал не Живибунда, а Кируса». Второе известие находит соответствие в летописи по списку Красинского[59]. Но о том, что Поята была дочерью Куковойта, не говорится ни в одной летописи.

Согласно своему первому летописцу Стрыйковский и изложил литовскую генеалогию в сочинении «Гонец добродетели» в 1573 г. Впоследствии Стрыйковскому удалось найти «других летописцев в разных местах больше десятка», которым, по его мнению, «следует больше верить, нежели одному». Теперь в Хронике Стрыйковский исправляет свою ошибку. Отметим здесь характерный для Стрыйковского критерий достоверности разных известий летописей: он определяется большинством списков летописей, содержащих это известие.

Ряд последующих известий о сражениях литовских войск с татарами (поражения Балаклая, а затем Курдаса) и русскими князьями (при Могильне) Стрыйковский излагает по белорусско-литовским летописям с небольшими дополнениями из сочинений Длугоша, Мехов-

---

[58] Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 86.

[59] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 244—245 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 230.

ского, Кромера, на которых и ссылается[60]. Летописные источники этих известий рассмотрены И. Тихомировым[61]. Это в основном летописи типа Красинского и отчасти Быховца.

Затем в Хронике Стрыйковского следуют известия о крестоносцах и о борьбе с ними Литвы. В основном эти известия представляют собой польский перевод хроники Дюсбурга 1326 г., сделанный самим Стрыйковским. Стрыйковский пишет о рукописи этой хроники: «А эту вышеупомянутую хронику Прусскую, написанную древними буквами, трудными для чтения, нашел славной памяти Ян Ходкевич в замке Румборском в костеле, и для просмотра отдал ее вначале его милости пану Виленскому, войту Августину Ро[тунду.— *А. Р.*], доктору большой учености и глубокого ума, секретарю Его Королевского Величества, а он потом дал мне, и ее ты здесь имеешь, любезный читатель, в точном переводе на польский язык нами переписанную»[62]. К хронике Дюсбурга Стрыйковский добавляет еще одну хронику крестоносцев. Ее, как и хронику Дюсбурга, нашел в Румборке Ходкевич. Это была, по словам Стрыйковского, пергаменная рукопись, «200 и 80 лет назад писанная старинными буквами». Из этой хроники Стрыйковских делал только выписки, касающиеся Литвы, которые он приводит. Выписки охватывают период с 1211 по 1348 г. Из известных в настоящее время ливонских хроник две имеют именно такие хронологические рамки: Annales Rigenses и Annales Ronneburgenses[63]. Чрезмерная краткость выписок Стрыйковского не позволяет, однако, определить, какая из этих двух хроник использована им. Датировка Стрыйковским рукописи (около 1300 г.) является видимо, ошибочной, поскольку события в ней доведены до 1348 г. Впрочем, возможно, в предисловии к хронике говорилось, что ее начали составлять около 1300 г. и, таким образом, известия за 1300—1348 гг. являлись припиской к ней.

Среди ливонских источников Стрыйковский использовал и метрику Румборкского костела. Из этой метрики он делает выписку имен магистров, убитых литовцами,

---

[60] Stryjkowski, t. I, стр. 247—252.
[61] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 96—97.
[62] Stryjkowski, t. I, стр. 253.
[63] Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949, стр. 22—23.

а также численность «братии», убитой вместе с ними. К этим ливонским материалам Стрыйковский добавляет сведения из Длугоша, Меховского, Кромера. Впрочем, разбор ливонских известий Хроники Стрыйковского не входит в нашу задачу.

О литовских князьях Миндовге, Воишелке и Свинтороге Утенусовиче Стрыйковский пишет на основе белорусско-литовских летописей с привлечением известий хроник Меховского и Кромера. Использование Стрыйковским летописей в связи с этими известиями подробно проанализировано И. Тихомировым[64]. Он показал, что о Миндовге и Воишелке Стрыйковский писал по летописцу типа Быховца. Источники рассказа Стрыйковского о Свинтороге И. Тихомиров не указывает столь определенно, поскольку рассказ о нем почти во всех белорусско-литовских летописях совпадает. Отметим в дополнение, что у Стрыйковского имелись летописи, которые совершенно не упоминали о Миндовге: «иные летописцы того Мендога не вспоминают, так завершая конец правления Рингольта по своему обыкновению, хромая в доказательности и достоверности: княжил-де Рингольт на Новогрудку много лет и потом-де умер»[65]. Все белорусско-литовские летописи, за исключением летописца Быховца, имеют эту особенность, отмеченную Стрыйковским. В летописце же Быховца о Миндовге имеется подробная статья, восходящая к Ипатьевской летописи[66]. Стрыйковский замечает, что летописи (хроники), содержащие сведения о Миндовге, «по-разному его называют»: Миндауг, Миндов, Мендояф. В списке Быховца Миндовг тоже называется по-разному, но с иными вариантами, чем в летописях Стрыйковского: Миндовх, Миндов, Миндовк[67]. В Ипатьевской летописи: Мидог, Миндовг, Мидогв, Минодовг. Это еще одно из обстоятельств, указывающих на то, что у Стрыйковского не было летописца Быховца в том списке, какой нам известен.

Среди чисто литовских известий о Миндовге в Хронике Стрыйковского имеется несколько известий, касающихся Даниила Галицкого.

---

[64] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 97—100.
[65] Stryjkowski, t. I, стр. 252—253.
[66] Ср. ПСРЛ, т. XVII, стлб. 482 и т. II, стлб. 815—816.
[67] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 481—485.

Не указывая даты, Стрыйковский пишет, что Даниил, «монарх киевский и дорогичинский, с одной стороны, и Василий, князь владимирский и галицкий, с другой, выступили на Литву и взяли у Миндога Слоним, Волковыск и Мшчибогов» [68]. Об этом походе говорится и в летописце Быховца, но там вместо Мшчибогова назван Здитов [69]. Из этого видно, что в распоряжении Стрыйковского в данном случае имелась какая-то особая редакция летописца типа Быховца.

Надо сказать, что русским, как и белорусско-литовским летописям, Мшчибогов совершенно неизвестен. Не упоминают его и такие польские хронисты, как Длугош, Меховский, Кромер. В Хронике же Стрыйковского имеется еще одно упоминание этого города: о нем говорится в известии о городах, данных в удел великим князем литовским Гедимином одному из своих сыновей Кориату: «Кориату было выделено Новогрудское княжество с Волковиском и Мшчибоговым» [70].

Упоминание Стрыйковским Мшчибогова в неразрывной связи с Волковыском дает основание думать, что он был расположен где-то около этого города. Действительно, в 15 км к юго-западу от города Волковыска (современная Гродненская обл. БССР) находится местечко Мстибогов. В нем сохранились вал и ров XII—XIII вв. К этому времени, как показал П. А. Раппопорт, относятся и изделия из керамики, найденные на территории древнего города [71].

В следующем известии Хроники о Данииле Галицком Стрыйковский рассказывает о его двукратной коронации: в 1246 и 1253 гг. [72] Ни один из источников, кроме Стрыйковского, не упоминает о двух коронациях Даниила Галицкого. Каково же происхождение этих известий у Стрыйковского?

Стрыйковский после рассказа о второй коронации дает ссылку на Длугоша и Меховского с точным указанием главы и листа хроники последнего [73]. Сопоставляя

---

[68] Stryjkowski, t. I, стр. 287.

[69] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 482.

[70] Stryjkowski, t. I, стр. 382.

[71] П. А. Раппопорт. Мстибогов-городок. КСИА, № 87, 1962, стр. 105—107.

[72] Stryjkowski, t. I, стр. 290—291.

[73] Długosz, t. II, стр. 298; Mathius de Michoviae, стр. 99; Kromer, стр. 272.

сведения хроник Стрыйковского и Меховского, мы видим, что к Меховскому (а через него к Длугошу) восходит, по-видимому, известие о первой коронации Даниила. Стрыйковский вслед за Меховским датирует ее 1246 г. Как и Меховский, Стрыйковский сообщает ту важную подробность, что польские епископы, и особенно архиепископ краковский Пандота, выступили против коронации Даниила, отговаривали папского легата Опизу, «предупреждая о ненадежности и хитрости Даниила». Но есть между двумя известиями и существенное различие: Меховский не указывает места коронации, а Стрыйковский определенно называет Киев. Непосредственное обращение Стрыйковского к Длугошу или использование в данном случае труда Кромера исключается, так как и тот и другой пишут, что коронация происходила в Дорогичине. Стрыйковский же дорогичинскую коронацию считает второй и относит ее к 1253 г. Очевидно, таким образом, что Киев как место, где происходила первая коронация, Стрыйковский проставил по догадке. В одном из источников Стрыйковского, а именно в хронике Меховского, говорилось о коронации без указания места и в то же время Даниил был там назван «Drohicien et Kiouien princeps». Кроме того, у Стрыйковского имелся и другой источник, упоминавший о коронации в Дорогичине, причем, как это видно из текста Стрыйковского, по-иному, чем Меховский: во втором случае Стрыйковский пишет уже не о сопротивлении краковского архиепископа Пандоты, а, напротив, о его участии вместе с Опизой в совершении обряда коронования. Иными словами, этот рассказ вполне можно было принять за рассказ о другом событии, тем более, что он был и датирован другим годом (1253). Так, исходя из титула Даниила и особого рассказа о коронации в Дорогичине, могла возникнуть мысль, что первая коронация происходила именно в Киеве.

Но каков же был источник сведений Стрыйковского о второй коронации? И ее датировка и указание на активное участие в ней поляков ведет нас к русской летописной традиции. Правда, единственная летопись, сохранившая этот рассказ,— Ипатьевская — передает ее не совсем так, как Стрыйковский, хотя и имеет указанную особенность рассказа и чрезвычайно близкую датировку (1254 г.). Ипатьевская летопись, хотя и не пишет об уча-

стии в коронации Пандоты, но говорит, что Даниила «убеди... мати его и Болеслав и Семовит и бояре лядские»[74]. Летопись определенно называет местом венчания Дорогичин.

Следующее известие о Данииле Галицком говорит о его походе на Люблин и взятии его в 1255 г. Рассказ об этом у Стрыйковского целиком восходит к хронике Длугоша, хотя, помимо него, он ссылается еще на Меховского и Кромера, кратко упоминающих об этом событии[75]. О походе Даниила на Люблин пишет и Ипатьевская летопись, но, как и Длугош, под 1245 г. и без указания на то, что осада города кончилась его взятием. В летописи говорится, что осада кончилась мирным соглашением между жителями Люблина и русскими князьями[76].

Показания какого из источников: Длугоша, а вслед за ним и Стрыйковского или Ипатьевской летописи — следует считать более правильным? Как на это было еще указано К. Стадницким, Длугош в последующих частях своей хроники противоречит своему же известию об овладении Даниилом Люблином в 1255 г., сообщая под следующими годами (1273, 1280, 1282, 1285, 1289) о принадлежности Люблина и Люблинской земли Польше. Очевидно, Длугош спутал действительно имевший место захват Люблина русскими войсками где-то около 1300 г., что и отмечено Густынской летописью[77], и осаду этого города войсками Даниила Галицкого в 1245 г., не завершившуюся, однако, взятием города.

По поводу рассказа о походе на Люблин Стрыйковский замечает на полях Хроники: «Данило Р. овладел Люблином, почему, вероятно, и ныне мы видим в костеле в замке русскую живопись»[78]. Как известно, в костеле Люблинского замка действительно сохраняются русские фрески, но написаны они были в 1418 г.[79], как

---

[74] ПСРЛ, т. II, стлб. 827.

[75] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 292; Długosz, t. II, стр. 287; Mathius de Michoviae, стр. 100; Kromer, стр. 264.

[76] ПСРЛ, т. II, стлб. 796—797.

[77] ПСРЛ, т. II (изд. 1-е), стр. 348.

[78] Stryjkowski, t. I, стр. 292.

[79] Надпись плохо сохранилась, и потому прочтение ее вызвало разноречия. Н. Каринский, например, в своей статье «Русская надпись в Люблинском тюремном костеле» («Известия имп. Археологической комиссии», вып. 55. Пг., 1914, стр. 134) прочитал — 1413 г. Однако польский ученый М. Валицкий обнаружил кальку с надписи, сня-

об этом говорится в специальной надписи на южной стене костела, и потому, конечно, не могут быть связаны с Даниилом Галицким. Видимо, Стрыйковский, зная о русских фресках в Люблине, рассудил, что они могли появиться там тогда, когда русские владели Люблином, т. е., по сведениям Длугоша и Кромера, именно при Данииле Галицком. И хотя, таким образом, Стрыйковский ошибся в датировке фресок, его внимательное отношение к памятникам искусства, умение отличить русскую живопись заслуживает внимания.

Вернемся к последовательному рассмотрению литовских известий Хроники Стрыйковского. После передачи рассказа литовских летописей о смерти и погребении Свинторога Утенусовича[80] Стрыйковский делает пространный экскурс в историю языческих погребений. При этом он стремится показать сходство этого обычая у древних греков и римлян и у литовцев, вероятно, видя в этом еще одно подтверждение римского происхождения литовской знати. Стрыйковский рассказывает о виденных им во время путешествия по Турции и на Балканах древних захоронениях: «То же я сам видел в Константинополе и в Никее, в Халкедоне и в Силибрии: очень много древних высоких колонн или столпов, сооруженных из камня; на них еще и ныне лежат круглые мраморные урны или ларцы, в которых был похоронен пепел от сожженных тел греческих князей и знатных людей... Так то же и литовцы, по примеру других языческих народов, совершали погребение своих князей на том месте, где Вильна впадает в Вилию и где первым сожгли Свинторога»[81].

Следующее затем литовское известие Стрыйковского посвящено княжению в Литве князя Гилигина (или Колигина) и в Жмуди — Трабуса. Начало правления Гилигина, по Стрыйковскому, относится к 1275 г., а его смерть — к 1278 г. Подробно описывается церемония вступления на престол Гилигина (ему был торжественно

тую, когда сохранность этой части фресок была значительно лучше. Это позволило уточнить дату люблинских фресок — 1418 г. (M. Walicki. Małowidła ścienne kościoła św. Trojcy na zamku w Lublinie. «Studia do dziéjów sztuki w Polsce», t. III. Warszawa, 1930, стр. 22).

[80] Stryjkowski, t. I, стр. 308 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 235, 251, 305, 367, 431—432, 486.

[81] Stryjkowski, t. I, стр. 310—311.

вручен меч). Белорусско-литовские летописи упоминают о Гилигине предельно кратко: «Гилигин правил много лета и умре»[82].

Далее в Хронике Стрыйковского следует рассказ о походе литовских войск на Мазовию и Куявию. Изложен он по Длугошу и Кромеру и со ссылкой на них.

Следующие затем известия о Ромунте и о его пяти сыновьях (особенно подробно о Тройдене и Довмонте) представляют собой соединение данных хроники Меховского и белорусско-литовских летописей, что было отмечено в свое время И. Тихомировым[83]. Обратим внимание на некоторые особенности этих известий. Стрыйковский трижды повторяет слова о том, что у Ромунта было пять сыновей: Наримунт, Довмонт, Гольша, Гедрус и Тройден. Делает он это потому, что пользуется попеременно летописями, Меховским, а затем вновь возвращается к летописям. В данном случае такое настойчивое повторение было оправдано тем, что Стрыйковский и в этом месте стремился исправить ошибки, допущенные им в «Гонце добродетели», где перечисленные князья были названы сыновьями Трабуса, тогда как Трабус был их дядей.

О младшем из сыновей Ромунта — Тройдене Стрыйковский замечает, «как свидетельствуют некоторые летописцы, он посвятил всю свою жизнь войне, грабежу и кровопролитию». Буквально таких слов мы не найдем ни в одной из белорусско-литовских летописей. Но по существу о Тройдене именно так и отзываются все эти летописи: «велии валки чинил з ляхи и з Русю и з Мозовшаны и завжды зыскивал и над землями их силныи окрутенства чинил»[84]. Имеющуюся все же разницу в приведенных цитатах едва ли следует объяснять тем, что Стрыйковский просто передавал летопись своими словами. Ему был известен летописный отзыв о Тройдене вместе с его продолжением, где Тройден сравнивается с Антиохом, Иродом и Нероном, и это продолжение процитировано им точно по летописи. Таким образом, по-видимому, в распоряжении Стрыйковского были и такие летописи, которые имели особую редакцию статьи о Трой-

[82] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 252, 367, 486.
[83] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 100.
[84] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 254. См. также стлб. 237—238, 307, 368, 433—434, 487.

дене. Поскольку же Стрыйковский пишет, что такой отзыв о Тройдене имели только некоторые летописи, то несомненно, таким образом, что существовали и такие, в которых этого отзыва не было. Показательно, что приведенные слова летописей о Тройдене связаны с идущим вслед за ними сравнением Тройдена с Антиохом, Иродом Иерусалимским, Нероном Римским, которое представляет собой вставку в белорусско-литовские летописи из Ипатьевской летописи под 1270 г. Это обозначено и в самих белорусско-литовских летописях словами «описует у русской кройнице». Видимо, у Стрыйковского имелись летописи без этой позднейшей вставки.

Известия Стрыйковского о Довмонте основаны на белорусско-литовских летописях, но имеется и ряд существенных дополнений к ним [85]. «А о Довмонте вышеупомянутом, что он был муж великой доблести, и ныне крестьянство все литовское поет по-литовски: «Dowmantas, Dowmantas Gedrotos Kunigos labos Raitos luguje» (т. е. «Довмонт, Довмонт, гедроцкий князь, ты был храбрым воином») [86].

Далее, описывая пребывание Довмонта в Пскове, Стрыйковский говорит и о Довмонтовой стене: «Довмонт старательно укрепил и поправил разрушившиеся стены псковского замка и города, и эти стены, построенные Довмонтом, существуют как вечная память его правления, которая будет стоять, пока стоит Псков. Эту стену Москва зовет Довмонтова стена; кто хочет, пусть об этом расспросит у московитов, особенно у псковичей или у тех, кто бывал в Пскове» [87]. Каков источник этих сведений Стрыйковского, не совсем ясно, но в Пскове действительно существует Довмонтов город, «Домантова стена», неоднократно упоминаемая псковскими летописями [88]. Скорее всего Стрыйковский использовал устные рассказы кого-нибудь из русских. Во всяком случае, ничего, кроме рассказов русских людей, Стрыйковский не приводит в подтверждение своих слов.

В рассказе о Довмонте Стрыйковский упоминает о

---

[85] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 317—320, 323 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 253—256, 306—309, 368—370, 433—435, 486—489.

[86] Stryjkowski, t. I, стр. 320.

[87] Там же, стр. 323.

[88] «Псковские летописи», вып. I. М., 1941, стр. 23; вып. II, стр. 24—26, 34 и др.

битве, которая произошла у Довмонта с крестоносцами на Видзинском поле, в 8 милях от Вильно, у озера Кяменти. «Поэтому поле и поныне называется по-литовски Каулис, то есть битва, а пахари и теперь выкапывают на этом урочище железо от древнего оружия, обломки сабель, деревянные дротики и копья, стрелы и шпоры»,— пишет Стрыйковский[89]. Ни один из известных источников не сообщает об этой битве, сведения о которой Стрыйковский мог получить из народных преданий, слышанных им от местных крестьян, показывавших ему древнее оружие, или из песен, подобных вышеупомянутой песне о Довмонте.

Летописи (как белорусско-литовские, так и общерусские) ничего не говорят об основании Довмонтом города Свера. Об этом Стрыйковский сообщает, ссылаясь на генеалогию свирских князей. «Князья Свирские хотят вывести свой род от Довмонта Романовича (если генеалогия их не обманула), рассказывая, что замок Свер над озером заложил тот же князь Довмонт; явные признаки этого замка есть еще и поныне, хотя сам замок, как деревянный, за давностью времени исчез»[90]. Это замечание Стрыйковского очень важно. Оно показывает, что Стрыйковский пользовался среди других источников семейными преданиями и генеалогиями. Быть может, и в ряде других случаев, когда остается не выясненным источник того или иного известия Хроники, его следует видеть в такого рода семейных записях и преданиях.

Интересно и то, что Стрыйковский проверил эти данные, осмотрев остатки замка. Однако так как, видимо, по руинам нельзя было определить время его постройки, Стрыйковский счел необходимым осторожно заметить: «если генеалогия их не обманула».

Интересным дополнением к летописям является и замечание Стрыйковского о замке князя Гедруса, построенном над озером Кемонт в шести милях за Вилией. «Ныне,— пишет Стрыйковский,— едва видно его городище, ибо тогда, как и теперь, у Литвы существует обычай строить замки и города из дерева, почему и осталось мало признаков древней старины, зато мы находим многие из них построенные полторы тысячи лет назад и обрес-

[89] Stryjkowski, t. I, стр. 319.

[90] Там же, стр. 328. В настоящее время Свирь — село, районный центр Молодечненской обл. Белорусской ССР.

шие мхом древние стены или столбы, тесанные из мрамора, в южных землях, как я сам видел, в Греции или в Италии»[91].

Перед нами своего рода обобщение наблюдений Стрыйковского: в Литве он находил гораздо меньше памятников, чем в южных странах, и стремился объяснить причину этого.

Вся X книга Хроники Стрыйковского посвящена правлению в Литве Витеня. Известия об этом периоде (1283—1315 гг.) главным образом касаются войн Литвы с крестоносцами и Польшей. Стрыйковский пользуется в основном материалами польских хроник Длугоша, Меховского и Кромера, а также Петра Дюсбурга, на которых у него и имеются соответствующие ссылки. Белорусско-литовские летописи не давали Стрыйковскому почти никаких сведений о времени Витеня[92]. На летописи Стрыйковский ссылается, когда пишет о происхождении Витеня: «родом из Эйраголы, как некоторые летописцы свидетельствуют, из герба и фамилии древних римских князей Колюмнов»[93]. Ссылка Стрыйковского только на «некоторых летописцев» неслучайна. Даже среди дошедших до нас летописей две летописи (по Евреиновскому списку и по списку Быховца, т. е. как раз того типа, который и был в основном у Стрыйковского) не имеют этого известия.

Следующее летописное известие Стрыйковского говорит о взятии Полоцка Литвой. «Нашел я в старых русских летописцах,— пишет Стрыйковский,— которых имею несколько экземпляров, что в 1307 г. Литва Полоцк взяла, но как и у кого [в летописцах] не сообщается»[94]. Известие о захвате литовцами Полоцка в 1307 г. содержится в летописи по списку Археологического общества и в так называемой «Великого княжества Литовского хроничке, кратко написанной»[95].

Как и в других книгах Хроники, материалы письменных источников дополнены Стрыйковским его личными наблюдениями исторических достопримечательностей. Эти наблюдения помогали Стрыйковскому разобраться

---

[91] Stryjkowski, t. I, стр. 318.
[92] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 489—490 и др.
[93] Stryjkowski, t. I, стр. 329.
[94] Там же, стр. 349.
[95] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 291, 469.

в некоторых противоречивых или недостаточно ясных сведениях хроник. Так, в хронике Длугоша, а вслед за ним и у Меховского, место, где в 1294 г. произошла битва между Витенем и князем Казимиром Ленчицким, указано неопределенно: в селе Жукове (у Меховского и у Стрыйковского — Зухов), «неподалеку от местечка Сохачева, лежащего над рекой Бзурой, а по сведениям других, под селом Трояновым»[96]. Стрыйковский решает этот вопрос следующим образом: «А что здесь Меховский и Длугош сомневаются, была та битва у Троянова или у Зухова, то я сам своими глазами видел, когда был на Трояновском поле, а оно ровное и песчаное, недалеко от двора Сохачева, четверть мили над Бзурой рекой (через которую однажды во время половодья мы с паном Познанским переправлялись в корытах и жолобах, ибо не было паромов), как пахарь плугом выпахал шпоры, три древка от кольев, круглую булаву и несколько железок от стрел, сделанных по-старинному и разрушившихся от времени; отсюда следует, что Литва со своим князем Витенем эту победу одержала под Трояновым, а не под Зуховым». На полях Стрыйковский заметил: «Мое собственное изучение этого, когда я был еще юношей и первый раз приехал в Литву в 1565 г.»[97]

Упомянув о походе на Литву прусского магистра Менхарда в 1294 г. и о захвате им ряда замков, Стрыйковский пишет об остатках этих замков, которые он видел в 1575 г.: «Я сам видел несколько городищ, удобных по своему местоположению для обороны, за Августовым в пуще на прусской границе, и там еще поныне пахари, залежи и леса возделывая под пашню, выкапывают цепи от подъемных мостов и завесы от проездов или ворот, там имеются также и другие признаки древних замков и битв»[98].

Известия о Гедимине открываются в Хронике Стрыйковского цитатой из летописи о происхождении князя. Вопрос об этом был одним из наиболее больных вопросов в литовской историографии XVI в. Польские историки (Длугош, Меховский, Кромер и др.[99]) придержи-

[96] Długosz, t. III, стр. 505; Mathius de Michoviae, стр. 131.
[97] Stryjkowski, t. I, стр. 339.
[98] Там же.
[99] Długosz, t. III, стр. 377; Mathius de Michoviae, стр. 181; Kromer, стр. 404.

вались версии о том, что Гедимин был конюхом Витеня и убил его. Литовские летописи, напротив, писали о том, что Гедимин был сыном Витеня и наследовал ему на законных основаниях. В XVI в., когда противоречия между польской и литовской знатью достигли большой остроты, муссирование польской литературой версии о Гедимине-конюхе принижало престиж Литвы. В этом споре Стрыйковский решительно становится на точку зрения литовских летописцев. Противоположную версию Стрыйковский отрицает, ссылаясь именно на родовитость литовской знати. Он указывает, что в это время было много «сильных и родовитых домов в Литве, и русские земли сохраняли свои вольности, поэтому никто не допустил бы главенства над собой конюха». Веским аргументом, подтверждающим княжеское происхождение Гедимина, Стрыйковский считал и единодушие по этому вопросу литовских летописцев. «Летописцы все литовские, написанные по-русски, которые Литва издавна использует как хроники, так прямо, хотя бы хотел и тысячи их на одно место собрать, о Витене литовском свидетельствуют: «Началось великое правление Витена: князь великий Витен правил много лет на Великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском и родился от него сын по имени Гыджимин (!); потом умер великий князь Витен, а после него сел на Великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском вышеназванный сын его Гыджимин и т. д.». Там же далее названные выше летописцы литовские и русские, также киевские хроники, Гедимина или Гыджимина называют собственным сыном Витена, а чтобы он был конюхом его (как Меховский, Ваповский и другие полагают), этого никогда не вспоминают ни русские, ни лифляндские, ни прусские хроники, ни Петр Дюсбург, который во время Гедимина писал историю и жил» [100].

Приведенный Стрыйковским летописный текст ближе всего тексту летописца Быховца. Только в летописце Быховца имеется такая же по существу начальная фраза: «Началося великое княжение Витенесово». Полного, однако, совпадения текста летописи Стрыйковского с текстом летописца Быховца мы не найдем. Во-первых, в летописце Быховца говорится, что Витень умер «от

---

[100] Stryjkowski, t. I, стр. 354.

ударения Перуну», т. е. от удара молнии, чего нет у Стрыйковского; а во-вторых, список Быховца, как, впрочем, и все остальные дошедшие до нас белорусско-литовские летописи, не имеют варианта имени Гедимина — Гыджимин. Следовательно, летописцем, число списков которого у Стрыйковского было наибольшим (раз он говорит здесь гиперболически о тысяче летописцев), являлся летописец, сходный с Быховцем, но еще не включивший в свой состав некоторые подробности, как бы еще не до конца сложившийся летописец Быховца.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сведения о Гедимине Стрыйковский нашел и в каких-то неизвестных нам в настоящее время киевских летописях, которые, следовательно, имели известия за литовский период.

Следующее затем в Хронике описание правления Гедимина представляет собой соединение материалов сочинений Меховского, Кромера и Дюсбурга с известиями белорусско-литовских летописей. О войнах Гедимина с крестоносцами и Польшей Стрыйковский пишет главным образом по хроникам Меховского и Дюсбурга, а поход Гедимина на Русь описан по белорусско-литовским летописям, близким к рассказу летописей по спискам Археологического общества, Евреиновскому, Ольшевскому и Быховца[101]. Стрыйковский относит завоевание русских княжеств к 1319—1320 гг. Интересно оригинальное сообщение Стрыйковского о том, что поводом к выступлению Гедимина против луцкого князя послужил захват галицко-волынскими князьями городов Дорогичина и Берестья Литовского. Сам по себе такой захват вполне возможен, так как за эти города всегда велась борьба галицко-волынских князей с Литвой[102].

Рассмотрим подробнее известия Стрыйковского о походе Гедимина, и прежде всего датировку этого похода.

Завоевание Гедимином Галицко-Волынской земли не могло произойти ранее 1320 г., так как имеется грамота владимирского князя Андрея торунским купцам, датированная днем св. Руфа, т. е. по католическому

---

[101] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 362—368 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 258, 259, 373, 438, 491—492.

[102] М. С. Грушевский считает, что это известие Стрыйковский почерпнул из какого-то достоверного источника (см. М. Грушевський. Історія України — Русі, т. III. Львів, 1905, стр. 525).

календарю или 27 августа или 28 ноября [103]. В пользу такой же датировки говорит и запись, сохранившаяся на одной из луцких рукописей, датированной 1462 г. (хранится в Библиотеке Академии наук под шифром 13.3.21). Она гласит: «В лето 6029 (1321) при благоверном князи галицком Илве и Андреи, при воеводе Коломыиском Ходку стулника Илвова искончашася сия книги месяца маиа 21 дня» [104]. Как видно из записи, хотя и дошедшей в копии уже 1462 г., в мае 1321 г. князья Андрей и Лев были еще живы. А. И. Соболевский, опубликовавший и изучивший эту запись с лингвистической точки зрения, пришел к выводу, что ее «текст свободен от каких бы то ни было черт, которые бы могли набросить тень на его подлинность» [105].

С другой стороны, завоевание едва ли произошло после 1322 г., поскольку, начиная с этого года и вплоть до 1325 г., у Гедимина шла напряженнейшая война с Орденом и невероятно, чтобы большой поход против Руси мог происходить в условиях этой войны. Вероятнее всего, Гедимин выступил в поход на Волынь не зимой 1320/21 г., как указывается в белорусско-литовских летописях, а где-то весной 1321 г. Тогда и был убит князь Андрей Владимирский, в летописях и вслед за ними у Стрыйковского ошибочно называемый Владимиром (вероятно, его имя спутано с названием города, где он княжил). На следующий, т. е. 1322 г., согласно белорусско-литовским летописям, Гедимин разбил луцкого князя Льва [106]. В 1323 г. польский король Владислав Локе-

[103] Грамота напечатана в сборнике «Болеслав-Юрий II». (СПб., 1907, стр. 150—151). О дате ее см.: М. Грушевський. Указ. соч., т. III, стр. 523, прим. 1.

[104] А. Соболевский. Русское известие о последних галицких Рюриковичах. «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского». Пг., 1917, стр. 214.

[105] Там же, стр. 215.

[106] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 258—259, 311—312, 373, 438, 491—492. По поводу гибели Льва именно в 1322 г. ряд исследователей высказывали сомнения (см., например: Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 47). Указывают обычно на то обстоятельство, что упомянутая грамота 1320 г. уже подписана одним князем Андреем, тогда как грамоту 1316 г. о союзе с Пруссией подписали оба князя. Однако отсутствие подписи луцкого князя на грамоте, касающейся привилегий купцам во Владимирской земле, не может служить доказательством гибели другого князя Волыни. Грамота 1316 г. принципиально иного характера: она касается внешнеполитических отношений и на ней не могло не быть подписей всех участников договора.

тек уже писал папе римскому о смерти обоих князей[107]. Таким образом, хронология событий, предложенная Стрыйковским, требует сравнительно небольшой поправки.

Вторым моментом, подрывавшим доверие историков к датировке Стрыйковского, служил тот факт, что в Киеве вплоть до 1362 г. находился князь Федор[108]. При этом предполагалось, что Федор был непременно русским князем из числа Ольговичей и не имел отношения к Литве. Князь Федор упомянут в Любецком синодике[109]. О нем говорят и некоторые летописи (Новгородская I, Тверская, Московский летописный свод, так называемая Супрасльская рукопись и летопись Авраамки)[110] в связи с его нападением в 1331 г. на новгородского епископа Василия, возвращавшегося после поставления во Владимире Волынском. Ни в одном из указанных источников, естественно, не говорится, был ли киевский князь Федор самостоятельным правителем или был посажен в Киев Гедимином. Его действия в 1331 г. говорят скорее в пользу второго, ибо нападение на Василия было как раз в интересах Гедимина, поддерживавшего другого, неудачного претендента на новгородский епископский престол — Арсения.

Некоторые исследователи, впрочем, указывают на то место летописного рассказа, где говорится, что Василий со спутниками, «идя с поставления, межи Литвы и Киева уходом бежали», как на доказательство независимости Киева от Литвы. Однако против этого можно выдвинуть два возражения. Прежде всего, рассматриваемая фраза имеется не во всех летописях, при этом важно, что она отсутствует в Новгородской I летописи младшего извода и в Московском летописном своде, но содержится в сравнительно поздних летописях — Суп-

---

[107] См. сборник «Болеслав-Юрий II», стр. 151—152.

[108] В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до смерти В. К. Ольгерда. «Монографии по истории Западной и Юго-Западной России», т. I. Киев, 1885, стр. 52—53.

[109] См., например: Н. Квашнин-Самарин. По поводу Любецкого синодика. ЧОИДР, 1873, кн. 4, отд. V, стр. 223; Н. Дашкевич. Болховская земля. «Труды третьего археологического съезда в России», т. II. Киев, 1878, стр. 106.

[110] «Новгородская Первая летопись...», стр. 344; ПСРЛ, т. XV, стлб. 68; т. XVI, стр. 68; т. XXV, стр. 170; «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи». М., 1836, стр. 55.

раслЬской и Авраамки. Далее, как справедливо отметил М. Грушевский, из самой этой фразы вытекает «определенная зависимость от литовской политики», раз Василий боялся как Литвы, так и Киева [111]. По-видимому, Киевское княжество, хотя и было уже подчинено Литве, но сохраняло определенную самостоятельность, как это было нередко с другими княжествами, подвластными Литве. Степень зависимости Киева от Литвы ограничивалась в особенности и потому, что, как видно из того же рассказа, с князем Федором находились баскаки, что означало и определенную (как думал М. Грушевский — de jure) [112] зависимость Киева от татар.

В связи с вопросом о происхождении Федора большое значение имеет запись митрополита Феогноста (?) в Ватиканском греческом сборнике XIV в., опубликованная М. Д. Приселковым и М. Р. Фасмером в статье «Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века» [113]. В записи, между прочим, говорится: «Дал Федор, брат Гедимина, серебряных кавкиев два, от Александра князя — серебряный кавкий» [114]. В этой записи Федор не назван киевским князем, но то, что он назван среди других князей, позволяет высказать догадку, что киевский князь Федор был братом Гедимина.

Рассмотрим теперь, в чем заключаются особенности рассказа Стрыйковского о походе Гедимина по сравнению с известиями белорусско-литовских летописей. И. Тихомиров, производивший сравнение Хроники Стрыйковского с летописями, писал по этому поводу: «Единственная фактическая разность между Стрыйковским и летописями заключается в том, что наместником в Киеве Гедимин, по летописям, оставил Ольгимунта, Миндовгова сына, князя Гольшанского, а по Стрыйковскому — Миндовга, князя Гольшанского, сына Гольши» [115]. На деле, однако, таких «разностей» гораздо больше. Стрыйковский сообщает ряд подробностей о взятии Гедимином Владимира Волынского в 1319 г.: исход битвы был решен атакой пешего жмудского войска и бегством та-

---

111 М. Грушевський. Історія України — Русі, т. IV. Київ — Львів, 1907, стр. 17.
112 Там же.
113 «Известия ОРЯС», т. XXI, кн. 1. Пг., 1916, стр. 48—70.
114 Там же, стр. 58.
115 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 101.

тарского войска, участвовавшего в обороне Владимира Волынского от войск Гедимина. В белорусско-литовских летописях вообще об участии в битве жмудин и татар не говорится ни слова [116].

Луцк был сдан, согласно летописям, «князьями и боярами Волынскими», а по Стрыйковскому это сделали «бояре и чернь» [117].

Далее Стрыйковский сообщает, что киевский князь Станислав в войне с Гедимином имел помощь от татар, о чем не пишут литовские летописи [118].

Известие об участии татар в войсках киевского князя содержится только в одной Межигорской летописи, где под 1333 г. читаем: «В лето 6841 Гедимин книаз литовский повстал на книазиа киевского Станислава и победил его з руским и татарским войском над рекою Ирпенею и, прогнавши татар, Киев в свою власть взя» [119]. Н. Дашкевич предполагает, что это известие попало в летопись, как и в источник Стрыйковского, «из более древнего манускрипта» [120]. Иной точки зрения придерживались М. С. Грушевский и П. Г. Клепатский. Они считали, что «составитель известия Межигорской рукописи имел в виду и версию Стрыйковского» [121].

К сожалению, летопись, содержащаяся в Межигорской рукописи, до сих пор не опубликована, и потому, не зная состава летописи в целом, трудно судить и об отношении ее известия о татарах к Хронике Стрыйковского. Краткое описание рукописи, составленное В. Б. Антоновичем, также почти ничего не дает для решения вопроса. Согласно этому описанию, с одной стороны, летопись изобилует известиями, взятыми из Стрыйковского, Гваньини и других писателей XVI в., но в то же время и содержит, хотя и «изредка, сведения, совершен-

---

[116] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 363 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 491 и др.

[117] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 365 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 491.

[118] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 365 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 492—493.

[119] П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли, т. I. Одесса, 1912, стр. 9.

[120] Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 58.

[121] П. Г. Клепатский. Указ. соч., стр. 10; М. С. Грушевский. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. «Университетские известия». Киев, 1891, № 12, стр. 480.

но оригинальные, несомненно заимствованные из южнорусских сводов»[122].

Изгнанный из Киева Гедимином князь Станислав бежит в Рязань и там, женившись на дочери князя Олега, по Стрыйковскому, сразу же занимает великокняжеский престол, который ему рязанский князь (по летописям Иван) добровольно уступает, «будучи человеком преклонных лет». Белорусско-литовские летописи пишут о том, что Станислав стал великим князем рязанским «по смерти» рязанского князя[123]. Известие о вокняжении в Рязани князя Станислава нельзя считать достоверным. Нам хорошо известны все рязанские князья первой половины XIV в., т. е. того времени, которым Стрыйковский датирует рассматриваемые события. С 1308 по 1327 г. в Рязани правит Иван Ярославич, с 1327 по 1342 г.— Иван Иванович Коротопол, а с 1342 по 1344 г.— Ярослав-Дмитрий Александрович[124]. Белорусско-литовские летописи, говоря о рязанском князе Иване, имеют в виду одного из двух первых князей, однако ни одному из них, как видно из приведенного перечня, не наследовал князь-пришелец, носивший имя Станислав.

В связи с упоминанием о Рязанском княжестве Стрыйковский делает целый экскурс в его историю, дает описание Рязанской земли. Все это почти дословно заимствовано Стрыйковским из Герберштейна, на которого он и ссылается[125]. Единственная, но существенная подробность, имеющаяся у Стрыйковского, отсутствует у Герберштейна: Стрыйковский пишет, что купцы из Москвы и из Рязани, плывя из Азова, «доплывают Средиземным морем через Понт Эвксинский и Геллеспонт, вплоть до Кафы, Перекопа, Константинополя и до всей Греции, Италии, Иерусалима, Сирии и до Африки, как я на собственном опыте отчасти совершил то плавание в 1574 г.» Сведения о путешествиях русских купцов из Рязани в Африку Стрыйковский мог получить и непо-

[122] В. Б. Антонович. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. «Киевская старина», 1882, июль, стр. 97—98.

[123] Stryjkowski, t. I, стр. 366 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 493.

[124] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 578, 581.

[125] Stryjkowski, t. I, стр. 366 и Герберштейн, стр. 104.

средственно от них во время своего путешествия в Константинополь. Бесспорно эти сведения представляют большой интерес. Если в нашей исторической литературе, особенно после выхода в свет труда М. В. Фехнер «Торговля русского государства со странами Востока в XVI в.» (М., 1956), выяснены многие вопросы, связанные с торговлей русских купцов с собственно Турцией, то остается еще открытым вопрос о русской торговле с другими частями Оттоманской империи, такими, как страны Ближнего Востока и Северной Африки. О путешествиях туда русских людей было известно главным образом по паломническим хождениям.

Следующий затем рассказ об основании Гедимином Старых Трок и Вильна Стрыйковский строит почти целиком по литовским летописям[126]. Стрыйковский датирует эти события 1321 г. Отступление от летописей Стрыйковский делает лишь, когда рассказывает о судьбе реликвии литовских князей — рогов тура, убитого Гедимином на том месте, где был заложен город Вильно (один из турьих рогов был подарен в 1429 г. Витовтом императору Сигизмунду). Характерно замечание Стрыйковского после этого отступления: «А теперь кончен рассказ, начатый прежде». Это замечание живо напоминает соответствующие фразы русских летописей, завершающие имеющиеся в них вставки: «но мы на предняя возвратимся якоже бяхом преже глаголали» и т. п. Отмеченная фраза Стрыйковского дает основание говорить об определенном влиянии на него летописной манеры изложения.

Вслед за рассказом об основании Трок и Вильна Стрыйковский, как и летописи, пишет о жреце Лиздейко. В летописях Стрыйковского о нем имелось два варианта рассказа. «Он (Лиздейко — *А. Р.*), как свидетельствуют летописцы, при Витене, отце Гедимина, был найден в орлином гнезде в одной пуще при дороге, а некоторые рассказывают, что его нашел сам Витень висящим на дереве в украшенной колыбели»[127]. Ни в одной из известных белорусско-литовских летописей не содержится упоминания о том, что Лиздейко был найден

---

[126] Stryjkowski, t. I, стр. 369—370 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 374—375, 440, 493—494.

[127] Stryjkowski, t. I, стр. 371.

«в пуще при дороге», а говорится только об орлином гнезде. Что же касается второго варианта, то его мы вообще не найдем ни в одной летописи [128].

Гораздо подробнее, чем в летописях, у Стрыйковского описан раздел Гедимином владений между сыновьями. В летописях названы только города, но не очерчены границы княжеств, отмеченные у Стрыйковского [129].

Уже при сопоставлении описания владений первого из перечисленных князей — Монтвида мы замечаем разницу. В летописях говорится о Карачеве, а у Стрыйковского — о Кернове. Более достоверным является сообщение Стрыйковского: во времена Гедимина и даже Ольгерда Карачев еще не принадлежал Великому княжеству Литовскому [130]. По-видимому, в распоряжении Стрыйковского находился какой-то летописец, сохранявший более первоначальный текст источника. В генеалогическом сочинении XVI в. «Origo regis Jagyello et Wytholdi ducum lithuanie» также находим упоминание Кернова, правда, несколько видоизмененное — Бернов (Bernow) [131].

В литовских летописях, относящихся к XV—XVI вв., Кернов заменялся Карачевом неслучайно. В XVI в. при переговорах Московского государства с Литвой неоднократно возобновлялись ее претензии на обладание Карачевом [132], и в связи с этим в литовских летописях, вероятно, и делались попытки утвердить принадлежность Карачева Литве еще во времена Гедимина. Историк Иосиф Пузына считает, что приведенное известие Стрыйковского недостоверно, поскольку в нем среди владений Гедимина назван Кернов. Исходя из установленного, таким образом, «анахронизма», Пизына не доверяет Стрыйковскому и в отношении принадлежности Монтвиду Слонима (хотя об этом и говорят все белорусско-литовские летописи), так как этот город, по его мнению, еще со времен Миндовга относится к Новогрудскому

[128] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 261, 375, 440, 493.

[129] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 381—382.

[130] Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Чернигов, 1892, стр. 214.

[131] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 221.

[132] П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. II. СПб., 1865, стр. 506.

княжеству и, следовательно, должен был «несомненно» (?) принадлежать Кориату. Не оставив никаких владений Монтвиду, Пузына начинает даже сомневаться в его существовании[133]. Все эти соображения построены главным образом на простом недоразумении. Что же касается Слонима, то отнесение его к владениям новогрудского князя только на том основании, что этот город при Миндовге был связан с Новогрудком, не представляется особенно убедительным.

Как общая особенность известия Стрыйковского о владениях сыновей Гедимина может быть отмечена большая подробность в определении границ княжеств и числа городов, входивших в каждое из них. Иногда (например, владения Ольгерда или Кориата) описание напоминает по форме чуть ли не документ размежевания. Возможно, одна из летописей Стрыйковского и имела в своем составе такой документ. Считать такие определения соображениями самого Стрыйковского, плодом присущего ему литературного развития известия источника представляется очень маловероятным: слишком точны и, главное, конкретны эти подробности.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что все известия Стрыйковского отличаются большой точностью или тем более документальностью. В рассказе Хроники имеются и разъяснения самого Стрыйковского, сделанные на основании литовских летописей. Разъяснения эти крайне неудачны. Так, Стрыйковский называет дочкой витебского князя Ульяну, тогда как она была дочерью тверского князя. Владимир-волынского князя, после гибели которого в бою Любарт якобы получил свои владения, Стрыйковский называет в соответствии с известиями летописей об этой битве Владимиром. Между тем после князя, убитого Гедимином, в Галицко-Волынской земле правил Болеслав-Юрий II, да и само имя убитого князя не верно: должно быть Андрей. Впрочем, последнее нельзя ставить в вину самому Стрыйковскому, так как все без исключения белорусско-литовские летописи также ошибочно называют князя Владимиром.

Упомянув о взятии Гедимином Берестья, Стрыйковский замечает: «С лучшим результатом, чем ныне мы,

---

[133] J. Pużyna. Korjat i Korjatowicze. «Ateneum Wileńskie», rocz. VII, zesz. 3—4. Wilno, 1930, стр. 426—427.

он воевал, хотя и орудий не имел»[134]. Скорее всего, Стрыйковский здесь имеет в виду неудачи литовских войск в Ливонской войне в 60-е годы XVI в.

Особой подробностью отличается описание гибели и похорон Гедимина. Стрыйковский сомневается в точности известия хроники Меховского о том, что Гедимин был убит «огненной стрелой» — «более правдоподобно, что огненной пулей из мушкета, ибо в то время немцы начали придумывать мушкеты, правда, еще без кроссов, несколько (штук) их можно видеть в Виленском замке в сокровищнице, и я также видел много других древних мушкетов и в Риге, и Дунамунте, и в прусских замках»[135]. Замечание Стрыйковского относительно времени появления мушкетов несомненно ошибочно, так как мушкеты были изобретены лишь в начале XVI в.[136]

Неясно, что послужило Стрыйковскому источником для следующего затем красочного описания похорон Гедимина. Перечисляя вообще свои источники по истории Литвы времени Гедимина, Стрыйковский называет «историков польских, прусских, лифляндских, русские и литовские летописцы». Ссылка эта довольно неопределенна, что объясняется, видимо, тем, что она приведена в заключение раздела о Гедимине, в котором имеются более точные ссылки в связи с отдельными известиями. Подробности же обряда погребения мы не найдем ни в одном из использованных выше Стрыйковским источников. Приведем рассказ Стрыйковского: «Сложив кучу из смоляных сосновых дров в том месте, где Вильна впадает в Вилию, ему приготовили погребение. Потом, когда все семь сыновей: Монтивид, Наримунт, Ольгерд, Кейстут, Любарт, Явнут, Кориат — съехались на последнее совершение отцовского погребения, они одели его (Гедимина.— *А. Р.*) в одежды и княжеские цветные ткани, которые он при жизни сам особенно любил, дали саблю, копье, сайдак с луком, соколов и пару борзых собак, живого коня с седлом и, связав с ним преданнейшего его слугу-любимца, положили на кучу дров, и при большой печали собранного воинства, потом запалив

---

[134] Stryjkowski, t. I, стр. 364.
[135] Там же, стр. 385.
[136] В. Е. Маркевич. Ручное огнестрельное оружие, т. I. Л., 1937, стр. 64.

вокруг дрова, они бросали в огонь рысьи и медвежьи когти, ибо у них был такой старый обычай, также сожгли оружие, часть неприятельской добычи и троих живых пленных вооруженных немцев»[137].

Трудно допустить, что эта картина погребения Гедимина вымышлена Стрыйковским. В этом случае он не стал бы называть точных цифр (2 сабли, 3 рыцаря). Может быть, рассказ этот — произведение литовского народного творчества, попавшее в недошедшие до нас, но известные Стрыйковскому летописи, раз он здесь на них ссылается. Обращает на себя внимание замечание Стрыйковского о рысьих и медвежьих когтях. В литовских могильниках археологом Шукевичем были найдены когтевидные костяные амулеты[138]. Их назначение по народным поверьям объяснено в литовских летописях в рассказе о погребении Скирмонта: «Тогды пры них кладывали ногъти рыси албо медвежи, для того иж веру тую мели якобы судный день мел быти и так знаменали собе, иж бы Бог мел прыити и седети на горе высокой, и судите жывых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узыйти без тых ногтей рысих албо медвежых»[139].

О событиях, последовавших за смертью Гедимина (вокняжение в Вильне Явнута, изгнание его Кейстутом и раздел владений между Ольгердом и Кейстутом), Стрыйковский рассказывает очень близко к тому, что находим во всех белорусско-литовских летописях. Это и было отмечено в свое время И. Тихомировым[140]. В летописях мы не найдем только описание присяги, которой Ольгерд и Кейстут скрепили свой договор, Присяга была совершена, как описывает Стрыйковский, «по литовским языческим обрядам, в Вильне на святых пепелищах перед богом Перуном, перед которым постоянно горел святой огонь»[141]. Вполне возможно, что это описание является домыслом Стрыйковского.

По поводу упоминания летописей о том, что Явнут получил в управление Заслав, Стрыйковский пишет о

[137] Stryjkowski, t. I, стр. 385—386.

[138] Амулеты хранятся в музее Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе. Ф. Д. Гуревич. Обряды погребения в Литве. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. XVIII. М.— Л., 1947, стр. 36—37.

[139] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 305, 367 и др.

[140] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 101.

[141] Stryjkowski, t. II, стр. 3.

роде князей Заславских, потомках Явнута: «И ныне еще от внучки или правнучки Явнута... остался потомок, каштелян Минский, господин Ян Глебович, воеводич Виленский, рожденный от княжны Заславской, он и до нынешнего времени владеет по наследственному праву замком Заславом от матери»[142]. Для Стрыйковского вообще было характерно связывать тех или иных исторических деятелей, о которых шла речь в его Хронике, с их потомками — его современниками. К родословию же Заславских Стрыйковский проявлял особый интерес: он был знаком с ними и получал от них летописные материалы, о чем выше уже упоминалось. Здесь же Стрыйковский пишет и о других князьях Заславских, «князьях русских Заславских» из Заслава на Волыни, которых не следует путать с упомянутыми Заславскими: поскольку они происходят «не от Явнута Гедиминовича, а от Владимира и Ярослава киевских и от Давида Григорьевича, князя владимирского»[143]. Говоря о Давиде Григорьевиче, Стрыйковский, вероятно, имел в виду сына владимир-волынского князя Игоря Ярославича — Давида Игоревича, которому в Хронике уделено немало внимания. Но на основании чего Стрыйковский говорит о Давыде Игоревиче как о родоначальнике князей Изяславских на Волыни? По-видимому, Стрыйковский располагал какими-то неизвестными родословиями Изяславских на Волыни. Победоносный поход соединенных сил литовских князей во главе с Ольгердом на крестоносцев в 1330 г. Стрыйковский описывает, ссылаясь на «десять с лишним хроник русских, прусских и лифляндских». Какие именно русские летописи и прусские и лифляндские хроники здесь имеет в виду Стрыйковский, неясно. Характерно, что Стрыйковский ссылается здесь не на русские и литовские летописи, как это он делает в тех случаях, когда пользуется белорусско-литовскими летописями, а на русские хроники (по его терминологии) — общерусские летописи. Между тем ни одна известная русская летопись ничего не пишет об этом походе Ольгерда на крестоносцев.

Дата похода Ольгерда (1330 г.), конечно, не может быть принята, поскольку Ольгерд только в 1345 г. стал

---

[142] Stryjkowski, t. II, стр. 3.
[143] Там же.

великим князем литовским. Возможно, этот литовский поход на крестоносцев в источнике Стрыйковского и не был связан с Ольгердом.

Интересны некоторые подробности в описании похода. Численность литовского войска составляла 40 тыс. человек. Было образовано 3 полка основных и 5 вспомогательных. В результате похода к Литве по перемирию отошли замки Вейер и Фридбург[144].

Битва между татарами и литовцами у «Синей Воды» (т. е. у реки Синюхи, притока Буга) описана Стрыйковским очень близко к рассказу летописца Быховца. Правда, датирована она не 1351 г., как в летописце, а 1331 г. Последняя дата, конечно, ошибочна и, по-видимому, связана с совершенно фантастической датировкой Стрыйковским событий времени правления Ольгерда (например, поход Ольгерда на Москву датирован 1332 г.). Видимо, Стрыйковский располагал какой-то особой разновидностью летописца Быховца с особой датировкой, причем эти даты были проставлены совершенно иначе по сравнению с тем, что мы видим в дошедшем варианте летописи. Особая, но совершенно произвольная работа по датировке заметна и в том, что Стрыйковский сообщает даты событий времени Ольгерда даже в тех случаях, когда в дошедшем до нас летописце Быховца вообще нет никакой даты.

Но можно ли считать дату Синеводской битвы, имеющуюся в летописце Быховца (1351 г.), верной? Рогожский летописец, Никоновская и Густынская летописи сообщают другую дату — 1362 год[145]. В исторической литературе существует несколько мнений относительно даты Синеводской битвы. К 1362 г. склонялся В. Б. Антонович; ее принимает современный польский исследователь С. Кучиньский[146]. К. Стадницкий осторожно датировал битву где-то в промежутке 1351—1363 гг.[147] Н. Молчановский писал, что «ввиду общей неопределенности

---

[144] Там же, стр. 4—5.

[145] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 6 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 496; т. XV, вып. 1, стр. 75; т. II (изд. 1-е), стлб. 350 и т. XI, стр. 2.

[146] В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского..., стр. 126; S. M. Kuczyński. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965, стр. 170.

[147] K. Stadnicki. Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy. Lwów, 1881, стр. 123, 137.

известий о битве на Синих Водах вряд ли мы можем с уверенностью приурочить это событие к какой-либо точной дате»[148]. Наконец, Н. Дашкевич готов был отнести битву ко времени Витовта, т. е. к концу XIV в.[149] С такой точкой зрения трудно согласиться. Ведь упоминание о битве при великом князе Ольгерде содержится не только в литовских, но и в русских летописях. Если даже предположить, что на русские летописи повлияла какая-то неизвестная нам литовская летопись, то и это не может служить подтверждением догадки Дашкевича, поскольку известие русских летописей совершенно иное, нежели то, которое мы находим в литовских летописях. Чтобы убедиться в этом, сравним известия летописца Быховца и двух русских летописей.

Летописец Быховца	**Рогожский летописец**	**Никоновская летопись**
1351 год. Князь великий Ольгерд, собравшися со силами своими литовскими и шодши, побил татар на Синей воде, троих братов Хачибея, а Култубугу а Дмитрея (ПСРЛ, т. XVII, стлб. 496).	В лето 6871... тое же осени Олгерд Синю воду и Белобережие повоевал (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стр. 75).	В лето 6871... Того же лета князь великий литовский Олгерд Гедименович Синию Воду и Белобережие повоева (ПСРЛ, т. XI, стр. 2).

Как видно из этого сравнения, русские летописи имеют об этом событии особое известие, где упоминалось Белобережье, т. е., вероятно, земля между низовьями Днепра и Днестра, о чем ничего не сообщает Быховец.

По-видимому, более точной можно считать датировку битвы 1362 г. Нельзя не согласиться с Н. Молчановским, что скорее всего это произошло уже после 1357 г., когда в Орде наступили смуты и гораздо легче было разбить ее войско и овладеть Подолией, что, как описывают литовские летописи, а вслед за ними Стрыйковский, было как раз следствием победы у Синей Воды. Сам Стрыйковский, хотя вслед за своим источником и

---

[148] Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885, стр. 175.

[149] Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 88.

проставил неверную дату, по-видимому, также связывал литовскую победу с постоянными раздорами в Орде. Неслучайно известие о победе у Синей Воды Стрыйковский предваряет экскурсом в историю ордынских ханов, из которого видно, что ханы в Орде сменялись с калейдоскопической быстротой: Бердибек, «едва два года пробыв на царстве, умер; сына же его, Аскулпа, Наруса, другой царевич, убил едва он месяц процарствовал; Наруса убил через год после этого Хидер» и т. д. [150] Сведения о татарских ханах Стрыйковский заимствует у Герберштейна, на которого он прямо и ссылается [151]. Ссылается Стрыйковский и на хроники московские. Поскольку все сведения Стрыйковского находят соответствие в сочинении Герберштейна, то остается не вполне ясным, ссылался Стрыйковский на московские хроники (т. е. по его терминологии — летописи) только вслед за Герберштейном или у него самого были такие летописи, но они не давали ничего нового (в узких рамках очень краткого экскурса) в сравнении со сведениями Герберштейна. Впрочем, сам Герберштейн в данном месте не ссылается на московские летописи, хотя об использовании их при написании своего труда и упоминает в других местах неоднократно.

Согласно Стрыйковскому, татары, изгнанные из Подолии после победы литовских войск у Синей Воды, переселились первоначально в Крым, а затем осели в Добрудже, как пишет Стрыйковский, «за Дунаем на Турецкой дороге, по которой мы (т. е. польское посольство в Турцию — *А. Р.)* ехали через Орду этих добруцких татар у Облутицы и Силистрии; большая часть их говорит на славянском языке и занимается хозяйством... и, когда я их расспрашивал, сами рассказывали, что их предки изгнаны Литвой из Подолии» [152]. Каких татар имел в виду Стрыйковский, до сих пор остается неясно. Большинство историков склоняется к тому, что Стрыйковский ошибочно приурочил их переселение ко времени Ольгер-

---

[150] Действительно, с 1359 г., т. е. убийства Бердибека, до вступления на престол Тахтамыша в 1379 г. в Орде сменилось более 25 ханов. Об этом подробнее см.: М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 111—112.

[151] Stryjkowski, t. II, стр. 6 и Герберштейн, стр. 139—140.

[152] Stryjkowski, t. II, стр. 7.

да. Н. Дашкевич предполагал, что «добруджские татары — потомки татар, рыскавших в придунайских землях до второй половины XVIII в., или же остатки бродячих шаек, кочевавших по Черноморскому побережью, также называвшемуся Подолия, и прогнанных оттуда не при первом занятии Подолии Литвою, а позже — Кориатовичами или при Витовте»[153]. Н. Молчановский вообще считал, что известию Стрыйковского о добруджских татарах «вряд ли можно придавать серьезное значение», указывая при этом на неоднократные вторжения татар самого различного происхождения в Добруджу (кипчакские, белогорские и др.), так что до путешествия Стрыйковского прошел значительный промежуток и вряд ли Добруджа заселилась только беглыми подольскими татарами[154].

Трудно понять, что́ именно в рассматриваемом известии Стрыйковского вызвало такое недоверие к нему. Что касается замечания Молчановского, то оно не может быть принято: ведь Стрыйковский мог попасть именно к этой группе татар из числа переселенцев, которые происходили из Подолии. Нет никаких доказательств недостоверности известия Стрыйковского и у Дашкевича. Ведь его предположение о том, что эти татары переселились в Добруджу позднее Ольгерда,— такая же догадка, какой является приурочение самим Стрыйковским выхода татар из Подолии ко времени Ольгерда. Во всяком случае, в самом факте переселения татар в Добруджу при Ольгерде нет ничего невероятного, если учесть, что именно к этому времени относятся усобицы в Золотой Орде и ее значительное ослабление.

Большой интерес вызывает указание Стрыйковского на то, что добруджские татары говорили на славянском языке. Не является ли это доказательством, что их предки в известной мере ассимилировались славянским населением, восприняли его язык, так что их предание о происхождении из Подолии (в обычном смысле этого слова, а не из причерноморских степей, как полагают Дашкевич и Молчановский) имеет черты достоверности. Правда, в настоящее время среди татар, живущих в Добрудже (Румыния), нет таких, которые бы говорили

---

[153] Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 82—83.

[154] Н. Молчановский. Указ. соч., стр. 174, прим. 1.

на одном из славянских языков, но это обстоятельство вполне можно отнести к их последующему отуречиванию. Татары Добруджи в настоящее время мало чем отличаются от турок.

После рассказа о битве у Синей Воды и изгнании Ольгердом татар из Подолии, Стрыйковский переходит к изложению истории литовского завоевания Подолии. Рассказ об этом почти целиком восходит к летописцу типа Быховца, и с этой точки зрения он был проанализирован И. Тихомировым [155].

Стрыйковский пишет, что Ольгерд передал Подолию новогрудским князьям Кориатовичам: Александру, Константину, Федору и Юрию. Согласно Стрыйковскому, эти князья принимали участие в Синеводской битве, о чем ничего не сообщают литовские летописи [156]. А между тем последнее обстоятельство объясняет, почему именно Кориатовичам была передана Подолия после занятия ее литовцами: по-видимому, их военные силы и составляли основу литовской армии, действовавшей в Подолии.

Стрыйковский сообщает, что братья Кориатовичи поделили между собой поровну подольские владения («владели Подолием, разделенным поровну»). Н. Молчановский считает это известие недостоверным, так как, по его мнению, оно опровергается грамотой Александра Кориатовича от 1375 г., согласно которой Александр подтверждает права Смотрицкого доминиканского монастыря на мельницу, ранее подаренную монастырю Юрием Кориатовичем [157]. По-видимому, Молчановский считал, что если бы братья поделили свои владения, то один не мог бы распоряжаться достоянием другого. Но, полагая так, Молчановский не учитывал, что в 1375 г. Юрия Кориатовича могло уже и не быть в Подолии.

---

[155] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 102.

[156] Stryjkowski, t. II, стр. 7 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 496. М. Грушевский считал это известие Стрыйковского его «собственной догадкой», однако указывал, что «нет ничего неправдоподобного в том, что так оно действительно и было, но достоверно ли это, мы не будем знать, пока будем иметь в руках только краткое известие русско-литовского летописца» (см. М. Грушевський. Історія України — Русі, т. IV, стр. 91).

[157] Н. Молчановский. Указ. соч., стр. 197. Грамота опубликована в «Актах, относящихся к истории Западной России», т. I. СПб., 1846, стр. 21, № 4.

Согласно литовским летописям, он был вызван на воеводство в Валашскую землю (об этом вслед за летописями сообщает и Стрыйковский) [158]. К сожалению, ни летописи, ни Стрыйковский не пишут, когда это произошло. Однако сам же Молчановский далее в своей книге высказывает весьма вероятное предположение, что это имело место где-то в 1374—1375 гг., так как еще к 7 ноября 1374 г. относится грамота Юрия на дарование г. Каменцу магдебургского права, а к 1375 г.— указанная выше грамота Смотрицкому монастырю [159], в которой Юрий уже не фигурирует. Польские историки, специально занимавшиеся пребыванием Юрия Кориатовича в Валахии, также указывают 1374 г. как начало его правления в этой земле [160].

С отъездом Юрия из Подолии, естественно, могло произойти перераспределение владений, до этого разделенных поровну, в связи с чем и могла потребоваться грамота нового владельца.

В известии Стрыйковского о владении Кориатовичами Подолией Н. Молчановский усматривает еще одну неточность. Стрыйковский пишет, что Кориатовичи построили на Подолии следующие замки: Браслав (т. е. Брацлав на реке Буг), Винницу, Меджибож, Бжезаницу (на реке Златолипе), Хмельник, Требовль или Тремболь (на реке Середе). Такого перечня мы не найдем ни в одной из дошедших до нас летописей. Н. Молчановский считает его произвольным и неверным [161]. Особенно возражает Молчановский против включения в перечень подольских городов Трембовля уже при Кориатовичах. Однако известие Стрыйковского подтверждает грамота от 12 июня 1395 г., по которой польский король Владислав-Ягайло передавал воеводе краковскому Спитко из Мелштина подольские замки с округами. В ней упоминается в неразрывной связи с остальными замками и «districtus Trembowliensis», т. е. округ Трембовля. Желая убедить читателей, что Трембовль все же не относится к Подолии, Молчановский пишет: «...кажется, что они (замки.— *А. Р.*) не отнесены к Подолии», и в доказательство приводит отсутствие этого города на

[158] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 497 и др. и S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 8.
[159] Н. М о л ч а н о в с к и й. Указ. соч., стр. 205—206.
[160] J. P u ż y n a. Указ. соч., стр. 439.
[161] Н. М о л ч а н о в с к и й. Указ. соч., стр. 197.

страницах летописи[162]. Но в том-то и дело, что Трембовль мог упоминаться в каком-то неизвестном нам источнике Стрыйковского, говорившем о владениях Кориатовичей.

В свой рассказ об овладении литовцами Подолией Стрыйковский включает и подробное описание города Каменца Подольского, в котором он, по его собственным словам, бывал дважды. «Тот город и замок (в котором я сам бывал дважды) лежит от Хотина, валашского пограничного замка, и от Днестра-реки за две мили, в прекрасной равнине, почти как корона, созданная божиею рукою, только бы захотели ее сохранить и небольшими средствами поправить. Вокруг него (замка.— *А. Р.*) идет глубокий и крутой природный ров, по которому протекает река Смотрич, опоясывая город с обеих сторон вплотную вокруг каменистой скалы, как будто реку и город окружает сдавленный ров, а от ровного поля река отделяет город широким руслом, и когда из поля смотришь в ров на реку на каменную скалу, посреди которой лежит город, подъем кажется очень трудным и опасным и неудобным, так как каменные скалы, как две тесаные стены, тянутся сверху вниз и снизу вверх. Из замка одни ворота ведут через мост в город, а другие к реке Смотрич в ров; там же во рву на реке есть башни, построенные среди скал. Замок, отделенный от города башнями и стенами, построен неплохо, но и сам город находится в прекрасном месте»[163].

Описание Каменца Подольского сделано Стрыйковским очень точно и красочно, передает характерную особенность этой крепости: крепость как бы устроена самой природой. Очень метко замечание Стрыйковского о том, что скалы напоминают тесаные стены. Действительно, скалы подвергались специальной обработке и обтесыванию.

Нельзя не обратить внимания и на призыв Стрыйковского сохранить каменецкую крепость. Это замечание, вероятно, следует рассматривать в связи с такими же

---

[162] «Codex epistolaris Witoldi», Kraków, 1882, стр. 39. М. С. Грушевский справедливо полагал, что «это замечание иначе понимать нельзя, как то, что Теребовль и Стинка причислялись к Подолии в конце XIV в.» (М. Грушевський. Історія України — Русі, т. IV, стр. 89, прим. 1).

[163] Stryjkowski, t. II, стр. 8.

высказываниями Андрея Тарановского, с которым Стрыйковский был очень дружен и вел беседы. В 1573 г. Тарановский, выступая в сейме, указывал, что Каменецкая крепость совершенно разорена и что это особенно опасно ввиду возможной войны с Турцией [164].

Значительный интерес представляет описание Стрыйковским похода Ольгерда на Москву. Поход этот датирован Стрыйковским 1332 г., а московский князь назван Дмитрием Семечко. Дата явно неверная, так как Ольгерд в это время еще не был литовским великим князем. Неясно, откуда взял Стрыйковский эту дату, во всяком случае взята она не из русского источника, поскольку указана по летоисчислению от начала новой эры. В опубликованных белорусско-литовских летописях это известие не датировано. Что касается имени московского князя — Дмитрий Семечко, то здесь, видимо, спутан Дмитрий Донской с Дмитрием Шемякой, которого Герберштейн называл Semecko [165]. В целом же рассказ Стрыйковского строится на основе белорусско-литовских летописей (интересующий нас рассказ содержится в летописи по Евреиновскому списку и в летописце Быховца) [166]. Сам Стрыйковский замечает: «Это находится только в литовских летописцах, написанных по-русски».

В летописях, которыми располагал Стрыйковский, имелось два варианта рассказа. Это видно прежде всего из изложения Стрыйковским эпизода с копьем Ольгерда: «Сам Ольгерд сломал копье о стену замка, а другие летописцы свидетельствуют, что только прислонил, дабы помнила Москва». Белорусско-литовские летописи сохранили только второй вариант рассказа, причем, поскольку Стрыйковский приводит второй вариант в виде

---

[164] S. Orzełski. Bezkrólewia ksiag ósmioro czyli Dzieje polskie od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 az do r. 1576, t. II. Petersburg—Mohylew, 1856. О состоянии Каменецкой крепости в XVI в. см. в статье: A. Jabłonowski. Zamek Kamieniecki u schyłku pierwszej połowy XVI wieku. «Przegląd bibliograficzno-archeologiczny», t. III, 1882, стр. 11—30, а также: Е. И. Сецинский. Город Каменец-Подольский. Историческое описание. Киев, 1895, стр. 96.

[165] Герберштейн, стр. 12.

[166] Stryjkowski, t. II, стр. 12 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 378 и 499. О близости сведений Стрыйковского о московском походе Ольгерда к летописцу Быховца писал в свое время И. Тихомиров (указ. соч., стр. 102—103).

дополнения к рассказу о «преломлении» копья, то очевидно, что летописи в дошедшем до нас виде составляли меньшинство летописей Стрыйковского.

Два варианта рассказа в летописях Стрыйковского заметны и в той части известия, где говорится о требованиях Ольгерда, предъявленных Дмитрию. Одни летописцы писали, что Ольгерд требовал установить границу с Литвой по Угре, а другие сообщали, что притязания Ольгерда простирались по Можайск и Угру. Между тем ни одна из белорусско-литовских летописей вообще ничего не пишет о требованиях Ольгерда. Данное известие летописей, имевшихся у Стрыйковского, заслуживает особого рассмотрения. Прежде всего оно противоречит сведениям самого же Стрыйковского о владениях, розданных Гедимином своим сыновьям. Уже тогда Ольгерд имел владения, простиравшиеся до реки Угры. Естественно возникает вопрос; для чего вновь потребовалось утверждение этой границы? Здесь возможны два предположения: либо часть владений Ольгерда была отобрана московским княжеством и теперь Ольгерд стремился их вернуть, либо Ольгерд просто требовал от Москвы отказа от каких-либо претензий на земли за Угрой, принадлежащие Литве.

Не сохранились и те летописи, по которым Стрыйковский описывал само продвижение войск Ольгерда к Москве. «Тогда же,— пишет Стрыйковский,— Ольгерд приказал нескольким тысячам черни приготовить прямые пути для быстрого продвижения к городу Москве, поставив над ними для их защиты две тысячи конных. Сам же он двинулся из Витебска со всем литовским войском... Пути же мостили через болота и старины, насколько можно пройти» [167]. Приведенное описание подготовки Ольгердом похода на Москву находит подтверждение в одном интересном документе начала XIX в., хранящемся в ЦГИАЛ, в архиве Синода. Документ носит название «Известие об открытии похода и пути великого князя литовского Ольгерда некогда с воинством в Москву». В документе говорится: «На границе нынешнего Полоцкого уезда с уездом Городецким и Невельским, над рекою Верузою, впадающей в реку Обол в имении господина маршала Жабы, называемом

---

[167] Stryjkowski, t. I, стр. 11.

Стаклицами, найдены памятники онаго похода, кои очень согласуются с описанием Стрыйковского. Ибо, говорит Стрыйковский, Ольгерд шел крытыми стезями с войском чрез великие леса, войско его принуждено было делать новые мосты и насыпи. Да и действительно, начиная от Полоцка далее до Бешенковичей, также и вдоль рек Полоты, Верузы и Оболи простираются обширные леса, среди коих находится множество болот и озер. А в вышесказанном имении Стаклицах, лежащем над рекою Верузою, крестьяне показывают огромной величины насыпные и лесом поросшие бугры, кои называют Ольгердовскою дорогою. В 3 же верстах от Стаклиц, в глухом лесу, видны огромные же древние окопы, окруженные болотом, как крестьяне зовут, Столице, а узкое место, ведущее внутрь, слывет у них Князиовым местом. То же утверждал и владетель сего имения господин маршал Жаба, что он, владея оным уже около 18 лет, всегда слышал от крестьян, что сим местом проходил к Москве князь Ольгерд»[168]. Обращаем особое внимание на последнюю фразу в этой цитате. Она свидетельствует о бытовании еще в начале XIX в. народных преданий о походе Ольгерда к Москве. Вероятно, основой этого предания послужил какой-то исторически достоверный поход Ольгерда на Москву: их было два — в 1368—1369 гг. Оба раза литовские войска подходили к самой Москве, но не овладели ею. Впрочем, согласно русским летописям, первый поход сопровождался рядом побед литовских войск над русскими отрядами: были разбиты отряды князей Семена-Крапива Стародубского и Константина Оболенского; на берегах реки Тростни (на север от Рузы) были разбиты воеводы Дмитрий Минин и Акинф Шуба[169]. Возможно, первоначальные, сравнительно легкие победы литовских войск и способствовали складыванию легенды о победоносном московском походе Ольгерда. Историческое ядро устного рассказа, по-видимому, далее все больше изменялось, рассказ наделялся сказочными чертами (преломление или прислонение копья, появление Дмитрия Семечки, т. е. смещение Дмитрия

---

[168] ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 1, № 589, л. 1—1 об. Копия с этого документа помещена в сборнике исторических и географических сведений, доставленных Н. П. Румянцеву. ГБЛ, Рум. № 177, лл. 120—121 об.

[169] ПСРЛ, т. VIII, стр. 16; т. XV, стлб. 429; т. XVIII, стр. 108.

Шемяки с Дмитрием Донским). В таком искаженном и приукрашенном народной фантазией виде этот рассказ и попал в белорусско-литовские летописи [170].

Стрыйковский хотел проверить достоверность этого рассказа и по другим летописям, в частности по «русским хроникам». Однако, как он пишет, об этом «ни русские хроники, ни другие истории не вспоминают, кроме Герберштейна» [171]. Последнее замечание о Герберштейне вызывает недоумение: во всех изданиях «Записок» Герберштейна о походе Ольгерда на Москву нет ни слова.

И все же Стрыйковский привел этот рассказ, по его собственным словам, для того, чтобы отдать должное «вечной памяти Ольгерда» [172]. По мнению Стрыйковского, многих исторических деятелей затмила фигура Витовта. Однако не он один достоин славы, «много нашлось бы в Польше, в Литве и в России геркулесов, гекторов, ахиллесов» [173]. Но особое внимание Стрыйковского к рассказу о победоносном походе Ольгерда на Москву объясняется не только этим. Вспомним, что Хроника Стрыйковского создавалась в самый разгар Ливонской войны. Воспевание победоносного похода литовского князя на Москву для Стрыйковского, одного из участников этой войны, было вполне закономерным, даже несмотря на сомнения, которые вызывал у него рассказ летописей.

Не случайно поэтому Стрыйковский описывает и торжественную встречу Ольгерда в Вильне после московского похода. «После этого, когда Ольгерд с женой ехал из Витебска в Вильну, навстречу ему вышел весь народ, по языческому обычаю ударяя в ладоши и воспевая «Ладо!», выражая этим благодарность и радость своему великому князю, возвратившемуся с победой из столицы Москвы. Там же (в Вильно.— *А. Р.*) творили идолам своим молитвы и приносили жертвы на священных пепелищах, где ныне стоит храм св. Станислава». В сохранившихся летописях описания этой триумфаль-

---

[170] М. Н. Тихомиров в своей книге «Древняя Москва» (М., 1947) высказал предположение, что первоначально это повествование являлось песней, сложенной в честь Ольгерда (см. стр. 49).

[171] Stryjkowski, t. II, стр. 11.

[172] Там же, стр. 12.

[173] Там же, стр. 13.

ной встречи нет. Стрыйковский взял ее из какого-то памятника устного народного творчества (отметим в связи с этим упоминание припева «Ладо»), но непосредственно ли или через посредство каких-то недошедших до нас литовских летописей, сказать трудно. Использование Стрыйковским летописей в данном случае менее вероятно, так как здесь он уже не говорит, что об этом пишут литовские летописи.

Следующее известие Стрыйковского об Ольгерде посвящено женитьбе Ольгерда на дочери тверского князя Марии. Сообщая об этом, Стрыйковский ссылается на Бельского и Кромера. Данное известие Стрыйковский приводит в пояснение того, что Ольгерд «мог с литовским войском мирно пройти через дружественные ему тверские земли, а потом подойти незаметно к самой Москве, имея (у себя в тылу) военную крепость Тверь», ибо с тверским князем у Ольгерда после брака с его дочерью был заключен «общий союз на общего московского врага» [174].

В следующем известии Стрыйковский говорит о гибели францисканцев, проповедовавших христианство в Вильно, и о наказании за это виленцев Ольгердом. Этот эпизод рассказан по источнику, близкому летописцу Быховца [175]. Но далее Стрыйковский, затронув вопрос о распространении христианства в Литве, пишет о крещении Ольгерда «ради жены Улияны» и о постройке Ольгердом церквей в Витебске. Описание их сделано Стрыйковским по его собственным наблюдениям. «Две церкви в Витебске построил (с немалыми затратами) по греческому образцу, как я сам видел: одну — в нижней крепости, вторую — в поле за ручьем или крепостным рвом. Верхний замок он украсил стеной с башнями и дворцом, которые ныне сломаны. Там же, в верхней крепости, в церковке видел я своими глазами в алтаре изображение Ольгерда и его жены в длинных одеждах, нарисованное по греческому образцу» [176]. Таким образом, Стрыйковский сообщает о двух храмах, построенных Ольгердом, и об изображении Ольгерда в третьей церкви, время создания которой он не указывает. Между

---

[174] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 13 и Kromer, стр. 404.
[175] Stryjkowski, t. II, стр. 14 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 498.
[176] Stryjkowski, t. II, стр. 14.

тем никакие постройки времен Ольгерда в Витебске, да и вообще ни в каком другом месте, до нас не дошли и неизвестны по другим письменным источникам. Правда, возникает вопрос, действительно ли церкви, которые видел Стрыйковский в Витебске, были построены при Ольгерде или их такая датировка является соображением самого Стрыйковского. К сожалению, неизвестно, какие именно церкви имеет в виду Стрыйковский. Он не называет эти храмы, и потому предположение А. Сапунова о том, что церковь в нижнем замке — это Благовещенская церковь, а церковь за ручьем — Духовская — не больше чем догадка[177]. Впрочем, Сапунов пишет об этом, осторожно замечая: «полагать надо». Если это соображение Сапунова верно, то данные Стрыйковского следует считать ошибочными, поскольку ни у одного исследователя не возникало сомнения о принадлежности Благовещенского храма в Витебске XII в. как по его конструкции, так и по характеру кладки (плинфа)[178]. А. М. Павлинов, а также известный историк белорусской архитектуры М. Шчакацихин находили в кладке сводов церкви части, относящиеся, по их мнению, к XIV в., т. е. следы исправления и, возможно, частичной перестройки храма во времена Ольгерда[179]. Об этой перестройке могли сохраняться некоторые сведения, быть может, устные предания. В них, вероятно, перестройка церкви при Ольгерде отодвинула на второй план ее основание, о котором впоследствии совсем забыли. В таком виде, вероятно, дошли эти сведения до Стрыйковского, жившего в Витебске и, по его собственным словам (см. ниже), расспрашивавшего «старых витеблян» о сохранившихся в городе постройках. Но данное объяснение, конечно, имеет смысл только в том случае, если Стрыйковский действительно имел в виду Благовещенскую церковь.

Что касается второй из указанных Стрыйковским церквей, то известия о ней не вызывают сомнений. Ду-

---

[177] А. Сапунов. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск, 1903, стр. 15.

[178] А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. «Труды девятого археологического съезда в Вильне», т. I. М., 1895, стр. 5—7.

[179] Там же, стр. 5; М. Шчакацiхiн. Нарыси з iсторыi беларускага мастацтва, т. I. Менск, 1928, стр. 114.

ховская церковь, которую, по-видимому, имеет в виду Стрыйковский, по мнению единственного ее исследователя А. М. Павлинова, относится как раз к XIV в.[180], т. е. ко времени Ольгерда, о чем и пишет Стрыйковский.

Несомненный интерес представляет и описание Стрыйковским портретных изображений Ольгерда и Ульяны. К нему Стрыйковский ниже возвращается еще раз, когда пишет о княгине Ульяне: «Видел я в 1573 г. (ее) образ, написанный по-старинному вместе с мужем ее Ольгердом в верхней витебской крепости в старинной деревянной церкви на подстении»[181]. Из этих слов Стрыйковского видно, что изображения Ольгерда и Ульяны (как ктиторов — строителей храма) были иконными, а не фресковыми: деревянный храм не мог быть украшен фресками.

Известие Стрыйковского об изображениях Ольгерда и Ульяны — свидетельство существования портретного жанра в средневековой Белоруссии. Из других белорусских портретов этой эпохи известен портрет родственницы княгини Ульяны — Прakседы, относящийся также ко второй половине XIV в., а также портрет Николая I Радзивилла и его жены Евдокии этого же времени[182]. Назовем также сохранявшиеся еще в XIX в. в Несвижской галерее портреты тверского князя Михаила Борисовича и его дочери (написаны после 1485 г.); портреты мстиславского князя Симеона Лугвеня и его жены Софии, хранившиеся в конце XIX в. в Онуфриевском монастыре близ Мстиславля, и портреты слуцкого князя Симеона Александровича и его жены Анастасии, висевшие в Троицкой церкви г. Слуцка[183]. Характерно распространение в Белоруссии именно парного портрета, что подтверждает достоверность сообщения Стрыйковского. Интересно также и то, что, как и изображения Ольгерда и Ульяны, так и ряд других портретов висели на стенах церквей и в монастыре.

Замечание Стрыйковского о том, что князь и княгиня были изображены по «греческому образцу», вероят-

---

[180] А. М. Павлинов. Указ. соч., стр. 6—7.

[181] Stryjkowski, t. II, стр. 58.

[182] М. Кацар. Зараджэнне і развіцце партрэтнага жанра у беларускім жывапісе XIV—XV ст.ст. Сб. «Беларускае мастацтва», вып. III. Менск, 1962, стр. 130.

[183] Там же, стр. 128.

но, вызвано тем, что Стрыйковский, ездивший по Греции и интересовавшийся ее древностями, лучше знал византийские изображения, чем древнерусские, а при сходстве тех и других принял древнерусское изображение за подобие греческого.

Стрыйковский собирал сведения и о несохранившихся постройках Ольгерда. Так «витебляне старые» ему рассказали, что «княгиня, жена Ольгерда, во время его отсутствия построила замок, но ныне он разваливается»[184]. Во времена Стрыйковского сохранилась только «одна стена со ступенями»[185]. Следующее литовское известие Хроники Стрыйковского посвящено вторжению в Мазовию литовских войск в 1336 г. Изложено оно по Длугошу и Меховскому и со ссылкой на них.

Далее со ссылкой на Длугоша, Меховского, Кромера, а также на Прусскую хронику, т. е. хронику Дюсбурга, Стрыйковский пишет об обороне литовцами от крестоносцев замка Пуллен в 1336 г. По поводу названия замка Стрыйковский замечает: «Кажется мне, что вероятно замок Пунен или Пунян, ибо если старый историк записал Пунен древними буквами, то другие вместо «n» поставили двойное «ll» и вместо Пунен, таким образом, написали Пуллен». Вариант названия замка, предложенный Стрыйковским, более близок действительному: Пуне или Пуня. Замок этот находится неподалеку от Трок на берегу Немана[186]. Интересно и само объяснение происхождения ошибки, объяснение, сделанное в какой-то мере на основе палеографических данных. Действительно, «n» писалось в средневековых латинских рукописях так, что оно легко могло быть принято за два «ll». Сравним их начертания в готическом шрифте: l - n

Далее под 1337 г. Стрыйковский сообщает об осаде Люблина татарами и русскими. «В 1337 г.,— пишет Стрыйковский,— огромное войско татар с Русью обло-

---

[184] Stryjkowski, t. II, стр. 58.

[185] В 1895 г. при срытии Замковой горы в Витебске были найдены «каменные фундаменты, нижний этаж здания с окнами до половины, каменная лестница и отчасти плитяной, а частично булыжный пол» (см. Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. «Советская археология», 1964, № 1, стр. 104).

[186] П. Семенов. Указ. соч., т. IV, стр. 246.

жили замок Люблин и пытались взять его непрерывными штурмами в течение двадцати дней. Но когда стрелой, пущенной из замка, был убит татарский царь, они сразу же, ударив в колчаны, с сильным криком и шумом отступили. Я сам видел в костеле любельских (т. е. люблинских.— *А. Р.*), монахов картину этого приступа, изображающую убийство царя, но ядром из пушки, а не стрелой, ибо тогда уже появились пушки и мушкеты» [187]. Об осаде Люблина было известно и Длугошу, однако он описывал ее совершенно иначе и не под 1337, а под 1344 г.: «Затем, подступив под Люблинский замок, который в то время был построен из дерева, [татары] осаждали его более десяти дней и после того, как королевский гарнизон отважно его оборонял, [татары] потеряв надежду, отступили к своим становищам, уведя с собой большое число пленников обоего пола» [188]. Ближе всего известие Стрыйковского к соответствующему известию так называемой Святокрестской хроники. В этой хронике, как и у Стрыйковского, под 1337 г. сообщается: «Лета господня 1337 татары с русскими 20 дней и ночей упорно осаждали люблинский замок, окруженный валом, опустошая [при этом] все окрестности. Но после того, как татарский князь был убит стрелой [пущенной] из замка, они с плачем отступили» [189]. Сопоставляя оба известия, мы видим, что разница между ними несущественна: у Стрыйковского, по сравнению с известием Святокрестской хроники, имеется только небольшая дополнительная подробность о том, что татары перед отступлением ударили в свои колчаны. Эту деталь описания Стрыйковский мог увидеть и на фреске Люблинского костела, изображение на которой он и сопоставлял с данными письменного источника. Стрыйковский видел во фреске, с его точки зрения, даже более достоверный источник, доверяя ее данным относительно оружия, из которого был убит татарский военачальник.

Наконец, большой интерес представляет само упоминание Стрыйковского о фреске, поскольку она, кажет-

---

[187] Stryjkowski, t. II, стр. 17.

[188] Długosz, t. III, стр. 200.

[189] Rocznik Świętokrzyski. «Monumenta Poloniae Historica», t. III. Lwów, 1878, стр. 78. Эта хроника была довольно распространена в Польше и вполне могла быть доступна Стрыйковскому. Только от XV в. до нас дошло десять ее полных списков.

ся, не сохранилась до нашего времени. Правда, Стрыйковский не указывает точно, в каком костеле он видел изображение осады Люблина, но судя по тому, что он назван «костелом люблинских монахов», очевидно, что Стрыйковский имел в виду какой-то люблинский монастырь. Между тем ни в одном из люблинских костелов такая фреска неизвестна. Во всяком случае, она не упоминается в описании люблинских древностей, в том числе и в новейшем подробном описании Люблина [190].

Далее Стрыйковский в соответствии с хрониками Длугоша и Меховского пишет о нападении на Литву крестоносцев во главе с Теодориком из Альдембурга в 1339 г. [191]

Следующее известие Стрыйковского, касающееся Литвы, рассказывает о попытке избрания на польский престол внука Гедимина — Константина Кориатовича. Попытка кончилась неудачей, так как Константин отказался перейти из православия в католичество. Это известие Стрыйковского находит полное соответствие в некоторых белорусско-литовских летописях, в так называемом летописце Быховца [192]. Сам Стрыйковский ссылается на «летописцы русские и литовские», указывая в то же время, что «этого польские хроники не отмечают». Рассматриваемое известие интересно как показатель метода работы Стрыйковского над источниками — сопоставление им данных летописей и польских хроник.

Далее в Хронике следует ряд известий о братьях Кориатовичах в Подолии: о Юрии, умершем в Валахии, о Федоре, получившем Подолию после смерти Константина и вышедшем из повиновения Ольгерду, о смерти Александра. Все эти сведения взяты Стрыйковским из белорусско-литовских летописей, главным образом из летописца, сходного с летописцем Быховца [193]. Последнее видно из того, что у Стрыйковского, как и в лето-

---

[190] Henryk Gawarecki, Czesław Gawdzik. Lublin. Warszawa, 1964.

[191] Stryjkowski, t. II, стр. 17; Długosz, t. III, стр. 177; Mathius de Michoviae, стр. 162.

[192] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 18 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 82, 100, 497.

[193] Stryjkowski, t. II, стр. 18—19 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 82, 99, 171, 279, 328, 390, 454, 496.

писце Быховца, названные события происходят при Ольгерде, тогда как все остальные летописи говорят о времени Витовта. Что касается остальных известий этого рассказа, то они в основном совпадают во всех белорусско-литовских летописях. При этом все же очевидно, что Стрыйковский пользовался не только летописцем типа Быховца, поскольку в Хронике упоминается о смерти Александра Кориатовича, а об этом говорят все летописи, за исключением Евреиновской и летописца Быховца. Правда, в летописях говорится, что Александра «татарове убили», тогда как Стрыйковский просто пишет, что он «умер».

С точки зрения характера использования Стрыйковским летописей интересно, что вначале Стрыйковский приводит подробный рассказ по летописцу, сходному с летописцем Быховца, а затем, восполняя недостающие известия из других летописей, замечает: «Летописцы литовские свидетельствуют, что и Александр Кориатович умер сразу после братьев Константина и Юрия и что Федор, четвертый брат, по их смерти овладел Подолией» [194].

Стрыйковский не указывает точных дат описываемых событий, но, как было сказано, принимает хронологию летописца Быховца, т. е. время Ольгерда. Его как будто не смущает то обстоятельство, что другие летописи говорят о времени Витовта. Поэтому, излагая известия, касающиеся правления Витовта, Стрыйковский почти полностью повторил заново весь рассказ [195]. При этом, говоря об изгнании Федора Кориатовича Витовтом, Стрыйковский забыл, что он сам же ранее писал о том, что Федор умер в Венгрии после изгнания его Ольгердом. Причиной такого повторения рассказа, в результате которого на страницах Хроники появилось два Федора Кориатовича, были, вероятно, подробности второго рассказа, чем-то отличавшие его от первого. Действительно, хотя на протяжении почти всего повествования рассказы совпадают, последний период жизни Федора Кориатовича они описывают совершенно по-разному. Если в первом случае, когда события отнесены ко времени Ольгерда, Федору удается бежать в Венгрию, то во втором

---

[194] Stryjkowski, t. II, стр. 19.
[195] Там же, стр. 104.

случае его ловит Витовт и держит как пленника в Виленском замке. Правда, ни одна из сохранившихся летописей не имеет такого известия, но это, однако, не означает, что его и не могло быть в какой-либо летописи, известной Стрыйковскому.

Целый ряд последующих известий Хроники (с 1340 по 1381 г., т. е. год смерти Ольгерда по Длугошу), посвященных походу короля Казимира Великого на Русь и войнам Литвы с Польшей и с крестоносцами, а также завоеванию русских земель, Стрыйковский сообщает по хроникам Длугоша, Меховского и Кромера и с многочисленными ссылками на них. Летописи Стрыйковский в этой части Хроники почти не использует, считая, что они исказили действительность, приписывая, в частности, Витовту те деяния, которые совершал не он, а Кейстут: «Сама Литва с Россиею ошибочно приписывают заслуги Витовту сыну Кейстута, но он тогда еще не участвовал в войне» [196]. Выше уже отмечалось, что Стрыйковский вообще выступал против преувеличения роли Витовта в литовской истории.

Единственный случай, когда Стрыйковский за рассматриваемый хронологический период передает летописные известия,— рассказ о женитьбе князя Кейстута на жрице Бируте. Здесь Стрыйковский прямо ссылается на летописцы, отмечая на полях: «Речь летописцев о Бируте, жене Кейстутовой». Рассказ Стрыйковского действительно полностью соответствует белорусско-литовским летописям [197]. Этот летописный рассказ Стрыйковский дополняет интересным собственным сообщением о почитании жрицы Бируты в его дни. «В Паланге,— пишет Стрыйковский,— я видел сам урочище этой Бируты на высокой горе, которое и поныне жмудь и корсь называют Святой Бирутой и празднуют еще и доныне торжественный праздник этой святой; когда на это место заезжает римский священник, он берет немалый доход от свечей и жертв, хотя и не считает, что эти жертвоприношения принимает бог, ибо эта Бирута была язычницей» [198]. Рассказ Стрыйковского о почитании Бируты

[196] Stryjkowski, t. II, стр. 19—20.

[197] Там же, стр. 43—44 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 262—263, 315, 376, 441, 495.

[198] Stryjkowski, t. II, стр. 44.

интересен не только как еще одно наблюдение Стрыйковского, касающееся языческих пережитков Литвы и Жмуди, но и как отражение своеобразного узаконенного двоеверия, на которое соглашались и которое даже освящали представители католической церкви.

Не только это летописное известие, но и ряд известий о борьбе Литвы с крестоносцами, основанных на польских хрониках, дополнены Стрыйковским его собственными наблюдениями. В связи с упоминанием в Хронике прусского замка Юргемборка, в окрестностях которого воевал Кейстут в 1364 г., Стрыйковский пишет: «Юргембор или Юрборг находится на дороге в 12 милях от Кролевца, а от Инстерборка — в полумиле; там я сам видел в 1580 г. одну башню этого замка, разрушенную Литвой» [199]. Несколько выше, в связи с упоминанием о приходе Кейстута в Инстерборк в 1360 г., Стрыйковский пишет и об этом замке: «Инстерборк — большой замок, построенный над рекой Истрой, в 12 милях от Кролевца, (т. е. Кенигсберга — *А. Р.*)» [200]. Описывая вторжение молодого Витовта в Пруссию в 1377 г., Стрыйковский, ссылаясь на Меховского, пишет о том, что отряды Витовта доходили до Тайнова. Однако Стрыйковский сомневается в правильности передачи этого названия Меховским. «Более вероятно, к Тапеву, в 5 милях от Кролевца, а не к Тайнову» [201], — замечает он по этому поводу, очевидно основываясь на собственных данных, полученных во время его поездки в Кенигсберг.

Что касается литовских замков, то сведения Стрыйковского о них чрезвычайно скудны. Объяснение этому дает сам Стрыйковский: «А здесь будут упомянуты коекакие замки в Литве и Жмуди, но о них ныне невозможно ни узнать, ни услышать, ибо они исчезли, так как были построены очень давно и из-за частого разрушения, да к тому же и оттого, что они были деревянными, хотя еще и теперь очень много в Литве и в Жмуди мы видим городищ, которые являются явными признаками этих замков» [202].

Интересно замечание Стрыйковского на полях против рассказа о взятии крестоносцами Ковна в 1362 г.

---

199 Stryjkowski, t. II, стр. 39.
200 Там же, стр. 40.
201 Там же, стр. 55.
202 Там же, стр. 48.

и о гибели оборонявшихся в осажденном замке: «И теперь Литва и Жмудь помнят об этом князе Гедроцком, который во время той осады жалобно говорил: «Не так мне жаль замка, как храбрых рыцарей и бояр, горящих в огне». А это был князь Гедроцкий, их воевода» [203]. Перед нами — один из многочисленных примеров дополнения Стрыйковским данных письменных источников памятниками устного народного творчества.

Смерть Ольгерда Стрыйковский датирует, ссылаясь на Меховского, 1381 г. По-видимому, 1377 год как дата смерти Ольгерда в белорусско-литовских летописях, а именно, в летописях по спискам Евреиновскому, Рачинского и Быховца [204], осталась неизвестной Стрыйковскому. Это обстоятельство является еще одним признаком того, что летописец Быховца был известен Стрыйковскому в ином виде, чем он дошел до нас.

Меховский, хроникой которого руководствовался здесь Стрыйковский, дату смерти Ольгерда в свою очередь заимствовал у Длугоша, а тот, по-видимому, у немецкого хрониста Виланда из Марбурга. Более точной в историографии признается летописная дата, т. е. 1377 г., находящая подтверждение в хронике Вартберга [205].

После известия о смерти Ольгерда Стрыйковский дает перечень его сыновей, а также сыновей Кейстута. Сделано это Стрыйковским по белорусско-литовским летописям, что было отмечено в свое время И. Тихомировым [206]. То же относится и к известиям Хроники, посвященным борьбе между Ягайлом и Кейстутом, плену Ягайла и захвату в плен Кейстута и Витовта Ягайлом, освобождению Витовта и его бегству к немцам, о нападении Ягайла на Польшу [207]. О последнем из названных событий сведения имеются только в летописце Быховца [208]. Правда, летописи дополнены здесь известиями, точнее вариантами различных названий, из хроник

[203] Там же, стр. 36—37. В тексте Стрыйковского допущена опечатка: вместо «Гедроцком», в первом упоминании в данной цитате «Гегроцком».
[204] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 103—104
[205] K. Stadnicki. Olgierd i Kejstut, стр. 157.
[206] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 103—104.
[207] Там же, стр. 104—105.
[208] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 577.

Меховского и Кромера, на которые имеются соответствующие ссылки Стрыйковского.

Рассказ о нападении князя Андрея Полоцкого с немцами на Литву представляет собой соединение летописных данных и сведений Длугоша, что также проанализировано И. Тихомировым [209].

Брак Ягайлы и Ядвиги и вступление Ягайлы на польский престол в 1386 г. описаны по Длугошу и Кромеру. Подписи литовских и русских князей на присяге, принесенной ими в Кракове, Стрыйковский передает, замечая: «И ныне записи находятся в Краковском замке в королевской сокровищнице». Создается впечатление, что Стрыйковский видел эти подписи и передает по подлиннику. На деле, однако, и сами подписи и даже замечания, где они хранятся «и ныне», дословно заимствованы у Кромера [210].

Крещение Литвы (1387 г.) описано Стрыйковским по Кромеру. Только одну подробность в рассказе Стрыйковского нельзя найти у Кромера — численность крещеных литовцев (30 тыс.). Эту цифру Стрыйковский мог взять из «Хроники всего Света» Бельского [211].

Для исторической топографии Вильнюса несомненный интерес представляет замечание Стрыйковского о том, что во время крещения виленцев были уничтожены «священные леса [находившиеся] там, где ныне [находятся] конюшни и пушкарня». В XVI в. великокняжеские конюшни находились за оградой замка, между Мостовой улицей и костелом св. Юрия. Конюшни были значительно расширены Сигизмундом-Августом за счет приобретения так называемых капитульных плацов с домами и огородами, т. е. владений духовенства кафедрального костела св. Станислава [212]. Эта территория, занятая до 1387 г. языческими священными рощами, как раз примыкала с запада к капищу Перуна, на месте которого и был сооружен костел. Великокняжеские конюшни находились в районе этого места уже давно, во всяком случае, еще до крещения 1387 г. Они упомянуты в грамоте, данной Ягайлой католическому духовенству

---

[209] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 103—104.

[210] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 75 и Kromer, стр. 413.

[211] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 78—79; Kromer, стр. 412; Bielski, л. 382.

[212] Ю. Крачковский. Старая Вильна..., стр. 95.

(см. ниже), именно как граница владений виленского епископа[213]. Таким образом, Стрыйковский имел в виду уже новые, расширенные конюшни.

К конюшням в XVI в. примыкала упоминаемая Стрыйковским пушкарня, т. е. литейные мастерские. Она находилась рядом с костелом св. Юрия[214].

Привилей, данный Ягайлой Виленскому епископству в 1387 г., Стрыйковский приводит в изложении и, кроме того, цитирует в латинском оригинале его начало и конец. Копию этого привилея Стрыйковский, по его собственным словам, «достал у славной памяти князя Юрия Юрьевича Олельковича Слуцкого»[215]. Однако, несмотря на то, что текст привилея находился в руках Стрыйковского, содержание его передано в Хронике в том же самом виде, как и в хронике Кромера[216], а именно, приведены только два его пункта: 1) о запрещении православным вступать в брак с католиками и 2) об освобождении духовенства от всяких светских повинностей. По рукописи Стрыйковский воспроизвел только первую и последнюю фразы привилея, отсутствующие в труде Кромера. Первая представляет собой королевский титул и указание, по какому случаю дан документ. Заключительная фраза содержит второй из названных выше пунктов, после чего следуют имена князей, подписавших привилей.

Следующий после описания крещения Литвы раздел Хроники озаглавлен «Скиргайло Ольгердович», но об этом князе речь идет только в начале раздела (вступление Скиргайла на великокняжеский престол в 1387 г. и его характеристика, последняя заимствована Стрыйковским из Кромера[217]).

Далее идет пространный рассказ о борьбе Витовта с Ягайлой (кончая известием о третьем побеге Витовта к крестоносцам в 1389 г.), построенный на основе польских хроник (Длугоша, Меховского и Кромера) и белорусско-литовских летописей, сведения которых об этом

---

[213] Там же, стр. 44.

[214] Там же, стр. 95.

[215] Stryjkowski, t. II, стр. 81. Полностью текст документа опубликован Н. Малиновским в примечании к труду Ваповского «Dzieje korony Polskiej», t. I. Wilno, 1847, стр. 74—77.

[216] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 80—81 и Kromer, стр. 414.

[217] Stryjkowski, t. II, стр. 83 и Kromer, стр. 414.

событий совпадают. Анализ этих известий Стрыйковского проделан И. Тихомировым [218].

Поход Ягайла на Литву в 1390 г. описан Стрыйковским по хронике Меховского [219]. Рассказ Стрыйковского о приходе в Литву Витовта с войском крестоносцев представляет собой соединение известий хроник Длугоша, Кромера и белорусско-литовских летописей. Летописи послужили Стрыйковскому источником сведений о князьях, взятых в плен в битве у Вильны в 1390 г. (Глеб Святославич Смоленский, Симеон Явнутович Чарторыйский, Глеб Константинович Заславский и Иван Львович) [220]. Правда, в сохранившихся летописях нет фамилий князей и не указан князь Иван Львович, но указаны князья Иван Тета и Лев Плаксич, которых нет у Стрыйковского. Князя Ивана Львовича среди убитых называет в своей хронике Кромер [221], но у него нет имен других князей, упомянутых Стрыйковским.

Стрыйковский более точно, чем другие авторы, определяет место, где произошла битва. Кромер пишет о месте «близко от Вильна», а в летописях сказано: «На реце Вилии у городка на месте, нарицаемом Вейшишки». Стрыйковский же указывает место в соответствии с существовавшими в его время названиями: «Недалеко от Вильны над рекой Вилией, в тех полях, где ныне усадьба Салтанов, которую в то время называли Сискинями,— и затем добавляет,— и гнали потом (отступавших.— *А. Р.*) под гору, где ныне находится епископство Верки» [222]. Вейкшишки или Эйкшишки — это местечко на реке Версоне, недалеко от города Лида, к югу от Вильна [223]. Столь точные указания Стрыйковского основаны на его собственном изучении местности. Это видно из следующего его замечания: «Ныне еще в этих местах находят старинные мушкеты, шпаги, забрала и мечи, а также заржавленные шпоры, и в Верках, епископской усадьбе, висит оружие, которое выпахали крестьяне» [224].

---

218 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 106.

219 Stryjkowski, t. II, стр. 87—88 и Mathius de Michoviae, стр. 186—187.

220 Stryjkowski, t. II, стр. 89 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 79, 92, 151, 165, 512.

221 Kromer, стр. 418.

222 Stryjkowski, t. II, стр. 89.

223 П. Семенов. Указ. соч., т. V, стр. 849.

224 Stryjkowski, t. II, стр. 89.

Новый приход Витовта с крестоносцами в Литву в 1391 г., осада им Вильна, строительство замков, смерть брата Ягайлы киевского князя Александра и мир, заключенный между Ягайлой и Витовтом (по Длугошу — в 1392 г.),— все эти события описаны Стрыйковским по хронике Кромера [225].

Следующее затем в Хронике Стрыйковского известие о выдаче Витовтом своей дочери Софьи за московского князя Василия Дмитриевича близко к соответствующему известию белорусско-литовских летописей, однако имеет и важные отличия. Стрыйковский пишет, что Софья Витовтовна и сопровождавшая ее свита ехали «через море в кораблях до Нарвы, лифляндского и московского порта, а оттуда через Псков и Великий Новгород». В летописце же Быховца сказано, что Софья ехала «к Пернову и к городу Пскову», а в других летописях просто — «к городу Пскову» [226]. Русские летописи пишут (под 1390 г.) только о прибытии Софии Витовтовны «в Новгород из Немец», также не упоминая о Нарве [227]. Обращает на себя внимание наименование Нарвы не только лифляндским, но и московским портом (вопрос об этом специально будет рассмотрен ниже). Впрочем, возможно, что данное описание пути Софьи Витовтовны — это догадка самого Стрыйковского.

В летописях и польских хрониках мы не найдем подробности, сообщаемой Стрыйковским: «...а свадьба с подобающими торжествами длилась четыре недели».

Ряд последующих известий Хроники, начиная с рассказа о выступлении Витовта совместно с Ягайлой против крестоносцев в 1392 г. и до известия об изгнании Владимира Ольгердовича из Киева, описаны Стрыйковским главным образом по хронике Меховского и белорусско-литовским летописям [228], что было в свое время проанализировано И. Тихомировым [229].

Однако И. А. Тихомиров в своем исследовании не обратил внимания на то место в Хронике Стрыйковско-

---

[225] Ср. там же, стр. 93 и Kromer, стр. 420.

[226] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 94 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 312, 386 и др.

[227] ПСРЛ, т. V, стр. 244; т. XXV, стр. 219.

[228] Stryjkowski, t. II, стр. 98—101 и Mathius de Michoviae, стр. 187; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 388, 452, 514—515 и др.

[229] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 106—107.

го, где говорится о новых владениях, полученных от Витовта Владимиром Ольгердовичем в виде компенсации за Киевское княжество, которое отошло Скиргайло. Стрыйковский пишет: «А Владимиру князю дал взамен замок Копыл с большими волостями, с лесами, с фольварками, с дворами и озерами, начиная от замка Копыла и до того места, где начинается Неман (на этом месте я сам был), вплоть до местечка Петркович и тех мест, где Случ впадает в Припять, а Припять — в Днепр, в границе в длину и ширину на тридцать с лишним миль; все это он ему выделил тогда по совету комиссаров, присланных королем Ягайло, и отдал в вечное владение ему и потомкам»[230]. Ни в русских летописях, ни в польских хрониках мы не найдем столь подробного и точного определения границ новых владений Владимира Ольгердовича. Точно очерченные границы по рекам и маленьким селениям (Петркович), точное указание длины границы, а также упоминание о том, кто производил размежевание,— все это едва ли не является свидетельством того, что источником Стрыйковского здесь послужил какой-то документ, быть может, текст договора Владимира с Витовтом или запись о размежевании земли. Этот документ или копию с него мог видеть Стрыйковский у князей Олельковичей-Слуцких. Напомним, что Стрыйковский некоторое время даже жил у одного из них (Юрия Юрьевича). Такое предположение тем более вероятно, что в XVI в. и Копыл, местечко к северо-западу от Слуцка[231], и Петрковичи или Петриков, местечко на реке Припяти к северо-западу от Мозыря[232], принадлежали князьям Олельковичам-Слуцким, почему у них и мог сохраняться в том или ином виде документ, определявший их наследственные владения.

Специальная глава в Хронике Стрыйковского посвящена Подолии. Она так и называется — «О Подолии пространное свидетельство». Глава эта построена на данных белорусско-литовских летописей. Об их использовании в этом месте Хроники писал в свое время И. А. Тихомиров[233]. Стрыйковским использованы также хроники

---

[230] Stryjkowski, t. II, стр. 103.
[231] П. Семенов. Указ. соч., т. II, стр. 721.
[232] П. Семенов. Указ. соч., т. IV, стр. 107.
[233] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 107.

Кромера и Меховского. Однако здесь мы находим у Стрыйковского не простую компиляцию перечисленных источников, а своеобразную полемику с Кромером. Вопрос заключался в том, кто был исконным владельцем Подолии — Польша или Литва, кто раньше из этих двух стран овладел Подолией. Летописи писали, что Подолия была отбита Кориатовичами у татар, а Кромер утверждал, что ее, как и всю южную Русь, завоевал польский король Казимир. Кромер ссылался на документы Краковского архива, согласно которым именно Польша передавала во временное владение Подолию литовцам, в том числе и Кориатовичам. Не опровергая достоверности этих документов и мнения Кромера, Стрыйковский указывает, что при Витовте Подолия безусловно принадлежала Литве. Витовт часть подольских замков уступил Ягайле, который в свою очередь продал их краковскому воеводе Спытко из Мелштина. После смерти Спытка подольские замки были возвращены Литве. И уже только после смерти Витовта поляки обманным путем (Стрыйковский пишет об этом, ссылаясь на Меховского) захватили Подолию. Таким образом, в острейшем для времени Стрыйковского вопросе о южнорусских владениях[234] Стрыйковский занял своеобразную компромиссную позицию: не отрицая, но и не присоединяясь к мнению о том, что в древности Подолия принадлежала Польше, он видит бесспорные права на владение Подолией и у Литвы. Такая позиция Стрыйковского объясняется, по-видимому, тем, что, будучи польским историком, он в то же время был тесными узами связан с литовской знатью, а с 1578 г.— и с литовским духовенством и целью своей Хроники поставил прославление Литвы. Со стороны Стрыйковского такая позиция была вполне осознана. Поэтому трудно согласиться с М. Симашкевичем, который не видит у Стрыйковского никаких самостоятельных взглядов на историю Подолии, а отличие его данных о Подолии от пропольского подбора известий у Длугоша и «хитрого», по словам Симашкевича, Кромера объясняет просто «недальновидностью» Стрыйковского, который «буквально списывал многие вещи»,

---

[234] См. об этом подробнее: М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства. М., 1915, стр. 294.

почему он якобы и «чаще проговаривается и высказывает правду»[235].

Об осаде Витовтом Витебска в 1396 г. Стрыйковский сообщает подробности, отсутствующие в летописях и польских хрониках. В летописце Быховца, например, об осаде Витебска сказано кратко: «И начали твердо города Витебска добывати и пушки поставили. Витебляне же не терпевше и подалися великому князю Витолду». Длугош, Кромер и Меховский вообще ничего не пишут об осаде. У Стрыйковского же находим развернутое описание осады: «И так штурмом и стрельбой непрерывно добывал оба замка (т. е. верхний и нижний.— *А. Р.*), но поскольку Свидригайло с лифляндскими немцами оборонялся мужественно и умело, то только едва через четыре недели Витовт взял нижний замок и затем, поставив пушки в глубоких окопах у каменной церкви в нижнем замке, обстреливал стены верхнего замка непрерывно днем и ночью, свидетелем чего и поныне служит каменная башня, обращенная к Двине и соединяющая нижний каменный замок с верхним деревянным; половина ее, отбитая и почти отрубленная Витовтом, стоит и поныне, но воеводами князем Стефаном Корибутовичем Збаражским и паном Станиславом Пацом она починена деревом. Эти руины смотрел я сам, когда там (в Витебске.— *А. Р.*) нес воинскую службу полтора года, в 1573 г.»[236] По-видимому, Стрыйковский пользовался при составлении этого рассказа какими-то неизвестными нам письменными источниками или весь он построен на основе изучения Стрыйковским следов разрушения крепости. Почти все сведения Стрыйковского могут быть умозаключениями из личных наблюдений, на которые он прямо и ссылается. Неясно в этом случае происхождение только одного известия: указание срока (4 недели), в течение которого Витовт осаждал нижний Витебский замок. Возможно, об этом Стрыйковский узнал из каких-то преданий, рассказанных «старыми витеблянами».

В приведенном отрывке нельзя не отметить и еще одной характерной для Стрыйковского черты. Стрыйков-

[235] М. Симашкевич. Римское католичество и его иерархия в Подолии. Каменец-Подольск, 1872, стр. 8—9.

[236] Stryjkowski, t. II, стр. 109.

ского интересуют памятники древности не только как исторические источники, но и сами по себе. Недаром он сообщает о дальнейшей судьбе крепостной стены в Витебске, о ее позднейших починках, что уже собственно и не относится к описываемым событиям.

Завоевание Витовтом Смоленского княжества в 1392 г. Стрыйковский ошибочно датирует временем около 1396 г. Прямо дата этого события им не указана вообще, но известие о нем Стрыйковский располагает после другого известия, точно датированного 1396 г. (начало войны Ягайла с Владиславом Опольским). Ниже Стрыйковский замечает, что Смоленск находился в литовском владении с 1396 г., но все равно остается неясно, считает ли он моментом присоединения Смоленска к Литве появление в нем зависимого от Витовта князя Глеба или относит его ко времени посылки туда Витовтом своего наместника. Литовские летописи не датируют известие о вокняжении Глеба, за исключением Супрасльской летописи, которая, как и целый ряд русских летописей (Новгородская I, Московский летописный свод[237]), относит его к 1395 г. Устюжский летописный свод помещает это событие под 1393 г.[238] Только Никоновская летопись датирует захват Смоленска Витовтом, как и Стрыйковский, 1396 г.[239]

Использование Стрыйковским в данном фрагменте Хроники литовских летописей отмечалось И. А. Тихомировым. Однако, анализируя этот рассказ, Тихомиров не обратил внимания на одну важную с источниковедческой точки зрения ссылку Стрыйковского на летописи. Сказав, что Витовт отдал завоеванный Смоленск брату покоренного князя Юрия Святославича — Глебу Святославичу, Стрыйковский далее замечает: «Свидетельствуют другие летописцы, что в то время Витовт, взяв Смоленск у непокорного Юрия Святославича, дал ему по своей доброте на Волыни Заслав, откуда ныне и существуют князья Заславские»[240]. Как видно из приведенного отрывка, у Стрыйковского были летописи, в одних

---

[237] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 46; т. XXV, стр. 255; Новгородская Первая летопись, стр. 387.

[238] Устюжский летописный свод, стр. 65.

[239] ПСРЛ, т. XI, стр. 161—162.

[240] Stryjkowski, t. II, стр. 110.

из которых имелось известие о передаче Смоленска Глебу, а в других говорилось только о передаче Юрию Заслава. Между тем в белорусско-литовских летописях (за исключением списков Археологического общества и Евреиновского, вообще не говорящих о наделах Витовта) имеется и то и другое известие вместе. Отсюда видно, что у Стрыйковского были отдельно те летописи, которые позже слились, вошли в состав известных в настоящее время летописей.

Следует отметить еще одну сторону рассматриваемого известия Стрыйковского. Он пишет, что Юрий Святославич получил от Витовта Заслав. И действительно, большинство летописей называет Заслав, правда, несколько видоизменяя это название: летопись по списку Красинского — Жославль [241], Рачинского — Жаславль [242]; Ольшевский список — Зеслав [243]; в летописи Быховца, а также в летописях по Супрасльскому и Уваровскому спискам читаем: «Отпустил тестя своего князя Глеба Святославича на великое княжение ко Смоленску. А князю Юрию Святославичу дал город Рославль» [244]. Поэтому нельзя согласиться с мнением исследователя истории Смоленской земли П. В. Голубовского о том, что в данном известии Стрыйковский создал «удивительную путаницу» и, между прочим, потому, что он «не разобрал рукописи, прочитал вместо Рославль — Заславль» [245].

Заславль назван Стрыйковским Волынским ошибочно. Речь здесь может идти о Заславе в Белоруссии около Минска. Именно этот город назывался нередко Жаславлем, Изяславлем (отсюда князья Ижеславские) [246], чем собственно и объясняется употребление в летописях указанных вариантов названия города.

Рассмотренное известие Стрыйковского показывает, что, хотя, как в этом можно было убедиться на целом ряде примеров, большинство литовских летописей, имев-

---

[241] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 169.
[242] Там же, стлб. 327.
[243] Там же, стлб. 453.
[244] Там же, стлб. 81, 95, 515—516.
[245] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 331.
[246] П. Семенов. Указ. соч., т. II, стр. 260; П. И. Раевский. Род царя, царевен и князей Шуйских и угасший род князей Мстиславских и Ижеславских. Париж, 1957, прил. II.

шихся у Стрыйковского, были близки к летописцу Быховца, но вместе с тем они имели и отдельные черты, не свойственные ему. По всей вероятности, во времена Стрыйковского литовские летописи еще не сложились в тот вид сводов, который известен нам.

П. В. Голубовский выдвигает в адрес Стрыйковского еще одно обвинение в путанице исторических данных. У Стрыйковского, по его мнению, вышло «два взятия Смоленска»[247]. Обвинение это трудно понять. Ведь все литовские летописи прямо говорят именно о двух взятиях Смоленска: когда там был князь Юрий Святославич и затем когда там уже сидел посаженный самим Витовтом Глеб Святославич.

В полном соответствии с литовскими летописями, как это и отмечал в свое время И. Тихомиров[248], Стрыйковский пишет затем о неблагодарности Глеба Святославича Витовту, о захвате его в плен Витовтом и о назначении наместником в Смоленск Явнута Борейковича.

Далее Стрыйковский, не указывая дат, пишет о двух походах Витовта. Часть войска во главе с князем Семеном Лингвеневичем Мстиславским Витовт отправил на Рязань, а другую во главе с воеводой Ольгердом — в «дикие» поля, в орду «Заволжскую и Задонскую», на татар. Об обоих этих походах, кроме Стрыйковского, сообщает и Кромер[249], на которого при описании похода воеводы Витовта Ольгерда Стрыйковский прямо и ссылается[250]. Это, однако, не дает основания видеть в хронике Кромера единственный источник рассматриваемых известий Стрыйковского. Дело в том, что сведения

---

[247] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 331.

[248] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 108.

[249] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 111 и Kromer, стр. 422.

[250] Об Ольгерде — воеводе Витовта, помимо Кромера и Стрыйковского, не упоминает ни один другой источник. Н. Дашкевич предполагал, что это вызвано сознательным приписыванием дел полководца делам великого князя, так как тем самым отодвигалось в большую давность окончательное завоевание Подолии Литвой, что играло большую роль в споре литовцев с поляками (см. Н. Дашкевич. Заметки..., стр. 88). Совершенно иной точки зрения придерживался Н. Молчановский. Он считал, что у Кромера «второпях великий князь Ольгерд превратился в Витовта полководца Ольгерда», поскольку в ряде литовских летописей (Уваровский, Супрасльский и Ольшевский списки) рассказ о битве на Синей Воде эпизодически включен в повествование о Витовте (см. Н. Молчановский. Указ. соч., стр. 176—177).

Стрыйковского имеют гораздо больше фактических подробностей, чем содержится в рассказе Кромера. Стрыйковский полностью сообщает имя князя Семена (так он назван у Кромера) — Семен Лингвеневич Мстиславский. Отчество «Лингвеневич» (точнее, языческое имя князя — Лынгвень; настоящее отчество его было Ольгердович) Стрыйковский мог взять из литовских летописей[251]. «Лынгвеневичем» Семена называют все литовские летописи, за исключением летописей по спискам Красинского и Быховца, которые правильно называют его Лынгвенем. Данное наблюдение еще раз свидетельствует о том, что, хотя большинство летописей Стрыйковского и было в основных чертах сходно с летописцем Быховца, они имели ряд сведений, находящих в настоящее время соответствие в других летописях.

Что касается наименования Семена Лингвеневича «Мстиславским», то это Стрыйковский мог сделать, исходя из родословий Мстиславских, ведших свое происхождение от Семена-Лингвеня Ольгердовича[252]. Описывая поход Литвы на татар, Стрыйковский отмечает, что на поле боя остались убитыми три татарских царевича, в чем «все летописцы согласуются». Последнее замечание Стрыйковского особенно важно. Оно свидетельствует, что у Стрыйковского были летописцы, имевшие сведения об этом походе. Среди сохранившихся белорусско-литовских летописей ни одна не имеет известий об этом походе. Но в то же время характерно, что и Кромер, упоминая об этих событиях (как уже говорилось, немного короче, чем Стрыйковский), также ссылался на летопись.

Недатированное Стрыйковским известие о свидании московского князя Василия Дмитриевича с Витовтом в Смоленске (согласно русским летописям — в 1396 г.) очень близко к белорусско-литовским летописям, но с одной важной особенностью: Стрыйковский указывает, что целью свидания князей был союз против Тамерлана[253]. Об этом ничего не говорится в русских летописях[254]. С другой стороны, очевидно, что Стрыйковский

---

[251] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 385, 501 и др.

[252] П. И. Раевский. Указ. соч., прил. II.

[253] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 111 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 389, 516 и др.

[254] ПСРЛ, т. XXV, стр. 226.

здесь вообще не обращался к московским летописям. Поэтому, видимо, Стрыйковский не сообщает даты описываемого события и ничего не пишет о пребывании митрополита Киприана в Смоленске вместе с московским князем. Сопоставляя между собой многочисленные списки литовских летописей, Стрыйковский вообще в своей Хронике ни разу не сравнил рассказ об одном и том же событии в московских и в литовских летописях. Это особенно хорошо видно как раз на примере рассмотренных выше смоленских событий, которым уделяют большое внимание как белорусско-литовские, так и русские летописи.

О походе Витовта на татар в 1397 г. Стрыйковский пишет, ссылаясь на Длугоша, Меховского и Кромера. Он передает и обе версии, объясняющие переселение татар в Литву: и Длугоша — о насильственном переселении их после похода Витовта, и Кромера — о том, что татары были призваны Витовтом в Литву для оказания помощи в борьбе с крестоносцами. Такое объединение двух версий имело свой смысл. Хотя Витовт и переселил в Литву после 1397 г. значительную часть татар как пленников, он в то же время раздавал им земли и наделял различными льготами, желая привлечь их в свои войска [255]. Как известно, татарские отряды действительно входили в состав литовских войск, в том числе и воевавших против крестоносцев (например, во время Грюнвальдской битвы) [256].

Битву Витовта с татарами на реке Ворскле (левый приток Днепра) Стрыйковский датирует и по летоисчислению от рождества Христова — 1399 г., как она датирована Длугошем, и 6906 г., т. е. годом от сотворения мира. Последнюю дату находим в белорусско-литовских летописях. По содержанию рассказ о битве при Ворскле также представляет собою соединение известий Длугоша (через посредство Кромера, на которого имеются ссылки) с известиями белорусско-литовских летописей [257]. Из летописей, по-видимому, взят только перечень убитых

---

[255] А. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857, стр. 11.

[256] Там же, стр. 16 и др.

[257] Stryjkowski, t. II, стр. 113—115; Kromer, стр. 428—429; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 97, 173, 281, 330, 391, 456, 517.

в бою литовских и русских воевод. Характерно прежде всего, что в этом перечне князь Андрей Полоцкий назван Стрыйковским Ольгердовичем. Так его называют и все летописи, за исключением летописца Быховца, который упоминает об Андрее Кейстутьевиче. Здесь мы видим еще один признак того, что в том виде, в каком летописец Быховца дошел до нас, он был неизвестен Стрыйковскому или, во всяком случае, не был представлен большинством летописей, имевшихся в распоряжении Стрыйковского.

Стрыйковский пишет, что особо активное участие в битве принимал Дмитрий Корибут. Он «ворвался со своими в гущу татар и долго рубил их». Известия об этом мы не находим ни в польских хрониках, ни в летописях [258].

О договоре Витовта с Ягайлой, заключенном в 1401 г., Стрыйковский пишет по Кромеру и летописцу Быховца (в других летописях этого известия нет), излагая параллельно и ту и другую версию [259]. Согласно Кромеру, договор предусматривал, что в случае отсутствия потомства у Витовта, Великое княжество Литовское перейдет непосредственно к короне польской. По летописцу же в соглашении указывалось, кроме того, что и в случае бездетности Ягайла польскую корону наследуют дети Витовта. Стрыйковский приводит эту вторую версию, предваряя ее замечанием: «Но русские и литовские летописцы постановление иначе описывают», а в конце отмечает: «...мне кажется, что это достоверно, ибо старые писцы-литовцы соблюдали правду» [260].

Из приведенного отрывка видно, что Стрыйковский не знал подлинного текста договора 1401 г., ибо в нем как раз нет статей, добавленных летописью [261]. Очевидно, что статьи появились в летописях в связи с борьбой литовской шляхты за свои права, так как они утверждали равноправие Литвы с Польшей.

---

[258] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 113—115; Kromer, стр. 428—429; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 97, 173, 281, 330, 391, 457, 517.

[259] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 118; Kromer, стр. 431—432; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 523. Стрыйковский ссылается и на Длугоша. Однако в его хронике о договоре 1401 г. ничего не сказано (см. Długosz, t. III, стр. 511—515).

[260] Stryjkowski, t. II, стр. 118.

[261] Codex epistolaris Witoldi. Kraków, 1882, стр. 71.

Войны Витовта 1403—1414 гг. и заключение Городельской унии Стрыйковский описывает, используя фактические данные хроник Длугоша, Меховского и Кромера [262], а рассказ о походе Витовта на Смоленск в 1401 г. и его войне с московским князем Василием Дмитриевичем в 1406 г. описывает в полном соответствии с летописцем Быховца [263].

Грюнвальдская битва 1410 г. пространно описана Стрыйковским в стихах на 11 страницах и представляет собой стихотворное переложение соответствующего описания в хронике Длугоша [264]. Добавлений Стрыйковского к Длугошу очень немного: это известия о том, что среди пленных, взятых поляками, находились «возницы, повара, немки и юнкеры» [265], а также имена литовских воевод: Иван Зедевич и Ян Гастольд. Второе из названных известий содержит только летописец Быховца [266]. Другие специфические сведения летописца о битве Стрыйковским не учтены (например, о том, что немцы приготовили скрытые ямы, куда и попадали некоторые литовцы и поляки).

Обращает на себя внимание рассказ Стрыйковского о подчинении Витовтом Великому княжеству Литовскому Пскова и Новгорода в 1414 г. Известие об этом, кроме Хроники Стрыйковского, имеется только в летописце Быховца, правда, без указания даты [267]. Никакие другие источники, в том числе новгородские и общерусские летописи, не имеют об этом ни малейшего упоминания. Есть все основания думать, что сам факт подчинения

---

[262] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 118—148, 152; Długosz, t. III, стр. 527, 552; Mathius de Michoviae, стр. 202—203; Kromer, стр. 442, 476—477.

[263] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 118, 123—124 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 517—519.

[264] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 128—138 и Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М., 1962.

[265] Историк польской армии Т. Корзон не придает серьезного значения этому известию Стрыйковского, определяя его как вымысел или легковерность по отношению к и без того раздутым в польских источниках данным о численности убитых и пленных крестоносцев. (T. Korzon. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce, t. I. Kraków, 1912, стр. 123).

[266] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 522.

[267] Stryjkowski, t. II, стр. 140 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 520—521.

Витовтом Новгорода и Пскова недостоверен[268]. Однако для нас известие Стрыйковского важно с источниковедческой точки зрения.

Сравнивая рассказ летописца Быховца с известием Стрыйковского, мы находим у последнего ряд важных особенностей и дополнительных сведений. Стрыйковский сообщает, что Витовт начал поход с переправы через Двину и Дриссу, после чего он осадил Себеж, «пригородок псковский», который ему сдался. О псковичах Стрыйковский делает довольно странное замечание: «Они всегда были склонны к московскому князю и к лифляндским крестоносцам из-за общих границ и торговли и помогали им часто против Литвы». Никаких исторических фактов, подтверждающих известие о совместных выступлениях псковичей и крестоносцев против Литвы, однако, не имеется.

Размер дани, наложенной Витовтом на псковичей, Стрыйковский определяет по Быховцу: 5000 немецких фрезов и по полсорока каждой породы меха в год. Но далее Стрыйковский поясняет, что эти 5000 немецких фрезов псковичи выплачивали из числа тех 50 тысяч, «которые они доставали из Нарвы, порта своего и лифляндского»[269]. Фрезы — это порода коней; как поясняет летописец Быховца, их раньше называли hunsty.

Достоверно ли известие Стрыйковского о том, что Нарва являлась не только лифляндским, но и псковским портом? Упоминание о существовании русского поселения Новое Село около Нарвы имеется в псковских летописях. Так, под 1473 г. сообщается, что псковские посадники и бояре были посланы «в Новое село на Нарову»[270]. В это же Новое Село в 1483 г. прибыли новгородские бояре «на съезд под Ругодив с немцы»[271]. Село было довольно значительным по размерам: оно имело более сорока дворов, и летописец называет его «великим местом»[272].

Вероятно, именно Новое Село имел в виду А. М. Курб-

---

[268] В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.— Л., 1961, стр. 205.

[269] Stryjkowski, t. II, стр. 151.

[270] Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 193.

[271] ПСРЛ, т. XXV, стр. 330.

[272] В. В. Косточкин. Топография Ивангорода в XVI в. «Советская археология». 1961, № 3, стр. 262.

ский, писавший в «Истории о великом князе московском» о порте новгородцев как источнике их богатства: «...бо мают от самого места порт к морю, сего ради и богати зело бывают»[273]. Этот порт, видимо, и являлся началом знаменитого Лужского торгового пути новгородцев, проходившего по рекам Луге, Мшаге, Шелони, а затем по Ильменю и Волхову[274].

Известие о покорении Витовтом Великого Новгорода почти совпадает с соответствующим известием Быховца. Правда, у Стрыйковского было две разновидности летописи: в одних летописцах говорилось, что новгородцы выплачивали Витовту «по десяти сороков всякого меха», тогда как в других (или, как пишет Стрыйковский, «хотя другие летописцы кладут») — по сороку. Летописец Быховца имеет первый вариант. Кроме того, как пишет Стрыйковский, новгородцы выплачивали Витовту 10 тыс. золотых и 100 немецких фрезов. Летописец Быховца пишет тоже о 10 тыс. золотых, но указывает только 40 фрезов. Отсюда видно, что у Стрыйковского были различные варианты летописцев типа Быховца.

Большой интерес представляет известие Стрыйковского о «начале дружбы турецкой с Польшей и Литвой» в 1415 г. Стрыйковский пишет: «А с того времени (т. е. с 1415 г.— *А. Р.*) идет начало турецкой дружбы с Польшей и Литвой. Мне в Константинополе 1574 г. отуреченный венгерский монах Амурат показывал [это известие] в турецких хрониках»[275]. Хотя сам текст этого договора неизвестен и само упоминание о нем Стрыйковского до сих пор не привлекало внимания исследователей, он представляется вполне возможным, если учесть общий характер польско-турецких отношений этого времени. Польша в начале XV в. стремилась к сближению с Турцией перед лицом опасности со стороны германского императора и венгерского короля Сигизмунда Люксембургского. Сигизмунд, женатый на дочери венгерского и польского короля Людовика, давно добивался польской короны, но не получил ее. Сигизмунд всячески подстрекал орден против Польши. В 1411 г., после

---

[273] Сочинения князя Курбского, т. I. СПб., 1914, стр. 320.

[274] О Лужском торговом пути см.: А. Н. Никитский. Очерки экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 107.

[275] Stryjkowski, t. II, стр. 153.

Грюнвальда, он заключил союз с орденом, направленный против Польши.

Таким образом, война между Польшей и Турцией в таких условиях была бы невозможна для Польши, и наоборот, естественно стремление Польши укрепить союз с Турцией. Показательно в этом отношении, что Польша сквозь пальцы смотрела даже на нападение турок на своих ленников, как, например, в 1420 г. на молдавского воеводу Александра[276]. В связи со сказанным выше известие Стрыйковского представляется не только весьма правдоподобным, но и очень важным для понимания польско-турецких отношений этого времени. Указание же Стрыйковского на соответствующее известие турецких хроник особенно интересно, поскольку о нем ничего не упоминает Гаммер, тщательно изучивший большое количество турецких хроник.

Следующее затем известие Стрыйковского о греческом посольстве к Ягайле и Витовту в 1415 г. находит полное соответствие в хрониках Длугоша и Кромера[277].

В известиях Стрыйковского о последующих событиях в Великом княжестве Литовском в период правления Витовта мы почти не найдем оригинальных сведений по сравнению с польскими хрониками Длугоша, Меховского, Кромера[278] и летописцем Быховца[279]. На последнее обстоятельство указывал в своем исследовании И. Тихомиров[280]. Впрочем, полного соответствия известия в дошедшем до нас списке летописца Быховца с тем, что сообщали летописцы Стрыйковского, мы не найдем. Так, о четвертой женитьбе Ягайла в 1422 г. Стрыйковский пишет, ссылаясь на «десять летописцев русских и несколько литовских». Согласно этим источникам, Софья, жена Ягайла, была дочерью друцкого князя Андрея Ивановича. Но у Стрыйковского имелись

---

[276] B. Stachon. Polityka Polski wobec Turcji i akcji antytureckiej w wieku XV do utraty Kilji i Białogrodu (1448). «Archiwum Towarzystwa Nauk we Lwowie». Dz. II, t. VII, zesz. 2. Lwów, 1930.

[277] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 153; Długosz, t. IV, стр. 173—174; Kromer, стр. 478.

[278] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 153—173; Długosz, t. IV, стр. 174, 182—183, 335, 368; Mathius de Michoviae, стр. 195—198; Kromer, стр. 483, 500, 504.

[279] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 522—527.

[280] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 109.

и «некоторые литовские летописцы», которые, как он говорит, «значительно ошибались и в отношении времени и самого события». В них свадьба датировалась 1405 г. и говорилось, что Софья была дочерью Андрея Ольгимунтовича Гольшанского. Из всех известных белорусско-литовских летописей о Софье, жене Ягайла, говорится лишь в летописце Быховца, причем она названа там дочерью Андрея Ольгимунтовича Гольшанского [281].

Завершая рассказ о правлении Витовта, Стрыйковский приводит сочиненную им похвалу Витовту. Этим он как бы следует традиции белорусско-литовских летописей. В соответствии с ними Стрыйковский особой заслугой Витовта считает то, что по его желанию возводились на престол татарские цари [282]. Но ряд других фактов, использованных Стрыйковским в похвале, он заимствует у Кромера: это упоминание о том, что Витовт отбирал богатство у одних и отдавал другим, умножая при этом и свои сокровища, а также о том, что Витовт никогда не пил вина и пива [283].

Вступление Свидригайло на литовский великокняжеский престол после смерти Витовта описано Стрыйковским близко к хроникам Длугоша и Кромера [284]. Отличие заключается в том, что Стрыйковский называет имя еще одного кандидата на литовский престол после смерти Витовта — князя Олелько Владимировича, предка князей Слуцких. Этого известия мы не находим и в белорусско-литовских летописях. Скорее всего, оно взято Стрыйковским из каких-нибудь фамильных материалов Слуцких.

Подробно рассматривать источники и характер известий Стрыйковского о событиях в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV столетия было бы малоинтересно. Круг его источников все тот же: Длугош, Меховский, Кромер (главным образом), летописец типа Быховца и ряд других белорусско-литовских летописей, использование которых Стрыйковским прослежено

---

[281] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 159—160 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 518.

[282] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 66, 178, 284, 335, 395, 481.

[283] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 175 и Kromer, стр. 509.

[284] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 177—178; Długosz, t. IV, стр. 385—386; Kromer, стр. 510—511.

И. Тихомировым[285]. Почти ни одного оригинального известия по сравнению с этими памятниками за этот промежуток времени мы у Стрыйковского не найдем. Исключение составляет красочное описание Стрыйковским битвы у Вилькомира (неподалеку от Каунаса) в 1435 г. Правда, Стрыйковский и здесь сопровождает свое повествование ссылками на Меховского и Кромера. Но сочинения этих авторов далеко не являлись в этом месте Хроники единственными источниками Стрыйковского, поскольку у него имеется целый ряд оригинальных, по сравнению с ними, сведений и подробностей. Это прежде всего известие о том, что Свидригайло вторгся в Литву «с князем тверским, московским и с царем казанским». Ниже Стрыйковский называет тверского князя Ярославом и говорит, что он в бою «отдал смерти мыто», т. е. был убит. В том же бою был убит и князь Михаил Вяземский. Об участии в бою под Вилькомиром князя Михаила Львовича Вяземского сведения имеются во всех белорусско-литовских летописях (по спискам Супрасльскому, Уваровскому, Академическому, Красинского, Археологического общества, Рачинского, Евреиновскому, Ольшевскому и Быховца), но о тверском князе Ярославе как участнике Вилькомирского боя летописи ничего не сообщают[286]. О посылке Борисом Александровичем «силы городецкой» во главе с князем Ярославом на помощь Свидригайлу говорит «Тверской сборник»[287]. Известие же об участии в бою московского князя и татарского царя не находит соответствия ни в одном из известных источников, в том числе и в общерусских летописях, и представляется вообще маловероятным. Прежде всего, в 1435 г. великий князь московский Василий Васильевич вел ожесточенную борьбу с Василием Косым и потому едва ли мог лично оказать помощь Свидригайлу. Далее, трудно себе представить, какого казанского царя имеет в виду Стрыйковский в данном известии. Казанское ханство возникло уже после 1435 г.: либо в 1445 г.,

---

[285] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 178—199; Długosz, t. IV, стр. 390—392, 549; Mathias de Michoviae, стр. 211; Kromer, стр. 511, 516, 519, 522—523, 545—546; И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 199.

[286] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 61, 105, 133, 179, 285, 335, 396, 461, 530 и стр. 463 и 532.

[287] ПСРЛ, т. XV, стр. 489.

как считал В. В. Вельяминов-Зернов[288], либо в 1438 г., как об этом пишет в своем недавно вышедшем труде «Распад Золотой Орды» М. Г. Сафаргалиев[289].

Указание дня, когда произошла битва («день св. Семена», т. е. 1 сентября), дано Стрыйковским в соответствии с летописями.

Неудачная попытка Свидригайла примириться с польским королем Владиславом в 1437 г. и нападение татар на Подолию описаны Стрыйковским по Меховскому и Кромеру[290].

Летописные источники рассказа Стрыйковского (летописи типа Быховца) об убийстве великого князя литовского Сигизмунда были проанализированы в свое время И. А. Тихомировым[291]. Им был отмечен ряд отличий известий Стрыйковского от летописей. Их И. А. Тихомиров относит «на счет той редакции литовских летописей, которою пользовался Стрыйковский».

Следы крови Сигизмунда в Трокском замке Стрыйковский, как он пишет, видел сам: «И след этой крови мне показывали в этом замке в 1576 г.»[292] Упоминание о том, что в башне Трокского замка и «доднесь» есть следы крови, содержится и в летописце Быховца[293]. У нас нет оснований не доверять словам Стрыйковского о том, что он сам видел эти следы. Иначе бессмысленно было бы точное указание Стрыйковским года (1576 г.), когда ему их показывали.

Известие о митрополите Исидоре (его пребывание в польском городе Судече по пути из Рима в Москву и изгнание из Москвы) передано Стрыйковским под 1440 г. близко к Меховскому[294].

Известия об избрании Казимира на литовский престол в 1440 г. и первых годах его правления вплоть до восстания в Литве и Жмуди Стрыйковский передает,

---

288 В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1. СПб., 1863, стр. 11.

289 М. Г. Сафаргалиев. Указ. соч., стр. 249.

290 Stryjkowski, t. II, стр. 198—199; Mathius de Michoviae, стр. 211; Kromer, стр. 545—546.

291 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 110—111; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 533—534.

292 Stryjkowski, t. II, стр. 204.

293 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 534.

294 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 205 и Mathius de Michoviae, стр. 212.

ссылаясь на Меховского, Длугоша, Кромера, Ваповского и летописи [295]. Эти известия были проанализированы И. А. Тихомировым [296]. Однако он слишком ограничил диапазон летописей, которыми пользовался Стрыйковский, указав что эти известия имеют сходство только с летописцем Быховца. Так, известия о восстании в Смоленске в 1444 г. содержатся и в ряде других списков, например, таких, как Красинский, Рачинский и Евреиновский [297]. Тот же недостаток в исследовании И. А. Тихомирова можно отметить и при разборе им следующего использованного Стрыйковским летописного известия — о взятии в плен московского князя Василия Васильевича Улу-Махометом (у Стрыйковского он назван просто Махметом). Известие это имеется не только в так называемом Кратком своде летописей (Рачинского, Красинского и т. п.), но также и в более полных сводах Археологического общества, Евреиновском, Ольшевском [298]. Впрочем, ставить Тихомирову в вину эти пропуски не приходится, поскольку все эти летописи были напечатаны уже после выхода в свет труда И. Тихомирова.

В передаче Стрыйковским рассказа о пленении Василия Васильевича есть одна важная особенность, не отмеченная Тихомировым. Сообщив, что князь был пойман татарским царем, Стрыйковский пишет далее: «Но более вероятно, что едва успел скрыться с малой дружиной». Что послужило основанием для такого предположения, неясно.

О военном столкновении, происшедшем между московскими и польско-литовскими войсками, Стрыйковский рассказывает, датируя его 1442 г., с многочисленными отличиями по сравнению с белорусско-литовскими летописями. Стрыйковскому известны имена литовских воевод (Станислав Кишка, Женович и два Радзивилла), которых летописи называют просто «воеводы». Важны и такие сведения Стрыйковского: притворно отступая, Кишка привел московские отряды к войскам Женовича и Радзивиллов. Литовцы напали на московские войска с трех сторон и затем гнали их на расстоянии двух миль.

[295] Stryjkowski, t. II, стр. 206—207.
[296] И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 111.
[297] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 183—184, 338—339, 399—400.
[298] Там же, стлб. 289, 401, 468.

Общую численность московских войск Стрыйковский определяет в 15 тысяч человек, тогда как известные нам летописи говорят всего о 500 воинах [299].

Не ясно, откуда Стрыйковский взял датировку литовско-московского столкновения. Длугош, Кромер и Меховский вообще не упоминают об этом событии. Белорусско-литовские летописи указывают разные годы. По списку Археологического общества — это 1438 год. По Евреиновскому списку получается двойная, противоречивая датировка: с одной стороны, проставлен 1447 год, а с другой — сказано, что столкновение произошло «третьего году княжения Казимира», т. е. в 1443 г., поскольку выше та же летопись датирует вокняжение Казимира 1440 г. Супрасльский и Уваровский списки указывают 1445 г.

Русские летописи (Софийская I и II) упоминают об интересующих нас событиях под 1445 г., правда, при этом они пишут только о литовском нападении, ничего не говоря о предшествовавшем ему наступлении русских войск на Брянск и Вязьму [300].

Дату, предложенную Стрыйковским, едва ли можно принять, учитывая, что 1442 год — это время острой борьбы великого князя московского Василия Васильевича с Шемякой [301]. Отвергать же дату русских летописей нет никаких оснований.

Известия о возвращении Михаила Сигизмундовича на великокняжеский литовский престол, его попытка захватить Казимира во время охоты и затем после неудачи бегство Михаила в Москву, а также возвращение Киева Олельку Ольгердовичу, возвращение Свидригайла из Валахии в Литву, смерть Довгирда и назначение Казимиром Хаджи-Гирея перекопским царем по просьбе татар — все эти известия находят полное соответствие в летописце Быховца, что и было отмечено И. Тихомировым [302]. Заметим, что вообще о событиях второй половины XV в. можно найти известия только в летописце Быховца. Остальные белорусско-литовские летописи

[299] Stryjkowski, t. II, стр. 210—211 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 288—289, 400, 466—467, 541.

[300] ПСРЛ, т. V, стр. 267 и т. VI, стр. 170.

[301] ПСРЛ, т. V, стр. 267.

[302] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 211—213 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 541—544. См. также: И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 111—112.

имеют за этот период большой пропуск. Дальнейшая борьба Михаила Сигизмундовича с Казимиром и рассказ о сеймах 1449 и 1450 гг. описаны Стрыйковским по Кромеру [303].

С источниковедческой точки зрения представляет интерес известие Стрыйковского о съезде польских и литовских панов в Парчове в 1451 г. Стрыйковский приводит две версии рассказа: по Кромеру и Ваповскому, согласно которой на съезде мирно происходили переговоры относительно Подолии и Волыни, и по летописям, сообщающим о том, что поляки задумали во время переговоров перебить литовских панов. «Летописцы же русские и литовские, которых я согласовал 12, иначе описывают результат этого съезда»,— замечает Стрыйковский. Стрыйковский называет 12 летописцев, в которых имелись известия о Парчовском съезде. Между тем из всех сохранившихся белорусско-литовских летописей рассказ об этом событии мы находим только в летописце Быховца. Иными словами, у Стрыйковского имелось 12 летописцев, сходных с летописцем Быховца, что лишний раз указывает на такой вид летописи как основной вид белорусско-литовской летописи у Стрыйковского.

В рассказе о Парчовском съезде обращает на себя внимание еще одна черта. Рассказ этот, несмотря на близость с Быховцем, не идентичен с ним, как это полагал И. Тихомиров [304]. Так, по сообщению Стрыйковского, передающего, как он сам отмечает, слова летописи, поляки хотели литовских панов «поймать и осадить», тогда как у Быховца — «порезати» [305]. Далее у Стрыйковского говорится, что литовцы встали отдельным обозом под Парчовым, о чем не говорится у Быховца. Очевидно, эти известия содержались лишь в некоторых из различавшихся между собой списков Быховца, бывших у Стрыйковского, которые не дошли до нас. Неслучайно Стрыйковскому понадобилось согласовывать свои летописцы.

Смерть Свидригайла и набеги татар в 1452 г., а также сеймы, происходившие в 1453 г. «Сирадзский, Парчовский и Петроковский), и присоединение Пруссии к Польше в 1454 г. Стрыйковский описывает по Кромеру [306].

---

303 Stryjkowski, t. II, стр. 226—231 и Kromer, стр. 574—581.
304 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 112.
305 Stryjkowski, t. II, стр. 232 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 545.
306 Stryjkowski, t. II, стр. 233—240 и Kromer, стр. 586—589.

Описание неудачной битвы, происходившей в 1454 г. под Хойницами между королем Казимиром и прусским магистром, передано Стрыйковским, по его собственным словам, по прусским хроникам, «некоторым русским и литовским летописцам», Длугошу, Кромеру, Меховскому, Ваповскому и др. Наиболее недостоверными известиями об этих событиях Стрыйковский считает сведения летописей. Он дает подробный разбор их неточностей в разделе, озаглавленном «Ошибки литовских летописцев о времени, месте и неприятеле в этом поражении Казимира». Все то, что опровергает Стрыйковский как ошибочное, мы действительно находим в летописце Быховца[307]. Очевидно, уже не во всех своих летописях Стрыйковский мог найти известие о битве, если замечает, что об этом говорят только «некоторые летописцы».

В тех летописях, где имелся этот рассказ, он, по-видимому, был не одинаков. Во всяком случае, Стрыйковский счел необходимым заметить, что в сообщении о пяти литовских панах, оберегавших во время боя короля, «все летописцы согласуются». Таким образом, можно предположить, что по другим вопросам показания летописи были различными.

Стрыйковский пишет о пяти ошибках летописцев. Первая из них заключается в том, что Казимир сражался не с чешским королем Юрием Подебрадом, как утверждает летопись, а с магистром, ибо Подебрад, как пишет Стрыйковский, «не был еще чешским королем». Битва происходила под Хойницами, как об этом пишут все хронисты, тогда как летописи свидетельствуют, «что туда король бежал после поражения». Это Стрыйковский считает невозможным по двум причинам: во-первых, потому, что Хойницами владели крестоносцы, а, во-вторых, расстояние между Вроцлавом и Хойницами очень велико. И в самом деле, бегство короля из Вроцлава в Силезии, где происходило сражение по данным летописей, на север Польши, где находятся Хойницы, выглядит бессмысленно. По этой же причине невероятным Стрыйковский справедливо считал и показание летописи о том, что король упорядочил и выстроил войска в Хойницах, откуда и направился во Вроцлав.

---

[307] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 241—247 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 546—547.

Ошибочным Стрыйковский считает известие летописцев о том, что на войну с чешским королем Казимир отправился по просьбе вроцлавян и других жителей Силезии. На деле, как пишет Стрыйковский, с такой просьбой к королю вроцлавяне обратились лишь в 1459 г., но с Юрием Подебрадом он не воевал ни в это время, ни позже. В подтверждение этого Стрыйковский делает, пользуясь материалами хроник, экскурс в историю польско-чешских отношений во времена правления Казимира.

К вопросу об ошибках литовских летописцев в связи с описанием битвы под Хойницами Стрыйковский возвращается и несколько ниже. Он старается объяснить происхождение ошибок летописцев. Стрыйковский полагает, что летописца могло ввести в заблуждение упоминание об участии чехов в составе войск крестоносцев в битве под Хойницами: «В то время Литва, помогая полякам, сражалась с чешскими солдатами-крестоносцами и одержала над ними победу, а дьяк, полагая, что это битва была с чешским королем, написал об этом в летописце» [308]. Такая ошибка была, по мнению Стрыйковского, тем более возможна, так как «тогда писари, литовцы и русские, были простаки, а чаще у них в писарях служили московиты, которым были незнакомы чужие дела» [309]. На полях своего печатного издания Стрыйковский по этому поводу еще раз замечает: «У Литвы перед этим всегда московиты были писарями». Эти замечания Стрыйковского чрезвычайно интересны. Характерно, что Стрыйковский здесь не путает «русских», живших в пределах Великого княжества Литовского (т. е. белорусов и украинцев), с русскими из Московского государства. В связи с этим нельзя не вспомнить о знаменитом письме Василия Дмитриевича Ермолина по поводу переписки книг для королевского писаря Якуба в Москве [310]. Известие Стрыйковского свидетельствует о том, что не только посылались заказы в Москву, но, по-видимому, и в Литву приглашались москвичи для переписки книг.

Под 1455 г. Стрыйковский сообщает о восстании панов и шляхты, поднятом в Литве Яном Гастольдом. Вос-

---

308 S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 256.

309 Там же, стр. 255.

310 А. Д. С е д е л ь н и к о в. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV в. «Известия АН СССР», серия VII, 1930, № 4, стр. 223—227.

ставшие требовали возвращения Литве Волыни. «А такой смелости,— замечает Стрыйковский,— Литве придала война (Польши.— *А. Р.*) с Пруссией». Королю, однако, удалось уговорить восставших. Литва даже согласилась помочь Польше в ее борьбе с крестоносцами и послала конное войско (8 тысяч человек), а также 80 тысяч золотых. Каков источник сообщения Стрыйковского о смуте в Литве, не ясно, но что касается известия о посылке литовцами войск и денег, то оно находит соответствие в летописце Быховца [311] и отмечено Стрыйковским словами «как летописец литовский свидетельствует».

Смерть киевского князя Олелько Владимировича, о которой далее пишет Стрыйковский, датирована им «1455 г. от рождества Христова и 6964 г. от сотворения мира» [312]. Между двумя датами как будто бы имеется несоответствие: неверна либо первая, либо вторая дата, т. е. должно быть или 1456 г. или 6963 г. В летописце Быховца находим третью дату смерти Олелько — 6962 г., т. е. 1454 г. [313] Какой из трех названных дат следует отдать предпочтение? 1454 год, т. е. дата Быховца, как время смерти Олелько неприемлем во всяком случае, так как сохранился документ, выданный Олелько 1 февраля 1455 г. [314] Даты, предложенные Стрыйковским, заслуживают большего доверия, т. е. смерть Олелько надо относить или к 1455 г. (после 1 февраля), или к 1456 г. Если же допустить, что смерть наступила где-то в промежутке времени с сентября (когда начинается новый год) по декабрь 1455 г., т. е. когда уже по русскому летоисчислению шел 6964 г., то кажущееся противоречие в датировке Стрыйковского будет устранено.

Следующее затем сообщение Стрыйковского о разделе королем Казимиром владений Олелько между его сыновьями Симеоном и Михаилом находит полное соответствие в летописце Быховца [315]. А ряд последующих событий от Петроковского сейма 1456 г. и до войны литовских татар в землях Эрика Штетинского изложены Стрыйковским в полном соответствии с хроникой Кромера, хотя

---

311 Ср. S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 248 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 548.
312 Ср. S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 248.
313 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 549.
314 П. Г. К л е п а т с к и й. Указ. соч., стр. 55.
315 Ср. S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 248—249 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 549—550.

Стрыйковский ссылается не только на этот труд, но и на хронику Длугоша [316].

Далее Стрыйковский сообщает о смерти матери Казимира — королевы Софьи и в связи с этим снова опровергает летописца, считающего Софью дочерью князя Гольшанского. Стрыйковский пишет, что Софья была дочерью друцкого князя Андрея Ивановича и далее замечает: «Из этого же дома происходит святой и славный гетман Константин, князь Острожский, ибо князья Острожские и Заславские ведут свою генеалогию от [князей] киевских и друцких» [317]. Это замечание Стрыйковского представляет значительный интерес, поскольку происхождение рода князей Острожских остается невыясненным. Наиболее распространена точка зрения М. А. Максимовича о происхождении рода Острожских от туровских и пинских князей. Это было установлено М. А. Максимовичем на основании записей в помяннике Киево-Печерской лавры [318]. Первым Острожским князем следует считать Дмитрия Юрьевича, сына Пинского князя Юрия Владимировича, упомянутого Ипатьевской летописью под 1264 г. Из дальнейшего родословия Острожских, составленного Максимовичем, видно также, что князья Заславские (на Волыни) происходят от князей Острожских:

Дмитрий Юрьевич Острожский (XIII в.)
|
Даниил Дмитриевич Острожский (XIV в.)
|
Федор Данилович Острожский (ум. ок. 1441 г.)
|
Василий Федорович Острожский (ум. 1461 г.)
| |
Иван Васильевич Острожский (XV—XVI вв.) — Юрий Васильевич Заславский (XV—XVI вв.)
|
Константин Иванович Острожский (ок. 1460—1532 гг.)

Таким образом, генеалогия Острожских князей подтверждает сообщение Стрыйковского об их родстве

---

[316] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 249—261 и Kromer, стр. 610—611, 618, 628, 631—634.

[317] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 261.

[318] М. А. Максимович. Письма о князьях Острожских.— Сочинения, т. I. Киев, 1876, стр. 166—172.

с князьями Заславскими. В свою очередь князья Заславские были связаны родственными отношениями с князьями Друцкими. Княжна Мария-Марина Ивановна Заславская (Ижеславская) вышла замуж за князя Ивана Васильевича Друцкого (начало XVI в.), а дочери наместника минского Богдана Ивановича Заславского — Анна, Мария и Томисла — были замужем за князьями Янушем Романовичем Друцким-Любецким, Василием Юрьевичем Друцким-Толочинским и Григорием Федоровичем Друцким-Горским [319].

Стрыйковский пишет также и о родстве Острожских и Заславских с киевскими князьями. Трудно сказать, каких киевских князей Стрыйковский здесь имеет в виду: великих киевских князей периода домонгольской Руси, от которых ведут свое начало пинские и туровские князья, а следовательно, и князья Острожские, или киевских князей уже литовского периода, т. е. Олельковичей, впоследствии князей Слуцких. Второй вариант также возможен, так как Острожские были в родстве с князьями Слуцкими: второй супругой Константина Ивановича Острожского была дочь Семена Михайловича, внука князя Олелька киевского [320].

Поражение крестоносцев под Нессовым и Пуцком от поляков и помогавших им литовских татар в 1462 г. Стрыйковский описывает в стихах, ссылаясь на Длугоша, Меховского, Кромера, Ваповского и Бельского. Впрочем, ни один из этих авторов не передает в таком виде, как Стрыйковский, название города Нессов (при впадении Ляпинки в Вислу). Все другие авторы называют Нешавы [321]. Такой вариант названия, видимо, также существовал, поскольку Стрыйковский пишет, что он сам бывал в этом городе («куда я часто приезжал»).

Следующие литовские известия Хроники — о безрезультатном польско-литовском сейме в 1465 г. (съезд был неудачным из-за неудобства этого места и из-за непогоды) и о нападении крестоносцев на Жмудь в том же 1465 г.— описаны с прямой ссылкой на Кромера, причем соответствующие листы книги указаны как по первому,

---

[319] П. И. Раевский. Указ. соч., прилож. II.

[320] Русский биографический словарь. Вып. «Обезьянинов — Очкин». СПб., 1905, стр. 460.

[321] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 262—265; Długosz, t. V, стр. 329; Kromer, стр. 641; Wapowski, t. III, стр. 460.

так и по второму изданиям его хроники [322]. Тот же источник использован Стрыйковским при описании поездки Казимира в русские города Полоцк, Витебск и Смоленск в 1470 г., а также в рассказе о назначении королем Гастольда киевским воеводой в 1471 г. и протесте против этого киевлян [323]. Передав последнее из этих известий, Стрыйковский ссылается также и на «летописцев». Как раз в этом месте текст летописца Быховца имеет большой пропуск, на который, вероятно, и приходится известие о назначении Мартина Гастольда киевским воеводой. Другие летописи вообще не упоминают о нем.

Далее к истории Литвы у Стрыйковского относится известие в связи с рассказом о войне короля Казимира против венгерского короля Матиаша в 1474 г. «Послал король Казимир сыну двадцать четыре тысячи золотых червонцев на военную помощь, а эту сумму он получил, как свидетельствуют русские и литовские летописцы, из литовской казны». В белорусско-литовских летописях, на которые здесь ссылается Стрыйковский, этого известия нет. Стрыйковский вообще сравнительно редко ссылается на летопись и пользуется ею при описании событий второй половины XV в., хотя рассматриваемое известие 1474 г. и показывает, что в летописцах Стрыйковского известий за это время имелось больше, чем в дошедших до нас списках белорусско-литовских летописей [324].

Далее Стрыйковский пишет об опустошении Подолии семитысячным войском невооруженных татар. Рассказ об этом построен Стрыйковским по Длугошу, хотя и со ссылкой на Меховского (правда, без указания листа), у которого, однако, это известие отсутствует [325]. По-видимому, Стрыйковский, делая выписки из Длугоша и находя им почти всегда соответствие у Меховского, в данном случае сослался на него как бы по инерции.

Подробно Стрыйковский описывает присоединение Новгорода Великого к Москве в 1478 г., его рассказ об этом полностью находит соответствие у Длугоша. Только

[322] Stryjkowski, t. II, стр. 267 и Kromer, стр. 663—665.

[323] Stryjkowski, t. II, стр. 272 и Kromer, стр. 696, 699.

[324] Известие о смерти кафинского епископа Симона в Киеве (1475 г.) также взято Стрыйковским из белорусско-литовской летописи, сходной с летописцем Быховца (см. Stryjkowski, t. II, стр. 280 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 550).

[325] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 277; Długosz, t. V, стр. 574; Mathius de Michoviae, стр. 221 и др.

известие о битве при Шелони, отсутствующее у Длугоша, взято Стрыйковским из Герберштейна, на которого и имеется ссылка [326].

У Длугоша же находит соответствие и рассказ Стрыйковского об унижениях московских князей перед татарскими послами, приезжавшими в Москву [327].

О стоянии на Угре и позиции, занятой в связи с этим польским королем Казимиром, у Стрыйковского имеется рассказ, лишь в немногих подробностях находящий соответствие у Длугоша. Это соответствие относится к известию о том, что Казимир, несмотря на совет литовцев, не пошел на встречу с Ахматом, опасаясь могущества московского князя. Все же остальные подробности рассказа не могут быть возведены ни к Длугошу, ни к другим польским хроникам. Так, только у Стрыйковского находим известие о том, что для переговоров с Ахматом (у Стрыйковского «с Сохматом») Казимир посылал своего дворянина Стрета и что московскому князю удалось избежать столкновения с Ахматом, подкупив его воеводу Тимура и «отослав царю особенно большие дары, которые за несколько лет должна была уплатить Москва» [328].

Русским летописям обе названные подробности в том виде, как их приводит Стрыйковский, неизвестны. Правда, в Вологодско-Пермской летописи говорится, что Иван III послал «ко царю Ахмату своего боярина Ивана Федоровича Товаркова, чтобы государь смиловался, и рядца его Темир печаловался царю, а сам бы жаловал. А послал княз великий царю тешь велику и рядце его Темирю. Царь же те не приа...» [329] Таким образом, общее в рассказе Стрыйковского и Вологодско-Пермской летописи состоит в том, что Иван III посылал откуп Ахмату и что за него хлопотал в Орде Темир (Тимур). Однако исход этой попытки у Стрыйковского и в летописи совершенно различный. Летопись, указав, что хан отказался принять «тешь» (т. е. дары), пишет о знаменитом стоянии на Угре. Едва ли нужно говорить, что версия Стрыйковского о выплате дани Иваном III, а значит и о

---

[326] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 282—283; Długosz, t. V, стр. 657; Герберштейн, стр. 118.
[327] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 284; Długosz, t. V, стр. 658.
[328] Stryjkowski, t. II, стр. 284.
[329] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 265.

продолжении татарского ига, недостоверна. Возможно, начало летописного рассказа попало как составная часть в какой-то неизвестный нам источник Стрыйковского и было дополнено там собственными домыслами.

Из какого же источника взял Стрыйковский рассмотренные сведения? Ни одна из сохранившихся белорусско-литовских летописей не имеет известий об интересующих нас событиях. Но, по-видимому, это был какой-то неизвестный нам список именно белорусско-литовской летописи. Дело в том, что сразу же за рассказом об Ахмате Стрыйковский пишет об отъезде Казимира из Литвы в Польшу и в связи с этим опровергает объяснение летописцем причин отъезда Казимира. «А здесь летописец русский,— пишет Стрыйковский,— ошибся в отношении времени и причины отъезда короля Казимира, сообщая, что после того, как король Иржик Чешский умер, чешские паны отправили к нему (Казимиру.— *А. Р.*) посольство, прося, чтобы он дал им сына Владислава на королевство Чешское. Поэтому Казимир, оставив литовские дела и войну с московским князем и послушав польских панов, поехал в Польшу, желая возвести своего сына на чешский престол. Но это неверно, ибо Иржик (Юрий.— *А. Р.*) Подебрадский, чешский король, умер в 1471 г., а Владислав, сын Казимира, был коронован на его место сразу же в Праге, как об этом упомянуто выше, а московский князь после этого в 1479 г. взял Новгород, и, таким образом, летописец ошибся здесь на восемь лет, приняв дела прошедшие за будущие» [330]. Из этого отрывка видно, что литовские летописи, имевшиеся у Стрыйковского, стремились как-то объяснить отказ Казимира от войны с Россией, причем без упоминания о том, что Казимир признал московского князя могущественнее себя, как это объяснялось у Длугоша. А это означает, что летописи, имевшиеся у Стрыйковского, содержали и сам рассказ об Угре, к которому, быть может, и восходят известия об этом событии в его Хронике. Во всяком случае, в русских летописях видеть источник этого рассказа невозможно. В них либо, как в Новгородской IV и Софийской I летописях, причина отказа Казимира в помощи Ахмату объяснена совершенно иначе — усобицами в самой Польше («а король сам к нему не пойдет, ни силы своя не посла,

---

[330] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 284.

понеже бо беша ему свои усобицы»)[331], либо, как в Московском своде конца XV в. и в Вологодско-Пермской летописи, не объясняется вовсе[332].

Известие Стрыйковского о семилетнем пребывании Казимира с женой и детьми в Литве, куда к нему прибежал князь Михаил Борисович Тверской, приведено Стрыйковским со ссылкой на летописец и действительно находит полное соответствие в летописце Быховца, что и было отмечено в свое время И. А. Тихомировым[333].

О начале войны Казимира против московского князя в 1489 г., а также о нападении Мухи с десятитысячным войском на Подолию рассказано Стрыйковским в соответствии с хроникой Кромера, хотя и без ссылки на нее[334].

Подробное описание возведения сына Казимира Александра на литовский великокняжеский престол в 1492 г. Стрыйковский делает, ссылаясь на книгу Деция «О роде Ягеллонов»[335].

Ряд последующих событий в Великом княжестве Литовском конца XV в., таких, как война Московского государства с Литвой в 1493 г., приезд дочери Ивана III в Вильно, Парчовский сейм 1496 г., борьба с татарскими набегами в 1498 г. и назначение Константина Ивановича Острожского литовским гетманом, Стрыйковский описывает в соответствии с летописцем Быховца[336]. Впрочем, летописец типа Быховца, имевшийся у Стрыйковского, содержал несколько больше сведений об этих событиях, чем дошедший до нас летописец Быховца — единственная белорусско-литовская летопись, имеющая этот рассказ. Так, со ссылкой на летописец Стрыйковский пишет, что во время похода в плен к туркам попал Януш Збигнев, «сын старосты мальборкского (которого летописец называет великим маршалком)». Между тем летописец Быховца не имеет этого известия.

---

331 ПСРЛ, т. IV, стр. 154; т. V, стр. 20.

332 ПСРЛ, т. XXV, стр. 328; т. XXVI, стр. 273.

333 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 285, 288; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 550—551; И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 112—113.

334 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 290—291 и Kromer, стр. 747—748.

335 Jodoci Ludovici Decii de Jagellonum familia. In: J. Pistorius. Polonicae historiae corpus, t. II. Basiliae, 1582, стр. 397.

336 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 295—305; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 552—555; И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 113—114.

Заметим еще, что предшественника Острожского Стрыйковский называет Петром Ивановичем Бялым, а в летописце Быховца он назван Петром Яновичем. Последнее, видимо, объясняется тем, что летопись Стрыйковского имела более близкие к русскому звучанию имена, тогда как летописец Быховца, быть может, в связи с тем, что он был переписан польским алфавитом, приобрел вместе с тем и более полонизированные варианты имен.

Нападение валашского воеводы Стефана совместно с татарами и турками на Подолию в 1498 г. описано Стрыйковским в соответствии с Меховским, хотя у Меховского этот поход датируется июнем [337].

Нападение турок на Подолию в 1498 г. и подтверждение польско-литовской унии в 1499 г. Стрыйковский описывает в соответствии с Кромером, ссылаясь на него [338].

Известия Стрыйковского о войне между Великим княжеством Литовским и Московским государством в 1499 г. и их соотношение с соответствующими известиями летописца Быховца проанализированы И. Тихомировым, и поэтому подробнее на них останавливаться нет смысла. Отметим только, что Тихомиров пришел к выводу о том, что летописи Стрыйковского, по сравнению с летописцем Быховца, сохранившим этот рассказ, имели ряд дополнительных подробностей и фактических отличий [339].

Несколько особенностей рассказа Стрыйковского остались И. Тихомировым не отмеченными. Две из них находят соответствие у Герберштейна. Это известие о том, что в плену князь Острожский томился в оковах и, не имея надежды на спасение, принес присягу в верности московскому князю [340] и что Путивль находится «в полях за Киевом, а от Чернигова лежит за 30 миль» [341].

У Стрыйковского более полно, чем в летописце Быховца, названо имя путивльского наместника — Богдан Федорович Сапега. В летописце он назван просто Федо-

---

337 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 305 и Mathius de Michoviae, стр. 242.

338 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 306—308 и Kromer, стр. 764—765.

339 И. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 113—114.

340 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 310 и Герберштейн, стр. 14, 15.

341 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 310 и Герберштейн, стр. 111.

рович Богдан[342]. В данном случае догадка Стрыйковского была неудачна. Богдан Федорович Сапега жил во второй половине XVI в. и, естественно, не мог иметь отношения к рассматриваемым событиям. Летописец Быховца имел в виду Богдана Федоровича Заславского[343].

По сравнению с летописью Стрыйковским назван еще целый ряд городов на Волыни, окрестности которых были опустошены союзником Ивана III Менгли-Гиреем: Бэлз, Крашник, Гуробин, Красный Став (Стан?), Люблин, Урендов[344]. Согласно донесению русского посла в Крыму Алексея Заболотского, поход этот происходил около 7 ноября. Как и Стрыйковский, Заболотский среди городов, окрестности которых были опустошены татарами, упоминает Люблин и Бэлз, хотя называет и другие города: Луцк, Бреславль, Вишневец, Львов, Турков. В целом территория, подвергшаяся татарскому разорению, совпадает в обоих источниках: это Галичина и Волынь[345].

Поводом к началу литовско-русской войны Стрыйковский считает невыполнение Александром обещания построить православную церковь в Виленском замке. Едва ли такое объяснение следует искать в каких-то особых редакциях летописи, имевшихся у Стрыйковского, как это делает И. Тихомиров[346]. Это место Хроники находит полное соответствие у Кромера[347]. Вообще нельзя не учитывать, что Кромер и Меховский привлекались Стрыйковским для описания русско-литовской войны (см., например, ссылки на них при упоминании о грабежах, совершавшихся солдатами-наемниками в Литве) в гораздо меньшей степени, чем летописи, так как сведения польских хроник о войне 1499—1500 гг. отличаются большой краткостью.

Вторжение Ших-Ахмата (Стрыйковский называет его Шахмат-кирей, а татарские источники —Сейид-Ахмед)[348] в Северскую землю в 1501 г. описано Стрыйковским со

---

[342] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 310 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 561.

[343] Sapiehowie. Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe, t. I. S.-Petersburg, 1890, стр. 5 и 106.

[344] Stryjkowski, t. II, стр. 310.

[345] Сборник РИО, т. 41, стр. 469.

[346] И. Тихомиров. Указ. соч., стр 114.

[347] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 311 и Kromer, стр. 768.

[348] А. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857, стр. 18—19.

ссылкой на «русские летописцы и Меховского»[349]. Действительно, в хронике Меховского и в летописце Быховца находим рассказ об этом, что и отмечалось И. Тихомировым[350]. Следующее затем известие о поражении, нанесенном Ших-Ахматом «перекопскому» (т. е. крымскому) хану Менгли-Гирею, И. А. Тихомиров также считает летописным, причем поскольку в Быховце это известие не находит соответствия, то оно возводится И. А. Тихомировым к какому-то неизвестному списку летописи[351]. В этом нет необходимости, поскольку у Кромера имеется точно такой же, как у Стрыйковского, рассказ о битве между двумя татарскими армиями[352]. То же относится и к известию Стрыйковского о численности войск Ших-Ахмата.

Избрание великого князя литовского Александра польским королем и приезд в Литву послов Ших-Ахмата описаны Стрыйковским по Кромеру и со ссылкой на него[353].

Далее в Хронике следует рассказ о поражении Ших-Ахмата Менгли-Гиреем в 1501 г., взятый Стрыйковским из летописца типа Быховца, что и отмечалось в свое время И. Тихомировым[354].

Коронация Александра в Кракове в присутствии литовских представителей князя Можайского, Михаила Глинского и Юрия Гродненского, приезд в Краков Елены Ивановны 4 февраля 1502 г. и осада Смоленска в том же году описаны Стрыйковским в соответствии с хроникой Меховского[355].

Заключение перемирия между Россией и Литвой в 1503 г. и нападение крымских татар на Литву в 1503 г. описаны также очень близко к летописцу Быховца[356],

---

349 Stryjkowski, t. II, стр. 312.

350 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 114; см. также: Mathius de Michoviae, стр. 247.

351 И. Тихомиров. Указ. соч., стр. 114.

352 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 313 и Kromer, стр. 769.

353 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 315—316 и Kromer, стр. 770—771.

354 И. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 114. Об этой битве подробно пишет татарский историк Мухамед-Риза (см. А. Мухлинский. Указ. соч., стр. 18).

355 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 317 и Mathius de Michoviae, стр. 248—249.

356 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 318—319 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 564—566.

но имеется и интересное дополнение самого Стрыйковского. Оно сделано в связи с упоминанием об осаде татарами Слуцка, который оборонял князь Симеон Михайлович Слуцкий. В соответствии с летописью Стрыйковский пишет, что татары расположились в поле за Умлем, и далее, уточняя, добавляет: «где ныне Юрий Слуцкий, внук его (т. е. Симеона Михайловича.— *А. Р.*) построил Новый двор». Перед нами один из многочисленных фактов, свидетельствующих о близком знакомстве Стрыйковского со Слуцким. То, что двор построен был на том самом месте, где стояли татары, Стрыйковский мог узнать из семейных преданий Слуцких.

Нападение татар на Польшу и Украину в 1503 г. Стрыйковский описывает сходно с Кромером[357].

Рассказ о Брестском сейме 1505 г., на котором произошло столкновение между королем Александром и литовскими панами, представляет собою в Хронике Стрыйковского соединение летописного рассказа с известиями из хроник Меховского и Кромера[358]. Причиной конфликта явилась передача Михаилом Глинским города Лиды некоему Андрею Дрозду. Изгнанный из Лиды староста Илинич обжаловал это решение у литовских панов, которые встали на его сторону. Глинский старался всячески поссорить короля с панами и потому воспользовался этим случаем. Разгневанный Александр хотел перебить литовских послов в Брестском замке, но те отказались прийти туда, так как были предупреждены о намерении короля коронным канцлером Ласким. Последнюю подробность Стрыйковский взял из Меховского, на которого он и ссылается. На Кромера имеется ссылка при упоминании о том, что Андрей Дрозд был подвластен Михаилу Глинскому и что идея поимки литовских панов подсказана Глинским. Весь же остальной рассказ о сейме Стрыйковский строит по летописи, неоднократно ссылаясь на нее. Начало этого рассказа очень близко к тому, что читаем в летописце Быховца, однако это еще не дает оснований говорить, что и последующая часть рассказа идентична Быховцу, поскольку со слов «и король на это разгневался и услышал об этом Миколай Николаевич Радзивил»

---

357 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 318—319 и Kromer, стр. 773.
358 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 321 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 567.

в летописце Быховца идет большой пропуск. Восстановить этот пропуск с помощью текста, передаваемого Стрыйковским, можно лишь условно, так как у Стрыйковского мог быть и какой-то особый, по сравнению с известным вариантом, летописец типа Быховца. Неслучайно у Стрыйковского мы не найдем прямо продолжения текста Быховца. Что сделал Радзивилл, узнав о гневе короля, Стрыйковский не пишет. Приведем текст Стрыйковского, следующий за указанными словами летописца Быховца: «А король, будучи в Кракове, услышав об этом, разгневался на панов; Глинский же постоянно наговаривал на них королю, чтобы он им за это отомстил, а особенно наговаривал на Забжежинского. И будучи на сейме в Бресте, Глинский уговорил короля, пользуясь его любовью (к себе), чтобы Троки были взяты у Забжежинского и отданы сыну воеводы виленского Николаю Николаевичу Радзивиллу, который был в то время бельским наместником у короля Александра. Илинича же, старосту лидского, король велел схватить и посадить в тюрьму, а панам Совета не велел показываться себе на глаза. До сих пор летописец ведет свой рассказ» [359]. Последняя фраза в приведенном отрывке, однако, еще не означает, что этим ограничивалось использование летописи Стрыйковским. Далее Стрыйковский, хотя и ссылается на летописи, но уже специально не выделяет их известия, а соединяет летописные сведения с известиями Кромера. Из известий, которых нет у Кромера и Меховского, и которые, по-видимому, восходят к летописи, укажем на речь Глинского к королю: «... обвинил их (т. е. панов.— *А. Р.*) перед королем в том, что они были противниками его власти и ослушниками, а также, постоянно ему шепча на ухо, довел дело до того, что король Александр решил убить Забжежинского, Станислава Кишку, Глебовича, Жарновского; и готовил хитрый замысел, говоря королю, что пока в Литве будут жить эти паны (по крайней мере три), до тех пор в княжестве будут распри» [360].

Следующее затем известие Стрыйковского об освобождении королем Александром Ших-Ахмата из плена в 1505 г. имеется у Меховского и у Кромера, но Стрыйковский сообщает подробности, отсутствующие у этих ав-

---

[359] S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 321.
[360] Там же, стр. 322.

торов[361], в частности такую: король велел расстелить сукно там, где должен был слезать с коня царь, а по приезде его посадил за свой стол «как товарища». Эти подробности, вероятно, восходят к летописям и находились в той части Быховца, которая утрачена. В этом нас убеждает замечание Стрыйковского о том, что в летописце неправильно сказано о том, что король повез Ших-Ахмата на Сандомирский сейм.

Смерть Ивана III Стрыйковский датирует 1505 г., ссылаясь на Ваповского, Меховского и Кромера. Дату летописца — 1503 г.— он считает ошибочной (летописец поставил ее, «не приняв во внимание двух лет»)[362]. Ни одна из дошедших до нас белорусско-литовских летописей вообще ничего не говорит о смерти Ивана III.

Характерно, что дату чисто московского события Стрыйковский устанавливает, опираясь на авторитет польских хронистов. О московских летописях, имевшихся у него, по его собственным словам, Стрыйковский в связи с этим не говорит ни слова. Из этого обстоятельства можно сделать двоякий вывод: либо московские летописи ограничивались временем до 1505 г., либо Стрыйковский просто обращался к ним случайно. Второе предположение представляется более вероятным. Так же, как и в целом ряде других отмечавшихся выше случаев обращения Стрыйковского к событиям московской истории (например, известия о митрополите Исидоре, пленение Василия Темного Улу-Махометом и др.), мы не находим в его Хронике ни малейших признаков использования московских летописей.

В связи с указанной особенностью Хроники Стрыйковского не удивительно, что и помещенная в ней после сообщения о смерти Ивана III оценка его деятельности, без каких-либо изменений и дополнений повторяет соответствующее место Хроники Кромера[363].

Описание Стрыйковским Радомского сейма 1505 г. довольно близко к описанию Кромера[364]. Однако едва ли в данном случае он являлся источником Стрыйковского. При описании выступления Ших-Ахмата на сейме

---

[361] Ср. там же; Mathius de Michoviae, стр. 250; Kromer, стр. 777.

[362] Stryjkowski, t. II, стр. 323.

[363] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 323 и Kromer, стр. 777.

[364] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 324 и Kromer, стр. 777—778.

Стрыйковский сообщает подробности, отсутствующие у Кромера. Так, по Стрыйковскому, Ших-Ахмат просил короля помочь ему войсками в борьбе против крымского хана, но ему ответили, что потребуется время, чтобы собрать войско. «Тогда он посмотрел на людей, которых было много вокруг короля на сейме, и, показав рукой, сказал: «А эти разве не могут (пойти), когда потребуется, зачем их прячете?» Ему отвечали, что здесь не как у татар: на войну не все идут, одни занимаются хлебопашеством, иные ремеслом, иные служением богу, иные судейскими делами, иные следят за замками»[365]. По-видимому, подробное описание сейма имелось в летописях Стрыйковского, поскольку дальше, пересказывая речь виленского епископа на сейме, Стрыйковский прямо ссылается на летописец. В своей речи епископ требовал от короля сохранения «прав и привилеев» литовской шляхты. После этой речи король Александр был разбит параличом. Рассказ этот находит полное соответствие в летописце Быховца, но помещен он там значительно дальше, уже после событий, связанных с нападением татар на Литву (об этом см. ниже)[366]. В хрониках Меховского и Кромера подобного известия мы не найдем. Правда, у Кромера сказано, что король был поражен параличом, но произошло это, согласно Кромеру, не в Литве, а в Радоме, т. е. там же, где и происходил сейм[367]. Очевидно, рассказ литовского летописца является каким-то неизвестным в самостоятельном виде публицистическим произведением, цель которого доказать, что каждого, кто посягает на вольность литовской шляхты, даже самого короля, тотчас постигнет божья кара.

Далее у Стрыйковского рассказывается о попытке бегства из Литвы Ших-Ахмата с помощью приехавших к нему ногайских послов. Ших-Ахмат был пойман троцким наместником Олегом Монивидовичем у Киева. Последней подробности не знают ни Кромер, ни Бельский, ни Меховский, кратко сообщающие о побеге царя[368]. Возможно, что и эта подробность взята Стрыйковским из недошедшей до нас летописи.

---

[365] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 324—325.
[366] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 325 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 569.
[367] Kromer, стр. 779.
[368] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 325—326; Kromer, стр. 779—780; Bielski, л. 402; Mathius de Michoviae, стр. 330.

Дальнейшее известие о посольстве Менгли-Гирея в Литву, обещавшего соблюдать дружбу с Литвой в том случае, если Ших-Ахмат будет заключен в тюрьму, находит соответствие у Кромера, но там оно идет до рассказа о побеге Ших-Ахмата, так что можно предположить, что и здесь Стрыйковский пользовался летописью.

Нападение крымских татар на Литву и Белоруссию в 1505 г. Стрыйковский описывает по литовской летописи и потому намного подробнее, чем Кромер и Меховский[369]. В летописце Быховца об этом событии сохранился лишь отрывок, начинающийся с описания осады Минска, но Стрыйковский, очевидно, располагал более полным рассказом[370]. Особенно значительный интерес представляет приводимый Стрыйковским рассказ об обороне Слуцка, где затворилась княгиня Анастасия с юным княжичем и множеством шляхты. Нигде, кроме его Хроники, мы не найдем их. Особое внимание в рассказе к обороне Слуцка ведет нас в круг каких-то местных слуцких исторических материалов либо отдельных сказаний, либо каких-то неизвестных нам памятников местного летописания.

Далее Стрыйковский сообщает, что в 1506 г. вокруг Вильно была построена стена. При этом он ссылается на Кромера и Меховского, хотя об этом пишет только Меховский[371].

Известия Стрыйковского о болезни короля Александра и о борьбе литовцев с татарами в 1506—1507 гг. представляют собой соединение сведений летописи типа Быховца, Меховского и Кромера и в меньшей мере Бельского и Ваповского. При этом в большинстве случаев в тексте Стрыйковского имеются ссылки на каждый из этих источников[372].

Летописную дату приезда короля из Польши в Вильно (1507 г.) Стрыйковский считает неверной и относит это событие в соответствии с польскими хрониками к 1506 г. Вообще у Стрыйковского имеется целый ряд случаев сведения данных литовских летописей и польских

---

[369] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 326—327; Mathius de Michoviae, стр. 330; Kromer, стр. 782—783.

[370] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 567.

[371] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 328 и Mathius de Michoviae, стр. 259.

[372] Stryjkowski, t. II, стр. 329—333.

хроник. Впрочем, Стрыйковский ограничивается в данном случае приведением сведений из тех и других источников, не решая вопроса о том, какие из них более достоверны, как он это считает возможным делать при рассмотрении вопроса о датировке событий. Например, сообщая в соответствии с летописями, что войска Бурнас Солтана, участвовавшие в битве под Клецком, насчитывали 20 тыс. человек, Стрыйковский продолжает: «а Кромер и Меховский показывают их в количестве 30 тыс.» [373] Подобное сопоставление данных видим и при подсчете численности литовских войск, собранных воеводами Станиславом Кишкой и Михаилом Глинским: «...согласно летописцам, десять, а по Кромеру, Меховскому и другим — собрано семь тысяч» [374]. Все известия рассматриваемого раздела Хроники, которые Стрыйковский приводит со ссылкой на летописцы, находят полное соответствие в летописце Быховца, что и отмечалось И. Тихомировым [375].

Дополнительные подробности битвы под Клецком описаны Стрыйковским в стихах, главным образом на основе данных хроники Кромера и с многочисленными ссылками на нее. К летописному рассказу Стрыйковский обращается лишь в конце, когда пишет о том, что литовцы добивали татар под Слуцком, Копылом и у села Петрович (или у Петрыкович). Соответствующее известие находим в летописце Быховца [376], но без одной подробности, сообщаемой Стрыйковским: войска в эти места для поимки татар были посланы по приказу слуцкой княгини Анастасии. Возможно, что последнюю подробность Стрыйковский почерпнул из каких-то родовых материалов Слуцких.

Не ясно, каковы были источники Стрыйковского при определении всех потерь, которые понесли татары во время битвы под Клецком. Если число убитых татар (20 тыс.) Стрыйковский называет в соответствии с Кромером [377], то о том, что в плен попало 3 тыс. татар, мы не находим ни в одном из этих источников. Летописец же Быховца вообще не называет никаких цифр, а говорит

---

373 Stryjkowski, t. II, стр. 331.
374 Там же, стр. 332.
375 И. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 116.
376 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 572.
377 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 336 и Kromer, стр. 784.

неопределенно: «Много татар и коней в реке и болоте было... мало их велми до Орды дошло»[378].

Смерть короля Александра и вступление на литовский великокняжеский престол Сигизмунда в 1506 г. описаны Стрыйковским очень близко к Кромеру[379].

Последующие же бурные события десятилетия 1506—1516 гг. Стрыйковский описывает, опираясь на труд королевского секретаря Йодока Деция «Книга о времени короля Сигизмунда» (Краков, 1521)[380], чрезвычайно богатый фактическим материалом. Несколько лаконичное изложение Деция Стрыйковский литературно развивает и эмоционально окрашивает, охотно вводя в повествование прямую речь. Особенно это относится к излюбленному Стрыйковским описанию битв. Таков, например, рассказ в стихах о победе войск Острожского над татарами под Вишневцом в 1512 г. Стрыйковский вкладывает в уста Острожского пространные речи, с которыми он обращается к войску в наиболее ответственные моменты битвы; описывает шум бубнов и труб, грохот оружия и треск мушкетов, ржание коней[381]. Приведем один из наиболее характерных примеров беллетризации Стрыйковским известий Деция.

Деций	**Стрыйковский**
Обеспокоенный Константин просит поляков, чтобы они пришли на помощь его воинам (стр. 66).	Пока Литва билась, поляки стояли. Поэтому Константин крикнул: «Гей, в ком есть мужественная сила, братья милые, помогите! Гей, для чего ждете? Меня и мою честь имейте в залог [успеха], знайте, что счастье помогает смелым друзьям, мужественным слава отдает дань, а изнеженным позор» (стр. 369).

Многое в этом литературном развитии Стрыйковским известия Деция направлено к прославлению Острожского, хотя и у Деция ему отдается должное. Как и Деций, Стрыйковский уже после описания битвы перечисляет

---

[378] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 572.

[379] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 338—339 и Kromer, стр. 785.

[380] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 339—391 и Jodok Ludwik Decjusz. Księga o czasach króla Zygmunta (далее: Decjusz). Warszawa, 1960, стр. 24—26, 28—29, 32, 34—46, 52, 60, 64—68, 69—73, 79—86, 118.

[381] Stryjkowski, t. II, стр. 370.

воевод, участвовавших в ней, однако если Деций вначале называет польских воевод, а потом литовских, в том числе и Острожского, то Стрыйковский называет его в самом начале, ибо, по его убеждению, своим триумфом войска были обязаны «его трудам и умению»[382].

Сопоставление известий Хроники Стрыйковского с книгой Деция показывает, что Стрыйковский не только довольно свободно использовал его текст, выделяя в нем то, что ему казалось наиболее важным, но и в ряде случаев дополнял этот текст новыми сведениями. И что важно: Стрыйковский черпал их, за немногими исключениями (отдельные подробности со ссылками на Герберштейна[383]), из каких-то неизвестных нам источников. Важнейшие источники Стрыйковского — хроники Меховского и Кромера — прерывали свое изложение как раз 1506 г. Никаких признаков использования Стрыйковским за указанный период материалов «Хроники всего Света» Бельского, который, как известно, доводил в ней свое изложение до 1548 г., незаметно. Что касается летописца Быховца в его дошедшем до нас виде, то для раскрытия источников сведений Стрыйковского о рассматриваемых событиях он также непригоден, так как последнее сведение в нем относится к Клецкой битве 1507 г.

Особенно насыщен оригинальными известиями по истории Литвы рассказ Стрыйковского о выступлении Михаила Глинского против короля. Стрыйковский называет место Лисков, где Глинский, направляясь в Гродно, переправился через Неман, называет имя дворянина (Схлейнич — «шляхтич из Миссинской земли, немец»), первым ворвавшегося в комнату Яна Забжежинского. О дальнейших действиях Глинского в Литве в 1508 г. вообще находим сведения только в Хронике Стрыйковского[384]. Видное место, отведенное Стрыйковским описанию осады Слуцка, позволяет предположить, что источником Стрыйковского и в данном случае могли быть какие-либо фамильные материалы, может быть, летописцы или родословия князей Слуцких.

По-видимому, к тому же источнику, связанному со Слуцкими, следует относить и известие Стрыйковского о

---

[382] Stryjkowski, t. II, стр. 371.

[383] Ср. там же, стр. 340, 357, 374—375, 378—384 и Герберштейн, стр. 17—19, 120—121, 170, 230.

[384] Stryjkowski, t. II, стр. 346—347.

набеге татар на окрестности Киева в 1511 г. «Того же 1511 года,— пишет Стрыйковский,— слуцкий князь Юрий Симеонович, будучи хотя и молодым по возрасту, но обладая мужественным сердцем, поразил на голову и разгромил татар, которые опустошили много волостей около Киева; татар полегло 8 тысяч на урочище Рутно в 20 милях за Киевом; он поразил их хитростью ночью с киевским воеводой Андреем Немировичем, а три старших мурзы едва убежали: Ага Шеняг, Аджига Тоскор и т. д.; потом (Слуцкий и Немирович.— *А. Р.*), гоняясь за ними в полях, поразили 700 человек их стражи»[385].

Особого внимания заслуживает рассказ Стрыйковского о присоединении Пскова к Московскому государству (по Стрыйковскому — в 1509 г.). Правда, и в основе его лежит известие все той же книги Деция, с привлеченным к нему описанием Герберштейна местоположения Пскова[386], но в Хронике содержатся и оригинальные подробности. Стрыйковский пишет о том, что еще до взятия Пскова Василий «вызвал к себе в лагерь знатнейших горожан и попов и дворянство и наместника Великого княжества Литовского, задержал их и ласково уговорил, потом и горожане, после того как он у них отнял Совет, легко согласились (сдаться), как это произошло в Полоцке в наше время»[387]. Последнее замечание Стрыйковского является очень интересным свидетельством современника об освобождении русскими войсками Полоцка во время Ливонской войны. Об этом мы не найдем сообщения в других источниках. В Лебедевской летописи говорится только о том, что уже после сдачи города воеводе Довойне и епископу Арсению, ведшим переговоры, было велено «быти по станом за сторожи», а затем они были отправлены в Москву[388].

Что же касается собственно псковских событий, то соответствие этому известию Стрыйковского мы находим не в польских хрониках и не в белорусско-литовских летописях, а в псковских и некоторых общерусских летописях. В Софийской II, в Псковской I летописях[389]

---

[385] Там же, стр. 362.

[386] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 357; Decjusz, стр. 45—46; Герберштейн, стр. 120—121.

[387] Stryjkowski, t. II, стр. 357.

[388] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 358, 363.

[389] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; Псковские летописи, вып. 1, стр. 92.

и в Повести о взятии Пскова [390] говорится, что приехавшие в Новгород с жалобой на великокняжеского наместника посадники, бояре, купцы и купецкие старосты 6 января 1510 г. были арестованы Василием III. Правда, ни одна летопись не сообщает о том, что великий князь вызвал псковичей, как об этом пишет Стрыйковский. В русских летописях сообщается, что в Новгород псковичи решили приехать сами (как говорится в Псковской I летописи, «псковичи, услышавше государя великого князя Василия Ивановича в Великом Новгороде и послаша послов своих»). Таким образом, едва ли псковские и московские летописи явились источником сведений Стрыйковского о присоединении Пскова к Московскому государству.

Обращает на себя внимание упоминание Стрыйковским наместника великого князя литовского среди псковичей. Как известно, версию о том, что наместник Пскова был подчинен великому князю литовскому, проводили белорусско-литовские летописи. Возможно, что и в данном случае Стрыйковский черпал сведения из этих летописей, из тех их видов, которые до нас не дошли.

Но возможен и еще один вариант, а именно, что у Стрыйковского был устный источник — рассказ какого-нибудь псковича. Напомним прямую ссылку Стрыйковского на свидетельство псковичей о внешнем виде Довмонтовой стены. В рассказе псковича о падении Пскова добровольная поездка псковичей и затем их поимка могли выглядеть как заранее устроенная ловушка; тем более, если этот рассказ в том виде, как он был передан Стрыйковскому, был уже произведением устного народного творчества. Что же касается упоминания литовского наместника, то это могло быть домыслено и самим Стрыйковским. Скорее всего, это произошло в связи с упоминанием в рассказе великокняжеского наместника, который и был принят Стрыйковским за литовского великокняжеского наместника.

Интересен ряд подробностей о поражении московских войск в битве под Оршей в 1514 г., сообщаемых Стрыйковским. Помимо основного своего источника — Деция, Стрыйковский использует белорусско-литовские летопи-

---

[390] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, прилож., стр. 185 и далее.

си и записки Герберштейна[391]. Следы использования Стрыйковским летописей очевидны. Только из них он мог почерпнуть сведения о том, что до битвы на Орше между литовскими и русскими войсками произошло столкновение на реке Бобре (притоке Березины) и что сама битва проходила у реки Кропивны. Только в летописях мы находим и приводимый Стрыйковским список московских воевод, захваченных в плен. Впрочем, фамилии некоторых воевод у Стрыйковского искажены: Пронский стал Прунским, Кулешов — Калешовым, Еропкин — Ярыпиным[392]. Эти искажения могли возникнуть вследствие различия в написании этих фамилий в летописях, имевшихся у Стрыйковского. Показательно в этом отношении, что и в сохранившихся списках летописей некоторые имена и фамилии пленников читаются по-разному (Шелеха—Шаховский, Лысцов—Лынков и т. д.)[393]. Можно ли, судя по характерным ошибкам, возвести источник Стрыйковского к какому-то определенному списку известных нам белорусско-литовских летописей? В пользу Евреиновского списка в этом отношении как будто бы свидетельствует передача Стрыйковским фамилии Чубаров как Губарев, что имеет место только в Евреиновском списке[394]. Но в то же время «Копчамичин сын Ясельничего» у Стрыйковского в Евреиновском списке был передан иначе — «Копца Митина сына Яильного». Вариант Стрыйковского (сына Ясельничего) находим в списках Рачинского, Красинского и Археологического общества[395]. Однако видеть в летописце Рачинского источник Хроники Стрыйковского нельзя, поскольку сама Хроника служила одним из источников летописца.

У Стрыйковского имеются и такие сведения, которые не могут быть возведены ни к одной из известных в настоящее время белорусско-литовских летописей. Это,

---

391 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 378—384; Decjusz, стр. 79—84; Герберштейн, стр. 17—19; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 186, 290, 346—348.

392 Список московских пленников, взятых в битве под Оршей, находящийся в Литовской метрике, иной, по крайней мере в своей уцелевшей части (РИБ, т. XX. СПб., 1903, стлб. 519).

393 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 347—348 (подстрочные варианты).

394 Там же, стлб. 404.

395 Там же, стлб. 186, 290.

например, сообщение об отсылке 380 пленных к королю в Борисов [396].

Таким образом, у Стрыйковского был, по-видимому, какой-то неизвестный нам летописец, имевший определенное сходство с летописцем по Евреиновскому списку, но не совпадавший с ним.

Вообще целый ряд известий Стрыйковского о битве под Оршей является оригинальным и, быть может, связан с этим недошедшим до нас летописным источником. Назовем важнейшие из них: 1) Стрыйковский пишет, что еще до битвы Василий III «послал к императору Максимилиану и к иным христианским властителям своего посла, извещая, что он намеревался сделать с польским королем Сигизмундом, которого он обещал обязательно поймать и пленить» [397]. 2) Помимо столкновения у реки Бобры, столкновение между польско-литовскими и московскими войсками произошло и у Дрови (вероятно, имеется в виду река Друть, правый приток Днепра) [398]. 3) Эпизод с Яном Зборовским, который, «не имея при себе ни оруженосца, ни слуги, сам прорвался к своему полку через московитов и, убив двух из них деревом, растоптал (убитых) конем» [399]. 4) Участие в бою Юрия Радзивила «со своим казацким войском» [400].

Как и в других местах Хроники, при описании событий 1506—1516 гг. Стрыйковский пользовался устными источниками и материалами, которые ему давало изучение исторических памятников. В этом отношении интересно замечание Стрыйковского в связи с рассказом о Трепко — тайном после польского короля к Глинскому, которого пытали в Москве. «Славной памяти князь Юрий Слуцкий, как он мне рассказывал, сам видел потом этого Трепко, уже старого, со следами этих мучений»,— пишет Стрыйковский [401].

Лопушинское поле, где происходила битва с татарами в 1512 г., Стрыйковский описывает на основании своих собственных наблюдений. «Это я сам видел в 1574 г.,

---

396 Stryjkowski, t. II, стр. 384.
397 Там же, стр. 378.
398 Там же, стр. 379.
399 Там же, стр. 381—382.
400 Там же, стр. 383.
401 Там же, стр. 377.

когда через него ехал из Турции»,— замечает Стрыйковский [402].

Известиями 1516 г. заканчивается «Книга» Деция — основной источник Стрыйковского при изложении им событий начала XVI в. Ряд последующих событий, касающихся главным образом военных столкновений, как с русскими войсками в Белоруссии, так и с турками и татарами в Подолии, изложены в соответствии с летописью по Евреиновскому списку.

Именно к летописи типа Евреиновской могут восходить известия об осаде литовскими войсками Опочки в 1517 г., о поражении татар у Сокаля в 1519 г., о московских послах, приехавших в Краков в 1523 г., и о пожаре Вильно в 1530 г. [403] Только известие о приезде королевы Боны в Литву в 1528 г. находим также в дополнении к списку Археологического общества и в Ольшевском списке [404]. Все эти известия Стрыйковского сравнительно кратки и изложены в виде сухого хронологического перечня событий, т. е. в форме, не присущей в целом Стрыйковскому и явно зависящей, по-видимому, от его летописного источника.

Впрочем, несмотря на всю краткость известий Хроники, они все же подробнее соответствующих летописных известий, что, вероятно, зависело и от большей подробности летописей, имевшихся у Стрыйковского. Так, в рассказе об осаде Опочки у Стрыйковского сказано, что вместе с польскими войсками были и наемные чешские и моравские войска. Белорусско-литовские летописи об этом не сообщают, но в Псковской I летописи сказано, что среди других наемных войск в осаде Опочки участвовали «чахи» и «мураве» [405]. Интересна и такая деталь: поляки вначале презрительно называли Опочку «свиным хлевом».

Набег татар в августе 1519 г. Стрыйковский описывает в соответствии с Бельским [406].

Значительно подробнее, чем Бельский и летопись по Евреиновскому списку, Стрыйковский рассказывает

---

[402] Там же, стр. 371.

[403] Ср. там же, стр. 391—395 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 348—350 и 404—406.

[404] ПСРЛ, т. XVII, стлб. 292, 470.

[405] Псковские летописи, вып. 1, стр. 99.

[406] Ср. S t r y j k o w s k i, t. II, стр. 392 и B i e l s k i, л. 417 об.

о набеге татар в 1527 г. Эти источники лишь упоминают об этом событии. У Стрыйковского же читаем о нем подробный рассказ, в котором перечисляются князья и воеводы, отразившие 34 тысячи татар от Киева, 24 тысячи из них остались на поле боя[407].

Упоминание в этом рассказе князя Слуцкого и даже сообщение подробностей о действиях его отряда наводят на мысль, что источником Стрыйковского в данном случае, как и в ряде других, являлись родовые летописцы Слуцких. О следующем столкновении с татарами в 1529 г. летописи вообще ничего не сообщают. У Стрыйковского же читаем: «Потом в 1529 г. Ослан, царь татарский, поймал в полях под Очаковым наших, которые ходили в казачество по договору: Николая Шенявского, коронного гетмана, Юрия Латальского и много ротмистров с их ротами; (их) татары пленили после переговоров, пригласив для приветствия, так что одних надо было выкупать, а других они продали туркам»[408].

В известии Стрыйковского о пожаре Вильно 1530 г. имеется одна подробность по сравнению с летописью: он сообщает, что от города после пожара осталась «едва его треть» и что «церкви, как римские, так и русские, после пожара очень пострадали»[409].

Ряд очень кратких литовских известий с 1530 по 1535 г., сообщаемых Стрыйковским, не находит соответствия ни в одной из печатных польских хроник, но некоторые из них встречаются в белорусско-литовских летописях. Назовем их. В 1530 г. Иван Дубровицкий разбивает татар на урочище Пулозеро. Литва получает «писаные права». Оба известия находим в дополнениях к списку Археологического общества, в Евреиновском списке и так называемой хроничке Великого княжества Литовского[410]. Однако следующего известия Стрыйковского о моровом поветрии в Вильно в 1530 г. мы не найдем ни в одной летописи.

Известие о смерти Константина Острожского имеется в Евреиновском списке и в хроничке, но только у Стрый-

---

[407] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 394; Bielski, стр. 417; ПСРЛ, т. XVII, стлб. 405.

[408] Stryjkowski, t. II, стр. 395.

[409] Ср. там же, стр. 395 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 350.

[410] Stryjkowski, t. II, стр. 395 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 292, 406 и 470.

ковского он назван вторым Ганнибалом, Пирром и Сципионом и сообщается, что на его место литовским гетманом назначен Юрий Николаевич Радзивил[411].

В 1534 г. татары опустошили Волынь. Польские ротмистры, особенно Язловеццы, имели с ними несколько битв. О битвах Язловецц с татарами упоминает в своей хронике и Ваповский, но он относит их к 1529 г.[412] О столкновениях с татарами именно в 1534 г. пишет Бельский, но он не упоминает Язловецц[413]. В числе борцов с татарами Стрыйковский называет и некоего Козака Хмельницкого. Хмельницкий разбил их отряд под Заславом (имеется в виду Заслав Волынский). Кем был казак Хмельницкий и имел ли он какое-либо отношение к роду Богдана Хмельницкого, сказать трудно.

Обращает на себя внимание упоминание Заслава как места, где происходило рассматриваемое событие. Не указывает ли оно на какие-то родовые, семейные материалы Заславских, использованные Стрыйковским при описании некоторых событий первой половины XVI в.?

Поход московских войск во главе с Овчиной на Литву и ответный поход на московские владения польско-литовских войск с Яном Тарновским и Андреем «с Горки» в 1535 г., а также нападение валашского воеводы Петра на Подолию в 1538 г. описаны Стрыйковским в соответствии с «Хроникой всего Света» Бельского[414]. Единственное отличие заключается в том, что среди осажденных в Стародубе московских воевод Стрыйковским ошибочно назван Сойский, тогда как у Бельского правильно — Ситцкий.

Два следующих литовских известия Стрыйковского: о смерти в 1539 г. виленского воеводы Альбрехта Гастольда и гетмана Юрия Николаевича Радзивила — находят соответствие в белорусско-литовской летописи по Евреиновскому списку[415].

О походе на крымских татар, возглавленном старостой города Бар Бернатом Претвичем в 1541 г.,

---

[411] Stryjkowski, t. II, стр. 393 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 406 и 470.

[412] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 395 и Kroniki Bernarda Wapowskiego część ostatnia. Kraków, 1872, стр. 226—228.

[413] Bielski, лл. 442 об.— 423.

[414] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 398—399 и Bielski, лл. 423—424.

[415] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 399 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 409.

Стрыйковский пишет в соответствии с Бельским[416]. Как и Бельский, Стрыйковский говорит о том, что в состав польских войск во время похода входили черемисы, т. е. марийцы.

Далее в Хронике Стрыйковского идут три сообщения о смерти в 1542 г. знатных литовских магнатов: жмудского старосты Яна Николаевича Радзивила, Юрия Семеновича Слуцкого и серадзского воеводы Ярослава Лаского. Первые два известия совпадают с Евреиновским списком летописи[417], а третье, вероятно, восходит к хронике Бельского[418].

Основные события 1542—1545 гг. описаны Стрыйковским в соответствии с Евреиновским списком летописи[419]. Исключение составляют известия о солнечном затмении и море в 1544 г., источник которых неясен. Известие 1545 г.— последнее в Хронике, которому можно найти соответствие в белорусско-литовских летописях.

Поэтому, переходя к событиям, описанным Стрыйковским после 1545 г. (до 1553 г.), ограничимся их кратким обзором[420]. Известия Хроники за этот период представляют лаконичные записи, главным образом о событиях в королевской семье и о назначениях разных лиц на те или иные должности в Литве. Среди других отрывочных записей обращают на себя внимание сравнительно подробные сведения об урожаях, погоде и стихийных бедствиях в Литве. Характер такого рода известий свидетельствует о том, что источником был, вероятнее всего, памятник местного литовского происхождения. Возможно, таким памятником была какая-то недошедшая до нас литовская летопись. Рассматриваемые известия Хроники по своей лаконичности напоминают записи летописца. Те литовские летописи, которые содержат известия XVI в., имеют сведения преимущественно такого рода (см. Евреиновский список и список Рачинского). И хотя изложение событий по Евреиновскому списку прерывается 1548 г.[421], можно допустить, что в распоряжении Стрыйковского имелся какой-то литовский лето-

---

416 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 399 и Bielski, л. 424 об.

417 Там же и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 409.

418 Там же и Bielski, л. 424 об.

419 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 399—401 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 409—411.

420 Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 401.

421 ПСРЛ, т. XVII, стлб. 412.

писец. Один из подобных летописцев нам известен. Это летописец по Румянцевскому списку, который доводит свое изложение до 1567 г., хотя и имеет большой хронологический пропуск: с 1535 по 1563 г. [422]

Что касается опубликованных ко времени издания Хроники (1582 г.) исторических материалов по истории Литвы, то речь здесь может идти о двух книгах: «Хронике всего Света» Мартина Бельского (1564 г.) и «Описании Сарматии Европейской» Гваньини (1578 г.). Однако сведения «Хроники всего Света» Мартина Бельского фактически прерываются на 1548 г. [423], а так называемая «Польская хроника» Мартина Бельского, изданная в 1597 г. и принадлежащая, как это доказал Неринг, в действительности Иоахиму Бельскому, сама возникла не без влияния труда Стрыйковского [424]. Никаких следов использования Стрыйковским труда Гваньини обнаружить в его Хронике нельзя.

Последняя книга Хроники Стрыйковского полностью посвящена событиям периода Ливонской войны. Стрыйковский сам являлся современником и отчасти участником этой войны, был знаком с такими полководцами, как Юрий и Семион Слуцкие, князья Ходкевичи. Эти обстоятельства делают Хронику Стрыйковского важным источником по истории Ливонской войны. К этому же выводу можно прийти, и сопоставив данные Стрыйковского о войне с известиями Гваньини, труд которого был опубликован в 1578 г., т. е. еще до написания Стрыйковским его Хроники, и с известиями одного из основных источников по истории Ливонской войны — «Записок о московской войне» Гейденштейна, опубликованных уже в 1584 г., через два года после завершения Стрыйковским его труда.

В целом известия Стрыйковского более обстоятельны, в них содержится больше цифр и имен, чем в указанных сочинениях. Например, у Гваньини мы не найдем многих обстоятельств, связанных со взятием русскими войсками Полоцка в 1563 г., о которых сообщает Стрыйковский.

---

422 Б. А. Вахевич. Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея. «Записки имп. Одесского общества истории и древностей», т. XXIV, 1903.

423 Вслед за последним известием 1548 г. следует только краткое известие 1553 г. о смерти краковского воеводы Петра Кмиты (см. Bielski, стр. 425).

424 W. Nehring. O życiu..., стр. 44.

Гваньини ничего не говорит о численности войск, находившихся в городе (200 тыс. конницы, 80 тыс. пеших), не называет имен литовских воевод (виленский воеводич Ян Глебович, ротмистр Григорий Голубицкий, Петр Дорогоштиньский), не пишет об изгнании литовцами 20 тыс. «черни», т. е. белорусов, из замка, не сообщает о пожаре стены замка [425].

В описании битвы на Уле в 1564 г. сведения Стрыйковского также значительно полнее. Стрыйковский дает полный перечень убитых в бою воевод (Петр Шуйский, Семен Васильевич Яковлев, Александр Прозоровский, князь Иван Захарьев, Данило Колычев, Иван Васильевич Шереметев, Осип Федорович Быков, Федор и Симеон Палецкие, Никита Романович Одоевский) [426], тогда как у Гваньини в издании его книги, вышедшем в 1611 г., назван один Петр Шуйский. Конечно, и данные Стрыйковского требуют определенной проверки и уточнения. Например, безусловно ошибочно упоминание в перечне убитых Никиты Романовича Одоевского, так как, согласно Разрядной книге 1559—1605 гг., он участвовал в отражении набега хана Девлета в 1572 г. и только в 1573 г. был казнен [427]. Семен Васильевич Яковлев также не был убит в бою, а был казнен Иваном Грозным [428]. Князь Александр Прозоровский был жив еще в 1566 г. [429], хотя в битве действительно принимал участие. По Разрядной книге 1559 г., он командовал передовым полком, как об этом пишет и Стрыйковский [430]. Вместе с тем сведения Стрыйковского о некоторых из названных воевод, например о Палецких, находят подтверждение в Александро-Невской летописи и Родословной книге [431]. То же относится к князю Петру Шуйскому [432].

---

[425] Stryjkowski, t. II, стр. 413—414.

[426] Stryjkowski, t. II, стр. 415 и Gwagnin. Kronika Sarmacvey Europskiej. Kraków, 1611 (здесь и далее пользуемся русским переводом по книге: А. Сапунов. Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, стр. 232).

[427] Синбирский сборник. М., 1845, стр. 22 и 39.

[428] А. М. Курбский. Сочинения, т. I. Пг., 1914, стр. 297.

[429] С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. В кн. «Исследования по истории опричнины». М., 1963, стр. 431.

[430] ДРВ, т. XIII, стр. 345.

[431] ПСРЛ, т. XXIX, стр. 329 и «Родословная книга». «Временник ОИДР», кн. X. М., 1851, стр. 155.

[432] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377.

Даже в тех случаях, когда Гваньини дает в целом более пространное описание, как это имеет место в рассказе о захвате Полоцка литовцами в 1579 г., он тем не менее не уделяет такого внимания перечислению имен воевод (Василий Иванович Микулинский, Дмитрий Щербатый-Оболенский, Матвей Ржевский, Иван Зюзин, Петр Волынский), цифрам убитых (например, 29 августа поляки потеряли 27 человек, московских стрельцов было убито 200 человек), как это находим у Стрыйковского [433].

Не найдем этих данных об осаде Полоцка 1579 г. и в обстоятельных «Записках» Гейденштейна [434]. Из московских воевод Гейденштейн называет только Микулинского и Волынского.

Московские воеводы (Федор Васильевич Шереметев, Андрей Палецкий, Михаил Лыков, Василий Кривоборский), участвовавшие в битве под Соколом в том же 1579 г., также перечислены только у Стрыйковского и не названы в сочинениях Гваньини и Гейденштейна [435].

Продолжая сравнение сочинений Стрыйковского и Гейденштейна, увидим отмеченную особенность Хроники Стрыйковского и в рассказе о взятии литовскими войсками Велижа и Усвята в 1580 г. Если Гейденштейн о воеводах Велижа говорит неопределенно «начальники, которые там находились», то Стрыйковский называет их имена (в Велиже — Парамон Обручев и Василий Башмаков и в Усвяте — Михаил Вельяминов и Иван Аширов) [436].

Особой подробностью отличаются сведения Стрыйковского о взятии литовскими войсками Великих Лук в 1580 г. Стрыйковский пишет о литовских воеводах и о численности войск у каждого из них, о чем мы не найдем сведений у Гейденштейна [437].

Этот очень неполный перечень известий Стрыйковского по истории Ливонской войны дан здесь не для того,

---

[433] Stryjkowski, t. II, стр. 429 и Gwagnin, стр. 238—240.

[434] Р. Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889, стр. 53—73.

[435] Об участии в бою под Соколом Ф. В. Шереметева и Михаила Лыкова свидетельствует и Разрядная книга 1559—1605 гг. (см. «Синбирский сборник», стр. 69).

[436] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 432 и Гейденштейн, стр. 140.

[437] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 435 и Гейденштейн, стр. 149—151.

чтобы проанализировать каждое из этих известий, а чтобы показать характерные особенности рассказа Стрыйковского о войне, отметить те черты, которые выделяют этот рассказ из числа других повествовательных источников по истории Ливонской войны.

Проследить же происхождение каждого известия Стрыйковского за этот период представляется в рамках настоящей работы невозможным. Огромное количество публицистической литературы (как польской, так и немецкой), выходившей во время Ливонской войны в виде королевских манифестов, реляций, сочинений иностранцев и своеобразных газет, так называемых «Польских Ведомостей» и в особенности «Диариушей» (дневники военных действий) [438] — все это требует самого подробного анализа известий Стрыйковского по истории Ливонской войны. Без сопоставления данных Стрыйковского с фактами всех этих многочисленных источников нельзя определить степень оригинальности тех или иных известий Стрыйковского и, следовательно, полностью оценить их.

Исключение составляют, конечно, те оригинальные известия и наблюдения Стрыйковского, о которых он пишет как очевидец. Они, как мы видели, встречаются на протяжении всей Хроники. XXV книга Хроники, однако, почти не имеет столь характерных для всех остальных книг Хроники упоминаний об участии Стрыйковского в тех или иных событиях, о виденных им исторических достопримечательностях. Единственный случай — это описание Стрыйковским следов битвы на Ивановском поле над рекой Улой, происходившей в 1564 г., которые он видел через десять лет после этого — в 1573 г. Стрыйковский пишет: «На этом поле Иваньском я видел еще большой столб, сложенный из московских костей, когда ехал из Витебска в 1573 г.» [439] Правда, в других книгах Хроники мы найдем не одно упоминание о Ливонской войне, сделанное в связи с другими событиями, намного ранее происходившими на том же месте или чем-то напоминавшими Стрыйковскому случаи из Ливонской войны. Такие места в Хронике выше неоднократно отмечались. Напомним, например, уже упоминавшееся известие о том,

[438] См. о них: В. Васильевский. Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным. ЖМНП, 1889, № 1 и 2.

[439] Stryjkowski, t. II, стр. 415.

что в 1573 г. Бельчицами под Полоцком владела Москва; сравнение осады Полоцка в 1579 г. с осадой Гданьска прусским магистром Вольфгангом Шоненбургом в 1520 г. и др.

Говоря об известиях Стрыйковского по истории Ливонской войны, нельзя не отметить и их определенную тенденциозность. Описывая историю Киевской Руси, Стрыйковский неизменно отдавал должное русскому мужеству, ставя его в пример другим народам, в стихах воспевал победы русских войск в тот период. Однако в последней главе своей книги, почти ничего не сказав о русских победах (если не считать известия о взятии Полоцка в 1563 г.), самым подробным образом, с поименным перечислением знатных русских пленников, Стрыйковский повествует о победах литовско-польских войск. Выше мы уже объясняли причину этого: история Киевской Руси была для Стрыйковского прошлым Литовского, а не Московского государства. К Московскому же государству Стрыйковский проявлял мало интереса.

По Стрыйковскому оказывается, что уже при одном приближении литовских войск войска противника начинали панически отступать. Так, лифляндский магистр сдался литовцам без боя в 1557 г.[440], в 1560 г. 50-тысячное московское войско бежит от 1 тыс. литовцев во главе с Иеронимом Ходкевичем[441]; то же происходит и с московским войском в 108 тыс. в 1561 г. под Зельборком[442]. В 1563 г. в битве под Невелем, согласно Стрыйковскому, пало 3 тыс. москвичей и только 15 поляков[443] и т. д. Характерно, что Стрыйковский ни единым словом не обмолвился в своей Хронике о кандидатуре на польский королевский престол Ивана Грозного или Федора Ивановича в 1572—1575 гг.

В связи с литовскими победами Стрыйковский вспоминает о походе Ольгерда на Москву и о захвате им русских земель, особо выделяя, что он дошел «вплоть до самой Москвы»[444]. Именно в прошлом, в успешных походах литовских войск Стрыйковский стремится найти пример для подражания своим современникам. Отсюда его

---

440 Там же, стр. 410.
441 Там же, стр. 411.
442 Там же, стр. 412.
443 Там же, стр. 413.
444 Там же, стр. 433.

замечание по поводу успехов Гедимина: «Он воевал с лучшим результатом, чем мы ныне, хотя и не имел орудий»[445]. Или восклицание по поводу успехов Витовта: «Встал бы ты сейчас, о, Витовт!»[446].

Завершая рассмотрение литовских известий Хроники, следует отметить, что последние книги Хроники излагают события очень кратко, подчас даже в виде лаконичных погодных записей. Эту непропорциональность частей своего труда сознавал и сам Стрыйковский. В послесловии, которое в Хронике специально не выделено, а является как бы окончанием текста последней XXV книги, Стрыйковский объясняет эту особенность своего труда двумя причинами. Во-первых, общим большим объемом Хроники «сверх ожидания», обозначившимся, когда Стрыйковский приступал к написанию последних книг, и, во-вторых, как пишет Стрыйковский, «дела живых людей и события свежей памяти бывает небезопасно издавать, ибо если кому воздашь хвалу и славу за его почтенные и вечной памяти достойные дела, то противники объявят это пресмыкательством и гнусностью, а если же что-либо в ком-то осудишь и как предостережение передашь последующим поколениям, то на тебя за правду сразу же гневаются (и особенно гневаются действительно злые)»[447].

Среди известий Стрыйковского за период Ливонской войны имеются два, относящихся к истории собственно Русского государства. Это известие о приходе турецкого и татарского войск под Астрахань в 1569 г. и известие о набеге на Москву татар в 1571 г.

Первое известие Стрыйковский датирует не совсем точно 1570 г. «В том же году турецкий султан Зелим,— пишет Стрыйковский,— отправил по земле и по воде 25 тыс. конных турок, 8 тыс. янычар, 80 тыс. татар и 150 галер для захвата Астрахани у московского князя. Но московиты вначале отбили у них галеры с оружием и перебили янычар, затем когда конное войско, измученное голодом и невзгодами у Астрахани, отступило назад, то одни перемерли, другие утонули, третьих разгромили московиты, также и сами татары, (их) союзники по этой

---

[445] Stryjkowski, t. I, стр. 364.
[446] Stryjkowski, t. II, стр. 123.
[447] Там же, стр. 436—437.

войне, били их. Потеряв весь флот, из этого большого числа в Константинополь вернулось едва 2 тыс. человек» [448]. П. А. Садиков в исследовании, посвященном событиям под Астраханью в 1569 г., обратил внимание, что цифровые данные этого рассказа Стрыйковского совпадают с приведенными в сохранившейся в ряде рукописей «Истории о походе турок на Астрахань в 1569 г.» [449] Совпадают не только цифры, но и все остальные подробности рассказа с той, правда, разницей, что у Стрыйковского рассказ более сжатый.

Автором «Истории» П. А. Садиков считает галицкого чашника Андрея Тарановского. Тарановский в качестве литовского посла прибыл в Крым вместе с турецким чаушем Ахматом к хану Девлет-Гирею как раз тогда, когда турецко-татарское войско отступало от Астрахани, и затем находился в войсках во время их отступления. Анализ сочинения о походе 1569 г. показывает, что оно было написано человеком западнорусского происхождения и православным, что также позволяет видеть в Андрее Тарановском его автора. В отчете о своей поездке в Москву в 1573 г. с извещением Ивану IV об избрании на польский престол Генриха Валуа Тарановский не раз повторяет, что он «русский» и православный [450].

Материалы сочинения Тарановского Стрыйковский использовал и в другом месте Хроники. Описывая местность, по которой отступало войско, Тарановский подробно говорит о так называемых Можарских полях (т. е. степях к юго-западу от Астрахани) [451] и об остатках на них каменных зданий: «В тех полях еще днеся есть много стен каменных, яко на кийжд день видено бяше по неколику столпов каменных, идеже прежде храмы были, и везде в полях стоит, яко человеци по древнему обычаю от камня соделанныя, но тыя камения уже мхом поростоша» [452]. Чрезвычайно близкое описание Можарских

[448] Там же, стр. 419.

[449] П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Исторические записки», т. 22. М., 1947, стр. 140—141.

[450] В. В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой, 1572—1584. СПб., 1904. Приложения, стр. 14—21.

[451] П. Семенов. Указ. соч., т. III, стр. 286.

[452] Книга о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII. 1872, стр. 487.

полей находим у Стрыйковского в 9 главе VI книги, в том месте, где он описывает покорение половцев татарами: «В полях также, которые называются Можарскими... и поныне стоит много каменных стен, замков и разрушенных городов. А могилы (гробы) свидетельствуют, что там некогда жили христиане, ибо на могилах стоят мраморные столпы с изображениями знатных мужей с оружием и на них кресты, но одни из них уже от древности поросли мхом, а другие разрушились» [453].

Сочинение Тарановского не было опубликовано вплоть до 1872 г. и во времена Стрыйковского имелось только в списках. Не исключено, что Стрыйковский имел в своих руках автограф «Истории» Тарановского: он был хорошо знаком с Тарановским. В 1574 г. Стрыйковский входил в состав польского посольства в Турцию, которое возглавлял Тарановский. Во многих местах Хроники разбросаны упоминания об этой поездке и о беседах Стрыйковского с Тарановским. На рассказы Тарановского Стрыйковский ссылается и в рассказе о языческих поверьях [454] при описании Каменец-Подольской крепости [455] и в других случаях.

Возможно, что и второе из рассматриваемых здесь московских известий, а именно известие о набеге татар на Москву в 1571 г., Стрыйковский также узнал от Тарановского, который через два года после этого события побывал в Москве. «В том же году (т. е. в 1571 г.— *А. Р.*),— пишет Стрыйковский,— перекопские татары жестоко опустошили московские земли и в день Вознесения столичный город Москву и Нижний замок спалили до основания; там много людей сгорело и задохлось; сохранился только один замок Китай-города, и татары с огромной добычей ушли, не получив отпора» [456]. Хроника Стрыйковского — первое польское сочинение, где имеется известие об этом событии. Последующие хроники, как, например, Гваньини (издание 1611 г.) и Иоахима Бельского (1597 г.), только воспроизводили это известие Стрыйковского.

Сравнивая известие Стрыйковского с соответствующим известием Никоновской летописи, видим, с одной

---

[453] Stryjkowski, t. I, стр. 231.
[454] Там же, стр. 146—147.
[455] Stryjkowski, t. II, стр. 8.
[456] Там же, стр. 419.

стороны, сходство между ними. В Никоновской летописи говорится, как и у Стрыйковского, о том, что множество людей в Москве сгорело или задохнулось. Однако есть и существенное различие: летопись говорит, что «Москва згорела вся», тогда как Стрыйковский сообщает, что Китай-город уцелел. Ничего не говорит Никоновская летопись и о том, что татары ушли с большой добычей[457]. Известие Стрыйковского о том, что уцелел Китай-город, не следует понимать в том смысле, что пожар не перекинулся за стены Китай-города. Как это видно из летописи, пожар полыхал и в Кремле («в Гранавитай и в Проходной и в Набережнай и в ыных полатах прутье железное толстое, что кладено крепости для свяски, перегорели и переломалися от жару»). Видимо, Стрыйковский имеет в виду только стены Китай-города, не пострадавшие от пожара.

* * *

Подведем некоторые итоги рассмотрению литовских известий Хроники и прежде всего сделаем выводы относительно источников этих известий у Стрыйковского.

Как это отмечалось в отношении русских известий Хроники, Стрыйковским были использованы материалы своих польских предшественников — хроник Длугоша, Меховского, Кромера, Деция, Ваповского, Мартина Бельского. В тех случаях, когда речь идет о русско-литовских отношениях и тем более о событиях, происходивших в Московской Руси, Стрыйковский обращается к «Запискам о московитских делах» Герберштейна. Труд Герберштейна является для Стрыйковского важным пособием для справок географического характера, главным образом о расстояниях между различными городами. Нередко у Стрыйковского можно встретить ссылки и на такого автора, как Герборт (или Гербурт), труд которого сам являлся изложением сочинений других авторов, использованных Стрыйковским. В таких случаях ссылки на них даются Стрыйковским после ссылок на другие книги, уже скорее для полноты картины круга источников, к которым обращался Стрыйковский, надеясь найти в них новые данные.

Основным источником литовских известий Стрыйковского являются белорусско-литовские летописи. В отли-

[457] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 419 и ПСРЛ, т. XIII, первая половина тома, стр. 300—301.

чие от русских летописей, которые Стрыйковский называл «русскими хрониками», белорусско-литовские летописи он называет «русскими и литовскими летописцами», реже просто «русскими» и просто «литовскими» летописцами. При этом важно отметить, что один и тот же летописец Стрыйковский может попеременно обозначать одним из этих терминов. Такая сбивчивость терминологии объясняется тем, что летописи, литовские по содержанию, были написаны на русском, точнее белорусском, языке. Об этом Стрыйковский прямо и говорит: «летописцы все литовские, написанные по-русски». Таким образом, очевидно, Стрыйковскому не были известны литовские летописи, написанные хотя и на русском языке, но польскими буквами, т. е. летописцы, подобные Ольшевскому списку или списку Быховца.

К литовским летописцам Стрыйковский обращается особенно часто и нередко их цитирует, иногда воспроизводя значительные отрывки из этих памятников. Этим Стрыйковский решительно отличается от своих предшественников, которые лишь кратко излагали сведения летописей. Значительное отличие заключается также и в том, что Стрыйковский привлек огромное количество летописей, недоступных ни одному из его предшественников. И это не случайно. Во-первых, Стрыйковский считал задачей Хроники прежде всего воссоздание истории Литвы, тогда как его предшественники писали о Литве попутно, лишь постольку, поскольку это было необходимо для истории Польши. Во-вторых, у Стрыйковского, как об этом уже говорилось, были и бóльшие возможности получить летописи.

Имея первоначально в своих руках только два летописца, Стрыйковский затем раздобыл еще 13. Благодаря этому Стрыйковский получил возможность сопоставлять их данные. Критерием достоверности при этом того или иного известия для Стрыйковского являлось наличие этого известия в большинстве летописей. В этом отношении очень характерен пример с известием о Пояте, Куковойте и Живибунде. Напомним, что известие, содержавшееся в одном летописце, о том, что Поята — дочь Куковойта, он считал недостоверным, так как более чем в десяти летописцах говорилось, что Поята была матерью Куковойта. Именно на основании данных большинства летописцев Стрыйковский исправлял собствен-

ные сведения по начальному периоду истории Литвы, изложенные им ранее в книге «Гонец добродетели».

Суммируя проведенные сопоставления летописей Стрыйковского с белорусско-литовскими («западнорусскими») летописями, опубликованными в XVII томе «Полного собрания русских летописей», можно установить, что летописи Стрыйковского представляли собой в основном два типа: 1) летописи типа списков Археологического общества и Евреиновского, 2) летописи типа Быховца. Иными словами, Стрыйковский пользовался полным сводом литовских летописей. Краткие литовские летописи типа Супрасльского или Уваровского списков, по-видимому, остались неизвестными Стрыйковскому, несмотря на то, что Стрыйковский был знаком с князьями Слуцкими, из библиотеки которых происходит Уваровский список, и с Ходкевичами, связанными с Супрасльским монастырем, откуда происходит Супрасльский список. Чем можно объяснить это обстоятельство? Скорее всего тем, что эти летописи содержали сравнительно мало собственно литовского материала, во всяком случае, значительно меньше, чем пространные белорусско-литовские летописи. В них, как известно, значительное место занимала общерусская часть и, напротив, ничего не говорилось, например, о раннем периоде истории Литвы, что столь интересовало Стрыйковского.

Указав среди опубликованных литовских летописей два типа летописей, знакомых Стрыйковскому, было бы неправильным полагать, что они ничем не отличаются от летописей, имевшихся у Стрыйковского. Речь идет скорее об установлении определенных типов летописей, чем об отождествлении летописей Стрыйковского с какими-то опубликованными летописями. И дело здесь не только в разночтениях имен и географических названий (примеров этого приводилось много), что по крайней мере свидетельствует о том, что у Стрыйковского не было ни одного из списков из дошедших до нас литовских летописей, но в самой структуре летописей, в степени подробности тех или иных известий и даже в самом количестве этих известий. Как общее явление можно отметить, что летописи Стрыйковского, даже и те, которые принадлежали к одному типу, в большей мере отличались одна от другой, чем это можно наблюдать в дошедших до нас

белорусско-литовских летописях. Отсюда отмечаемые Стрыйковским разные варианты летописных известий, которые мы не находим в доступных в настоящее время литовских летописях. Отчасти это было связано, по-видимому, с тем, что известия, находившиеся в разных летописях Стрыйковского, в летописях, дошедших до нас, уже объединены. Стрыйковскому, вероятно, были доступны летописи более раннего этапа белорусско-литовского летописания. В этом отношении очень показательно известие Стрыйковского о покорении Витовтом Смоленска. В одних летописях Стрыйковского говорилось, что Витовт отдал Смоленск Глебу Святославичу, а в других к этому известию имелось дополнение о том, что Юрию Святославичу Витовт дал Заслав. Все же известные в настоящее время белорусско-литовские летописи, содержащие рассказ об этих событиях, имеют в своем составе и то и другое известие вместе.

Ряд летописей, которыми пользовался Стрыйковский, по-видимому, исчезли или погибли. Таковы летописи, имевшиеся у Стрыйковского и содержавшие известия о том, что Витень сам нашел Лиздейко, наряду с дошедшим до нас летописным известием о том, что он был просто кем-то найден в орлином гнезде. То же можно сказать и относительно летописей, имевших известия о том, что Ольгерд только прислонил копье к кремлевской стене, наряду с дошедшим до нас летописным известием о преломлении копья.

Очень характерны приводившиеся выше сопоставления летописных данных Стрыйковского с летописцем по списку Быховца. Летописи типа Быховца составляли большинство летописцев Стрыйковского. Приводя тот или иной текст, который находит соответствие только в летописце Быховца, Стрыйковский не раз говорит, что об этом можно прочесть и в тысяче летописцев. То обстоятельство, что большинство летописных источников Стрыйковского по истории Великого княжества Литовского было представлено именно летописцами типа Быховца, вполне закономерно. Ведь этот летописец был создан, как это показал Н. Н. Улащик, в кругах, близких к князьям Слуцким [458], с которыми самым тесным образом был связан и Стрыйковский.

[458] Хроника Быховца. Подготовка текста, предисловие и примечания Н. Н. Улащика, стр. 24—28.

В целом ряде случаев было видно, что летописцы типа Быховца у Стрыйковского были более полными, чем дошедший до нас список. Если то или иное известие Стрыйковского находит соответствие только в летописце Быховца, то нередко у Стрыйковского это известие оказывается более полным и подробным (таково, например, описание похода короля Яна Ольбрахта на валашского воеводу Стефана или известия о русско-литовской войне 1499 г.).

Нельзя не заметить, однако, что среди списков летописца типа Быховца, имевшихся у Стрыйковского, большинство не принадлежало к тому виду, который представлен дошедшим до нас списком. В этом отношении характерно известие о свадьбе Ягайлы и дочери Андрея Гольшанского. Напомним, что оно имелось лишь в некоторых летописцах Стрыйковского, тогда как в большинстве говорилось о свадьбе с дочерью князя Андрея Друцкого. Известие об этом сохранилось только в летописце Быховца и именно в первом варианте. Сделанное наблюдение подтверждает и характер известия Стрыйковского о Парчовском съезде. Передавая его, Стрыйковский «согласовывал» летописи, т. е. в соответствии со своим методом выяснял, какой вариант различных известий присущ большинству летописей. И опять в большинстве его списков это известие оказывалось не таким, как в Быховце: говорилось, что польские паны хотели не только поймать приехавших на сейм литовских панов, но и перерезать их.

Ряд сведений Стрыйковского вообще не находит соответствия в известных в настоящее время летописях. Все такие известия или подробности выше специально отмечались. Некоторые из них находят подтверждение в других источниках, в частности в материалах археологических раскопок (описание пути Ольгерда в Москву или четвертой церкви в Полоцке). Особенно важны эти летописные данные Стрыйковского по второй половине XV в. и первой половине XVI в., поскольку в опубликованных литовских летописях сведения по этому периоду крайне отрывочны.

Ряд оригинальных известий Стрыйковского происходит из родовых летописных материалов и родословий, доступных Стрыйковскому благодаря близким связям с литовскими магнатами. Отсюда сведения Стрыйковского

об участии тех или иных представителей их родов в важнейших государственных событиях: описание подвигов Дмитрия Корибутовича во время битвы при Ворскле в 1399 г.; известие о том, что среди кандидатов на польский престол в 1430 г. фигурировал Олелько Владимирович; сведения о родовых владениях князей Слуцких в прошлом или некоторые генеалогические данные (о родстве князей Друцких и Острожских и т. д.).

Чрезвычайно широко используя литовские летописи, Стрыйковский старался критически подойти к ним. Уже отмечалось сопоставление Стрыйковским летописей между собой, как он говорил «согласование» их. Нередко данные летописей Стрыйковский сравнивает с известиями польских хроник. Если речь идет об одних и тех же событиях и имеются разноречивые известия об этом, то Стрыйковский старается определить, где известие более достоверно: в литовской летописи или в польской хронике. Характерный пример такого рода сопоставления представляет рассмотрение Стрыйковским известия о битве под Хойницами в 1454 г. Это наиболее развернутая критика Стрыйковским своих источников. Летописи здесь корректируются не только на основании данных других источников, но и на основании критики их содержания. В этом же месте Хроники обращает на себя внимание и еще одна характерная черта отношения Стрыйковского к своим источникам: Стрыйковский стремится не только исправить какую-то ошибку, но и старается объяснить ее происхождение. В частности, в данном случае известие летописи о том, что противниками польско-литовских войск были чехи, а не крестоносцы, Стрыйковский объясняет участием чехов в войсках крестоносцев. С чехами, по его предположению, сражались литовские войска, что и нашло отражение в литовских летописях.

Большой интерес представляет попытка Стрыйковского установить даты тех или иных событий литовской истории, не датированных в белорусско-литовских летописях. Отсутствие хронологии в литовских летописях Стрыйковский считал их важнейшим недостатком. «Такие никчемные и безмозглые были писцы русских и литовских летописцев, что свои истории писали еле-еле, без рассмотрения, как им в голову взбредет, а лет или годов, в какое время что происходило, ни в одном месте не обо-

значают, не понимая того, что от каждой истории более всего требуется обозначение времени»,— писал Стрыйковский[459].

Своей важнейшей задачей Стрыйковский считал извлечь из тьмы неведения литовскую историю. В отношении древнейшей истории Литвы сделать это Стрыйковский был бессилен, поскольку нигде, кроме самих литовских летописей, Стрыйковский не мог найти известий об этом. Но, начиная с 1212 г., Стрыйковский пытается датировать события литовской истории. Исходной эта дата явилась потому, что в литовских летописях говорилось, что Монтвил задумал освободиться от выплаты дани киевским князьям после поражения русских от татар (на Калке). Согласно же польским хроникам, битва на Калке произошла в 1212 г. Как пишет Стрыйковский, в течение четырех лет Монтвил и Живибунд совершали опустошительные набеги на русскую землю, а с 1217 г. послали войско во главе с Эрдзивилом для завоевания русских земель. Сведения о четырехлетнем промежутке времени — между поражением русских войск от татар и походом Эрдзивила на Русь — взяты Стрыйковским, очевидно, из летописей («летописцы свидетельствуют»), хотя в сохранившихся летописях это известие отсутствует. Таким образом, у Стрыйковского получается «достоверный» расчет лет «литовской хроники». Понятно, что мы не можем признать такой «расчет лет» действительно достоверным. Калкская битва, как известно, произошла не в 1212, а в 1223 г., и потому все последующие даты, зависящие от этой, также неверны, но в этом вина не Стрыйковского, а других польских хронистов. Обращение же Стрыйковского к русским летописям в данном случае помочь не могло, поскольку Стрыйковский, как об этом неоднократно говорилось выше, не умел переводить летосчисление от сотворения мира на лотосчисление от рождества Христова.

К сожалению, указанный расчет лет Стрыйковский не распространяет на дальнейшие события и даты литовских летописных известий. Даты продолжают встречаться в Хронике лишь в отдельных случаях, причем приводятся они Стрыйковским чаще всего опять-таки на основании польских хроник.

---

[459] Stryjkowski, t. I, стр. 243.

Вообще нельзя не заметить, что хронология — это одно из самых слабых мест Хроники Стрыйковского. Имея несравненно больший, чем у его предшественников, летописный материал, как русский, так и белорусско-литовский, он, однако, не в силах был до конца разобраться в нем, прежде всего потому, что не понимал летосчисления от сотворения мира, как это, впрочем, было свойственно и другим польским хронистам. Вопрос об ошибочности их хронологической сетки в отношении русских известий, хотя неоднократно и поднимался исследователями, но никогда не находил разрешения. Несомненно только одно, что исходным моментом для всех польских хроник являлась хроника Длугоша. Однако ни в разборе известий Длугоша, сделанном Семковичем[460], ни в новейших комментариях к изданию текста Длугоша[461] мы не найдем решения этого вопроса. В порядке предположения можно думать, что русские летописи Длугоша вообще не имели хронологической сетки, подобно Ипатьевской летописи, и Длугош вынужден был размещать те или иные известия русской истории по сопоставлению с какими-то событиями польской истории, датированными в его источниках.

Завершая обзор основных письменных источников Стрыйковского по истории Литвы, необходимо назвать также ливонские хроники, и прежде всего хронику Петра Дюсбурга. Заслуга Стрыйковского состояла в том, что он первый ввел этот ценнейший памятник в научный оборот. Несомненный интерес для истории Литвы, хотя и в большей мере для истории Ливонии, представляют выписки Стрыйковского из Annales Rigenses или Annales Ronneburgenses, а также выписки из метрики (или синодика) Румборкской церкви с перечислением крестоносцев, убитых в войне с Литвой.

Выше, говоря об источниках русских известий Стрыйковского, мы отмечали его знакомство с Житием Бориса и Глеба и Киево-Печерским патериком. Обращался Стрыйковский к русским житиям при работе и над литовской частью Хроники. И хотя ни одного известия из них в этой части Хроники мы не найдем, но проверка по

460 A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. Kraków, 1887.

461 Jan Długosz. Roczniki czyli Kroniki sławnego Królewstwa Polskiego, t. I. Warszawa, 1962.

ним литовских летописей очевидна в рассказе о Евфросинии Полоцкой. Напомним, что именно на основании просмотра многих «книг церковных» Стрыйковский убедился в ошибочности версии летописей о пребывании Параскевы-Евфросинии в Риме. Где мог знакомиться Стрыйковский с этими православными церковными книгами? Как это видно из Хроники, Стрыйковский интересовался русскими храмами, изучая их росписи и убранство. В храмах он мог видеть и церковные книги.

Обзор письменных источников Стрыйковского по истории Литвы и Белоруссии был бы не полон, если не упомянуть об актовых материалах. Выше уже говорилось, что непосредственное использование их Стрыйковским встречается крайне редко. Обычно документы передаются Стрыйковским по хронике Кромера, как известно, особенно насыщенной ими (собственно и само создание хроники Кромером явилось результатом его работы в королевском архиве в Кракове). Вполне возможно, что Стрыйковский сам не обращался к материалам архива, даже и в тех случаях, когда текст документа был совершенно необходим для него. Так, рассматривая вопрос о том, где более точно передан текст виленского акта 1401 г.: в летописи или у Кромера, Стрыйковский решает его путем рассуждений, а не непосредственного обращения к документам.

Только в одном случае Стрыйковский непосредственно пользуется документом — передавая текст привилегии, выданной в 1387 г. королем Ягайлой Виленской епископии. Но и здесь Стрыйковский получил его не в государственном архиве, а у частного лица — князя Юрия Юрьевича Слуцкого. Возможно, из личного архива князей Слуцких Стрыйковский получил и какую-то не дошедшую до нас грамоту об их первоначальных владениях.

Трудно сказать, чем вызвано то обстоятельство, что, знакомясь с материалами частных архивов, Стрыйковский, судя по всему, не работал в государственных. Весьма вероятно, что, готовя свою Хронику и живя большей частью на территории Белоруссии, Стрыйковский просто не имел для этого удобного случая.

Письменные источники, как ни многочисленны и разнообразны они были у Стрыйковского, не ограничивали круга его материалов. Большую ценность труд Стрыйковского представляет благодаря его устным

источникам, его собственным наблюдениям и описаниям архитектурных и археологических памятников.

Устные источники Стрыйковского по истории Литвы — это в основном исторические песни: о Кайдане, о Довмонте, об осаде Ковна крестоносцами в 1362 г., о битве на Видзинском поле и, возможно, описание похорон Гедимина. Памятники фольклора Стрыйковский использует двояко. Когда о том событии, которому посвящена песня или сказание, имеются известия в письменных источниках, данные фольклора служат как бы иллюстрацией этих известий. Реже встречаются случаи, когда о тех или иных событиях Стрыйковский сообщает только на основании преданий (например, битва на Видзинском поле).

К устным источникам Стрыйковского можно отнести и рассказы, слышанные им от лиц, являвшихся участниками тех или иных событий или знавших этих участников. Пожалуй, более всего сведений сообщил Стрыйковскому Андрей Тарановский, с которым он ездил в Турцию. О своих разговорах с Тарановским Стрыйковский упоминает на страницах Хроники.

Видимо, Стрыйковский пользовался рассказами какого-то псковича, жившего в Литве, или кого-то другого, бывшего в Пскове. Так, в Хронике приводятся местные псковские предания (о могиле Трувора; о том, что Ольга приходилась правнучкой Гостомыслу), а также сведения о Довмонтовой стене в Пскове. Напомним, что, описав ее, Стрыйковский прямо отсылает к рассказу псковичей и тех, кто бывал в Пскове.

Использовал Стрыйковский и предания, бытовавшие в Витебске, где Стрыйковский прожил полтора года. Именно на основании рассказа «старых витеблян» Стрыйковский сообщает о том, что Витебский замок был построен женой Ольгерда Ульяной.

Как устный источник Стрыйковского отметим также рассказ князя Юрия Слуцкого о Трепке — тайном после польского короля Сигизмунда к Михаилу Глинскому, находившемуся в Москве. Число лиц, информировавших Стрыйковского, вероятно, значительно бы выросло в случае подробного изучения его известий за период Ливонской войны. Стрыйковский несомненно общался с многими участниками этой войны и, возможно, от некоторых из них получил сведения о военных действиях.

Исключительный интерес в Хронике Стрыйковского представляют его собственные наблюдения. Древнее оружие, замки, их руины, городища, храмы с их росписями, памятные камни на Двине, языческие обычаи и обряды — все это привлекало внимание Стрыйковского. Ни одна другая хроника не имеет в таком изобилии описаний всех этих достопримечательностей и обычаев. Интересна одна черта в описании их Стрыйковским: он всегда указывает точную дату, когда и где он видел тот или иной памятник древности, наблюдал тот или иной обычай.

Как и памятники фольклора, свои наблюдения и описания Стрыйковский использует двояко: 1) как иллюстрацию известия, почерпнутого из письменного источника, и 2) как непосредственный источник. Особенно интересен второй вид использования Стрыйковским своих наблюдений. Обнаруженные Стрыйковским следы битвы позволяют ему уточнить место, где произошли сражения между Витенем и Казимиром Ленчицким в 1294 г. и между Витовтом и крестоносцами в 1390 г. Ознакомившись со следами разрушений Витебской крепости, Стрыйковский получил возможность восстановить картину осады Витебска Витовтом в 1396 г. Хорошее знакомство Стрыйковского с Витебском позволило ему подробно описать и строительную деятельность Ольгерда.

Относительно этого, как и большинства других описаний Стрыйковского, необходимо заметить, что они имеют и большое самостоятельное значение. Если учесть, что многие постройки, виденные Стрыйковским, не сохранились или сильно искажены (Витебск, Полоцк), что до нас не дошло ни одного произведения белорусской живописи XIV в., а Стрыйковский сообщает даже о портретных изображениях, которые были целы в его время (изображения Ольгерда и Ульяны), то совершенно очевидной станет ценность труда Стрыйковского для историков литературы и искусства.

Конечно, не всегда те или иные достопримечательности находили у Стрыйковского правильное истолкование и датировку. Да это и трудно было бы от него требовать. Примеры таких ошибок Стрыйковского можно найти, хотя их все-таки сравнительно немного. Так, русские фрески в Люблине Стрыйковский датирует XIII в., связывая со временем Даниила Галицкого, или какое-то изображе-

ние, виденное им в Константинополе, принимает за щит Олега.

Таков круг интересов Стрыйковского, круг его источников. Как мы видели, из Хроники совершенно выпадает социально-экономическая история. Жизнь народа привлекает Стрыйковского только с точки зрения его обрядов и обычаев. В центре его внимания история правления князей, история знатных фамилий, история войн. Во всем этом проявляется несомненная ограниченность Стрыйковского как историка. Однако этот недостаток присущ всем польским историческим трудам его времени.

Труд Стрыйковского интересен и важен для нас не только как исторический источник и как памятник польской историографии XVI в., свидетельствующий о ее самых оживленных связях с историографией России, Украины, Белоруссии и Литвы, но и как в какой-то мере свод памятников общественно-политической мысли народов этих стран, и в особенности Белоруссии и Литвы. Стрыйковский пересказывает в своей Хронике ряд таких памятников, не сохранившихся в самостоятельном виде. Это, с одной стороны, переработка наследия, полученного еще от Киевской Руси (Устав Владимира Святославича, Сказание о Владимире Мономахе и т. д.), с другой стороны — сочинение, возникшее в Великом княжестве Литовском (рассказы о походах Эрдзивила и Ольгерда и т. д.). Было бы неправильным подходить к подобного рода рассказам, имеющимся у Стрыйковского, только с точки зрения выяснения достоверности или недостоверности исторических сведений, которые они содержат. При таком подходе мы получили бы весьма скудные результаты от изучения целого ряда глав Хроники. Для историка является важным сам характер и причины той тенденциозности и искажения исторических сведений, в свете которых создается или перерабатывается тот или иной памятник, переданный Стрыйковским.

Глава V

ХРОНИКА СТРЫЙКОВСКОГО В РОССИИ И НА УКРАИНЕ В XVII в.

Едва ли какое-нибудь другое произведение иностранной научной или художественной литературы может соперничать по числу переводов на русский язык во второй половине XVII в. с Хроникой Мачея Стрыйковского. В течение 20 лет (с 1668 по 1688 г.) к этому замечательному памятнику польской историографии четыре раза обращались русские переводчики. Переводились как отдельные главы Хроники, так и вся она целиком.

Чем же вызван столь значительный интерес к этому произведению?

Вторая половина XVII в.— это время оживленных русско-польских отношений, как враждебных в период, последовавший за воссоединением Украины, так и более дружественных позднее. Уже начиная с 1656 г. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры. Почти ежегодно страны обмениваются посольствами [1]. Наконец, в июле 1668 г. в Польше учреждается первая постоянная миссия России [2]. Более того, несмотря на значительные противоречия между двумя странами, несколько раз ставится вопрос об их унии (1656, 1658, 1668—1669 и 1674 гг.) [3]. Хотя сама по себе эта уния была не реальна и со стороны польских феода-

---

[1] Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (до 1800 г.), ч. III. М., 1897.

[2] С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 65.

[3] И. Б. Греков. Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады (1657—1659 гг.). Сб. «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954, стр. 313—315, 330—335; А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. «Уч. зап. МГПИ», т. II, 1947.

лов служила подчас чисто тактическим средством в отношениях с Россией, переговоры о ней вызвали в России оживленный интерес к Речи Посполитой и в особенности к Литве, их внутреннему устройству и истории. Особое внимание к Литве было связано с тем, что русское правительство стремилось привлечь литовскую шляхту, тяготившуюся зависимостью от Польши.

Все это делает понятным большой интерес к польской литературе и публицистике в России. В Россию привозят польские книги: в 1653 г. посол Репнин-Оболенский купил ряд книг по царскому указу, среди них были: «Гранограф Пясецкого», «Гвагнин» (т. е. одно из сочинений Гваньини), словари, «Описание Польши»[4]. Есть известие, что летом 1672 г. мастера печатного двора Киево-Печерского монастыря Алексей Мушич и Тимофей Кушва продавали в Москве польские книги[5].

Эти два факта, известные в литературе, как ни показательны, все же единичны. Между тем, как свидетельствуют польские дела Посольского приказа, в Москве постоянно получали польские книги. Естественно, что в первую очередь в Посольском приказе интересовались текущими польскими делами. Переводы польских сеймовых журналов и сеймовых конституций, а в отдельных случаях и их польские оригиналы сохранились, начиная с 1631 г.[6] Делались переводы и других официальных материалов, таких, как манифесты королей, привилегии, выдававшиеся украинским и белорусским городам (Могилеву[7], Нежину[8], Переяславлю[9]), речи королей на сеймах[10].

Особое внимание Посольского приказа было привлечено к польско-турецким отношениям, поскольку совместная борьба России и Польши против Турции и Крыма все больше выдвигалась на первый план международных

---

[4] С. Соловьев. Книги, приобретение которых считалось нужным в Москве в XVII в. «Летописи русской литературы и древности», т. III, кн. 5. М., 1861, стр. 34.

[5] В. Эйнгорн. Книги киевской и львовской печати в Москве. «Книговедение», IX и X. М., 1894, стр. 7—12.

[6] ЦГАДА, ф. 79, 1631 г., № 2, 1633 г., № 4, 1639 г., № 4; 1646 г., № 24; 1659 г., № 12; 1676 г., № 10; 1690 г., № 4 и др.

[7] ЦГАДА, 1654 г., № 2; 1656 г., № 14.

[8] Там же, 1634 г., № 10.

[9] Там же, 1633 г., № 6.

[10] Там же, 1637 г., № 4.

отношений в Восточной Европе и являлась той основой, на которой мог быть построен мир и союз между Польшей и Россией. Именно в связи с этим следует рассматривать «перевод с польской книги, содержащей в себе поход польского коронного гетмана Станислава Яблоновского против турок и татар», сделанный в 1688 г.[11], а также переводы грамот, относящихся к польско-турецким делам в 1643 г.[12], договор между Польшей и турками 1675 г.[13] В некоторых рукописных сборниках встречаются переводы грамот турецкого султана к польскому королю (например, грамоты 1657 г.[14]). Нельзя не упомянуть и об исключительном внимании, проявленном в России XVII в. к книге польского автора Старовольского «Двор цесаря турецкого»[15]. Исследователи насчитывают шесть переводов этой книги.

Посольский приказ следил не только за дипломатическими материалами, но и за польской публицистикой, он интересовался литературными сочинениями, в частности стихами, выходившими в Польше, и в первую очередь теми, которые носили политический характер и заключали в себе «бесчестье государства Московского». Такие сочинения переводились на русский язык. На основе этих переводов делались специальные «выговоры» польским комиссарам при очередных встречах с ними. При этом, если книги были анонимными, Приказ настойчиво доискивался их автора.

Так, например, подьячий Прокопий Возницын вывез из Польши печатную книгу, в которой «на бесчестье государства Московского во многих местах напечатано»[16]. Книга называлась «Лирика и епиграммата Веспасияна с Кохова»[17]. В деле Посольского приказа приведены

---

[11] Там же, 1662 г., № 32.

[12] Там же, 1688 г., № 232.

[13] Там же, 1675 г., № 177.

[14] ГИМ, Ув. в 1°, № 1844; ГПБ, Собр. Русского археологического общества, № 43. Об этом переводе см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 238—239.

[15] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 90—92. Подробнее о переводах книги Старовольского см.: Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961, стр. 16—19.

[16] ЦГАДА, ф. 79, 1675 г., № 177, лл. 389 об.—396 об.

[17] «Веспасиан с Кохова» — Веспасиан-Иероним Коховский, известный польский поэт и историк (1630—1699 гг.).

полные выходные данные этой книги: «Выдана печатана та книга нынешняго Яна Третиего короля Полского на имя сына его королевича Иакова в Кракове в типографии и проторлии Войтеха Горецкого славной Академии Краковской типографа в лето 1674 октября в 6 день по новому». В Посольском приказе обратили внимание на те строки книги, где Польша уподоблялась орлу, который

Упрямую Москву так кохтями согнет,
В которых уловленное нимало не дохнет.

Помимо этих стихов и других подобных им в книге были помещены похвальные стихи Андрею Олшовскому, в которых между прочим упоминалось, что он являлся автором сочинения под названием «Ценсура». Этим выпущенным без указания автора и выходных данных сочинением давно интересовались в Посольском приказе, так как в нем «на государское имя... речи напечатаны непристойны». Ранее польские комиссары, пользуясь тем, что книга была издана на латинском языке, отпирались и говорили, что «та книга печатана не вь их государстве и имени у тои книги, кто выдал и где и которого году и месяца и числа печатана, нет». Внимательно следя за польскими печатными изданиями, в Посольском приказе, таким образом, установили имя автора анонимной книги.

Этот случай является наглядным примером того, как пристально в Посольском приказе следили за польскими книгами. При этом нельзя не отметить одну характерную черту: перевод тех или иных художественных произведений производился в стихах, если они так были написаны на польском или латинском языках. Примером могут служить не только вышеприведенные стихи, но и переводы книги «Муза польская», доставленной в Москву подьячим Василием Тимофеевым 18 августа 1676 г. [18], а также неизвестных по названию «полского писма виршей, каковы писаны на бесчестье королю полскому и королеве и послу французскому и бискупам и сенаторам» (1678 г.) [19], латинских стихов «Яну Третиему полскому королю в Варшаву на сейм входящему» (1678 г.) [20].

---

[18] ЦГАДА, ф. 79, 1675 г., № 177, лл. 481—481 об.
[19] Там же, лл. 484, 490.
[20] Там же, л. 520.

Как ни значительны были по численности и интересны по содержанию рассмотренные выше переводы документов, публицистики и поэзии с политической тематикой, ими, конечно, не исчерпывалось все многообразие переводимых в XVII в. польских книг. Польско-русские культурные связи, связи по линии литературы и искусства были куда шире и разностороннее. Без преувеличения можно сказать, что переводы с польского в XVII в. занимают ведущее место среди переводной литературы России того времени. Они определяют лицо этой исключительно важной области русской культурной жизни. Широкое знакомство с европейской культурой было значительно облегчено польским посредничеством, тем более, что сама Польша была одной из высокоразвитых в культурном отношении стран Европы того времени и внесла в эпоху Возрождения (в особенности в XVI в.) большой вклад в сокровищницу мировой культуры[21]. Переводить с родственного славянского языка было значительно доступнее, чем с западноевропейских языков. Необходимо также учитывать ту большую роль, которую в Москве играют в это время ученые украинцы и белорусы, т. е. люди, так или иначе причастные к польской образованности. Мощный поток переводов с польского буквально хлынул в русский книжный мир того времени[22]. Это были и лечебники (например, Симчинского), и руководство по военному искусству («Совет воинский» Папроцкого), и описания путешествий, и книги о «добронравии» (например, Яна Запчица), и замечательное сочинение Андрея Фрыча Модржевского «О государстве», и сочинения по астрономии (Невесский «О кометах». 1680 г.), «поучительная» и богословская литература (в том числе широко распространенные в русской письменности «Зерцало Великое» и «Звезда Пресветлая»), огромное количество произведений художественной литературы, к которым относятся такие популярные на Руси повести, как «История о Магелоне», «Повесть о римском

---

[21] Подробнее об этом в кн.: И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение.., стр. 212—320.

[22] Ценные сведения о переводах с польского в России XVII в. содержатся в книге А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XV—XVII вв.». Далее сведения о переводах польских книг приводятся в основном по этому изданию.

цесаре Оттоне», роман о Мелюзине и многочисленные фацеции (новеллы) [23] и жарты (шутки).

Историки русской литературы обычно подчеркивают, что большинство произведений, переводившихся с польского, не оригинальные произведения польской литературы, а польские переводы западноевропейских сочинений [24]. Если по отношению к беллетристике это и верно, то такое наблюдение в значительно меньшей мере относится к другим сочинениям, и в особенности к историческим трудам.

Интерес к польским историческим трудам, а вместе с тем и переводы их на русский язык были сделаны еще в XVI в. Уже Иван Грозный читает перевод «Хроники всего Света» Бельского. В описи царского архива, относящейся к 70-м годам XVI в., над словами «перевод с летописца польского и перевод с космографии» написано «отдан к государю» [25]. Материалы хроники Бельского в значительном количестве были включены в русские исторические сочинения: Никоновскую летопись (середина XVI в.) через западнорусский хронограф [26] и хронограф второй редакции (1617 г.) [27]. В XVII в., в особенности в его второй половине, появляются новые переводы (два великорусских и один западнорусский [28]) этого труда, переводятся также отрывки из «Польской хроники» Иоахима Бельского, «Трактат» Гваньини, «Хроника Пясецкого», наконец, «Хроника» Стрыйковского. Наряду с оригинальными произведениями польской историографии с польского переводились сочинения, переведенные или переработанные в самой Польше, например «Церковные летописи» Барония в польской обработке Скарги [29].

Интерес к польской исторической литературе имел как бы два аспекта: во-первых, использование ее произве-

---

[23] О переводах фацеций см. специальное исследование О. А. Державиной «Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в.» М., 1962.

[24] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 50; «История русской литературы», т. II, ч. 2. М., 1948, стр. 375.

[25] Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 41.

[26] С. П. Розанов. Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. ИОРЯС, 1930, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 269.

[27] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II. М., 1869, стр. 87—116.

[28] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 53—56.

[29] Там же, стр. 83—86.

дений как источников по собственной истории, особенно ее древнейшего периода, и в связи с этим изучение общеславянской истории, и во-вторых, изучение истории собственно Польши и Литвы как соседних стран, с которыми Россия находилась в самом тесном общении.

Первый из названных аспектов был четко сформулирован и осознан в тех кругах русского общества, которые были связаны с историографией. В предисловии к сборнику исторического содержания XVII в., принадлежавшему постельничему царя Федора Алексеевича А. Т. Лихачеву, по этому поводу сказано следующее: «Из всех историков древних и новых, не токмо словенских и русских летописцев, но и еллинских и латынских и польских собрати во единой исторической книге и делу, по обычаю историографов, наипаче из тех, что достовернее, откуду произведется народ московской и русской и словенской и какия их начала и протчая и потом по чину и по векам до сих времен, что учинилося в российских государствах...»[30] Характерно, что сам сборник открывался выписками из сочинений польских историков. При большом интересе к польской литературе вообще не удивительно, что из всех иностранных источников в первую очередь и даже главным, если не исключительным образом отбирались труды польских историков. Такое обращение преимущественно к польской историографии в России связано с большим ее развитием в Польше, достигшим высокого уровня уже в труде Длугоша, а в XVI в. обогатившуюся многими ценными сочинениями.

Наконец, интерес к польским историческим трудам представится еще более закономерным, если принять во внимание, где и кем производилась историографическая работа в России XVII в. Одним из таких центров несомненно являлся Посольский приказ, где, как мы видели, как раз собиралась и переводилась иностранная и особенно польская литература. Л. В. Черепнин отмечал: «С XVI в. Посольский приказ делается причастным к официальной историографии. Описи отмечают наличие в архиве Посольского приказа летописных сводов и выписок из них, свидетельствующих о большой, по-видимому, историографической работе, производившейся в стенах

---

[30] Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871, прилож., стр. XLI.

приказа при ближайшем участии его дьяков и подьячих»[31]. В стенах Посольского приказа в 70-х годах XVII в. создается целый ряд книг, посвященных всемирной истории, среди них «Титулярник», «Василиологион», «Александрия»[32]. С Посольским приказом связано множество роскошно оформленных рукописей. По справедливому наблюдению И. М. Кудрявцева, их содержание в большей своей части носит исторический характер[33].

На сравнительно недолгий промежуток времени (с 1657 по 1659 г.) правительственным центром историографии был сделан Записной приказ. Его непосредственной задачей было «записывати степени и грани царственныя» с царя Федора Ивановича. Но возглавлявший приказ дьяк Тимофей Кудрявцев сам предлагал расширить эти задачи и не только продолжить Степенную книгу, но и заново написать древнейшую ее часть: «И к тому не укажет ли он, великий государь, поискати о начале великославного сарматского, славенского, русского народов и московского старовечностию славноцветуща имянования и пред кончиною Гостомысловою мудрого его совета новгородцам...» В этих словах Кудрявцева обращает на себя внимание упоминание сарматского народа как предка славян, что было характерно для польских хронистов, усиленно развивавших так называемую сарматскую теорию происхождения славян. И действительно, Т. Кудрявцев далее прямо пишет: «А в кронике полской Матвея Стрийковского чаят написано о сарматском, славянском и русском народах и о московском старовечном имянований к славе»[34]. Очень важен конец приведенной фразы. Он показывает, что ценили в России XVII в. в Хронике Стрыйковского и почему нередко предпочитали ее другим произведениям польской историографии и, наконец, почему из переводов всех польских да и вообще иностранных хроник в наибольшем количестве дошла Хроника Стрыйковского.

---

[31] Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. «Исторические записки», вып. 14. М., 1945, стр. 91.

[32] И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.). Сб. «Книга», т. VIII. М., 1963, стр. 182—209.

[33] Там же, стр. 207.

[34] С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, стр. 72.

Написанное на основе огромного количества русских, польских, литовских, византийских, турецких и западноевропейских источников, дополненное собственными авторскими наблюдениями быта и обычаев народов, цитатами из устных преданий, описаниями достопримечательностей, виденных самим автором, это замечательное произведение польской историографии привлекло к себе особое внимание и тем, что в нем история излагалась с большим сознанием общеславянского единства. Стрыйковский с исключительным уважением пишет о русском народе, сопровождая упоминания о нем эпитетами «мужественный» и «героический». В высшей степени терпим Стрыйковский и в религиозных вопросах, не делая ни одного выпада против православия.

В России не могла не привлечь к себе внимания предложенная Стрыйковским схема происхождения славянских народов, среди которых первенствующее значение у Стрыйковского имеет русский. Русский народ, по мнению Стрыйковского, явился родоначальником всех других славянских народов. Поляки, чехи, кашубы и другие — это народы, отделившиеся от него. Не случайно поэтому, согласно Стрыйковскому, «собственно славянский язык должно быть язык русско-московский». Другие же славянские языки Стрыйковский считал засоренными заимствованиями из иностранных[35]. Так роль русского народа и русского языка для славян не оценивал ни один польский хронист. В лучшем случае отмечалась близость между собой славянских языков, в частности польского и русского (М. Бельский), но никто не выдвигал русский язык и русский народ в качестве наиболее сохранивших славянскую чистоту.

Едва ли нужно говорить о наивности теории этногенеза славян и русских, выдвинутой Стрыйковским. Эта теория была достаточно характерна для подобных построений того времени с такими мифическими родоначальниками, как Мосох (его Стрыйковский считал «отцом и патриархом» всех славянских народов), Ассермат, Лех и т. д. Но в данном случае существенна не эта теория, а то, что такое отношение Стрыйковского

[35] Stryjkowski, t. I, стр. 107—108. Об этом соотношении славян и русских в представлении Стрыйковского и других польских хронистов см.: И. Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 100—146.

к славянскому прошлому и настоящему не могло не вызвать повышенного к нему интереса. Тимофей Кудрявцев правильно уловил эту особенность Хроники Стрыйковского, выбрав ее из числа других иноземных хроник.

Кроме того, в Хронике имелись малознакомые сведения по истории Литвы, интерес к которой, как об этом уже говорилось, в связи с вопросом о польско-русской унии был особенно велик. А между тем ни один не только русский, но и любой другой источник не содержал о Литве столь обстоятельных сведений, да еще со ссылками на малознакомые в Москве «русские хроники». Эти «хроники» являлись источниками, которые, если не по происхождению (а название «русские», как мы видели, у Стрыйковского обозначало лишь язык, на котором они были написаны), в чем, впрочем, едва ли особенно и разбирались, то по самому их названию, можно думать, вызывали в России большее доверие, чем польские источники.

Среди причин, обусловивших интерес к Хронике Стрыйковского в России, следует назвать и то богатство исторических сведений об Украине и Белоруссии, которые содержатся в этом труде. В период воссоединения Украины и части Белоруссии с Россией и в последующее время русское образованное общество не могла не привлекать к себе история этих стран, вошедших в состав Русского государства.

Одной из отличительных особенностей Хроники Стрыйковского является ее особое внимание к истории борьбы славянских стран, в том числе Польши и России, с турецко-крымской агрессией. Борьба эта была в XVII в. одной из первоочередных и животрепещущих внешнеполитических проблем как для Польши, так и для России, была основой, на которой в значительной мере и строилось польско-русское сотрудничество в последней четверти XVII в. Таким образом, тематика, связанная с борьбой с Турцией, была одним из факторов, обусловивших исключительный интерес к Хронике русского общества XVII в. Не случайно в 1672 г. во время переговоров с польскими послами о совместной борьбе России и Польши против Турции московские бояре ссылались именно на Хронику Стрыйковского. «Султан не начнет войны,— говорили они,— как прежде султан Баязет, узнав о союзе христианских государств, тотчас прислал

просить о перемирии к польскому королю Яну Альбрехту, как рассказывает Хроника Стрыйковского»[36].

Наконец, не забудем и того, что украинские и белорусские ученые, жившие в Москве в XVII в., и украинская историческая литература этого времени, все более проникающая в Россию (а Стрыйковский являлся для нее важнейшим источником и величайшим авторитетом), не могли не способствовать усилению интереса русской общественности к труду Стрыйковского.

Таковы те причины и условия, которые вызвали появление в России за какие-нибудь 20 лет четырех переводов Хроники Стрыйковского, в том числе как отдельных ее фрагментов, так и всего произведения целиком.

Первоначально были переведены лишь фрагменты Хроники, а именно 1—3 главы ее IV книги, носящей у Стрыйковского название «Хроника Польская, Русская, Киевская, Московская и т. д. и верный и доказательный вывод народов славянских». Именно этот аспект Хроники — «вывод народов славянских» — и привлек в первую очередь внимание к себе. Характерно, что первоначально перевод указанных глав фигурировал не как переводное сочинение, а как летописец-компиляция с особым оглавлением: «Кроника или летописания царств, княжеств и славных мест земли московской, российской, киевской и прочих к ним прилежащих земель с великим прилежанием сыскано и пространно от старых летописцев елинских, греческих, латинских, полских и российских и немецких историков избрано и написано лета от рождества Христова 1668-го»[37].

Несмотря на имеющееся в заглавии точное указание даты перевода — 1668 г., ее нельзя относить ко всем трем главам, так как в 3 главе при описании нашествия роксолян в Мисию и Болгарию читаем: «А от онаго последняго в Мисию или Болгарию пришествия роксолян и от лета 72 до нынешнего 1670 уже есть 1598 лет»[38]. Таким образом, точнее перевод будет датировать 1668—1670 гг.

Перевод 1668—1670 гг. не дошел до нас отдельно. Он сохранился лишь как составная часть полного перевода

---

[36] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, стр. 410.

[37] ГИМ, Ув., в 1°, № 4, л. 169.

[38] Там же, лл. 200 об.—201.

всей Хроники, произведенного в 1688 г.[39] Но из дальнейшего будет видно, что первоначально он существовал как самостоятельное произведение.

Имя Стрыйковского в заглавии рассматриваемого перевода не только не упоминается, но и сама принадлежность переведенного произведения польскому историку маскируется тем, что при перечислении источников, использованных при «составлении» данного сочинения, польские названы вскользь, наряду с другими. В самом тексте Хроники при передаче стихов Овидия, цитируемых Стрыйковским, в переводе русский переводчик замечает: «Матвей же Стрийковский полскими виршами пишет»[40]. И в другом месте Хроники: «Матвея Осостевиуша Стриковского о извождении славного рода российского»[41]. Иными словами, Стрыйковский представлен как один из тех бесчисленных писателей, ссылками на которых насыщена вся Хроника.

Текст Хроники в переводе 1668—1670 гг. был подвергнут и ряду других изменений. Были опущены все автобиографические отступления Стрыйковского, а при описании тех или иных достопримечательностей — упоминания о том, что их видел автор. Нет имеющихся у Стрыйковского описаний современного ему состояния тех мест, где развертывались излагаемые события, ибо в XVII в. это уже не отражало современного состояния. Так, в рассказе о поселении Синеуса в Белозерске опущено замечание Стрыйковского, заимствованное им у Герберштейна, о том, что московские князья в этом городе хранят свои сокровища[42]. Пропущено и упоминание Стрыйковского о взятии в 1566 г. Изборска польскими войсками, не дан и приводимый Стрыйковским второй вариант названия города, взятый из Меховского,— Зборск[43], так как для русского читателя в отличие от польского в отношении правильного наименования русских городов не могло возникнуть сомнений.

Весь перевод пронизывает стремление приспособить его для русского читателя, создать видимость его рус-

---

[39] Перечень списков этого перевода, в состав которого входит рассматриваемый здесь перевод 1668—1670 гг., см ниже.

[40] ГИМ, Ув., в 1°, л. 4.

[41] Там же, л. 283.

[42] Там же, л. 218. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 114.

[43] Там же.

ского происхождения. Очень показательны в этом отношении не только пропуски, но и небольшие дополнения. Они сводятся главным образом к добавлению слова «наш» в тех случаях, когда речь идет о чем-либо русском: «русский народ» Стрыйковского превращается в «наш русский народ», а «русские летописцы» — в «наши русские летописцы».

1—3 главы IV книги Хроники привлекали к себе особое внимание и после того, как был сделан перевод 1668—1670 гг., и даже после полного перевода Хроники 70-х годов XVII в. (о нем ниже). В 1682 г. русским историком Андреем Лызловым были вновь переведены 1—3 главы IV книги [44]. Списки этого перевода сохранились в виде отдельных статей в ряде сборников XVII—XVIII вв., очень близких по своему составу. В эти сборники помимо перевода Стрыйковского входят статьи исключительно исторического содержания: сочинения Курбского, отрывок из «Трактата» Гваньини «Об обычаях царя Ивана Васильевича» и повесть «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в 1569 г.» [45] Возможно, этот сборник из переводных и русских материалов был составлен самим Лызловым.

Перевод глав из Хроники Стрыйковского был сделан Лызловым совершенно независимо от перевода 1668—1670 гг. Однако, как и переводчик 1668—1670 гг., Лызлов не просто переводит текст, а несколько его перерабатывает, снабжает комментариями и дополнениями. Так, упоминание Стрыйковского о гордиевом узле Лызлов пространно разъясняет [46], а краткий рассказ о Михаиле Куропалате дополняет сведениями из Барония [47].

---

[44] Для Лызлова вообще было характерно заново переводить уже переведенные до него сочинения. Так, в 1686 г. им был сделан перевод сочинения Старовольского «Двор цесаря турецкого», несмотря на то, что уже имелся перевод 1678 г. (см. Е. В. Чистякова. Русский историк А. И. Лызлов..., стр. 122).

[45] Эти сборники указаны Я. С. Лурье в «Археографическом обзоре посланий Ивана Грозного» в книге «Послания Ивана Грозного» (М.— Л., 1951, стр. 547—548). Некоторые из сборников имеют отклонения в своем составе. Переводы Лызлова находятся в следующих рукописных сборниках: XVII в.— ЦГАДА, ф. 181, № 60; ГПБ, Погод., № 1494; XVIII в.— ГИМ, Ув., в 1°, № 302; ГБЛ, собрание Ундольского, № 779; XIX в.— ГБЛ, Музейное собрание, № 211.

[46] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 353. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 88.

[47] Там же. л. 354. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 89.

К переводу 1—3 глав IV книги Лызлов присоединяет и перевод 2 главы I книги Хроники и тем самым дает картину происхождения не только славян и Руси, но и всех других народов. В целом перевод всех этих фрагментов Хроники получил заглавие «История о начале нашествия народу, обитающему на земли». Кроме того, для удобства пользования Лызлов увеличивает количество подзаголовков на полях (особенно во 2 главе I книги).

Все это придало переводу Лызлова, подобно переводу 1668—1670 гг., характер самостоятельного произведения. Но в отличие от переводчика 1668—1670 гг. Лызлов не только не скрывал авторства Стрыйковского, но и высоко оценивал как историк его труд, отмечая значение Хроники для славянских народов. «Еже от многоразличных пропастей неведения обретено бысть ко умножению славы народов славенских труды и тщанием кроникаря полского Матфея Стрийковского. Ныне же преведено от славено-полского языка во славено-российский язык труды и тщанием Андрея Лызлова, столника его царского пресветлого величества, лета от создания мира 7190, а от воплощения же слова божия 1682-го месяца марта» [48],— читаем мы в пространном заглавии к переводу. Однако смысл своего труда по переводу Хроники Лызлов видел не только в том, чтобы это служащее прославлению славянства произведение было известно в России. В послесловии к переводу Лызлов писал: «...выписано есть ис книги кроникаря полского Матфея Стрийковского о начале всех народов поднебесных, паче же о народе славяноросийского языка во исполнение росиских (!) летописцев» [49].

Как следует понимать в данном случае слово «исполнение»? Исполнение здесь, конечно, не «создание». Лызлов, несмотря на всю самостоятельность формы перевода, не предлагал его в качестве русского летописца, поскольку он указал, что автором оригинала был польский хронист. Очевидно, что под «исполнением» Лызлов подразумевал дополнение. Именно такой смысл по преимуще-

---

[48] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 325 об. Интерес Лызлова к Хронике Стрыйковского сохранялся и после этого перевода. В написанной в 1692 г. «Скифской истории» Лызлов очень широко использовал материалы Хроники, иногда заимствуя из нее значительные фрагменты.

[49] ЦГАДА, ф. 181, № 60, л. 396 об.

ству имеет это слово в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова, изданном в 1704 г.[50]

В связи с отмеченным особым интересом русской историографии к IV книге Хроники Стрыйковского следует рассматривать и перевод фрагмента «Польской хроники» (Мартина, точнее Иоахима) Бельского[51], изданной в Кракове в 1597 г.[52] Если «Хроника всего Света» Мартина Бельского переводилась дважды полностью на русский язык[53], то из «Польской хроники» был сделан перевод только того отрывка, где речь идет о происхождении славян и Руси и о начальной истории Руси, т. е. как раз о вопросах, рассматриваемых и в 1—3 главах IV книги Хроники Стрыйковского. Как и в переводах из Стрыйковского, текст Бельского был несколько переработан. Из него было удалено все то, что не относится к этим темам. «И того ради о всех королех мимо идем и приидох до русского народу»,— объясняет свои пропуски переводчик. В заключение перевода вновь подчеркивается: «выписан для того, чтобы ведомо было, откуду росийский род пошел».

Дополнение «росийских летописцев» материалами по раннему периоду русской истории, заимствованными из иностранных, и особенно польских, хроник, составляло, таким образом, целое направление русской историографии второй половины XVII в.

Однако неправильно было бы представлять себе, что Хроника Стрыйковского воспринималась в России лишь как материал для создания отечественной истории. Выше уже говорилось, что Хроника являлась ценным трудом по истории Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, с которыми в XVII в. Россия соприкасалась больше, чем с какими-либо другими странами. Не случайно поэтому Хроника полностью дважды переводилась на русский язык во второй половине XVII в.

На существование двух переводов Хроники было указано еще А. И. Соболевским[54]. И действительно, списки

[50] Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный. М., 1704, л. 137. Указаны синонимы: completio, impletio.

[51] W. Nehring. O życiu..., стр. 22—26.

[52] Переводы находятся в следующих сборниках: ГБЛ, ф. 122, № 59, лл. 84 об.— 89 об.; ГПБ, Погод., № 1604, лл. 414—428; ГПБ, Титов. № 2421, лл. 152 об.—157.

[53] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 53—55.

[54] Там же, стр. 79—80.

русского перевода Хроники, имеющиеся в наших хранилищах, отчетливо распадаются на две группы. Половина известных списков относится к тому типу перевода, который не имеет первоначального титульного листа с указанием даты перевода или, по крайней мере, ни в одном из списков которого не сохранился такой лист. Списки этой группы перевода начинаются следующими словами: «О создании мира необходимого, земли, неба и началов вещей...» Перевод текста Стрыйковского начинается с I книги; посвящения и предисловие к Хронике опущены[55]. Приведем краткое описание списков этой группы.

1. ГИМ. Музейное собрание (далее: Муз.), № 1391. В 1°, на 948 листах, без нескольких листов в начале и в конце. Водяные знаки: герб семи провинций — 1684 г. (см. К. Я. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844, № 926. Далее: Тромонин); шут с семью бубенцами — 1676—1682 гг. (Тромонин, № 385); герб Амстердама с литерами «I В» — 1708 г. (см. С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958, № 112. Далее: Клепиков. Бумага...). Скорописью XVII в. (несколько почерков). Переплет (картон с кожаным корешком) XIX в. В списке имеется пропуск в описании посольств, приехавших в Польшу в мае 1573 г.

2. ЦГАДА. Собрание рукописного отдела Библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел (далее: МГАМИД), ф. 181, № 58. В 1°, на 607 листах. Водяной знак: герб семи провинций с литерами «НД»— 1708 г. (примерно сходные см.: С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XIX вв. М., 1959, № 1063, 1072. Далее: Клепиков, Филиграни...). Скорописью XVII в., с киноварными инициалами и киноварной нумерацией глав. Переплет (картон с кожаным корешком) XIX в. Последовательность глав и даже отрывков из них, начиная с книги XXII, бессистемно изменена: глава 1 книги XXII неожиданно обрывается на словах: «Кромер, не ведая, именует и прочие та ж 2» (л. 515 об.), после чего идет чистая часть листа, а затем с л. 516 идет конец гла-

[55] Об Эрмитажном списке с титульным листом позднего происхождения см. ниже.

вы 4 книги XXIII и затем глава 5 этой книги, но с л. 519 она продолжается с рядом пропусков, после чего с л. 522 идут пропущенные выше самый конец главы 2 книги XXIII и глава 3 и часть главы 4 этой книги. Далее идет глава 2 книги XXIII, а вслед за ней главы 5, 6 и часть 7 главы книги XXII, после чего 1 глава этой книги, начиная с оборванного текста (см. выше). Затем с л. 553 — конец главы 7 и глава 8 книги XXII, после нее главы 2, 3 и часть 4 главы XXII книги до слов: «по упрошению его, дабы ему прибегли». Затем с л. 553 — конец главы 7 и глава 8 книги XXII.

По лл. 1—22 запись скорописью начала XVIII в.: «Сия книга, глаголемая Матфея Стриковского, думного дворянина Степана Богдановича Ловчикова. А потписал по приказу государя своево человек ево Мотсей Балашов ныняшняго 1707 г. маия в 27 день». С. Б. Ловчиков не только собирал книги исторического содержания, но и сам принимал участие в их переписке. На Хронографе редакции 1512 г., хранящемся в Собрании Пискарева ГБЛ (№ 163) на л. 620 об. имеется запись скорописью XVII в.: «Книга, глаголемая Хронограф, а писали ее Иван да Степан Ловчиковы».

С. Б. Ловчиков — довольно крупная фигура последней четверти XVII в. Он был судьей Московского судного приказа (до 1686 г.)[56], воеводой в Чугуеве (с 1688 по 1689 г.)[57], а затем (1689—1690 гг.) — в Изюме[58], в 1702 г. С. Б. Ловчиков со своим полком находится в Азове[59].

3. ГБЛ. Егоровское собрание, ф. 98, № 243. В 1°, на 519 листах, рукопись содержит I—XXIV книги Хроники, без конца. Водяной знак: герб Амстердама без литер; скорописью XVII в. (несколько почерков); переплет (доски, обтянутые кожей) XIX в. На предохранительном листе запись скорописью XIX в.: «Книга Кроник Матфея Стриковского Санктпетербурскаго купца Семиона Сажина 7344 (1836) года».

4. ГПБ. F. IV. 131. В 1°, на 953 листах. Водяной знак: герб семи провинций с литерами «ДМ» — 1697 г. (см.

---

[56] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. XI. М., 1899, стр. 306.

[57] Там же, кн. XIII. М., 1903, стр. 423; кн. XIV. М., 1905, стр. 22 и 154.

[58] Там же, кн. XIII, стр. 534; кн. XIV, стр. 146.

[59] Там же, кн. XIII, стр. 503.

А. А. Гераклитов. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 304); скорописью конца XVII в. переплет (доски, обтянутые кожей) XVIII в. По низу лл. 97—102 — запись конца XVII в., повторенная на лл. 387—391: «Сия книга Кроник дьяка Андреяна Ратианова». По низу лл. 2—5 по стертой записи XVII в. запись скорописью XIX в.: «Из книг Охтенского протоиерея Андрея Иоаннова Журавлева 1812 года майя 6 дня». Такая же запись находится и на свободной части л. 924.

5. ГПБ. F. IV. 103 (из собрания Толстого. Отд. 1, № 186. См. П. Строев. Описание славяно-российских рукописей графа Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 106). В 1°, на 941 листе. Водяной знак: герб семи провинций с литерами «СДД» — 1691—1712 гг. (Клепиков. Филиграни.., № 943); скорописью конца XVII в.; переплет (доски, обтянутые кожей) XVII в. По середине л. 1 запись скорописью XVII в.: «Книга летописец или гранография Григория Крылова сына Арасланова. Подписал Григорий Арасланов». На обороте верхней доски переплета запись скорописью XVIII в.: «Сия книга Алексея Азикова, 1729 году, февраля 10 дня». На обороте нижней крышки запись скорописью начала XVIII в.: «1714 апреля в».

6. ГПБ. F. IV. 172 (из собрания Толстого. Отд. 1, № 244. См. П. Строев. Указ. соч., стр. 157). В 1°, на 385 листах, с XI книги и до конца Хроники. Водяной знак: герб Амстердама с двумя вариантами литер: НК — относится к 1733 г. и Н — к 1720 г. (Клепиков. Бумага.., № 950 и 1075); скорописью начала XVIII в.; переплет (доски, обтянутые кожей) XVIII в.

7. ГПБ. Эрмитажное собрание (далее: Эрм.), № 551/1-2.

В 2 томах, оба тома в 1°, I том (I—X книги) — на 445 листах; II том (XI—XXV книги) — на 566 листах. Водяной знак: Pro patria с литерами «СН» — 1786 г. (Клепиков. Филиграни.., № 27); скорописью конца XVIII в. Оба тома в красном кожаном переплете с золотым обрезом. Такой переплет имеют все рукописи Эрмитажного собрания, подготовленные для Екатерины II[60]

[60] По сведениям Г. Н. Моисеевой.

Титульный лист I тома имеет следующий текст: «Кроника королевства полскаго, великаго княжества литовскаго, русскаго, прусскаго, жмудскаго и государства Московского чрез Матфея Стриковского Осостовича каноника полскаго, на польском языке, изданная в 1580-м году и напечатанна в Кракове, переведена на славенской, с которого перевода списана в Москве 7187-го года». В начале рукописи имеется оглавление Хроники. Оглавления были сделаны для всех рукописей (в том числе и для летописей), подготовленных для Екатерины II в период ее занятий русской историей. Послесловие не отделено от текста последней главы.

8. ГПБ. Погодинское собрание, № 1759, на 718 листах. Водяной знак: Pro patria и вензель «АГ» — 1754 г. или 1762—1763 гг. (Клепиков. Филиграни.., № 20, 25, 29); скорописью середины XVIII в., переплет (доски, обтянутые кожей) XVIII в.

9. БАН. 31. 4. 32 (из собрания Толстого. Отд. I, № 464 и № 465. См. П. Строев. Указ. соч. Третье прибавление. М., 1830, а также: «Описание Рукописного отдела БАН», т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, стр. 40—41). В двух томах, оба тома — в 1°, I том (I—X книги) — на 536 листах; II том (XI—XXV книги) — на 585 листах. Водяные знаки: голова шута с пятью бубенцами — 1676 г. (Тромонин, № 1253) и двуглавый орел с короной между головами — 1697 г. (Тромонин, № 1349); скорописью конца XVII в.; оба тома в переплетах (картон, обтянутый кожей с тисненым золотым корешком) XIX в. Текст рукописи имеет множество поправок, о которых особо будет сказано ниже.

10. Государственный Исторический архив Ленинградской области. Библиотека (рукопись вне описи; имеет штамп Московского археологического общества). В 1°, на 317 листах, содержит I—X книги Хроники без начала и конца, лл. 142—145 об.— пустые; пропущен конец 5 и начало 6 главы и книги VIII. Водяные знаки: герб Амстердама с контрмаркой «СА» — 1730 г. (Клепиков. Филиграни.., № 934) и герб Ярославля — 1750 г. (Тромонин, № 605); скорописью середины XVIII в.; переплет (картон) XIX в. К крышкам переплета приклеены отрывки документа о долговых деньгах, которые следует прислать на монетный двор. Один из клочков документа сохранил дату — 1738 г.

Время возникновения рассматриваемого перевода, представленного названными выше списками, можно установить лишь приблизительно. Для этого имеются следующие данные. В 3 главе IV книги Хроники читаем: «А от нашествия последнего роксолянов и роксанов в Мисию и Болгарию и от лета 72-го до нынешнего 1673-го есть 1600 слишком лет»[61]. Дату — 1673 год, имеющуюся в IV книге, нельзя, однако, с полной уверенностью принять за дату всего перевода. К сожалению, ни в одном другом месте перевода не содержится больше указаний на «нынешний» год. Правда, как мы видели, один из списков ГПБ, Эрм. № 551/1—2 имеет титульный лист позднего происхождения, написанный, как и оглавление этого списка, в конце XVIII в. в связи с подготовкой исторических материалов для Екатерины II. Таким образом, перевод не мог возникнуть после 1679 г., когда с него делался уже список. Это можно было бы признать бесспорным, если бы другие сведения титульного листа не содержали грубых искажений. Эти искажения относятся к выходным данным печатного оригинала Хроники. Как известно, Хроника Стрыйковского была напечатана не в 1580, а в 1582 г. и не в Кракове, а в Кролевце, т. е. Кенигсберге[62]. Таким образом, и 1679 год как наиболее поздняя дата возникновения перевода, может быть принят лишь с известной осторожностью.

К сожалению, нет никаких данных, которые помогли бы определить, где именно был исполнен рассматриваемый перевод. Вообще никаких документов, которые прямо говорили бы о работе над этим переводом, также обнаружить не удалось.

Имеется, правда, один документ, датируемый концом 1672 г., т. е. временем возможного начала работы переводчиков, где упоминается об уплате 22 ноября 1672 г. денег «за переплет Польские книги Кроника»[63]. Деньги

---

[61] ГИМ, Муз. 1391, л. 170.

[62] Конечно, может возникнуть вопрос о каком-то неизвестном до сих пор краковском издании 1580 г., с которого сделан данный перевод. Но такое предположение невероятно, так как повествование и в данном списке доводится до 1581 г. и содержит упоминание о поездке автора в Кенигсберг для напечатания Хроники.

[63] ЦГАДА, ф. 137, 1673 г., № 26, л. 22. См. также: И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа, стр. 208.

были уплачены «Новомещанской слободы Микифорку Иванову пятнадцать алтын» из средств Галицкой чети, почему об этом и сохранилась запись в ее расходной книге.

Книга эта озаглавлена: «Галицкой чети расходная книга деньгам, собираемым в оном приказе на раздачи и жалованья для Малороссийского приказа служителям и ведомым в оном приказе».

Из приведенного документа, конечно, нельзя еще с полной достоверностью утверждать, что здесь речь идет именно о Хронике Стрыйковского, но, если предположить, что это именно так, то мы получаем косвенное свидетельство, что в интересующих нас переводных работах какое-то участие принимал Малороссийский приказ: деньги за переплет выдавались в Малороссийском приказе, где, вне всяких сомнений, имелись знатоки польского языка. Книга же (вероятно, польское печатное издание) переплеталась именно в связи с началом ее перевода. Но, конечно, все сказанное не больше, чем предположение [64].

Списки другого перевода имеют титульный лист с точной датировкой перевода — 1688 год: «Летописания Матфея Стриковского от начала мира трудолюбием отцов и многих летописателей написана и во свет дана прежде на польском языке. Та же написася славенским лета от сотворения мира 7196-го, от рождества бога слова 1688-го». На обороте титульного листа помещены

---

[64] По-видимому, к спискам рассмотренной группы следует относить и список перевода Хроники, принадлежавший шведскому ученому и коллекционеру XVII в. И. Г. Спарвенфельду. Спарвенфельд получил этот список во время своего пребывания в России в 1684—1687 гг. от казанского воеводы Ивана Ивановича Голицына (см. Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 470), т. е. еще до создания второго неполного перевода Хроники в 1688 г. (см. об этом ниже). К сожалению, никакими сведениями о данном списке мы не располагаем. В 1705 г. Спарвенфельд передал часть своего собрания Упсальскому университету, однако в каталоге этих рукописей Хроника не значится (см. Catalogus centuriae librorum rarissimorum manuskript et partium impressorum..., qua anno MDCCV Bibliothecam Publicam Academiae Upsalensis Jan Gabr. Sparvenfeldius. Upsaliae, 1706). Не упоминается она и в каталоге книг и рукописей Спарвенфельда, попавших в библиотеку Вестеросской гимназии (см. Slavia Arasiensia Katalog. Av. E. Gawrys och P. Jansson. Västeras, 1956).

вольно неудачные стихи под названием «На дверь книги».

Всяк бо входяй во двери света
Не имат видети темна места,
Ибо солнце проходит место
Добро и несключимо, яко
Повелено не осквернится,
В прочитании не умалится.
Весть творец сих всех совводити
Да имя его восхваляти.

Начало перевода следующее: «О сотворении света необходимого, земли, небесе и начатков дел...» Как и в переводе 1673—1679 гг., в переводе 1688 г. отсутствуют посвящение и предисловие к Хронике.

Приводим описание списков перевода 1688 г.:

1. ГИМ, Уваровское собрание (далее: Ув.), № 4. В 1° на 1 + 1312 листах. Первая строка текста написана золотом и киноварью. Водяные знаки: герб семи провинций с литерами CAS — 1721 г. (Клепиков. Филиграни.., № 1054) и голова шута с семью бубенчиками, повернутая влево — 1701 г. (Тромонин, № 849); скорописью конца XVII в., лл. 1—2 — полууставом XVII в.; переплет (картон, обтянутый кожей с тиснением) XIX в. На верхнем чистом листе запись скорописью конца XVII в.: «52. От книг Григория Бельского: 52 Ex libris Gregorij Bielski». Между тетрадями с пометами «149» и «150» имеется пропуск в две тетради, охватывающий текст с 11 главы XXII книги до 5 главы XXIII книги. Кроме того, почти вся 6 глава X книги попала в 9 главу XIV книги (на лл. 858—869), остальной текст которой идет после этой вставки.

2. ГБЛ, Музейное собрание, 606 (из собрания Пискарева, № 228; по описанию: А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 43, № 171). В 1°, на 1132 листах, без начала (утрачены титульный лист, книга I и 1—2 главы книги II) и конца (нет 3 и 4 глав последней XXV книги). Водяные знаки: герб Амстердама с контрмаркой — 1662—1665 г. (Клепиков. Бумага.., № 127); шут с семью бубенчиками, голова повернута влево, контрмарка КРО (в альбомах филиграней найти

не удалось); скорописью конца XVII в.; переплет (доски в коже) XVII в., сохранилась только верхняя крышка. По низу лл. 614—618 запись скорописью начала XVIII в.: «Книга Михаилы Петрова сына Вышеславцева». Вышеславцевы — старый дворянский род. Найти какие-либо сведения о Михаиле Петровиче Вышеславцеве не удалось, но известно, что Петр Васильевич Вышеславцев, возможно, его отец, в 1686 г. был стольником у царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича [65].

В тексте Пискаревского списка имеется такой же пропуск, как в Уваровском, но этот пропуск приходится не на стык двух тетрадей, а на середину листа. Очевидно, что если в Уваровском списке имела место потеря тетрадей самой рукописи, то Пискаревский список переписывался уже с дефектного Уваровского.

3. ЦГАДА. Собрание Рукописного отдела библиотеки МГАМИД, ф. 181, № 59/81. В 1°, на 985 листах, без титульного листа. Водяной знак: герб Амстердама с контрмаркой АЕР (в альбомах филиграней найти не удалось); скорописью начала XVIII в., переплет (доски, обтянутые кожей) XVIII в. На внутренней стороне верхней крышки переплета запись скорописью: «Ex bybl. Ar. Wołynski, № 10», скорописью почерком XVIII в.: «19 ноембрия начата читать 1725-го»; «Дочтена ианнуария в 4 день 1728-го». В библиотеке Волынского, кроме того, имелись Степенная книга, Синопсис, Олеарий, Гваньини, Судебник Ивана IV [66].

В кружке Волынского вообще проявлялся интерес к собиранию исторических материалов. Известно, что В. Н. Татищев пользовался летописцем Еропкина, приверженца Волынского. Летописец Еропкина содержал оригинальные сведения по истории западнорусских земель [67]. Сам Артемий Волынский был автором нескольких сочинений по истории («История о великих государях российских от Владимира Святого до восшествия на престол Михаила Федоровича», «Родословие Романовых», «Родословие Волынских») [68]. В связи с составлением своего родословия Волынский интересовался исто-

---

[65] «Боярская книга». М., 1853, стр. 84.

[66] Д. Корсаков. Артемий Петрович Волынский. «Древняя и новая Россия», 1877, № 8, стр. 281.

[67] М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 214—215.

[68] Д. Корсаков. Указ. соч., стр. 291.

рией западнорусских земель, откуда происходил его род, и в этом отношении много ценного материала он мог почерпнуть из Хроники Стрыйковского [69]. Необходимо учитывать и особые симпатии Волынского к Польше и к ее политическому устройству. Неслучайно польских книг в библиотеке Волынского было больше, чем каких-либо других иностранных [70].

Сказанное позволяет понять не только присутствие в библиотеке Волынского Хроники Стрыйковского, но и интерес к ней Волынского, прочитавшего огромный фолиант, как свидетельствуют записи, от начала и до конца.

4. Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина. Отдел редких и рукописных книг, № 8 (4654 — III $\frac{\text{VIII}}{155}$). Рукопись входит в группу рукописей библиотеки, принадлежавшей Н. М. Карамзину [71].

В 1°, на 690 листах. Водяной знак: герб Амстердама с литерами BG—1704 г. (Клепиков. Бумага.., № 31а), полууставом XVII в. Титульный лист заключен в барочную многоцветную рамку, в верхней части рамки цветочный орнамент, в центре которого медальон с изображением Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи, Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста. Такая же, но гравированная рамка имеется в синодике Афанасия Холмогорского (ГИМ, Собрание Щукина, № 531) [72] и в лицевом синодике Троицкого монастыря г. Лебедяни [73]. Вероятно, рассматриваемая нами рамка титульного листа Хроники является раскрашенной гравюрой. При раскраске были внесены незначительные изменения (колонны стали витыми, базисы колонн — в виде зерен, тогда как в гравю-

---

[69] Д. Корсаков. Указ. соч., стр. 284—285. При составлении родословий к Хронике Стрыйковского обращались уже в XVII в. Так, в «родовом письме» рязанских помещиков Шиловских, поданном в Разрядный приказ, рассказывается об их предках в связи с завоеванием Киева Гедимином, которое описано в полном соответствии со Стрыйковским. См. А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. ЧОИДР, 1898, кн. II, стр. 12.

[70] Там же, стр. 284 и 287.

[71] Е. И. Чернышев. Рукописи Ульяновского книгохранилища. Сб. «Край Ильича», № 1. Казань, 1926, стр. 41.

[72] Воспроизведение см.: «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 485.

[73] П. Черменский. Лицевой Синодик XVII в. Свято-Троицкого Лебедянского монастыря. «Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества», т. XI. Пг., 1915, табл. XIX, рис. 1.

ре гладкие; несколько иначе переплетены ветви цветов). Заглавие и инициал написаны золотом. Все листы текста имеют простую рамку, справа отделено место для глосс. Переплет (картон, обтянутый коричневой кожей; на корешке тиснение золотом «Летопис Стриковского») XVIII в.

В книге имеются пометки «Зри» (ЗР/И) XVII в.

В последних книгах сделаны пометки Карамзина в виде косого креста. Так, на л. 283 об. отмечена фраза: «А. Эрдивил или Арвидос в Смоленском и в Друцком княжестве колико пригородков с волостьими овладел». В прим. 107 к IV тому «Истории Государства Российского» Карамзина читаем: «Стриковский пишет, что Миндовг послал своих племянников Эрдвила, Викунта и Товтивила воевать Россию, что Товтивил взял Полоцк, Эрдвил — Смоленск и Друцк, а Викунт — Витебск»[74]. На л. 328 об. отмечен захват литовцами Полоцка; в IV томе труда Карамзина читаем об этом со ссылкой на «литовского историка», т. е. на Стрыйковского[75]. Отмечен Карамзиным и перечень лиц, входивших в состав посольства, приехавшего за Еленой Ивановной — дочерью Ивана III. Этот перечень видим в соответствующем месте «Истории Государства Российского»[76] и т. д.

5. Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Владимирское отделение, № 405 (из собрания рукописей Древлехранилища Владимирского братства Александра Невского, куда рукопись поступила из Успенского монастыря г. Александрова; см.: А[химандрит] Л[еонид]. Описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове. М., 1891, стр. 133—140).

В 1°, на 408 листах (без титульного листа до XI книги Хроники включительно). Водяной знак: герб Амстердама с литерами CDG — 1675—1693 гг. (Клепиков. Бумага.., № 37); четкой скорописью XVII в.; переплет (доски, обтянутые кожей) XVIII в. На 2-м предохрани-

---

[74] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, кн. 1, т. IV. СПб., 1842, примечания, стр. 39—40.

[75] Там же, стр. 100.

[76] Там же, кн. 2, т. VI, стр. 155.

тельном листе запись скорописью начала XVIII в.: «Сия книга Кроники Литовской господина Алексея Тимофеевича Лихачева дана в Успенской девичь монастырь в Переславском уезде во Александрове слободе при игумении того монастыря Митрополии с сестрами свидетельством того же монастыря духовник (!) иеромонах Паисий Крапивин, а дана сия книга ходадайством того же монастыря страителя манаха Ионы Маслова лета господня 7228-го (описка: должно быть — 7238.— *А. Р.*), а от Рождества по плоти бога слова 1730-го в сентябре месяце». Такую же запись имеют и некоторые другие рукописные книги Александровского Успенского монастыря[77]. Все эти книги составляли библиотеку Алексея Тимофеевича Лихачева, пожертвованную им в 1729 г. в монастырь[78]. Среди книг библиотеки было немало переводных с польского, в том числе: «Церковная летопись» Барония, «Путешествие» Николая Радзивила, «Книга лекарская» и др.

Алексей Тимофеевич Лихачев — учитель царевича Алексея Алексеевича, постельничий царя Федора Алексеевича, оставивший записки о нем (записки не сохранились, но были использованы В. Н. Татищевым)[79]. Выше мы говорили о предисловии к принадлежавшему ему сборнику, состоявшему из Степенной книги и выписок из польских хроник. Напомним, что в этом предисловии Лихачев призывал к широкому использованию иностранных, в том числе польских, материалов для русской истории.

6. БАН, Архангельское собрание, № 136 (из собрания Архангельской семинарии. См. А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 32, № 145; Описание рукописного отдела БАН, т. 3, вып. 1. М.— Л., 1959, стр. 41—42).

В 1°, на 909 листах, без конца. В рукописи пропущена вся II книга Хроники и конец XXV книги. Водяные знаки: лев с пучком молний — 1672 г. (см. W. A. Chur-

[77] ГИМ, Епарх., № 746, 749, 753, 754; Владимирский музей, № 406, 412.

[78] Одна рукопись — Лекарственник — была пожертвована еще в 1724 г. (см. Архимандрит Леонид. Описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове. М., 1891, стр. 145).

[79] М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 43.

c h i l l. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and Their Interonnections (далее: C h u r c h i l l). Amsterdam, 1935, № 112); герб Амстердама с буквами «M I» — 1688 г. (C h u r c h i l l, № 26) и «CDG» — 1692 г. (C h u r c h i l l, № 30), голова шута с семью бубенцами — 1676—1682 гг. (Т р о м о н и н, № 384); скорописью конца XVII в.; переплет (картон, обтянутый гранитолем) XIX в.

7. БАН, 32.11.4. В 2 томах, оба тома в 1°. I том (I—X книги) на 441 листе, II том (XI—XXV книги) на 640 листах. Водяной знак: Pro patria с буквами — 1732 г. (C h u r c h i l l, № 134); скорописью 1758 г.: переплет (картон, обтянутый кожей, корешок с золотым тиснением) XVIII в.

Рукопись представляет собой копию, сделанную в 1758 г. для Академии наук с рукописи, принадлежавшей Г. А. Демидову. Данный список имеет тот же пропуск, что и Уваровский. Как и в Уваровском списке, этот пропуск приходится на стык двух тетрадей, помеченных первоначально как «149» и «150», что соответствует нумерации тетрадей Уваровского, а не данного списка. Поэтому нумерация в копии Демидовского списка исправлена в должной последовательности на «124» и «125». Таким образом, видимо не дошедший до нас Демидовский список представлял собой копию с Уваровского.

8. ГПБ. Эрмитажное собрание, № 551[б] (12). В 2 томах. Оба тома в 1°. I том (I—X книги) на 526 листах; II том (XI—XXV книги) на 544 листах. Водяной знак: герб Амстердама с контрмаркой SS — 1709 г. (К л е п и к о в. Филиграни..., № 962); оба тома — скорописью начала XVIII в. Переплет (картон) XIX в.

9. Собрание профессора Баузе (погибло полностью в 1812 г.). Сведения, приводимые ниже о находившейся в его составе рукописи Хроники Стрыйковского, взяты из «Каталога Славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе», опубликованным в ЧОИДР, 1862, № 2, стр. 71, № 311: «Летопись Стрыйковского, список 1688-го года на лучшей Голландской бумаге и превосходным письмом с украшением золотом; подобный едва ли найдется в какой Библиотеке; в лист».

Среди списков перевода 1688 г. особняком стоит Карамзинский список (Ульяновск). Он представляет собой

самостоятельную редакцию перевода 1688 г. Прежде всего бросается в глаза особое расположение в нем глав. После главы 2 книги I идут главы 1—3 книги IV, но с предисловием II книги, соответственно измененным. Вместо слов Стрыйковского: «Здесь о литовском славном, русском и жмудском народе... речь начнем»[80],— в рукописи стоит: «Зде же о российском славном народе нашем... дело зачнем» (л. 30 об.). Конец этого предисловия полностью принадлежит переводчику: «Того ради о них же рассийские летописцы умолчаша, зде да чтет со вниманием, яко писано ниже сего о славном роде нашем славенском: како и откуду пошли и где быша и ныне пребывают». Таким образом, перед нами обработка текста, направленная на выделение, выдвижение на первый план тех глав Хроники, где говорится о происхождении славян и начале русского государства. Выше мы уже отмечали особый интерес русского общества к этим разделам труда Стрыйковского.

Характерно, что перевод глав, повествующих исключительно о польских и литовских делах, подвергнут некоторому сокращению. Примером такого сокращения может служить сравнение отрывка текста перевода по Пискаревскому списку с соответствующим местом рассматриваемого Карамзинского списка.

Пискаревский список	Карамзинский список
Противны тому в Польше и в Литве суще все господа были король сам Жигмонт старый, королевича Бона матерь ему того зело возбраняла и пасквили различные писано.	Не любо же то бе всем господам тако полским, яко же и литовским и сам отец и мать зело ему того возбраняли.
Лета 1547 Король цесарь с князьми Саскими с ляндграфом ческим и с прочими вредительными войны с хрестьянством творяше, о сем чти Пауля Иовия, Слейдана и прочих (л. 1117).	Лета 1547 Каролюс цесарь от княгини Саскины с ланграфом Ческим жестокие войны христианству творяше (л. 668 об.).

[80] В результате этой перестановки изменена и нумерация глав. Главы 1—3 книги IV обозначены как главы 1—3 книги II, затем следует вся III книга и далее остаток книги II, названный главой 1 книги IV, и затем оставшаяся от IV книги 4 глава, названная 2 главой IV книги. Далее порядок книг и глав и их нумерация в рукописи полностью восстанавливаются.

В Карамзинском списке опущено послесловие Хроники, где Стрыйковский говорит о собственном отношении к своему труду, но не сообщает никаких исторических фактов.

На полях имеется много примечаний переводчика. Большинство из них — переделанный текст Стрыйковского, причем если он говорил о себе в первом лице, то здесь они переданы в третьем, например: о полоцкой церкви Бориса и Глеба: «И Стриковский, творец сея книги, самовидцем сему быти и поведается» (л. 245 об.), или: «Стриковский сам свидетельствует, яко он во граде оном бывал» (л. 250 об.), или: «Стриковский сие о себе глаголет, яко понужден бяше надгробие убиенным написати» (л. 251 об.). Некоторые замечания переводчика носят характер разъяснений. Например: «Канцлер, то есть думный диак» (л. 233). Такое разъяснение сразу ведет нас в определенный круг — Посольский приказ, поскольку только его думный дьяк именовался в европейских странах канцлером.

Все перечисленные особенности текста можно рассматривать как стремление не столько точно передать текст, чтобы он мог использоваться в качестве исторического источника, сколько сделать из него своего рода учебное пособие для изучения прежде всего истории России (напомним слова предисловия ко II книге, посвященной России: «зде да чтет со вниманием»), а затем и соседних народов. Вероятно, для этой же учебной цели рукопись снабжена замечаниями и пояснениями. Поэтому же, видимо, рукопись написана в отличие от всех остальных полууставом, естественно, более разборчивым, чем скоропись. Поражает и роскошное оформление рукописи.

Если мы учтем все эти особенности, то весьма вероятным станет предположение, что рукопись предназначалась для обучения истории кого-нибудь из членов царской семьи или представителей одного из знатных родов.

* * *

При сопоставлении перевода 1673—1679 гг. с переводом 1688 г. обращает на себя внимание, что они отличаются в разных частях текста не в равной мере. Есть

немало очень близких по переводу мест. Это видно уже при сравнении переводов 1 главы I книги Хроники:

Перевод 1673—1679 гг.	**Перевод 1688 г.**
Того ради и мы истиннейшаго и древнейшаго и свидетельствованейшаго основания начатков, доводов и порядку, литовской, русской, жмудской и немалой части полской и иных с великим трудом долгим и прилежным и истинным хотением намеренные, читателю любезный, положити (ГИМ, Муз. 1391, л. 1 об.).	Того ради и мы истиннейшаго и свидетельствовашего основания начатков, доводов и порядку истории нашей сарматской, литовской, русской и немалой части полской и протчая с велием трудом долгим и прилежно бодренным попечением и прилежным и истинным хотением намеренныя, читателю любезный, положити (ГИМ, Ув., в 1°, № 4, л. 2 об.— 3).

Большую близость переводов находим и в других местах Хроники.

Перевод 1673—1679 гг.	**Перевод 1688 г.**
Владимир Святославич, во крещении Василей нареченный, монарх всеа России, собрав велие воинство, прииде в Полшу лета от Христа господа 985, яко Длугош и Кромер из него о Мечиславе книги 3 пишут, иде же градов неколико порубленных взя у Мечислава князя (там же, л. 184).	Владимир Святославович во крещении Василий нареченный, монарх всеа России, собрав велие воинство, прииде в Полшу лета от Христа господа 985, яко Длугош и Кромер из него о Мечиславе книги 3 пишут, иде же градов неколико порубленных взя у Мечислава князя (там же, л. 291).
По сим лета 1422 король Ягело ехал до Литвы, а там по совету Витолдовом (противу воли ради коронной, котории ему Еуфимию дщерь Владислава короля ческого невдавне умершаго поять советовали) взял в брак четвертую жену Софию Андрея киевского князя... (там же, л. 646).	По сем лето 1422 король Ягело ехал до Литвы, а там по совету Витолдовом (противу воли рады корунной, которыи ему Ефимию дщери Владислава короля ческого невдавне умершаго поят советовали) взял в брак четвертую жену Софию Андрея киевского князя... (там же, лл. 910 об.— 911).

Конечно, было бы неправильно, исходя из указанных примеров, полагать, что оба перевода Хроники

Титульный лист Карамзинского списка перевода Хроники Стрыйковского

(Дворец книги в г. Ульяновске)

имеют такую близость и даже совпадения везде. Сравним, например, следующие отрывки:

Перевод 1673—1679 гг.	Перевод 1688 г.
И тако уже до сего урочища скончася течение, наше, читателю благодатный приятный, где понеже вкратце дела за короля Сигмунта Аугуста Генрика и Стефана, ныне благополучно государствующего привел. Ибо то нарочно сотворил есмь, понеже те книги паче надежды моей так великие с печати вышли с немалым трудом и собинным моим иждивением того ради сугубо их умножалося было (там же, л. 948).	Уже по кончину сию подвещание наше сканчашеся, благодатный читателю, иде же кратко деяния при короле Жигимонте Августе Генрике и Стефане ныне благовременно государствующего предложил. Сего ради чювстенно сие содеях, аще же сия книжища паче надежды моей столика от печати изыде (там же, лл. 1310—1311).

Близость переводов Хроники и даже их полные совпадения в самых разных местах наводят на мысль о том, что перевод 1688 г. производился в какой-то мере с учетом перевода 1673—1679 гг., вероятно, даже в отдельных местах редактировался, а не переводился заново [81]. Это предположение будет тем более вероятно, если мы примем во внимание, что перевод 1688 г., как мы уже знаем, включал в свой состав уже готовый перевод 1668—1670 гг. 1—3 глав IV книги, оставив его вообще без каких-либо изменений, несмотря даже на некоторую переработку текста Стрыйковского, произведенную в 1668—1670 гг. Иными словами, перевод 1688 г. не был сделан полностью заново, непосредственно с оригинала, а включал в свой состав переработку отдельных частей Хроники, осуществленную еще до 1688 г.

Какой из двух переводов имел большее распространение, сказать трудно: они дошли в почти равном количестве списков. Во всяком случае ясно, что перевод 1673—1679 гг. являлся более точным по сравнению с переводом 1688 г., включившим в свой состав перерабо-

[81] О зависимости перевода 1688 г. от перевода 1673—1679 гг. говорит и такая деталь: большинство глав в том и в другом переводе обозначены цифрами. Словами в переводе 1673—1679 гг. указаны только 3 и 4 главы V книги, а в переводе 1688 г.— лишь 4 главы V книги. Едва ли это случайное совпадение.

танный текст Хроники в переводе 1668—1670 гг. Не потому ли перевод 1673—1679 гг. в XVIII в. дал больше списков, чем более поздний перевод 1688 г.? Более того, видимо, перевод 1673—1679 гг. рассматривался в XVIII в. как в какой-то мере официальный. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: 1) именно перевод 1673—1679 гг. был представлен Екатерине II; 2) перевод 1673—1679 гг. был взят за основу при выработке в начале XVIII в. окончательно отработанной и оформленной редакции перевода Хроники. Следы такой работы носит на себе двухтомный список БАН (№ 31.4.32). Он имеет множество поправок и пометок, сделанных скорописью начала XVIII в. Некоторые архаические выражения в списке заменены более новыми: «зрак» — на «образ» (т. I, л. 7), «потопы» — на «наводнения» (т. I, л. 15), «послушные» — на «подданные» (т. II, л. 78) и т. п. Некоторые поправки свидетельствуют о стремлении сделать перевод более близким к оригиналу. Так, общее понятие «господин виленский» заменено более точным «каштелян виленский»; «князь Василий» — на «князь московский Василий» (т. I, л. 180); «начальник» прусский — на «магистр прусский» (т. I, л. 493). Все эти поправки гораздо более многочисленны в I томе, чем во втором. Кроме того, I том характерен тем, что в нем вычеркнуты все посвящения Стрыйковского. В том же I томе имеется ряд помет, касающихся оформления рукописи, как-то: «отставка» (лл. 12, 17 и др.), «отставка болшая и слова болшие до самого конца, где написано: Книги 8».

Вполне вероятно, что этот отработанный список предполагался для печати, но впоследствии по каким-то причинам напечатание его оказалось невозможным, почему работа над II томом и не была завершена. Возможно, что издание Хроники являлось одним из звеньев в той интенсивной работе, которая велась в петровское время по сбору исторических материалов (знаменитые указы 1720 и 1722 гг.) и по опубликованию исторических сочинений. Среди них значительное место занимают и переводные исторические сочинения, такие, как «Введение в гисторию европейскую» Самуила Пуфендорфа (СПб., 1718), «Деяния церковная и гражданская» Барония (М., 1719), «Феатрон или позор исторический» (СПб., 1724) и созвучная первым книгам Хроники Стрыйковского

Книга историография начатия имене, славы и расширения народа славянского» Мавро Орбини (СПб., 1722). Не забудем, что и «Синопсис» Иннокентия Гизеля, в значительной мере построенный на Хронике Стрыйковского, четырежды переиздавался в петровское время (Киев, 1699; М., 1705; М., 1714 и СПб., 1718).

Итак, история переводов Хроники Стрыйковского на русский язык представляется следующим образом: в 1668—1670 гг. были переведены 1—3 главы IV книги; в 1673—1679 гг. была переведена вся Хроника целиком; в 1682 г. Андрей Лызлов перевел 2 главу I книги и заново 1—3 главы IV книги; и наконец, в 1688 г. был сделан второй перевод всей Хроники, включивший в свой состав перевод 1—3 глав IV книги, произведенный в 1668—1670 гг. Переводы Хроники Стрыйковского служили более глубокому познанию исторического прошлого как самой России, так и соседних с ней стран, Хроника все более входила в круг исторических источников. Теоретические рассуждения Стрыйковского о роли истории и тем более его посвящения, предваряющие текст Хроники, не привлекали к себе внимания, так как были непосредственно связаны с конкретной обстановкой своего времени и места.

* * *

О популярности Хроники Стрыйковского у восточнославянских народов в XVII в. свидетельствует не только появление ее переводов, но и постоянное внимание к ней историков этого времени. Они все чаще обращаются к Хронике как к историческому источнику, как к замечательному памятнику общеславянской историографии.

Особенно интенсивно Хроника использовалась в украинских исторических трудах XVII в. Всякому, кто обращается к их рассмотрению, не может не броситься в глаза большая зависимость украинских хроник от польских исторических сочинений, и в особенности от Хроники Стрыйковского. В этом отношении с сочинением Стрыйковского не мог соперничать ни один другой памятник историографии. К Хронике украинского и русского читателя могли привлекать те чувства симпатии к «русским», которые неоднократно выражает М. Стрый-

ковский. Немаловажное значение имело в этом плане и то обстоятельство, что в Хронике Стрыйковского мы не найдем и следов религиозной нетерпимости.

* * *

Трудно сказать, как скоро после выхода в свет, т. е. после 1582 г., Хроника Стрыйковского стала известна на Украине. Во всяком случае ясно, что уже в начале XVII в. ею пользовались там как основным историческим трудом по истории Польши, Литвы и Украины. В этом отношении очень интересен экземпляр издания Хроники 1582 г., находившийся в Успенском на Подоле (в начале XVII в.— кафедральном) соборе Киева и в XIX в. хранившийся в частном собрании Лазарéвского в Киеве (в настоящее время местонахождение этой книги неизвестно), со своеобразными летописными записями в виде приписок к Хронике Стрыйковского [82].

В начале XVII в. Хроника Стрыйковского привлекла внимание украинских и белорусских полемистов. В основном они использовали те ее известия, которые относились к крещению Руси.

Первым православным полемическим сочинением, в котором использована Хроника Стрыйковского, является вышедший в Вильне в 1608 г. на польском языке «Антиграф» Мелетия Смотрицкого [83]. Книга эта содержала возражения ряду католических и униатских авторов. В первом разделе своей книги Смотрицкий подробно рассматривает вопрос об изначальной подчиненности русской церкви константинопольскому патриарху, а не папе, как это утверждали его противники. В связи с этим М. Смотрицкий привлекает свидетельство Хроники Стрыйковского [84].

Еще более широко использует Хронику Стрыйковского замечательный украинский писатель Захарий Копыстенский. Хроника была одним из важнейших источников его сочинения «Палинодия или оборона веры

---

[82] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. декабрь 1880 г. «Труды Киевской духовной академии», 1881, № 2, стр. 244—245.

[83] Памятники полемической литературы в Западной России, кн. III. РИБ, т. XIX. СПб., 1903.

[84] Там же, стр. 1177.

католической»[85], написанного в 1621—1622 гг. К Стрыйковскому Копыстенский обращается главным образом в I и III разделах части III.

Следующим из значительных украинских сочинений, в которых использована Хроника Стрыйковского, является «Патерикон» Сильвестра Коссова, напечатанный на польском языке в типографии Киево-Печерского монастыря в 1635 г. «Патерикон» представлял собой несколько переработанный и дополненный самостоятельными историческими статьями Киево-Печерский Патерик в переводе на польский язык. Все исследователи, в той или иной связи обращавшиеся к «Патерикону» (и в особенности В. Н. Перетц, посвятивший «Патерикону» специальную статью)[86], отмечали общественно-политическое, полемическое назначение этой переработки Патерика. Сильвестр Коссов стремился всячески показать величие подвижников Киево-Печерского монастыря, подчеркнуть исконность и независимость православной церкви на Руси, покровительство княжеской власти монастырю. В. Н. Перетц обратил внимание на еще одну очень важную особенность «Патерикона» — историзацию легенд о печерских подвижниках. При этом Коссов обращался помимо Патерика к другим источникам, в основном к польским хроникам, и прежде всего к Хронике Стрыйковского. Исторический комментарий Коссов помещал в специальных разделах, следующих за рядом повествований и названных им «Annotiones anomasticae». В этих разделах Коссов давал краткие сведения о том времени, когда развертывается рассказ, о народах и исторических деятелях, упоминаемых в нем. «Annotiones anomasticae» и приложенная к «Патерикону» «Хронология православных русских митрополитов» имеют многочисленные ссылки на Стрыйковского.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на Стрыйковского Коссов ссылался даже в тех случаях, когда интересующие его сведения он мог бы найти в летописях. Такова ссылка на Стрыйковского в связи с разъяснением Коссовым вопроса об отце и деде Влади-

---

[85] «Памятники полемической литературы Западной Руси», кн. I. РИБ, т. IV, 1878.

[86] В. Н. Перетц. Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе. «Славянская филология», т. III. М., 1958.

мира Святославича[87], о борьбе Изяслава со Святославом и Всеволодом[88] или о постройках Ярослава Мудрого в Киеве[89]. Так Коссов делал, видимо, потому, что Стрыйковский считался особенно авторитетным источником, значение которого в сравнении с летописями увеличивалось еще и потому, что его труд был печатным[90].

К Стрыйковскому, как к высшему авторитету, Коссов обращался и при разъяснении происхождения тех или иных народов, упоминаемых в Патерике (варяги, печенеги и половцы). Если при этом Стрыйковский не давал определенного ответа и ограничивался сводкой мнений, то эту сводку воспроизводил и Коссов.

В «Патериконе» имеется целый ряд случаев сопоставления известий Стрыйковского с летописями и другими источниками. Чаще всего это сопоставление — простое параллельное воспроизведение того и другого известия. Например, первым митрополитом Коссов называет Михаила, хотя далее и замечает: «Стрыйковский пишет, что (поставили) некоего Фацыя (т. е. Фотия.— *А. Р.*)»[91]. Наряду с этим можно отметить и критическое отношение Коссова к Стрыйковскому. В «Хронологии православных русских митрополитов» в параграфе, посвященном Иллариону, Коссов пишет: «В 1051 г. ...четвертый митрополит Илларион. Его наш (т. е. автор Синопсиса.— *А. Р.*), следуя Стрыйковскому, называет греком, но он был, как это ясно, из русского народа и жил в Берестове»[92]. Коссов не мог согласиться с тем, что один из немногих русских по происхождению митрополитов объявлен греком.

Среди собственно историографических памятников Украины XVII в., испытавших на себе влияние Хроники Стрыйковского, в первую очередь может быть названа «Кройника славянорусская о панствах русских, полских и литовских», сохранившаяся в составе некоторых южнорусских хронографов. Такие хронографы представлены

---

[87] Paterikon. Kiów, 1635, стр. 21.
[88] Там же, стр. 55.
[89] Там же, стр. 170.
[90] Напомним, что и сам Стрыйковский нередко ссылался на те или иные данные летописей через посредство печатных хроник, если они включали в свой состав эти летописные известия.
[91] Ср. Paterikon, стр. 55 и S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 172.
[92] P a t e r i k o n, стр. 170.

следующими списками: 1) ГПБ, F.IV, 688, второй половины XVII в. (принадлежал ранее Бестужеву-Рюмину, почему для удобства далее и будем называть его Бестужевским)[93]; 2) ГПБ, F.IV.727, середины XVIII в.— Буслаевский список[94]; 3) Черниговский список, т. е. летопись Боболинского, находившийся в библиотеке Черниговской духовной семинарии, в настоящее время местонахождение его неизвестно и сведения приводятся по описаниям М. И. Лилеева и И. О. Самчевского[95].

Собственно хронологическая часть, общая для всех хронографов южнорусской редакции, пополнена в данных рукописях «Славянской кройникой», составленной независимо от хронографической части.

Хроника Стрыйковского в рассматриваемом сочинении использована самым широким образом. Это касается, впрочем, только ее вступительной, русской и литовской частей, поскольку для истории Польши, которой Стрыйковский касается лишь попутно, его труд дает очень мало.

Вступительная часть «Славянорусской кройники», посвященная «разделению языков» и «выводу народу славянского»,— это просто пересказ I и II книги Стрыйковского. Воспроизведены даже некоторые мелкие подзаголовки на полях, например: «Пан Бог кохается в порадку», «О церкви святой» и др.[96] Дополнения составителя «Славянорусской Кройники» очень незначительные: введен ряд дополнительных подзаголовков, таких, как «Писма початок откуль» или «Татарове откуль пошли»[97], облегчающих ориентировку в материале. И в то же время «Славянорусскую Кройнику» нет оснований рассматривать просто как сокращенный перевод Стрыйковского, особенно отчетливо это можно видеть в русской и литовской части «Кройники». В «Славянорусской Кройнике» содержится целый ряд сведений, не уклады-

---

[93] Описание его см. в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1888 г.» СПб., 1891, стр. 119—124.

[94] Описание см. в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1894 г.» СПб., 1897, приложение, стр. 223—224.

[95] М. И. Лилеев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880, стр. 152—156. Описание И. О. Самчевского помещено в виде приложения к его изданию летописи Грабянки, (Киев, 1854).

[96] Ср. ГПБ, IV. 688, л. 414; Stryjkowski, t. I, стр. 3.

[97] ГПБ, IV. 688, л. 414 об.

вающихся в рамки одного только труда Стрыйковского Бесспорно знакомство составителя «Кройники» с другими польскими хронистами — Гваньини, Кромером, а также с Баронием, не говоря уже о русских летописях.

Литовская часть «Славянорусской Кройники» в еще большей мере, чем русская, построена на материалах Хроники Стрыйковского. Уже первый ее параграф озаглавлен «Вывод и початок о великом князестве в литовском, жомоитском, откуль взмогли з Маттия Стрыйковского». Этот параграф, как и все последующие известия «Кройники» вплоть до 1579 г., не что иное, как простое сокращение Стрыйковского.

Если для памятников украинской историографии первой половины XVII в. характерен отмеченный выше метод использования Хроники Стрыйковского, сводящийся по существу к воспроизведению ее больших фрагментов, то во второй половине XVII в. мы наблюдаем принципиально иной подход. При всем самом широком использовании Стрыйковского такие авторы, как Сафонович и Гизель, наряду с ним при воссоздании тех или иных событий русской истории чаще используют летописи, русские исторические сказания, обращаются к событиям, происходившим не только на юге, но и на северо-востоке России; все чаще в их сочинениях можно встретить статьи, посвященные Москве. Несомненно, что этот ощутимый сдвиг в развитии украинской историографии XVII в. стоит в самой непосредственной связи с борьбой за воссоединение Украины с Россией.

Хроника Феодосия Сафоновича, составление которой относится к 1672—1673 гг., в полном виде до нас не дошла. Как и рассмотренная только что «Славянорусская Кройника», она состояла из трех частей: 1) «Кройника о Руси»; 2) «Кройника о земли Полской»; 3) «Кройника о початку и назвиску Литвы». Первая из указанных частей — русская — представлена четырьмя списками: ГПБ, Погод. 1476 и Толст. 236; списком, принадлежащим библиотеке в г. Вестерос в Швеции [98], и списком, хранящимся в Киеве — Публичная библиотека АН УССР,

[98] Cecilia Borelius. Safonovićs Chronik im Codex APSO der Västeraser Gymnasialbibliotek. Eine Sprachlische Unterraschung. Upsala, 1952.

Собрание Киевского Софийского собора, № 525. Польская и литовская части вместе дошли до нас в единственном списке, хранящемся в ЦГАДА в Рукописном отделе библиотеки МГАМИД, ф. 181, № 93.

Хроника Феодосия Сафоновича до сего времени мало привлекала к себе внимание исследователей.

«Кройника о Руси» открывается разделом «О початку словен и Руси». Ее основные положения восходят к Хронике Стрыйковского, хотя и почти без ссылок на него. По Стрыйковскому Сафонович объясняет происхождение названия «славяне», сообщает о войнах, которые вели славяне в древности, рассказывает о грамоте Александра Македонского. Приводит Сафонович и переданное Стрыйковским мнение Длугоша и Меховского о происхождении названия «Русь» от князя Руса, однако далее он замечает, что мнение русских летописцев более правильно [99].

Вводная часть, где толковались вопросы происхождения народов, была по существу сводкой мнений историков по этому вопросу, а такую сводку в почти готовом виде можно было найти у Стрыйковского. В «Кройнике о Руси» Сафонович обратился и к другим источникам, но их анализ не стоит в ряду задач настоящей работы. Однако даже самое беглое ознакомление с «Кройникой о Руси» не оставляет сомнений, что основным ее источником являлись Ипатьевская и, по-видимому, Густынская летописи.

При изложении событий до конца XII в. Сафонович обращается к Стрыйковскому сравнительно редко, хотя бесспорно он имел его Хронику перед собой и ее материалами пополнял сведения летописей. К числу таких заимствований из Стрыйковского относится то, что Ольга названа внучкой Гостомысла [100], а Рогнеда — дочерью псковского, а не полоцкого князя [101], описание походов Владимира Святославича [102], рассказ о происхождении регалий Владимира Мономаха [103], история Петра Влос-

---

[99] ГПБ, Погод., 1476, л. 5.
[100] Там же, л. 12; Stryjkowski, t. II, стр. 117.
[101] ГПБ, Погод., 1476, л. 19 об.; Stryjkowski, t. II, стр. 126.
[102] ГПБ, Погод., 1476, л. 22; Stryjkowski, t. II, стр. 126.
[103] ГПБ, Погод., 1476, л. 75 об.—76 об.; Stryjkowski, t. II, стр. 188.

товича[104]. Все это и ряд других подробностей, однако, не более чем дополнения к летописи.

«Кройника о Литве» Сафоновича — это в основе своей сокращенный Стрыйковский. Если Сафонович и пользовался другими польскими авторами, то все их сведения не выходили за рамки того, что сказано Стрыйковским. В хронике Сафоновича имеется одно известие, которое свидетельствует о непосредственном обращении автора к белорусско-литовским летописям: это известие о строительной деятельности князя Бориса в Полоцке. Согласно Сафоновичу, Борис построил в Полоцке 3 церкви, тогда как Стрыйковский пишет о 4 церквях, построенных Борисом. В белорусско-литовских летописях это известие читается именно в том виде, как его передает Сафонович. Характерно и то, что Сафонович перечисляет церкви в той последовательности, в какой они перечислены в летописи (после церкви св. Софии — церковь Спаса), а не как у Стрыйковского (после церкви св. Софии — церковь Бориса и Глеба)[105].

Сафонович не только сокращает труд Стрыйковского, но и несколько меняет его структуру: Сафонович делит свою хронику на разделы, озаглавленные именем правившего тогда князя; внутри этих разделов сведения располагаются под соответствующими годами. Таким образом, сокращенному тексту Стрыйковского Сафонович придает как бы летописную, более знакомую украинскому читателю форму.

Разумеется, Сафонович помещает в своей хронике далеко не весь тот материал, который Стрыйковский сообщает с указанием определенной даты (а очень многие известия Стрыйковского приведены им без указания года, когда они произошли). Сафонович опускает многие важные для истории Литвы события (особенно о взаимоотношениях Литвы с крестоносцами). Зато все, что касается так или иначе Украины и Белоруссии, изложено Сафоновичем с особой обстоятельностью.

Основными источниками «Кройники о земли Полской» в труде Сафоновича послужили «Польская

---

[104] ГПБ, Погод., 1476, лл. 80—81; Stryjkowski, t. II, стр. 192—194.

[105] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 241 и ПСРЛ, т. XVII, стлб. 232, 245, 362, 427, 479 и др.

хроника» Иоахима Бельского и «Описание двух Сарматий» Гваньини.

На Стрыйковского в «Кройнике о земли Полской» мы не найдем ни одной ссылки.

Ни один из исторических трудов XVII в. не получил столь широкого распространения, как «Синопсис» Иннокентия Гизеля. Он выдержал рекордно большое количество изданий: в общей сложности за XVII и первую половину XVIII в. «Синопсис» переиздавался 11 раз [106]. Кроме того, сохранилось довольно большое количество списков «Синопсиса», сделанных с печатных изданий. Даже после выхода в свет исторических трудов В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова «Синопсис» оставался самой популярной исторической книгой в России [107].

Успех «Синопсиса» был определен, с одной стороны, уровнем исторического произведения, в сжатом виде излагавшего основные события истории Руси и Украины, а с другой стороны, общественно-политической актуальностью. «Синопсис» прямо откликался на вопросы, волновавшие русское и украинское общество второй половины XVII в.

За последнее время появились две важные статьи о «Синопсисе»: И. П. Еремина «К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в.» [108] и С. Л. Пештича «Синопсис как историческое произведение» [109]. Во второй из этих статей поставлен и отчасти разрешен вопрос об источниках «Синопсиса», рассмотрено использование автором «Синопсиса» Густынской летописи и Хроники Стрыйковского. Однако вопрос о том, как повлияла на «Синопсис» предшествующая ему украинская историография XVII в. и каково его место в ней, совершенно не рассмотрен. Вопрос этот ждет еще своего разрешения. Только после этого станет в полной мере ясно то влияние, которое оказал Стрыйковский на

---

[106] С. Маслов. К истории издания киевского «Синопсиса».— «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1927, стр. 314—348; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. «Русский исторический журнал», 1926, № 6, стр. 25.

[107] А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, стр. 118.

[108] ТОДРЛ, т. X. М.— Л., 1954, стр. 212—222.

[109] ТОДРЛ, т. XV. М.— Л., 1958, стр. 284—298.

«Синопсис» не только непосредственно, но и через другие памятники украинской историографии, в той или иной мере в свою очередь испытавшие влияние Стрыйковского.

Говоря о таком влиянии, необходимо иметь в виду не только использование тех или иных фактических данных, но и саму манеру, подчас и схему изложения.

Учитывая эту сложность и не имея возможности полностью разрешить вопрос о «Синопсисе» с этой точки зрения, тем не менее можно в значительной мере разобраться в соотношении «Синопсиса» и Хроники Стрыйковского. Это позволяют сделать точные ссылки автора «Синопсиса» на Стрыйковского, с указанием листа печатного издания Хроники, тогда как такие точные ссылки в других украинских исторических трудах, во всяком случае в сохранившихся их списках, очень редки. Следовательно, по крайней мере о непосредственном обращении к Стрыйковскому мы можем говорить смело, тогда как о заимствовании метода следует говорить более осторожно. О первом писал, как уже упоминалось, С. Пештич, и по этому вопросу можно отослать читателя к его труду. Правда, нельзя не заметить, что С. Пештич несколько преуменьшает заимствования автора «Синопсиса» из Стрыйковского, подчас отмечая как новое в «Синопсисе» то, что уже имелось в Хронике Стрыйковского. Приведем несколько примеров. С. Пештич, как и И. П. Еремин, считает «новым» известие в «Синопсисе» о том, что «российские народы» не могли договориться об «избрании от самих себя властелина» [110]. Между тем у Стрыйковского в соответствующем месте Хроники читаем: «... не могли договориться об избрании князя из своей среды» [111]. То же относится к определению «Синопсисом» варягов как народа «языка словянского». У Стрыйковского о них сказано: «варягов... народу своего словянского» [112]. К Стрыйковскому же восходит

---

[110] С. Л. Пештич. «Синопсис» как историческое произведение. ТОДРЛ, т. XV. М.— Л., 1958, стр. 293; И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. ТОДРЛ, т. X. М.— Л., 1954, стр. 215.

[111] Stryjkowski, t. I, стр. 113.

[112] С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 293. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 11.

в «Синопсисе» оригинальное, по мнению Пештича, известие о том, что Ольга была правнучкой Гостомысла [113].

Может быть, непосредственным использованием текста Стрыйковского можно объяснить и некоторые пропуски в тексте «Синопсиса» в сравнении с летописями, отмечаемые С. Пештичем [114]. Такие особенности «Синопсиса», как пропуск в нем известия об упреках княгини Ольги Святославу, покинувшему ее, или пропуск мотивировки отказа Рогнеды в ответ на обращение к ней Владимира, вполне объяснимы аналогичными пропусками у Стрыйковского. Едва ли их можно отнести за счет самостоятельных сокращений летописи, произведенных автором «Синопсиса», учитывая самое широкое использование им труда Стрыйковского. При всем этом нельзя, конечно, отрицать сознательный отбор автором «Синопсиса» того или иного летописного материала, своеобразной компилятивной работы по соединению данных летописи и Стрыйковского.

Для автора «Синопсиса» характерен и творческий метод Стрыйковского с его как сильными, так и слабыми сторонами. Как и Стрыйковский и, вероятно, опираясь на его авторитет, автор «Синопсиса», подобно Сильвестру Коссову (в «Патериконе»), нередко приводит параллельно различные свидетельства о тех или иных событиях, не определяя при этом свою точку зрения. Так, например, в «Синопсисе» в результате параллельности в изложении материала так и остаются нерешенными такие вопросы: кто крестил Ольгу — император Иоанн Цимисхий или император Константин; обстоятельства смерти Святополка и междуусобий сыновей Ярослава. С. Пештич отметил эти особенности «Синопсиса», но не обратил внимания, что это собственно не его особенности, а метод изложения материала, принятый Стрыйковским.

Как уже отмечалось выше, одной из характернейших черт Хроники Стрыйковского являются пространные стихотворные и полубеллетристические описания сражений, которым в Хронике отведено значительное место. Следы влияния Хроники на «Синопсис» заметны и в этом отно-

---

[113] С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 294. Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 117.

[114] Там же, стр. 291.

шении. Так, в «Синопсисе» о битве русских и украинских войск с турками у Бужинского перевоза на Днепре рассказывается следующим образом: «Тамо бо гласы до небес возвышахуся от превелика клича бесчисленных воев! Тамо сольнце затмися ради прегуста дыма, от огненныя стрельбы восходяща! Ту воздух помрачися от праха земли, конскими копытами горе взбиенного»[115]. Это описание очень напоминает беллетризованные описания сражений в Хронике Стрыйковского[116].

Явившийся итогом развития украинской историографии XVII в., «Синопсис» сыграл заметную роль и в становлении русской историографии. Однако это не исключало самостоятельного обращения русских историков XVII в. к Хронике Стрыйковского. Надо заметить при этом, что во многих сочинениях этого периода Хроника не является основным, определяющим источником, как это можно наблюдать в украинской историографии XVII в.[116а] Отчасти это объясняется именно хорошим знакомством в России с самой украинской историографией, и прежде всего с «Синопсисом». Далее, если для украинской историографии летописи в значительной мере служили лишь дополнением к Стрыйковскому, то в русской, наоборот, Стрыйковский, как и другие польские хроники, были «восполнением» своих собственных, отечественных источников. Во многом это предопределялось богатством летописного материала, имевшегося в России в гораздо большем количестве, чем на Украине и в Белоруссии.

В ряде русских летописцев конца XVII в. можно обнаружить отрывки или отдельные известия из Хроники Стрыйковского, касающиеся событий как истории России, так и истории Великого княжества Литовского. Так, в Кратком летописце конца XVII в. из Барсовского собрания ГИМ (№ 1795) говорится об основании Киева: «Един точию летописец описа основание граду Киеву от рожества Христова 430 год». Напомним, что именно

---

115 «Синопсис». Киев, 1680, л. 209.

116 Более подробно вопрос о влиянии Хроники на украинскую историографию XVII в. рассматривается в статье: A. R o g o w. Maciej Stryjkowski i historiografia ukraińska XVII wieku. «Slavia orientalis», rocz. XIV, N 3. Warszawa, 1965, стр. 311—329.

116а С. Л. П е ш т и ч. Указ. соч., стр. 287—295.

Стрыйковский сообщает такую дату возникновения Киева [117].

В Московском летописце конца XVII в. (ГИМ, Ув. № 670) также находим известия из труда Стрыйковского. Это упоминание о том, что княгиня Ольга была правнучкой Гостомысла [118], и сообщение, что Владимир Святославич взял «Дунай и Болгарскую, Сержную, Карвацкую, Седмиграцкую, Вятицкую, Ятвязкую, Дулепскую, Волоскую, Мутяжскую и татаров бобруцких и иных много плениша» [119]. В числе летописных записей, приложенных к Хронографу из собрания Попова в ГБЛ (№ 2423), имеется довольно пространная выписка из Хроники Стрыйковского о борьбе литовских войск с татарами в 1519 г. [120]

Среди памятников русской историографии второй половины XVII в., носящих следы известного влияния Хроники Стрыйковского, нельзя не назвать многочисленные полуфантастические сочинения, посвященные начальному периоду русской истории, такие, как «Временник русский», «О истории, еже о начале руския земли и создании Новгорода и откуду влечашеся род словенских князей» и «Историчствующее древнее описание» дьякона Холопьего монастыря Тимофея Каменевича-Рвовского. Напомним в связи с этим, что из хроник Стрыйковского и Бельского в первую очередь переводились главы, посвященные именно древнейшему периоду в истории России и других славянских стран. В названных выше памятниках появляются характерные для польских хроник рассказы о письме Александра Македонского славянам. Как и в польских хрониках, название «славяне» начинают объяснять либо от «слова», либо от «славы», а «Русь» — от «русых волос» [121]. При этом чрезвычайно затруднительно определить, из какой именно польской хроники заимствованы эти и подобные им сведения и

[117] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 368 и М. Н. Тихомиров. Краткие заметки..., стр. 42.

[118] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 117 и М. Н. Тихомиров. Краткие заметки..., стр. 95.

[119] Ср. Stryjkowski, t. I, стр. 126 и М. Н. Тихомиров. Краткие заметки..., стр. 95.

[120] Ср. Stryjkowski, t. II, стр. 392 и М. Н. Тихомиров. Краткие заметки..., стр. 157.

[121] Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 21—22, 25—39.

толкования, поскольку они находятся в равной мере и у Бельского, и у Кромера, и у Стрыйковского. Чуть ли не единственным исключением в этом отношении является указание в «Историчствующем древнем описании» Каменевича-Рвовского о том, что сведения об Александре Македонском взяты им из Хроники Стрыйковского: «Також де присвидетельствует о нас описатель предъясный и Стриковский Полский и Полонийский тако»[122].

Приведенные выше примеры заимствований из польских хроник в появившихся в XVII в. сказаниях о начале Руси породили в историографии представление, что эти сказания своей фантастичностью обязаны именно польским хроникам[123]. С этим трудно согласиться, так как в действительности большинство подобных рассказов совершенно независимо от польских хроник. Таковы столь занимавшие авторов исторических сочинений конца XVII в. легенды о начале Новгорода, о городе Словенске, о старых новгородских холопах, ходивших походом на Константинополь и Иерусалим (Каменевич-Рвовский). На страницах русских рукописей появляются подробности жизни Гостомысла; рассказы о князе Мосе и княгине Кве, от соединения имен которых получилось название «Москва»; о Шеке и богатырке Сне, давших название реке Шексне; о царе Аз-Таракане, давшем название Астрахани, прежней Тмутаракани (по мнению Каменевича-Рвовского) и т. д.[124] Большинство подобных легендарных рассказов было основано на осмыслении различных географических названий[125] и на устных преданиях и легендах. Некоторые из них, как, например, легенда о Гостомысле, существовали вплоть до XIX столетия в Новгороде. В отношении устных источников рассматриваемых сочинений очень важно признание самого Каменевича: «Словесно о сем предвозвестишися сия нам таковая реченословия, приснопамятная в роды и роды наша предгрядущия и вечныя. Мы же яко же слышахом, от тех тако и вописахом о сих, яко предрех»[126].

---

[122] «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 9.

[123] Ф. Гиляров. Указ. соч., стр. 30.

[124] Там же, стр. 21—22, 25—39.

[125] «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 9.

[126] Ф. Гиляров. Указ. соч., стр. 30.

Итак, было бы слишком неосторожно относить за счет Хроники Стрыйковского многие из «новых» известий, появившихся в памятниках русской историографии второй половины XVII в. Это обстоятельство, однако, нисколько не умаляет той значительной роли в расширении исторического кругозора русских историков и читателей XVII в., какую сыграли переводы Хроники на русский язык. Вместе с тем эти переводы бесспорно способствовали тому сближению и взаимообогащению двух славянских культур, которое интенсивно развивалось в XVII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хроника Мачея Стрыйковского — один из наиболее интересных памятников исторической мысли народов Восточной Европы. Поставив перед собой цель создать историю трех народов — польского, русского и литовского — в их неразрывной связи, Стрыйковский собрал огромное количество источников: письменных, устных, археологических — и проделал громадную работу по их сведению и сопоставлению.

Основным источником для Стрыйковского были русские и белорусско-литовские летописи, некоторые из которых не дошли до нас. Он жадно ищет их, сличает между собой, сопоставляет с другими источниками, проверяет сведения летописи с данными материальной культуры. Стрыйковский неутомимо собирает народные предания и песни, знакомится с историческими памятниками, стараясь с их помощью нагляднее представить описываемые события.

Наряду с доверчивым принятием ряда легенд и преданий, особенно когда они отвечали интересам феодалов Великого княжества Литовского, мы видим в Хронике и определенную критику письменных источников, не только сопоставление их между собой, но даже и попытку объяснить происхождение той или иной ошибки источника.

Замечательный польский историк подвел итог польской историографии предшествующего периода и своего времени, был хорошо знаком с сочинениями античных авторов и трудами европейских историков.

Благодаря труду Стрыйковского исследователь получает широкую возможность проследить судьбу древнерусского культурного наследия на Украине и Белоруссии; многие древнерусские памятники в Хронике мы находим в соответствующей переработке, со следами

приспособления их к новым условиям времени и места.

Для Стрыйковского были дороги идеи славянского единства. Участник Ливонской войны на стороне Польско-Литовского государства, он восхищался историей русского народа. Эту сторону Хроники, как, конечно, и ее исключительную насыщенность историческим материалом, оценили на Украине и в России уже в XVII в. Для украинских историков и полемистов Стрыйковский был высочайшим авторитетом, труд которого не только широко использовался в их сочинениях, но подчас был основой их. В России также отчетливо понимали, что труд Стрыйковского служит «к славе» русского народа, дает много нового по его истории, и потому его охотно переводили, переписывали, а иногда отчасти и перерабатывали в XVII в. Стрыйковский использовался историками XVII—XVIII вв. не только как источник, но и как известный историк, приемам и методам которого они сознательно (Ломоносов и Татищев) или бессознательно («Синопсис», Манкиев) следовали.

Все сказанное позволяет оценивать труд Стрыйковского не только как ценный исторический источник и выдающийся памятник польской историографии эпохи Возрождения, но и как одно из самых ярких и характерных проявлений русско-польских культурных связей XVI—XVII вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук
ГПИБ — Государственная Публичная историческая библиотека
ДРВ — Древняя российская вивлиофика
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МГАМИД — Московский главный архив министерства иностранных дел
ОИДР — Общество истории и древностей Российских
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских (при Московском университете)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рогов Александр Иванович

**Русско-польские культурные связи
в эпоху Возрождения**

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художник *К. П. Сиротов*
Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 18/XI 1965 г. Подписано к печати 22/II 1966 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 9,75 = 15,99 усл. п. л.
Уч.-изд. л. 16,6 + 0,1 вкл.= 16,7. Тираж 1400 экз.
Т-03815. Изд. № 461/66. Тип. зак. № 3493

Цена 1 р. 19 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 19 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»